

Annotation

Пока ради спасения любимого Кассии предстоит разгадать секреты Переправы и отыскать закрытые для всех земли Фантаса, Микеля ожидают ужасающие последствия провального плана, о котором он и не догадывался.

Оба уверены, что каждый из них знает правду, но во главе конца стоит нечто неподвластное даже богам.

Заключительная часть трилогии городского фэнтези «Нити судьбы» Лии Арден.

Лия Арден – автор популярной трилогии о Марах и Мороках, YA-сказки «Невеста Ноября» и фэнтези-цикла «Потомки первых».

Суммарный тираж книг Лии Арден превысил миллион экземпляров!

«Нити судьбы» – в сюжет цикла заложена авторская мифология, восходящая к древнегреческому пантеону богов первого поколения.

Финал, который потрясёт всех: сложные решения, опасные повороты судьбы, вопросы с неоднозначными ответами, которых не знают даже боги!

Ещё больше напряжения между героями – вызовы судьбы и проверка чувств.

Чем закончится история миров, пересечённых друг с другом?

Яркие внутренние иллюстрации от художницы AceDia, запоминающаяся обложка от Дарьи Бобровой.

* * *

Лия Арден

Плейлист

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

Послесловие и благодарности

Справочник Даория

Палагеда

* * *

Лия Арден

Во главе конца

© Арден Л., текст, 2024

* * *

Плейлист

Duncan Laurence - Arcade ft. FLETCHER

MIIA - Dynasty

David Kushner - Daylight

Ruelle - The Other Side

NEONI - Darkside

Fleurie - Hurts Like Hell

KALEO - Way Down We Go

Fallulah - Give us a Little Love

Zayde Wolf & Ruelle - Walk Through the Fire

Icon for Hire - Blindsight

League of Legends & PVRIS - Burn it all down

1

КАССИЯ

Я обернулась на далёкие фигуры Гипноса и Весты. Те наблюдали за происходящим без какого-либо интереса, а при взгляде на Весту я наконец осознала, о какой ловушке бог сна говорил.

Сивиллы и их видения, упомянутые Микелем.

Я вспомнила Весту, протягивающую кубок Морфея Гипносу.

«...маковый напиток по-разному действовал, смотря кто его подавал. Если Гипнос, то пьющий засыпал без грёз. Оказывался в тишине, так как Гипнос – бог безмолвного сна. Приняв напиток из рук Морфея, видели сны, вещи или лживые, смотря как он желал. Фобетор насылал кошмары, а Фантас – фантазии».

Кай говорил правду. Веста подавала кубок Морфея Гипносу ради видений будущего.

Гипнос посмотрел на меня, и даже с такого расстояния я разобрала его довольную улыбку. Веста и Кай его кровные дети. Они не настоящие Морфей и Фобетор, но обладают их силами. Дочь Гипноса легко управляется с территориями Морфея. Маковые поля – её земля.

Я перевела взгляд на Кая, окружённого армией из преданных кер. Они подчиняются ему, а сами живут на Переправе. Он не просто сын Дома Кошмаров, но ещё и владеет силой и территорией Фобетора, которая моментально отреагировала на его желание, чтобы я исчезла, и создала расщелину под моими ногами. Мы были на его земле.

Рядом кто-то застонал. Меня замутило при взгляде на несчастного. Истоптанный керой даорий по-прежнему был жив. Он болезненно завыл, пытаясь двинуть сломанным запястьем, я видела часть его внутренностей и траву, обильно окрашенную кровью. Не отдавая себе отчёта, вытянула руку и нажала на спусковой крючок, как только пистолет снова появился в ладони. Бедняга затих. Эхо выстрела заставило большинство умолкнуть, я ощутила на себе всеобщее внимание, но не подняла глаз, рассматривая с лёгкостью созданный «Глок». Сложное механическое оружие, иллюзию, которую даже Кай и Веста не смогли повторить.

Я едва не утопила нас в комнате.

Это не обычные иллюзии.

Это были фантазии, лишь они могут отражать реальное и нереальное, как внезапная вода из ниоткуда на третьем этаже.

Я должна была стать дочерью Гипноса.

Кровь трёх сильнейших Домов Палагеды.

Три ребёнка.

Фантас.

Ради моей жизни Гипнос вырвал кусок территорий Фантаса, поэтому Переправа сразу утянула меня именно туда.

Я вздрогнула, когда десятки кер обступили меня, защищая и скалясь в сторону собравшихся даориев. А во главе всех оживших кошмаров встал Кай, закрыв меня собой. Теперь я отчётливо поняла, что мы здесь не ради его спасения. Сына Гипноса и не нужно было спасать. Мы здесь ради мести.

– Убейте каждого, – сухо приказал Кай.

Керы сорвались с места, а я замерла, оглушённая услышанным. Даории заслужили. Мы никого не трогали и пошли на мировую, но, воспользовавшись нашими благими намерениями, цари подстроили ловушку, которая стоила Элиону, Авиле и Деклану жизни. Кай до сих пор мучается от последствий.

Я продолжала убеждать себя, что они заслужили, когда раздались первые вопли. Керы нападали, агрессивно сминая по несколько даориев за раз. У них не было мечей или копий, но сам их вес, рога, зубы с ядом и когти являлись достаточным оружием для того, чтобы выпотрошить врага, как рыбу. Вверх взвился огонь, керы, попадая под него, с воплем сторали, а меня затрясло при воспоминании об Элионе.

Они заслужили.

Кай отошёл в сторону и метнул своё копьё в одного из бегущих солдат, тот упал замертво, а блестящее чёрное оружие вновь появилось в руке хозяина. Он отвернулся, чтобы отбить атаку ещё двоих, в это же время с другой стороны воин Клана Металлов крутанулся, уходя из-под когтей керы, размашистым ударом меча распорол чудовищу крыло, отчего та завопила, и бросился к нам. Он напролом ринулся ко мне, кровь глухо зашумела в ушах, я уклонилась, избегая мощной рубящей атаки. Противник проскочил на пару шагов мимо, а я создала пистолет и без какого-либо угрызения совести выстрелила ему в затылок.

Я могла бы сделать меч и принять бой, хотя бы временно подыграть в благородном поединке, но, окружённая разворачивающейся резнёй, не видела в этом смысла. Цари отравили нас на мирных переговорах, а Элиона сожгли огненные, не дав и шанса на самозащиту. Я содрогнулась от заполонивших голову непрошенных картин. Не будь дети Гипноса достаточно сильны, даории без единого сомнения убили бы Весту и Кая.

Они заслужили.

Среди кошмаров я заметила эриний. Изображения в учебниках оказались поразительно верными: такие же женские тела, крылья и рога, пугающие глаза и острые клыки. Однако руки больше напоминали человеческие, как и ноги в сапогах. Эринии держали копья, а наряды из чёрных платьев и кожаных нагрудников скрывали наготу. Неясными звуками они помогали Каю руководить керами, словно генералы подле своего главнокомандующего.

Голова кружилась от криков и творящегося хаоса, я запоздало заметила стремительно приближающегося даория. Тот нёсся с такой скоростью, что я неловко попятилась, но сделала не больше трёх шагов, как противника снёс кинутый Каем щит. Даорий рухнул и больше не двинулся: удар пришёлся в

голову. Кай бросил на меня мимолётный взгляд и вернулся к прерванному бою, вновь создав щит на руке. В движениях сына Гипноса не было ни грации танцора, ни изящества благородного фехтовальщика, его техника и резкие, до смертоносного совершенства отточенные движения были результатом десятилетий упорных практик и хладнокровного мастерства. Обжигающий ледяной гнев читался в каждом выпаде, а выражение лица оставалось пугающе пустым, пока под его ногами множились трупы.

- Нет! Хватит! Кай, останови их!

Среди звуков резни, рёва чудовищ, воплей боли и приказов прорвался крик Микеля. Я выстрелила в одного из даориев, который попытался приблизиться, и обернулась к брату. Одна из кер бросилась к сивиллам, Микель и стражники Клана Металлов отражали атаки существа. Кай тоже услышал зов и повернул голову, но на его лице не дрогнул ни один мускул, взгляд остался холодным, будто он даже не узнал Микеля.

- Кай, - несмело позвала я.

Одно дело мужчины с оружием, но сивиллы.. Они содействовали созданию ловушки, но всё же известно, что прорицательницей не становятся по желанию, а Лекса и вовсе хотела избавиться от дара.

- Кай, оставь сивилл, - попросила я, когда кера сломала позвоночник последнему стражнику и Микель остался один против неё.

- Не трогайте безоружных, - сжалился Кай.

Все керы как один повернули головы к своему главнокомандующему. Внезапная перемена и пауза в сражении выглядели жутко, почти сюрреалистично. Кай, сын Дома Кошмаров, да ещё и с силой Фобетора. Все ночные кошмары принадлежат ему.

На несколько длинных мгновений бой полностью прекратился, но какой-то огненный воспользовался заминкой. Сжёг одну из кер и подпалил крыло другой. Раненая пронзительно завопила и на глазах у всех с остервенением вгрызлась ему в шею. Даорий не кричал, потому что существо зубами вырвало противнику кусок горла. Резня возобновилась, обе стороны принялись нападать друг на друга с большей ненавистью.

«Я несдержан. И часто поддаюсь гневу, который способен принести тебе одни кошмары. Это не то, что мне хочется тебе подарить, но более у меня ничего нет. Не обманывайся моим показным спокойствием, потому что я и есть смесь гнева и кошмаров».

Кай предупреждал меня.

Как давно он знает о своей силе Фобетора? Она у него с рождения?

Я подавила волну раздражения при мыслях о Гипносе с его треклятыми планами. Если я пешка в его игре, то кто в ней Кай?

- Опустите оружие! - властно приказал Микель, сбивая меня с мысли. Он обращался не ко мне с Каем, а говорил с соплеменниками.

Многие посмотрели на него как на сумасшедшего. Единицы из его собственного Клана подчинились, и Микель ещё дважды озвучил приказ. Огненный царь прокричал какие-то проклятия, огонь вился, пытаясь достать кер на поллёте. Одна из чудовищ подхватила какого-то огненного, сломав ему руку. Тот кричал, пока она стремительно поднимала его вверх, а следом сбросила с огромной высоты. Я поморщилась, хотя в стоящем шуме не слышала звука, с которым тело встретилось с землёй.

– Баал! Прикажи им бросить оружие! – снова крикнул Микель. – Керы не тронут безоружных!

И он был прав. Кай велел оставить беззащитных сивилл, но Микель умело использовал формулировку фразы, чтобы защитить остальных сородичей. Солдаты бросали мечи, и керы замирали перед ними, а затем атаковали других, тех, кто не успел или побоялся убрать оружие.

Медленно бой прекратился, даории напряжённо замерли, а керы перестали нападать, сбитые с толку приказом и отсутствием оружия у недавних противников. Они мотали головами и взглядом белых глаз искали новую цель, но, не находя, рычали, фыркали и топтались на месте, гневно раздувая ноздри, словно бездействие и необходимость ждать их раздражали.

Изначально кер было несколько десятков, но они успели за короткий срок разодрать на части одну треть присутствующих даориев. Многие из оставшихся стонали, зажимая рваные раны. Зелёная трава покрылась кровью и телами. Я старалась не акцентировать внимание на валяющихся конечностях ещё недавно живых даориев, но с трудом удержала остатки съеденного за сегодня при виде оторванной головы и торчащих рёбер из вскрытого когтями торса.

Кай мог бы вновь изменить приказ и с лёгкостью убить безоружных, но почему-то медлил. Его убийственный взгляд встретился с Микелем. Усмешка у Кая вышла злой и надменной, и, несмотря на притягательно красивое лицо, кровь на губах добавила его образу жути. Он продолжал улыбаться, пока зубы были стиснуты. Почудилось, что я опять ощущаю вонь пожаров и гари, трава под ногами Кая начала стремительно чернеть, обугливаться и вянуть без пламени. Я заморгала, ожидая, что видение исчезнет, но то не пропадало, а чернота ползла во все стороны, пока небо над головой краснело.

Гнев. Его усиливающая эмоция – гнев.

Кровь отлила от лица при мысли, что увиденное нами ранее было горем. Теперь же он злился, и его иллюзии не исчезали. Я не дёрнулась, когда и под моими ногами вся зелень почернела.

– Хватит, Кай! Отзови своих чудовищ, – заговорил Микель, медленно шагая к нам. Его явно пугали перемены пейзажа: брата передёрнуло, и встревоженный взгляд то и дело поднимался к темнеющему небу, но он умело храбрился, забирая всё внимание сына Гипноса на себя. Ранее Микель заметно хромал, но адреналин помог ему двигаться проворнее. – Я знаю тебя, Кай! Беспочвенная жестокость не про тебя!

- Ты в этом уверен? - наклонив голову, уточнил Кай.

И, прежде чем Микель успел ответить, взгляд сына Гипноса переместился на Троя. Огненный был жив. На одежде следы крови, но, похоже, не его. Последний из близнецов вместе со своим дядей - Ангелом - защищал царя из Клана Огня.

Кай подбросил копьё, перехватил поудобнее и с яростью метнул. Рот Микеля раскрылся в немом крике. Между нами и Троем было большое расстояние для точного прицела, и всё же оружие со свистом пролетело буквально в сантиметрах от близнеца и сбило с ног одного из солдат Клана Огня позади. Копьё попало точно в глотку незнакомца, который затих, рухнув на землю. Трой побледнел как полотно, запоздало осознав близость к смерти.

- Раз ты меня так хорошо знаешь, то осознаёшь, что я промахнулся намеренно, - напомнил Кай, опасно растягивая слова, и посмотрел на Микеля. - Беспочвенная жестокость? Будь по-твоему.

Неожиданное согласие сбило всех с толку, в руке Кая снова появилось копьё, и звон оружия о щит оглушил не меньше, чем в первый раз.

- Воздадим тем, кто заслужил. Убейте всех представителей Клана Огня, - изменил приказ Кай, керы оскалились. Земля вздрогнула, когда они принялись мощно отталкиваться от земли и взмывать в воздух, чтобы напасть сверху.

- Нет! - закричал Микель, бросаясь к Каю, тот не двинулся с места, расслабленно наблюдая за приближением соперника.

Путь брату преградила я, Микель растерянно замер под дулом пистолета. Я держала оружие твёрдой рукой, направляя его точно в лоб. Между нами осталось четыре шага и ни единого шанса, что я случайно промахнусь.

Растерянность Микеля сменилась гневом.

- Останови его, Кассия! Это неправильно! Керы - чудовища, и силы не равны! - закричал он на меня.

- Неправильно?! - рявкнула я. - А заманивать нас в ловушку было правильно?! Мучить Кая неделю тоже правильно?!

На лице Микеля отразились сожаление и вина, но довольно быстро исчезли под звуки воплей новых жертв. Рёв огня и приказы смешивались с криками чудовищ. Царь Огня перестал сдерживать свою мощь, и струя пламени из его рук разом сожгла трёх кер на подлёте. Одно из обугленных тел рухнуло на него и Ангеля, снося мужчин с ног. Я пристально следила за Микелем, пока Кай оставался где-то позади.

- Это всё наш отец! Он отравил не только вас, но и меня вместе с моими друзьями! Ты знаешь, что я бы никогда не согласился на подобное!

Микель действительно не мог.

Я видела, как он относился к Деклану и Авиле, видела ужас на его лице. Даже если Микель лжёт и не дорожит собственной жизнью, то не стал бы приводить друзей.

– Ты отомстила! Ты убила Мелая, Кассия. Давай закончим на этом? – переходя на мягкий тон, начал убеждать Микель, бросая встревоженный взгляд на окружающий нас бой. – Не нужны лишние жертвы, они ни в чём..

Я не услышала продолжения из-за звона щита Кая у лица. Тот оказался рядом и отбил брошенное в меня копьё. Если бы не Кай, я бы испустила последний вздох. Глаза Микеля шокированно округлились, он обернулся, чтобы увидеть одного из своих солдат. Тот предпринял отчаянную и очень глупую попытку. Без капли сожаления я перенаправила пистолет и дважды выстрелила в мужчину.

– Кассия, хватит! – рявкнул Микель, когда я выстрелила ещё дважды в уже мёртвое тело на траве.

Я не ощущала ничего, кроме гнева и разочарования. При этом не могла понять, кто именно вызывает эти чувства. Казалось, мной играют и манипулируют буквально все. Кай ничего не сказал и просто отошёл, потому что другой даорий отбил от керы и бросился к нему. Поединок даже не успел начаться, Кай убил противника одним мощным колющим ударом копья. Даорий закричал, роняя оружие, и рухнул. Но из-за его спины неожиданно выпрыгнул Трой и напал на сына Гипноса с мощным потоком пламени. Как пришлось отступить, прикрываясь щитом. Трой выжимал из себя все силы, делая поток устрашающим. Я занервничала: щит Кая покраснел, поддаваясь жару. Хотелось закричать, рука дёрнулась, когда я решила пристрелить огненного, чтобы защитить Кая, как неожиданно заметила дикую усмешку на знакомых губах.

– Нет, – едва слышно пробормотал рядом со мной Микель.

Словно вторя его словам, Кай слегка потрянул рукой с щитом, и наполовину искорёженный и покрасневший металл восстановился, следы повреждений исчезли. На лице Троя отразился шок, огонь, соприкасаясь со щитом, стал чёрным, призрачным. Кай властным движением отмахнулся от пламени, и мощный поток вернулся обратно к Трою, сбив его с ног.

– Нет! – закричал Микель, глядя, как воспламенилась одежда друга, но тот принялся кататься по земле, пытаясь себя затушить.

– Вы же Клан Огня, как насчёт сдохнуть от своего же дара?! – мстительно рявкнул Кай, направляясь к противнику. Микель попытался рвануть к другу, но я опять встала у него на пути, угрожая пистолетом.

– Останови Кая! – продолжил с надрывом упрашивать Микель, но во взгляде помимо страха сквозила ярость, я заметила, что брат поудобнее перехватил меч.

Окровавленное лезвие по-прежнему было опущено, но плечи и руки Микеля напряглись, он приготовился атаковать меня, если не удастся убедить.

– Трой ни в чём не виноват! Отец шантажировал и его! Кассия, останови Кая!!

– Его брат сжёг Элиона! Хочешь соврать мне, что они не были в стоворе?! Они оба намеревались нас убить! – возразила я, переполняемая ответным гневом. Я дала Микелю пару секунд, чтобы опровергнуть моё обвинение, но он промолчал. – Элион мёртв из-за них! Из-за отца! Из-за треклятых царей! Он стал мне почти братом!

Микель стремительно преодолел расстояние между нами, я приготовилась к атаке, но неожиданно он сам упёрся лбом в направленное на него дуло, оставляя меч опущенным. Черты лица Микеля исказились от ярости и досады, голубые глаза горели отчаянием. Он мог попытаться вырвать пистолет или ударить меня, так как ростом и длиной рук я ему уступала, но Микель, наоборот, провоцировал пустить ему пулю в лоб, и палец на спусковом крючке задрожал.

– А я кто, по-твоему, Кассия?! – хлётко напомнил Микель. – Я твой настоящий брат, но за меня ты мстить никогда не станешь!

Я раскрыла рот, но не нашлась с ответом. Я не желала ему смерти, но не знала, смогу ли ощутить боль от потери кровного брата.

– Я хотел мира, – напомнил Микель с тем же напряжением. Я смотрела ему в глаза и узнавала себя при нашей первой встрече. Узнала пустоту и отсутствие страха. Он лишился почти всего, что было ему дорого, поэтому оставшееся будет защищать с особым остервенением. – Ты сделала меня новым царём, сестра, и сейчас делаешь всё, чтобы стать моим первым врагом.

Он больше не кричал, но низкий угрожающий тон звучал пугающе из-за вложенной искренности. В первый раз он позвал меня предупредить, что отец охотится за мной. Возможно, раньше я была в списке тех, кого Микель хотел защитить.

Возможно, раньше...

– У нас есть выбор! Мы можем продолжить эту войну или же её прекратить. Поэтому либо пристрели меня, либо останови Кая, – поставил ультиматум Микель и с ненавистью во взгляде сильнее надавил лбом на дуло, вынудив меня отступить на шаг.

Все необходимые гнев и горе бросили меня наедине с гудящей пустотой в мыслях. Мы оба вздрогнули от нового звона копья о щит. Вопли и крики затихли, потому что керы отступили, прекратив убивать.

На наших глазах Кай скучающе дёрнул головой в сторону Микеля, что-то приказывая одной из кер. Та за ногу подтащила Троя к нам. Микель едва не задохнулся, увидев, что тот хоть и побит, но жив. Огненный отбивался от чудовища, но казался несуразным юнцом рядом с ним и предусмотрительно затих, как только оно его отпустило. Кера бросила рядом покорёженные браслеты для высекания огня, которые, похоже, содрала с близнеца ранее. Чудовище обдало Микеля недовольным рёвом, и брат отступил на пару шагов, вняв предупреждению. Я тоже отошла поближе к Каю.

– Ты ждёшь от неё решения, которое должно сгладить ошибку ваших же царей. Вынуждаешь взять на себя ответственность выбора, который не смеешь требовать, – холодно бросил Кай Микелю. Осуждающий тон усиливала повисшая тишина. – Убить собственного брата или же предать меня, встав на чужую сторону. Что сделал ты для Кассии, чтобы давить на её совесть и склонять к удобному для тебя варианту? Что сделал ты, чтобы сравнивать себя с Элионом в её глазах? – Гнетущая, намеренно выдержанная пауза была такой же оскорбительной, как и презрение во взгляде Кая. Он отчитывал нового царя Металлов словно зазнавшегося юнца. Микель выдерживал обвинительный напор достойно: не отнекивался и не возражал, разве что изредка сглатывал излишне тяжело, будто правды становилось слишком много, чтобы прожевать. – Ты думаешь, что отстаиваешь шанс на перемирие? Что убеждаешь сестру во имя всеобщего блага? Оглянись вокруг! – резко повысив тон, приказал Кай, вскинув взгляд на Баала. Царь Огня более не выглядел самоуверенным или довольным. Он отлично скрывал какую-либо растерянность и всё же желания продолжать бой у него явно не было. Сын Гипноса шумно вдохнул сквозь стиснутые зубы, губы медленно изогнулись в презрительной усмешке. – Нас привели сюда на казнь, да полученный отпор, видите ли, оскорбил. Какая неприятная для вас неожиданность! – издевательски выплюнул Кай.

Я же, несмотря на тон и уверенную позу, слышала всю горечь, которую он скрывает. Отказ от мести давался Каю тяжело. Ему было бы проще позволить керам разорвать всех присутствующих на части, может, ему бы даже немного полегчало. В груди болезненно сдавливало от признательности и вины, потому что он остановился ради меня.

– Я отступлю, потому что ты хоть немного, но дорог Кассии, – бросил Кай Микелю, подтвердив мои мысли. – Но не думай, что я когда-либо забуду произошедшее. Пойдём, Кассия.

Некоторые из даориев аккуратно попятились от нас и кер подальше, словно получили сигнал к отступлению. Микель протяжно выдохнул, но я мотнула головой и возразила:

– Это не всё. Лекса пойдёт с нами.

– Я не дам тебе заложника, – ошетинился Микель, его голос едва заметно дрогнул, выдав больше страха, чем я ожидала.

Брат сам это понял и быстро взял себя в руки, возвращая сдержанное выражение лица. Оно не изменилось, даже когда я направила дуло на сивиллу.

– Ты дважды звал меня на встречу, прося довериться. Оба раза я пришла, – напомнила я, подражая его злому тону. – Один раз всё прошло нормально, во второй ты меня предал. Теперь твоя очередь.

– Хочешь сказать, что я могу её тебе доверить?

– Хочу сказать, что я ещё не решила. Всё зависит от того, каким царём ты станешь.

Я не планировала вредить Лексе, хотя из неё выйдет достойный заложник. В первую очередь сивилла поможет разобраться в видениях и объяснит, что

произошло или произойдёт, а после я намерена выполнить свою часть долга и показать её Гипносу. Но Микелю немного волнения не мешает, может, переживая за её жизнь, он будет усерднее сдерживать остальных царей от необдуманных действий.

Микель стиснул зубы. Лекса встретилась со мной взглядом. Я дёрнула дулом, приказывая ей подойти. Не сразу, но она подчинилась. Её ноги заметно тряслись, пока сивилла испуганно обходила стоящую на пути керу. Та потянулась за прорицательницей, намереваясь то ли обнюхать, то ли при опасности оттащить за волосы.

– Ты идёшь с нами, – сказала я ей и добавила, как только она испуганно посмотрела на Микеля: – Он не разрешал, но его никто и не спрашивает. Пошли.

Брат предусмотрительно не стал комментировать, лишь твёрдо кивнул Лексе. Я продолжала держать его на прицеле, больше не доверяя.

Мы подошли к Каю и направились вверх по холму к Гипносу и Весте. Никто нас не остановил, потому что керы остались на месте, прикрывая со спины. За ненадобностью пистолет исчез из руки, а Лекса и без угрозы держалась ко мне поближе, боясь сына Гипноса и его кошмарных созданий. Я с беспокойством поглядывала на Кая. Щит исчез, но копьё он использовал как опору. Шаг был тяжёлым, дыхания не хватало, кожа покрылась мелкой испариной, а идущую ртом кровь он бездумно стирал рукой с губ и подбородка, не в силах более её скрывать. Я попыталась подставить своё плечо, но он лишь благодарно сжал его пальцами и отказался от помощи.

Я обернулась один раз, будучи на самой вершине. Небу возвращался натуральный цвет, а иллюзия выжженной травы померкла, доказывая, что гнев Кая потерял былую свирепость. Однако другая сторона равнины оставалась тёмной от пролитой крови. Я торопливо отвернулась, боясь подсчитать убитых керами. Хуже самого факта многочисленных смертей было то, насколько дикой вышла расправа.

Я не стала говорить что-либо Гипносу и Весте, всё их внимание сосредоточилось на Кае и его состоянии. Похоже, они не ожидали, что ему до сих пор так плохо. Мы дошли до прохода на Переправу, Кай громко свистнул один раз и попросил подождать. В воздухе появились керы, я едва не упала от порывов ветра, когда оставшиеся в живых чудовища залетели на Переправу. Следом мы сами прошли сквозь проход, Гипнос соединил разорванную материю, и стоило пейзажу Даории скрыться из виду, как копьё Кая исчезло. Веста закричала, заметив, что её брат начал заваливаться и упал на колени. Моё сердце пропустило удар, когда он рухнул, потеряв сознание.

КАССИЯ

Я сидела на поляне перед домом на Переправе, обхватив себя руками и сжимаясь от порывов ветра. Он не был холодным, но меня нервно трясло от всего увиденного. После каждого происшествия казалось, что я уже не смогу испытать больший страх или тревогу, но затем судьба доказывала обратное.

Я специально села именно на этом месте: отсюда видно входную дверь и окна спальни Кая на втором этаже. Шторы раскрыли, трое целителей ходили туда-сюда по комнате. Изредка я замечала Гипноса, Мороса и Весту, но никто ещё не выходил, чтобы озвучить новости о состоянии Кая для меня.

Он отключился, как только мы оказались в безопасности, и повезло, что неподалёку ждал Морос. Вместе с братом они подняли Кая, но дом был слишком далеко, чтобы нести его на руках. Только я об этом подумала, как Гипнос резко взмахнул появившимся в руке кинжалом, лезвие распорол пейзаж, словно тот не более чем изображение на гобелене. Окружающие маки и голубое небо на мгновение потускнели, словно от мимолётного приступа боли. Гипнос дёрнул за край материи, распахивая проход шире: показался дом, совсем близко, всего несколько метров до порога. Неся Кая на себе, два бога протиснулись в проход.

Я была слишком ошарашена и всё ещё не в себе, чтобы собрать мысли в кучу для вопроса. Веста выдавила вымученную улыбку и взмахом руки приказала следовать за ней:

– Радикальный метод, но так можно сокращать путь на Переправе. Скорее, он уже затягивается.

Мой взгляд упал на Лексу, которая широко распахнутыми глазами смотрела на образовавшийся разрыв. Она была напугана. Нехотя, но я отступила обратно к ней.

– Иди первая, я сопровожу сивиллу пешком, – предупредила я Весту, та скованно кивнула, но протиснулась в проход, и разрыв почти сразу затянулся, скрыв вид дома.

Мне отчаянно хотелось помочь Каю, но в сложившейся ситуации, будучи бесполезной, я лишь сильнее ощутила себя чужой в семье Гипноса, поэтому решила не путаться под ногами целителей.

Лекса шокированно озиралась, впервые оказавшись на Переправе. Я повела сивиллу к дому, слушая рассказ о произошедшем в Даории, о том, как цари подставили Микеля.

Вначале она не намеревалась делиться информацией, но я была не в настроении для угроз или притворства, поэтому честно объяснила, что взяла её ради выполнения долга. Услышав, что сможет поговорить с Гипносом, Лекса заметно расслабилась. Она даже описала увиденное предсказание, которое должно было привести к моей смерти.

– Микелю наврали. Цари сказали, что все сивиллы увидели прорицание о мирном будущем с Палагедой, но на самом деле грезили о том, как ты сдаёшься. Кай был пленён, а ты спускалась с холма. В том видении реализовалось желанное царям. Мелай отрубил тебе и Каю головы.

Я судорожно выдохнула, напоминая себе, что Кай в безопасности.

– Значит, Микель действительно не видел прорицания до отравления?

– Нет, ему его не показали.

– Почему ты его не предупредила? – уточнила я, шагая вверх по холму, Лекса семенила рядом, стараясь не отставать, но часто вертела головой, не в силах насмотреться на маковые поля. – Вы же друзья или встречаетесь...

– Я не смогла, именно потому что мы друзья и его величество – отец Микеля... точнее ваш отец, – поправила себя Лекса, но я в ответ лишь хмуро на неё взглянула. – Он знал об этом и запер меня, чтобы я не встретилась с Микелем.

Я никак не отреагировала, но, заметив дом впереди, невольно ускорила шаг.

– Как вы это сделали?

Неожиданный вопрос Лексы заставил меня замереть.

– Что сделали? Прошли в Даорию? – уточнила я.

Сивилла опешила, обернулась назад, словно только сейчас подумала об этом.

– И это тоже, да и как удалось подчинить кер... – залепетала Лекса, но затем сама же оборвала своё бессвязное бормотание. – Но это потом. Я про прорицание. Как вам удалось его сделать? Одновременное у всех сивилл ложное видение. Это связано с той девушкой с длинными волосами, верно? Кто она?

Я окинула Лексу взглядом, не совсем понимая, о чём речь и как она догадалась, что их видения связаны с Вестой.

– С чего ты взяла, что это связано с ней?

– Я и другие сивиллы узнали её. Она тоже была в том прорицании, но раньше. Сперва я думала, что девушка – выдуманная часть моего предыдущего сна, но она оказалась реальной. Я рассказала об этом Микелю, и он пошёл тебе навстречу, но такого в пророчестве не было. И тогда я начала подмечать детали. На тебе хоть и была идентичная одежда, но шла ты немного по-другому, солдаты стояли не так, как надо. В целом происходящее было схоже, но детали дру... гие...

Я подняла руку, призывая к молчанию. Лекса споткнулась на последнем слогe и испуганно затихла. Я зажмурилась на пару мгновений, пытаюсь заставить голову работать. Одежду выбрала мне Веста, а Гипнос сказал, где назначить встречу. Детали плана, всё придумали они, указав даже, на котором по счёту шаге поднять руки. При подготовке эти нюансы казались странными, но

я была готова делать всё, что они говорили, если это могло помочь вытащить Кая.

– Темноволосая девушка сделала что-то необычное в твоём видении? – уточнила я, желая убедиться в догадке. До боя она пришла внезапно, я нутром чувствовала, что видения сивилл и Веста как-то могут быть связаны, раз уж Гипнос говорил о ловушке, но теперь хотела понять наверняка.

– В целом нет, – нахмутив лоб, ответила Лекса, – но там она была на полях... совсем как эти. И дала мне кубок с каким-то питьём.

Кубок Морфея.

Я потёрла лицо ладонями, пытаюсь снять напряжение.

Сила Морфея не только в прорицании будущего, но и в ложных видениях.

«Ты слишком доверчивая, Кас. Разве Камаэль не предупредил, что нужно думать, от кого принимаешь мак на Переправе?»

Я поморщилась, вспомнив наставление Гипноса. Веста притянула сивилл во сне на Переправу, точно так же как и меня ранее для тренировок. Дала им испить макового нектара из кубка Морфея. Она подавала его самому Гипносу, но отцу она предложила кубок с прорицанием, а сивиллам – с ложным видением.

Получается, она показала им лживую победу. Показала для царей то, что они хотели увидеть. Мою смерть. Я с трудом подавила дрожь при мысли, что, не будь этого ложного видения, не было бы и встречи. Элион, Деклан и Авила не умерли бы, а Кай не просидел бы неделю в кандалах, отравленный. Я несколько раз шумно вдохнула и выдохнула, силясь унять гнев. Это не план Весты.

«Ты до сих пор не поняла, что нынешняя ситуация – это не ловушка для тебя. Это ловушка для них».

Идея Гипноса. Зачем ему всё это?

Морос и Веста, похоже, были в курсе с самого начала, а Кай? Мог ли Кай добровольно просидеть в цепях целую неделю?

«Зачем ты пришла?!»

Почему Кай был зол из-за моего появления?

С губ сорвался горький смешок, и я гневно завопила. Мне хотелось орать до сорванного голоса, лишь бы избавиться от давления скапливающейся ярости. С ветвей ближайшего дерева вспорхнули потревоженные шумом птицы. Лекса дёрнулась от меня подальше, но не зная, куда идти, замерла в паре метров.

Если и Кай знал, то я, Элион и Микель пошли на всё, как скотина на убой, единственные болтали о мире, пока настоящая игра велась за нашими спинами.

Да я просто непроходимая доверчивая дура.

Я согнулась то ли от смеха, то ли от желания заплакать. Горькие смешки перемешивались с разочарованным стоном. Я свесила голову, опершись ладонями в колени.

– Кассия? – с опаской подала голос Лекса, когда я немного успокоилась.

– Всё в порядке, – отстранённо ответила я, выпрямляясь.

Сивилла не выглядела убеждённой.

– Пойдём в дом. Ты голодна?

Та испуганно замотала головой, перемены в моём поведении сивиллу явно пугали. Успокоить я её не могла: мой рассудок на грани развала, готовый в любой момент сорваться в омут безумия.

– Хорошо. Тогда я запру тебя в одной из комнат до ужина. Обещаю, что никто тебе вреда не причинит. Главное, не пытайся сбежать, иначе попадешь в кошмары, а там тебя сожрут керы, – как можно спокойнее заверила я и пошла дальше.

Лекса лишилась дара речи, но заторопилась следом, теперь оборачиваясь ещё чаще, будто ждала, что чудовища набросятся на неё со спины.

В доме стояла суматоха. Трое целителей, Морос, Гипнос и Веста ходили туда-сюда, помогая всем, чем нужно. Комната Кая и так небольшая, поэтому я заперла Лексу в своей спальне и ушла на улицу, чтобы подавить искушение стать лишней в спальне Кая, и села на поляне.

Несколько часов спустя пришёл Гелион, привести которого я попросила ждущего в доме Иво. Я прониклась доверием к сыну Аресты, но Гипнос, видимо, моих чувств не разделял, потому что преградил ему путь.

– Кирий, позвольте мне оценить состояние вашего сына! Иво рассказал о симптомах, и у меня есть определённые идеи, но необходимо удостовериться, – порывисто попросил он у Гипноса, тот молча бросил взгляд сперва на Иво, мнущегося позади Гелиона, а затем на меня.

Я не рискнула подходить ближе, наблюдая со стороны, Гипнос наверняка догадался, что Гелион здесь по моей просьбе.

– Если не верите в моё желание помочь, то поверьте в желание вернуть долг! Кай не раз меня выручал, а мы в Доме Гнева всегда возвращаем долги. – Гелион казался искренне встревоженным, хоть и держался с присущим сыну архонта достоинством.

Гипнос не сразу, но кивнул и пропустил Гелиона в дом. Попросить его о помощи было единственной пришедшей мне в голову мыслью, потом я села, погружаясь в чувство собственной бесполезности.

Я только и делала, что ждала, не отрывая внимания от окон спальни Кая, лишь раз прервалась, чтобы на закате отнести Лексе обещанный ужин. После

я снова вернулась на поляну у дома, дожидаясь, когда кто-нибудь соберётся уйти. Солнце скрылось за горизонтом, а к наступлению сумерек наружу вышли все трое целителей Дома Раздора, Гелион, Морос и Гипнос. Я тут же подскочила на ноги.

- Мы вернёмся завтра и обсудим дальнейшее лечение, когда он придёт в себя, - ответил самый пожилой из целителей. Я встречала этих мужчин ранее, они служат дедушке, но по именам их не знала. - Лучше, если Камаэль лично опишет своё самочувствие. Продолжительный сон сейчас нужен ему больше всего остального.

- И не забудьте - никакой твёрдой пищи, - дополнил наставление другой целитель, а третий одобрительно закивал.

Я следила за собеседниками не дыша, но и не скрываясь. Гелион вроде был согласен, но выглядел всерьёз задумчивым. Гипнос встретился со мной взглядом.

- Я провожу вас в Пелес, - сказал Морос, указывая целителям в нужном направлении.

- Кириа, а вам не требуется помощь? - спросил один из мужчин, поклонившись.

Все трое представителей Дома Раздора замерли около меня. Я растерянно оглядела себя, позабыв, что забрызгана кровью одного из даориев.

- Нет, со мной всё в порядке. Спасибо за помощь.

Те вновь поклонились и пошли вместе с Моросом и Гелионом. Гипнос, словно зная мои мысли, не стал подходить ближе, сохранив между нами расстояние в пять шагов.

- Как он?

- Неважно, но жить будет.

- В этом ты тоже уверен из-за видений будущего?! - заорала я, не в силах сдержаться.

Бог сна не выглядел удивлённым из-за сказанного, но крика явно не ожидал.

- Или ты думал, что твой сын спокойно посидит в темнице отравленный, а потом вернётся домой как ни в чём не бывало?!

Гипнос медленно поднял руку, призывая меня то ли успокоиться, то ли замолчать. Но я не собиралась делать ни то, ни другое.

- А жизнь Элиона ты посчитал мелкой платой за свой идиотский план?!

- Кассия, ты же знаешь, что я могу умереть от пули? - ровным тоном уточнил он.

- Знаю, и что?! - отгрызнулась я.

- Тогда, если соберёшься меня пристрелить, я бы хотел, чтобы ты сделала это осознанно, - сдержанно пояснил Гипнос, выразительно опустив глаза.

Я проследила за его взглядом и опешила, найдя пистолет в руке. Я не думала о нём и не концентрировалась на создании иллюзии, но Веста была права, говоря, что, создав однажды, с каждым разом повторять будет всё легче. Рука с оружием вибрировала от скопившегося напряжения, я с трудом сняла палец со спускового крючка, продолжая направлять дуло в землю.

- На Переправе ты сильнее, Кассия. Особенно если переполнена своей усиливающей эмоцией, - мягко напомнил Гипнос, и я с трудом проглотила ком в горле, вспомнив, как упала в расщелину, стоило Каю поддаться гневу.

Могла ли я застрелить Гипноса?

Сомневаюсь.

Я зла на него. С одной стороны, мне действительно хочется его убить, но с другой - я бы не смогла этого сделать, в глубине души искренне его любя. Однако я могла вскинуть руку, даже не заметив оружия, и случайно нажать на спусковой крючок. Вот почему Кай так терзался. Переправа вторила худшим мыслям, хотела угодить ему и убрать меня с глаз, когда он пожелал. Переправа не разделяет нормальные желания от мимолётных, порывистых и неправильных. Тех, которым никогда не стоит сбываться.

Мне понадобилось время, чтобы избавиться от иллюзии пистолета. Пришлось заставить себя успокоиться.

- Будь ты реально бессмертный, то пару пуль в лоб ты бы заслужил, - пробубнила я.

Гипнос вымученно улыбнулся и кивнул.

- Всё произошедшее было твоим планом? - спросила я после продолжительной паузы.

Я больше не кричала, даже тон голоса не могла повысить, вымотанная всем увиденным. Сознание было истерзано многочисленными вопросами и догадками.

- Не всё.

- Что-то опять пошло не так? - с трудом уточнила я.

...пошло не так из-за моего существования?

Я хотела дополнить мысль, но не смогла озвучить вопрос целиком, и без Гипноса зная ответ. Бог сна рукой указал в сторону, безмолвно предлагая пройти.

- С ним Веста, всё будет хорошо, - заверил он, когда мой взгляд нервно дёрнулся к окнам спальни Кая.

Мы медленно направились к далёкому яблоневому саду. Два массивных спутника на небе сияли ярко, а многочисленные созвездия и туманности цветными пятнами растеклись по небу. Гипнос шагал тяжело, устало и едва поднимая ноги. Его голова была опущена, и невидящим взглядом он смотрел вниз. Светящаяся трава блёкла рядом с ним, будто вторила его настроению.

– Морфей, Фобетор и Фантас мертвы, верно? – едва слышно спросила я, но Гипнос моментально сбился с шага.

– Мертвы, – подтвердил он.

– У Кая копье Фобетора, у Весты кубок Морфея.

Гипнос одарил меня безрадостной улыбкой.

– Расскажи мне, я больше не могу гадать. Постоянно каких-то ответов не хватает, и я устала их искать, – взмолилась я.

Руфус обхватил меня за плечи и подтянул к себе то ли ради объятий, то ли сам остался без сил и ему необходимо было на кого-то опереться. Несмотря на многочисленные недомолвки и ложь, у него под боком я немного расслабилась, согретая теплом.

– Я бог безмолвного сна, и созданная мной Переправа была пустой, простым переходом и не более, – расслабленно начал Гипнос, останавливаясь подле яблоневых садов, я замерла рядом, по-прежнему прижимаясь к его тёплому боку. Среди стволов заметила духов Гесперид, те пару раз выглянули, но после спрятались в глубине, то ли чуя напряжённую атмосферу, то ли не желая попадаться богу на глаза. – Три моих сына привнесли сюда сны и иллюзорные миры, у каждого была своя территория. Здесь также жила моя жена – Пасифея. Тебе известно, кем она была?

– Одной из прекрасных харит. Она олицетворяла расслабление.

– Да, но не только это. Ещё медитацию, галлюцинации и любые другие варианты изменённого сознания. Именно поэтому у нас родились такие разные сыновья, – с мечтательной улыбкой добавил Гипнос, а его блуждающий по полям взгляд, казалось, видел нечто большее, чем просто светящуюся траву, одинокие деревья и сумеречный небосвод.

Улыбка Гипноса медленно померкла, он моргнул, сбрасывая пелену воспоминаний, и посмотрел на меня. Оглядел с придирчивой внимательностью, а затем погладил по волосам и, всё так же прижимая к себе, медленно повёл дальше.

– После взрыва на Переправе и смерти всех близких от каждого что-то да осталось. От сыновей – территории, хранящие их силы. Из-за гибели Танатоса здесь стало опасно, и мы можем по-настоящему умереть, а от Пасифеи Переправа стала восприимчива к сознаниям и помыслам входящих сюда. Поэтому некоторым не везёт отправиться к онирам и керам.

– Веста действительно обладает силой Морфея, а Кай – Фобетора? – уточнила я, помогая перейти к нужной теме.

– Я знал, что рано или поздно ты догадаешься, – похвалил Гипнос, но я ответила ему недовольным взглядом. – Из-за взрыва Переправа была покалечена и стала опасной даже для меня. Я тогда не желал что-либо делать, мир и жизнь потеряли смысл, время текло, и Переправа медленно восстановилась сама, но одичала, а кошмары с земель Фобетора разбрелись по всем территориям. Не сразу, но я собрался с силами привести их в порядок, однако у меня мало что получилось. Требовалась помощь сыновей, способных контролировать те или иные земли. Когда у меня всё-таки появились новые дети, то они помогали восстанавливать Переправу как могли, но нужны были все трое, а рождались лишь с даром Морфея и Фобетора.

– Значит, Веста и Кай обладают силами с рождения?

– Не совсем. Тяга к тому или другому открывается с возрастом. Весте было около пятнадцати, когда она впервые смогла повелевать территориями Морфея, а с возвращением кубка получила способность передавать видения. Годы позже семилетний Камаэль внезапно привёл в дом двух ониров, вероятно хотел завести питомцев, – усмехнулся Гипнос, а я от изумления уставилась на него во все глаза. Хотя, может, для него это действительно забавно. – Так мы выяснили про его дар Фобетора. Тебе известно, что самые могущественные из кошмаров не керы, а эринии? – Гипнос задал вопрос, но сам же ответил, несмотря на мой согласный кивок: – Керы более свирепые, но они олицетворяют несчастья. Эринии же созданы для отмщения, они умнее, способны анализировать ситуацию, поэтому недостаточно грубой силы, чтобы их победить. Усиливающая эмоция Камаэля – гнев, потому даже эринии, которых прозвали «гневными», подчиняются ему.

Я невольно улыбнулась, уловив неприкрытую гордость и откровенную любовь в голосе Гипноса. Он рассуждал об ужасах и кошмарах, о гневе и ярости, но говорил с такой теплотой, словно желал напомнить, что это всё часть гармонии и недостаточно любить свет, необходимо полюбить и тьму, чтобы жить в балансе с самим собой и с миром.

Я вспомнила, как приняла наркотик с кровью представителя Дома Гнева. Тогда и я, одолеваемая яростью, подчинялась Каю, не осознавая, почему. Я просто нутром чуяла, кто главный и против кого не стоит поднимать оружие. Помню, что пыталась сопротивляться его доминированию, но в итоге он всё равно победил.

– Где твои внуки?

– У меня их нет. – Всё веселье исчезло с лица Руфуса. – Ни один из моих детей не обзавёлся собственными, не потому, что не могли, они не желали этого. Они все будто обречены на знакомое мне одиночество.

– Зачем же ты бросаешь матерей? Мать Весты хотела сохранить память о дочери и о тебе, но ты всё равно забрал её воспоминания.

– Потому что я не желал видеть, как она постареет и умрёт. Раньше поступал именно так, забирал тех, кого любил, на Переправу, но затем они умирали у меня на глазах. Медленно их время подходило к концу, а я опять оставался один. Поэтому перестал вырывать их из привычного им мира, решил

лишать воспоминаний, чтобы они получили шанс на любовь с теми, кто состарится и покинет мир с ними.

В носу защипало, горло свело, но я упрямо сглотнула. Рассказ Гипноса прозвучал отстранённо, и всё же я ощутила его горе и одиночество, словно Переправа печалилась с ним, наполняя воздух горьким привкусом тоски.

- Ты сам многих стёр из памяти?

Я не забыла его рассказ. Гипнос время от времени просил Мороса забирать его воспоминания, чтобы не сойти с ума от потерь и такой длительной жизни, чтобы сохранить возможность радоваться мелочам.

- Я никого не стирал. Помню каждую возлюбленную и каждого своего ребёнка, - заверил Гипнос. - Но я попросил брата избавить меня от боли их потерь.

Он развернул меня и вновь повёл в направлении дома. Прогулка действительно помогла немного выпустить скопившееся напряжение в теле.

- А что с территориями Фантаса?

- Ни один из моих рождённых детей не получил его способности, поэтому его территории всё ещё дикие и самые скрытные, даже я не могу найти туда проход. Камаэль рассказал, что ты там была.

- Но я не твоя дочь.

- По крови - нет, но я вложил в тебя часть Переправы, и это делает тебя моей роднёй. - Он обнял меня крепче. - Я не знал, какая именно часть Переправы в тебе, Кассия, но, похоже, судьба решила всё за нас. Переправа позволила тебе побывать на территории Фантаса. Именно мой третий сын мог создавать самые сложные иллюзии, как ты создала пистолет. И самое главное отличие в том, что он владел фантазиями. Чем, по-твоему, они отличаются от обычных иллюзий?

Я нахмурила лоб, пытаюсь вспомнить что-то из книг или учебников, но грань у людей между этими понятиями слишком тонка. Иногда они почти синонимы.

- Это что-то существующее и несуществующее одновременно, - расплывчато выдала я.

- Верно. Иллюзии - это воссоздание чего-то реального, виденного тобой. Как скопировать оружие, яблоко или одежду. Но фантазии - это смесь реального и нереального. Как если бы привычное яблоко покрылось травой, а свою одежду ты создала бы из блинов, - пояснил Гипнос, а я часто заморгала, пытаюсь соединить два несовместимых предмета во что-то одно, но кардиган, сотканный из еды, был за пределами моего воображения. - Камаэль рассказал, что ты едва не утопила вас обоих. Ты создала фантазию, словно комната была под водой, хотя вы находились на третьем этаже. Начни ты затапливать спальню с пола, то это бы походило на иллюзии, но ты создала другое.

- Да, но я не помню, как это сделала. Оно вышло случайно, - оправдалась я, услышав надежду в голосе Гипноса. Не хотелось, чтобы он слишком сильно

верил в мои способности Фантаса, может, произошедшее не более чем случайность. Поэтому перевела тему, помня, что он не ответил на главный вопрос. – Зачем ты заставил Кая пробыть в клетке целую неделю? Ради чего он терпел боль?

– Ради спасения тебя и Весты.

Я замерла на месте. Гипносу, который продолжал меня обнимать за плечи, тоже пришлось остановиться и взглянуть мне в глаза.

– Веста ненавидит заглядывать в будущее и погружаться в пророчества, поэтому никогда не пьёт из кубка Морфея. Вместо неё время от времени это делаю я, – принялся рассказывать бог сна, верно поняв моё молчание. – Однажды я увидел сцену... Ту самую, где ты сдаёшься, обменивая себя на моего сына. Вы оба умерли там. Я был убеждён, что это правда, потому что впервые ты по-настоящему появилась в видении. Пока ты жива, в прорицаниях твой образ размыт, есть только ощущение твоего присутствия. Но там ты лежала мёртвая рядом с Камаэлем. События были слишком далеко, чтобы я мог понять причины и предпосылки произошедшего, так возник план, как обмануть сивилл. Я знал, что они понесут это видение царям, требовался ход с их стороны, чтобы тот обмен состоялся.

– Ты не предотвратил будущее, а подтолкнул к нему! – напряжённо бросила я, но хватка Гипноса на моих плечах сжалась сильнее, не дав отодвинуться.

– Неимоверно длинная жизнь научила меня, совёнок, что слишком опрометчиво с ходу менять даже плохой вариант развития, потому что равновесие отплатит тебе чем-то похуже, – вернув нравоучительный тон, пояснил бог сна. – И если то скверное будущее я хотя бы знал, то новая катастрофа могла настичь внезапно, не дав и шанса её избежать. Поэтому уже известное лучше не избегать, а скорректировать так, чтобы оно вышло нам на руку.

Я не нашла что возразить. Его помыслы казались логичными разуму, но в отличие от бога я не могла так просто игнорировать боль в сердце и страх за близких, которые в этом плане участвуют.

– Стоило сивиллам рассказать царям, а тем придумать план с отравлением, как появились новые образы. Ваша встреча с Микелем. По первоначальному видению ты с Вестой умерла там. По увиденному я не мог понять, что вас убил именно яд, но это шло вразрез с прошлым прорицанием, однако скорректировать его оказалось легко. Камаэль помог своим присутствием.

– Значит, он знал обо всём с самого начала?

– Лишь малую часть. Слишком много знаний, наоборот, вредит и подвергает опасности. Будущее меняется очень легко, совёнок. Достаточно изменить одну деталь. Я лишь попросил его пойти с вами на встречу, не хотел тревожить сына раньше времени, рассказывая подробности вашей гибели. Простой просьбы хватило, чтобы получить изменённое будущее. Оно было размытым и путаным, но, главное, я удостоверился, что вы выживете.

– Ты видел, что Элион умрёт, а Кая схватят? – прямо бросила я.

- Видел, что Камаэля схватят, и рассказал ему об этом прямо, а ещё описал сцену обмена, с которой всё началось. Мы решили разыграть её для даориев. Мы все знали, Кас, что Мелай не успокоится, пока не доберётся до тебя, а прорицания слишком ненадёжны, чтобы полагаться на них и защищать тебя, постоянно меняя будущее.

- И вы решили сами избавиться от Мелая, - поняла я, лихорадочно собирая мысли в кучу.

- Да.

- Но ты не мог убить его сам. Слишком большое вмешательство. Поэтому решил оставить сына наживкой, а царя убить моей рукой?

- Твоей. Хотя, по договорённости с Камаэлем, я не должен был тебя приводить. От меня требовалось открыть проход, чтобы сын призвал кер и эриний, а твой образ воссоздать иллюзией. Камаэль намеревался сам разобраться с Мелаем, не вмешивая тебя, но... - Гипнос впервые споткнулся на середине ровного предложения, судорожно вздохнул и потёр грудь, словно ему досаждала непроходящая ноющая боль. - Но я побоялся, что отклонения от первоначального будущего слишком велики. А как уже сказал, чем сильнее изменения, тем меньше над ними контроля.

- Поэтому ты взял меня, - закончила я, поняв, что им движил страх за сына. К счастью, здесь мы были едины во мнении, и я рада, что он не послушал Кая.

- Я знал, что ты сумеешь разобраться с Мелаем, не подвергая себя опасности, раз создала пистолет, - вернув измученную улыбку, поделился Гипнос. - Цари слишком сильно полагаются на прорицания сивилл, а с кубком Морфея во снах Веста продолжила показывать старое видение, ставшее ложным. Мы поддержали видимость желанной им победы.

Я не знала, радоваться или ужасаться, что он озвучил мои догадки.

- Видение встречи с Микелем было путаным, поэтому произошедшее в день переговоров не поддавалось какому-либо контролю. Ни я, ни Веста, ни Камаэль не знали, что именно произойдёт, нам был известен только итог. Ты с Вестой выживешь, а Камаэля схватят.

Поэтому Кай менял еду и бокалы. Он не думал, что будут отравлены все напитки, раз Микель и его друзья пили, но он предупреждал, что отравой могут быть смазаны блюда, бокалы. Знал, что ему не уйти, поэтому и не особо заботился о своём благополучии.

- Сына заперли в темнице, и Веста утянула его сознание на Переправу, когда ему стало немного лучше. По словам Камаэля, ему дали противоядие от нескольких ядов, но он продолжал мучиться от металла. Я не рассчитывал на такое, Кассия. Не хотел, чтобы он страдал, но Камаэль запретил пытаться его вытаскивать раньше времени. Он хотел покончить с Мелаем, чтобы тот перестал представлять для тебя угрозу. Мы надеялись, что остальные цари оставят попытки тебе навредить без его влияния.

Гнев, который ещё недавно сжигал мой разум изнутри, потух, оставив после себя мрак, холод и слабый запах гари. Голова опустела под давлением слишком большого количества информации. Руки покрылись мурашками, и я потёрла кожу, пытаюсь унять неприятное чувство.

- А Элион... - начал Гипнос, но не сумел сразу продолжить.

Я прекратила тереть кожу, застыла в страхе перед следующими словами, которые Гипнос явно не хотел произносить.

- Элиона не должно было быть на встрече. Ни в одном из видений его не было. А узнав, что он пойдёт с вами... я не подумал, что с ним может что-то произойти, ведь он никогда не был целью царей.

Меня окатило волной непрошенных воспоминаний. Воздух наполнился смесью запахов: алкоголь, еда, кровь и жёная плоть. Желчь подступила к горлу. Я не хотела помнить смерть Элиона, не хотела видеть трагедию. Но из уважения к другу и его жертве я не могла позволить себе забыть.

- Это опять из-за меня, - пролепетала я, язык вдруг стал непослушным. - Он заупрямился, когда я пообещала дать ответ по поводу брака после встречи. Руфус... эт-то м-моя в-вина.

Меня начала колотить мелкая дрожь, зубы застучали. Я так старалась об этом не думать, сваливала всю вину на Гипноса, надеясь, что смогу переложить часть ответственности на него, но это не более чем ребячество. Попытка бегства от правды, которую я не имею права игнорировать просто потому, что мне стыдно, больно и страшно. Гипнос схватил меня за плечи и встряхнул, заставив взглянуть ему в глаза.

- Помни, что я тебе говорил, совёнок. На каждый поворот влияет множество различных факторов, и это не обязательно ты. Скорее я виноват! Я вмешался в ход событий и сказал Камаэлю пойти с вами, тем самым сместив баланс. Я так привык манипулировать происходящим через других, что совсем забыл, насколько зыбким всё стало из-за вмешательства мойр и твоего рождения. - Гипнос до боли сдавил мои плечи, хлёстко озвучивая каждую фразу, взваливая бремя ответственности на себя. - Ты внесла элемент неожиданности, будущее перестало быть чётко предопределённым, но ты никогда не узнаешь, как много хорошего принесла, потому что не можешь сравнить, - торопливо объяснял Гипнос, поглаживая меня по волосам и успокаивая словно маленького ребёнка. Он удержал моё лицо в ладонях, не позволяя отвести взгляд, и приступ паники ослабил хватку на моём горле. - Ты постоянно думаешь о том, как много плохого произошло по твоей вине. Но я не верю, что Элион пришёл лишь из-за тебя. Он пришёл ради всех вас. Из-за Весты, с которой познакомился, из-за Камаэля, которым дорожил. Это был его свободный выбор, как и желание спасти своего друга. Перестань отнимать у всех право поступать по собственному велению.

Гипнос говорил напряжённо, я бы решила, что он злится, если бы не бледность лица и нескрываемое горе.

- Мне стоило отказаться от попыток строить подобные планы после произошедшего с куколкой, но я решил, что смогу обыграть сестёр, а в итоге оказался не лучше их, - неожиданно признался он, хотя я не была

уверена, говорит он это мне или себе. Гипнос перешёл на шёпот, а сказанное походило на исповедь. – Элиона там не должно было быть, но, может, я ошибся. Веста рассказала, что Элион спас Камаэля. А если бы его там не было, Кас? Что было бы с Камаэлем, если бы Элион не пошёл?

Он не договорил, бог сна, испуганный собственной мыслью о том, что отправил сына на верную гибель, посмотрел мне в глаза. Его руки продолжили гладить мои волосы, он будто успокаивал уже себя этим движением. Я знала этот страх, чувство вины и неуверенности. У меня не было ответа на его вопрос, точно так же как и не было ответа на свой.

Я обняла его, надеясь немного успокоить, вернуть часть той заботы, что Гипнос дал мне, а может, просто боялась снова расплакаться прямо у него на глазах. Я больше не хотела кричать или обвинять кого-либо. Злость и гнев не вернут нам тех, кого мы потеряли. Поэтому я сосредоточилась на новом. На попытках спасти то, что осталось, и раз за разом напоминала себе, что мы вернули Кая и он обязательно поправится.

3

КАССИЯ

Я даже обрадовалась, что сдержалась от желания врезать Гипносу в самом начале нашего разговора, потому что он получил сильный удар от ближайшего дерева, когда мы вернулись к дому. Веста на пороге стояла заплаканная, но в таком гневе, что её зелёные глаза приобрели маковый цвет, как у сивилл, выдавая в ней способности к прорицанию. Ручка двери, за которую она держалась, треснула, ругань в сторону отца полилась потоком, а затем дерево рядом с нами ожило, и я едва успела пригнуться, чтобы ветка меня не задела. Гипнос не сумел увернуться и согнулся на траве от мощного удара в живот.

– Чтобы я ещё хоть раз поддержала твой керов план! Я потеряла одного брата, а теперь страдает другой! – рявкнула Веста, выплёскивая накопленный гнев. – В мой дом ты не зайдёшь!

Гипнос поднялся на ноги, пошатываясь и держась за ушибленное место.

– Дорогая, я же предлагал его забрать из клетки, но Камаэль сам отказался. Невозможно предугадать финальный исход, пока пытаешься изменить будущее, – елейным тоном оправдывался Гипнос, удерживая на губах виноватую улыбку, которая время от времени становилась страдальческой.

- Не можешь сделать как надо, не берись! - Не повелась на его жалостливый вид Веста, а повернув голову ко мне, она стала пугающе спокойной. - Кассия, заходи в дом, я приготовлю ужин.

- А Гипнос?

- Он пусть спит где хочет, но в мой дом не войдёт, - отрезала она, игнорируя присутствие отца.

Я опешила, глядя то на одного, то на другого, сомневаясь, можно ли оставить их в таком настроении.

- Это ведь и мой дом, - напомнил Гипнос с приклеенной неловкой улыбкой.

- Что-то ты не шибко об этом вспоминал, оставляя нас здесь с Камаэлем месяцами в одиночестве! Дом вновь станет твоим, когда сын, которого ты едва не угробил, выздоровеет!

От её угрожающего тона трава вокруг засветилась ярче, а плющ под окнами пополз по стенам дома, закрывая камень. Теперь я боялась Весту даже больше, чем Гипноса с его божественностью. Веста шумно выдохнула, плющ прекратил расти, а свет травы вернулся к привычной яркости.

- Всё хорошо, Кас, иди в дом. Я заслужил, а Весте нужно немного времени, - вполголоса заверил меня Гипнос, потирая живот. Я вспомнила, что иногда он спал в «Подворотне», может, Веста не раз гнала его из дома? Отец из Руфуса не самый примерный. Кажется, что он безмерно любит своих детей, но при этом до сих пор не знает, как правильно их растить. Или, может, он действительно считает, что оставлять их один на один с проблемами - это лучший вариант воспитания?

- Кассия, - строго позвала Веста, и я заторопилась в дом, часто оглядываясь на Гипноса.

Тот ободряюще кивнул. Как только я зашла, Веста с такой силой захлопнула дверь, что с потолка посыпались крупитцы. Она сделала глубокие вдох и выдох, утёрла слёзы и наконец посмотрела на меня. Вся краснота ушла из радужек, вернув им привычный зелёный цвет.

- Прости, - тихо пробормотала она. - Моя усиливающая эмоция - горе. Я с трудом держу себя в руках после произошедшего с Элионом, а теперь Камаэль. Отцу лучше не показываться на глаза, могу придушить случайно.

- Ты бы никогда не смогла его убить, - заверила я, успокаивающе сжав её плечо.

Веста мотнула головой.

- Нет. Однажды я действительно его чуть не придушила. Веткой дерева, та обвилась вокруг шеи. Тогда еле взяла себя в руки и отпустила.

Я замерла с открытым ртом.

– Это произошло после того, как отец вернулся из Санкт-Данама без тебя. В тот вечер я... я разрушила наш дом почти до основания, а пришла в себя, едва не задушив отца, – стыдливо призналась она.

– Эти земли принадлежат Морфею и подчиняются тебе? – уточнила я, и Веста кивнула.

– Всё хорошо. Я жива, – заверила я, видя, что тот момент её сильно травмировал. – А Гипносу есть куда идти или он будет спать на траве?

Веста встрепенулась, отбрасывая старые воспоминания.

– Он бог и может ночевать где угодно. Если что, пойдёт к Моросу, – отмахнулась Веста. – Ты голодна?

Я помотала головой, чувствуя что угодно, но не голод.

– Ты заперла сивиллу в своей комнате? Уверена, что от неё не будет проблем или всё-таки приковать её к кровати?

– Думаю, она достаточно напугана упоминанием о керах и тем, что они где-то поблизости. Хотя можешь на всякий случай создать на окнах решётки, – предложила я, и Веста задумчиво кивнула.

Она выглядела истощённой тревогой, лицо осунулось и совсем побледнело.

– Тебе самой лучше отдохнуть, а я посижу с Каем. Ему что-нибудь нужно?

– Нет, он под капельницей и проспит до утра, – пробормотала Веста, обеспокоенно глянув вверх по лестнице. Затем она закусил губу, рассеянно обводя гостиную взглядом. – Хорошо, я посплю немного, но если что-то будет не так – буди.

Я проводила её до комнаты, убедилась, что она ляжет. Веста рухнула на кровать, свернувшись калачиком, подтянув колени к груди, и почти сразу погрузилась в сон. Я ещё немного постояла рядом, наблюдая, как её дыхание выравнивается и замедляется, а затем вышла. После возвращения воспоминаний в комнате Кая я не бывала, и мне стало вдвойне совестно входить к нему без приглашения.

Я ожидала увидеть какие-то отличия в декоре: расцветке или мебели. Думала, что найду собрание памятных или любимых вещей. Может, Кай что-то коллекционировал? У Весты хранилась пара картин, по её словам, это настоящие человеческие произведения искусства, а не копии. Она сама любит рисовать, в углу у неё в спальне – мольберт и краски.

Однако комната Кая едва отличалась от моей. Мебель на вид новая, ковёр, балдахин и занавески чистые, на письменном столе и комодке практически пусто. На одном из низких столиков свалены лекарства и травы. Комната казалась необжитой и никак не характеризовала своего владельца. Даже его спальня и кабинет в доме Санкт-Данама что-то рассказывали о хозяине, но здесь... словно у Кая и не было детства.

Может, его вещи спрятаны где-то в коробках в подвале или убраны в кладовку? Или на Переправе нет ничего настоящего и на самом деле вечного, и все следы его детства исчезли с его переездом в Санкт-Данам?

Зашуршали простыни, Кай пошевелился, и это вывело меня из раздумий. Он шумно выдохнул и вновь затих. Единственного горящего торшера в дальней части комнаты было достаточно, чтобы видеть Кая, но занавески балдахина приглушали свет, чтобы его не разбудить.

Я проверила капельницу и лишь потом посмотрела на самого Кая. Он выглядел лучше. То ли сам помылся, то ли ему помогли целители. Лицо оставалось осунувшимся, синяки под глазами казались ещё темнее из-за удлинившихся теней, но кожа перестала быть серой. Кровь ртом больше не шла, и он размеренно дышал, лёжа на спине. Я проверила его лоб: тёплый, не горячий и не ледяной. Кай перестал потеть. Облегчение навалилось, и мне стало тяжело стоять. Самой захотелось лечь рядом и уснуть, прижимаясь к его тёплому боку, но я не стала, боясь разбудить.

С ногами забралась в ближайшее кресло, обняла колени и принялась наблюдать, отдаваясь отсутствию каких-либо мыслей и эмоциональному опустошению. Как только Кай поправится, будет новая возможность подумать, как жить дальше.

На рассвете меня разбудила Веста. От лёгкого прикосновения к плечу я вздрогнула и попыталась вскочить, едва не опрокинув кресло. Сердце заколотилось как сумасшедшее.

– Всё хорошо, – заверила она. – Я тебя сменю. Скоро придут целители и, скорее всего, Гипнос. На кухне есть завтрак. Твою сивиллу я уже покормила, дала ей новую одежду. И, Кассия, тебе тоже стоило бы.. переодеться, ты можешь воспользоваться моей ванной.

Я рассеянно кивнула и покачнулась, встав на ноги. Всё тело ныло от сна в неудобной позе. Я запоздало заметила засохшую на мне кровь раздавленного керой даория. Помню, что помыла руки, а потом голова была занята другим.

– Хорошо, – хрипло заверила я и, бросив взгляд на спящего Кая, нехотя вышла из его комнаты.

Я сделала, как Веста велела. Пошла в её спальню, а там в личную ванную комнату. Прохладная вода немного привела в чувство. Я выбрала первое попавшееся платье Весты. Чёрное, как почти все её наряды. Сандалии Весты были мне малы, но я уже хорошо управлялась с иллюзиями одежды и смогла их изменить под себя.

Я послушно спустилась на кухню и принялась за приготовленный завтрак. Каша и выпечка с трудом лезли в горло, но, даже не ощущая вкуса, я заталкивала их в рот, зная, что Веста будет переживать, если я не поем, а ей необходимо сосредоточиться на Кае. Я съела половину, когда пришли целители вместе с Гелионом и Гипносом. Последний спокойно прошёл в дом, они с Вестой вели себя так, словно вчерашней ссоры и не было, хотя взгляд дочери в сторону отца оставался холодным.

– Руфус, что мы будем делать с сивиллой? – спросила я, пока Веста сопровождала целителей к Каю, а мы с богом сна остались наедине.

– Точно. Кас, выведи её наружу.

Я отложила завтрак и пошла наверх. Лекса действительно переделалась в чистое красное платье с чёрной вышивкой. Свой завтрак она безропотно съела. Ей бы побольше осторожности, но либо она не боялась смерти, либо поверила, что травить или убивать каким-либо другим способом мы её не собираемся.

Сивилла рассматривала пейзаж за окном и не сразу обернулась на звук открывшейся двери, которую я отперла ключом.

– Доброе утро, – скованно поздоровалась она.

Я ничего не ответила, любезный разговор после произошедшего казался мне неуместным.

– Могу ли я погулять снаружи хоть немного? – уточнила Лекса, прервав продолжительное молчание.

– Зачем?

– Просто интересно. Вряд ли когда-либо ещё смогу побывать на Переправе.

Я скорее качнула головой, чем кивнула, но понимала её желание.

– Пойдём. Гипнос хочет с тобой поговорить.

Лекса сперва занервничала, похоже, на мгновение даже передумала покинуть комнату, а желание прогуляться перестало казаться хорошей идеей. Однако, немного помявшись, всё-таки пошла за мной. Гипнос ждал у одиноко стоящего ясеня недалеко от дома. Я уверенно шагала к нему по полям. Не оборачивалась, и так слышала, что Лекса идёт за мной. Она то отставала, то нагоняла, вероятно не в силах решить – попытаться сбежать или нет.

Гипнос медленно повернулся, и Лекса замерла как вкопанная, не дойдя пяти шагов. Лицо бога сна было лишено каких-то эмоций, напоминая любимое выражение лица Кая. Суженные зрачки пугали, а привычный голубой цвет радужки стал светлее. Гипнос мало моргал, а наклон головы и изучающий взгляд заставляли поёжиться. Я встала между ними чуть в стороне, ничем не выдавая странностей в его образе. Он будто намеренно пугал Лексу, обычно его лицо мягче и живее, с мимическими морщинами на лбу из-за подвижных бровей. Сейчас же они разгладились, вернув ему более молодой образ, но и менее человеческий. Я только теперь обратила внимание, что его каштановые волосы отрасли и немного вьются.

– Кассия сказала, что ты хочешь избавиться от своего дара провидицы. Почему? – перешёл к делу Гипнос.

– Из-за него я умру, – не сразу, но, кажется, правдиво призналась Лекса.

Мои брови вопросительно приподнялись, но я не стала вмешиваться. Гипнос лишь раз моргнул, ожидая более подробного ответа.

- У меня слабое здоровье. Из-за появления Кассии на свет многочисленные видения мучают меня и остальных сивилл. Будущее меняется с одного жуткого сценария на другой, но почти везде Даория в огне.

Я стиснула челюсти. После гибели Элиона я и правда не прочь увидеть всех царей вздёрнутыми в петле, но по-прежнему считаю, что смехотворна мысль, словно я способна сжечь всю Даорию. Они ведь говорят не об Эридане - городе, куда ведут проходы. Они постоянно упоминают весь их мир. Не знаю, способны ли на подобное боги. Даже если способны, то как это должно получиться у меня?

- Видений слишком много, они размытые, нечёткие, рваные на события, - пояснила Лекса. - Когда мы видим их во сне - это в целом нормально, но затем нам нужно передавать их царям. В этот момент мы испытываем физическую боль, у многих сивилл обострились хронические заболевания. Уже есть жертвы, и я чувствую, что стану одной из них, если продолжу показывать прорицания.

Я нахмурила лоб, припоминая встречу в переулке. Лекса предложила передать мне часть видений, а Микель упрямылся, отговаривая.

- У тебя есть какое-то лекарство, - встряла я.

- Да, но оно временное и помогает, только когда моё положение не критично.

Из кармана в складках юбки она достала знакомый пузырёк из тёмного стекла. Гипнос протянул руку, и Лекса отдала лекарство, но при этом выглядела испуганной, словно боялась, что он его не вернёт.

- Соли? - уточнил Гипнос, пригнувшись.

- Да, из розового озера в порошок семян асфоделуса.

Гипнос понимающе кивнул. Услышанное мне ничего не сказало, хотя последнее слово напоминало название цветка. Бог сна отдал лекарство Лексе, и она поспешно спрятала его в кармане.

Движением пальцев Гипнос приказал сивилле подойти ближе, она посмотрела на меня в поисках подсказки, но я никак не отреагировала, сохранив беспристрастное выражение лица.

Гипнос сам приблизился и, не спрашивая позволения, ощупал Лексе голову. Девушка прекратила дышать, вся вытянувшись в струну. Гипнос время от времени прикрывал глаза, что-то бормотал себе под нос, а затем отступил в тень одинокого ясеня.

- Соли и правда тебе не помогут, - равнодушно подтвердил он, а маковые глаза Лексы шокированно округлились. Может, в глубине души она ещё надеялась на положительный исход, и вот Гипнос растоптал его одной фразой. - Но ты думаешь в верном направлении. Если забрать у тебя

прорицание, то мучающие тебя боли исчезнут со временем. Ты излечишься сама.

- Ты можешь забрать дар?

- Могу.

Гипнос ласково улыбнулся, когда Лекса не смогла выдавить ни слова, издав сдавленный восторженный звук. Бог сна поднял руку, и в ней появился бутылёк с молочной жидкостью голубоватого оттенка.

- Вот лекарство от прорицания. Бери. - Гипнос протянул напиток Лексе.

Я опешила, не догадываясь, что скрывается в этом напитке. Лекса обратила на меня молящий взгляд, явно надеясь на подсказку, можно ли брать.

- Это ведь не отравя? - сдавшись, спросила я Гипноса.

Тот издал смешок, не отрывая хищного взгляда от сивиллы.

- Зачем же мне её травить? Она просто хочет избавиться от прорицания, которое получили её предки от моего сына, - удивился Гипнос, усиливая наигранность вопросительно приподнятыми бровями.

- Бери, пока даёт. Ему действительно незачем тебя травить, - согласилась я.

- Спасибо, - промямлила Лекса и забрала предложенное, но пить не стала, прижав склянку к груди.

- Это лекарство создано из иллюзий. Ты не можешь унести его с Переправы, поэтому пей, если желаешь излечиться, - настоял Гипнос, удерживая улыбку на губах.

Лекса шумно выдохнула, собираясь с духом, вынула пробку и, запрокинув голову, махом опустошила склянку. Поморщилась, но довольно быстро расслабилась. Пустая бутылка исчезла из её пальцев, а Гипнос глядел на сивиллу с интересом, едва наклонив голову. Я тоже принялась рассматривать Лексу в поисках изменений, но та оставалась собой.

- Сработало? - не выдержав, спросила она у нас.

- Глаза у тебя по-прежнему маковые, - ответила я, и мы повернулись к Гипносу.

- Лекарство сработает, как только ты выполнишь своё условие сделки, - облокотившись плечом о ствол и сложив руки на груди, пояснил он.

- Сделки с Привратником плохи, - пробормотала Лекса, мрачняя.

Я не сильно удивилась. Гипнос ничего не делает без выгоды. Он равнодушно пожал плечами.

- Можешь не выполнять. Ты хотела лекарство, и я тебе его дал, остальное в твоих руках. Но решить придётся в течение пяти дней. Не выполнишь свою часть, и лекарство растворится в крови, а ты продолжишь нюхать соли, пока... ещё способна дышать.

Жестокие слова заставили Лексу немного присмиреть. Она раздосадованно пожевала нижнюю губу, во взгляде появилось упрямство.

- Хорошо. Что мне нужно сделать?

Улыбка вернулась на лицо Гипноса, он оттолкнулся от ствола, проявляя былой интерес к разговору. Бог сна подошёл к Лексе, та не дрогнула и не отступила, лишь сжала пальцы в кулак.

- Я хочу, чтобы ты спасла своих сестёр, - сладко протянул Гипнос, обходя Лексу по кругу, как загнанную в ловушку мышь. - Хочу, чтобы ты помогла мне вылечить не только себя, но и всех остальных сивилл. Помогла забрать их дар прорицания, чтобы ни одна из бедняжек впредь не погибла от видений.

Он даже не пытался скрывать наигранную заботу.

Я прикусила щёку изнутри, чтобы не выдать удивления. Гипнос скользнул по мне взглядом. Несмотря на приклеенную улыбку, в глазах стоял ледяной гнев. Похоже, смерти Мелая ему стало мало, он отомстит остальным царям за отравление Кая. А так как он не может ничего сделать сам, то опять действует чужими руками.

- Ты хочешь, чтобы я остальным сивиллам подлила подобное лекарство? Но его же нельзя унести с Переправы, - уцепилась за первый же предлог Лекса.

- Теперь оно в твоём теле. Добавь свою кровь в напиток каждой сивилле, и лекарство подействует на всех вас. Пропустишь хоть одну сестру, и ничего не произойдёт.

- Но я... не все сивиллы хотят лишаться дара.

- Выбор за тобой, - сухо ответил Гипнос, теряя к ней интерес. - У тебя есть пять дней, а после в твоей крови не останется лекарства.

- Сомневаюсь, что смогу... в-ведь надо с-собрать всех. Дай мне б-больше времени.

- Нет, - отрезал Гипнос. - Это единственная сделка, которую я готов тебе предложить. Пять дней. Согласна?

Он протянул ей ладонь для рукопожатия, и взгляд Лексы заметался между мной и богом сна.

- Второго шанса он не даст, - подсказала я, уверенная, что в основном это месть царям, хотя и сивилл, похоже, Гипнос не против наказать.

Даже если большинство прорицательниц хотят избавиться от дара, то кто-то всё равно этого не желает. За счёт своих способностей они живут в роскоши

и недостатке, но что они будут делать со своей судьбой, лишившись главного преимущества? Знают ли они вообще, как жить без этого дара и благ, что приносит их статус? Я не чувствовала сожаления к Лексе. В конце концов, она хотела исцеления, и Гипнос его дал. Принимать его с полученными условиями или нет – уже её выбор.

– Я согласна, – сдалась Лекса и пожала руку Гипносу. – Как мне узнать, что всё сработало?

– Ваши глаза. Они снова станут естественного цвета, – заверил бог сна и сжал ладонь Лексы.

Та зашипела от боли, но Гипнос отпустил раньше, чем она успела воспротивиться или что-то сказать. Я подошла ближе, рассматривая отпечаток большого пальца, оставшийся на внешней стороне ладони Лексы. Тёмно-серый. Издалека можно подумать, что это грязь, странное родимое пятно или просто синяк.

– Что это? – недовольно спросила Лекса, пытаясь стереть след.

– Метка об условии. Она исчезнет, когда ты выполнишь свою часть сделки, или же пропадёт через пять дней, если ты провалишь договорённости, – ответил Гипнос, стряхивая упавший лист ясеня с плеча.

Метка сделки?

Я потёрла пальцами переносицу, вспоминая метку Элиона. Та больше походила на завиток, а не на отпечаток пальца. И всё же увиденное сейчас что-то напоминало.

– А у тебя почему не осталось? – недовольно пробормотала Лекса, и Гипнос одарил сивиллу снисходительной улыбкой.

– Метка остаётся до тех пор, пока долг не выплачен. Тебе лекарство я уже дал, поэтому моя метка не появилась.

Гипнос посмотрел на небо и рукой убрал упавшие на глаза волосы.

– Пойдёмте в дом. Скоро придут Иво и Мейв, они вернут тебя в Санкт-Данам, а там ты доберёшься в Дао... рию...

Он не договорил, потому что я сократила расстояние, схватила Гипноса за правую руку и резко дёрнула на себя, от чего он чуть не упал. Я развернула его запястье, видя старую, едва заметную отметину: блёклая, будто выцветла. Видела её раньше, даже спрашивала, когда ещё знала Гипноса как Руфуса, но он заверил, что это родимое пятно. Теперь я осознала, что это метка сделки. И подобную видела не только у него.

– Лекса, погуляй по поляне справа, – бросила я, не отпуская Гипноса.

Сивилла покорно отошла, а бог сна не попытался освободиться из моей хватки.

– Это тоже метка сделки, верно? – перешла к делу я.

- Верно.
- Она старая.
- Ей больше двадцати лет.
- Ты бог сна и уже двадцать лет кому-то должен?

Медленно с лица Гипноса сошёл какой-либо намёк на радость. Смесь эмоций во взгляде стала неясной: не злость, но и не грусть.

- Это Кай, верно?

Гипнос умело скрыл удивление, лишь уголок губ дёрнулся, словно он хотел усмехнуться, но передумал.

- Если что, это была его идея, сын не поверил мне на слово.

Я фыркнула, полностью поддерживая Кая. Попроси я что-либо у Гипноса, тоже просто так не повелась бы, тем более если на выполнение требуется время.

- Ты не скажешь мне условия сделки?

Гипнос аккуратно вытянул свою руку из моих пальцев и поправил рукав, всем видом демонстрируя, что не намерен это обсуждать. Элион упоминал, что, вероятнее всего, Кай тоже заключил сделку с Привратником, но после я решила, что это было ложью для Эля, точно такой же, как когда он притворялся представителем Дома Чревоугодия.

«Ты заставил меня подчищать дерьмо!»

Я замерла, ощутив близость к разгадке.

«По твоему поручению я решал проблемы за других, да ещё и нянькой стал для племянника архонта!»

- Твоим условием было подчинение Кая, чтобы он беспрекословно выполнял все поручения, - пробормотала я, вспоминая жизнь в Санкт-Данаме. Я слепо смотрела вперёд, но, озвучив эту мысль, моргнула и сосредоточилась на Гипносе. - Так ведь? Больше двадцати лет он делает всё, что ты скажешь. Поэтому он поддержал каждый твой план. Даже просидел неделю в камере!

- Нет, - отрезал Гипнос. - Этого я действительно не просил. Камаэль не внял убеждениям и сам приказал мне не вмешиваться. Я действительно начал этот план, но закончить его решил Камаэль. И не думай, что эта метка делает из него моего раба. Он всё равно волен выбирать и упрямиться. Как в твоём детстве, когда решил, что не желает позволять мне втягивать ребёнка в наши разборки с мойрами. Он заупрямился, как эриния, так что у меня не осталось выбора, кроме...

Гипнос умолк, вновь взяв себя в руки.

– Кроме как разыграть мою смерть для своих детей? – с горькой усмешкой уточнила я. Он не ответил, хотя было и не нужно. Эта часть пазла давно сложилась. – Ты мне не расскажешь, что Кай потребовал у тебя взамен?

– Нет.

Я кивнула, не ожидая ничего другого. Гипнос попытался смягчить резкий ответ ласковой улыбкой. Он сжал моё плечо и развернул к дому, намекая, что нам пора вернуться.

Я стиснула зубы, сдерживаясь от крика и проклятий. Устала ловить их на секретях, а следом искать ответы в одиночестве, но в то же время знала, что на Гипноса не подействуют ни крики, ни уговоры. На глаза попалась Лекса, которая, стоя на коленях вдалеке, рассматривала цветы мака.

– Ради чего ты хочешь отнять прорицание у всех сивилл? – тихо уточнила я, стараясь вытянуть хоть каплю другой информации. – И почему не сделаешь этого сам, раз можешь?

– Сделанное моими руками всегда будет иметь сильный резонанс. Моё невмешательство предпочтительнее, поэтому через других безопаснее.

Мне хотелось высказать недовольство тем, что и меня он использовал, чтобы убить Мелая. Хотела предупредить, что я это не забуду, но промолчала, заметив, что Лекса поднялась на ноги, отряхнула платье и направилась к нам, чтобы вернуться в дом. Гипнос наклонился к моему уху.

– Я собираюсь отнять не просто прорицание у сивилл, я хочу забрать лживую самоуверенность царей. Они так долго полагались на дар прорицательниц, что стали как слепые котята, неспособные осмотреться вокруг. Они верят каждому предсказанию, заразившись болезнью их богинь. Считают себя всесильными и смеющимися влиять на будущее, но пора сбить с них эту спесь. Пусть принимают решения, опираясь на свои мозги, а не на видения. Посмотрим, как они справятся, – Гипнос выпрямился, закончив рассказ.

– Ты так ухмыляешься, потому что доволен своим планом? – пробормотала я.

Улыбка Гипноса стала шире, как у самодовольного кота.

– Я подумал о сёстрах.

– О мойрах?

– Да, о мойрах и о их заблуждениях. В этот раз они будут бдительны, а эта сивилла станет моим очередным подарком. Если у сестёр ещё остались секреты, то мы совсем скоро их узнаем.

Рассказ о мстительном плане бог сна приправил мёдом в голосе и ласковым поцелуем в мой висок. На мгновение мне показалось, что, не сдерживая он себя, Гипнос действительно мог бы сжечь целый мир.

Весь оставшийся день я провела снаружи или на первом этаже, вновь предпочитая не мешаться под ногами у целителей. Веста изредка сообщала мне новости: Кай проснулся и чувствует себя лучше. Она же прибежала успокоить, когда из его спальни послышался шум, что-то разбилось, а судя по громкому голосу Кая, он был не рад принудительному постельному режиму. Простое недовольство переросло в гневные крики, и у меня сжалось сердце, когда я разобрала имя Элиона.

Моё одиночество немного скрасил приход Иво и Мейв. Они передали, что в ближайшие дни меня ждут на Совете архонтов, а бабушка хочет поговорить о принятии титула. Время свободы подходит к концу. Майрон продолжит руководить Домом вместе со мной, выступая в качестве регента, но советники желают, чтобы венец архонта взяла женщина, как и подобает правилам Дома Раздора. Даже если я предпочту позже передать венец Хлое, сперва сама должна пронести его несколько лет, в течение которых необходимо сохранить не только главенство, но и собственную голову.

В чём-то Кай был прав: с Элионом в качестве мужа мне было бы проще и безопаснее.

Я бросила взгляд на краснеющее небо за окном и сжала голову руками, оперев локти в кухонный стол. Я старалась не вспоминать об Элионе, потому что мысли о потерянном друге утягивали меня в пучину отчаяния. Мне начало казаться, что из каждой проблемы я в любом случае выхожу проигравшей.

Мейв с Иво ушли, пробыв с нами пару часов. Они забрали Лексу, обещая отвести сивиллу к ближайшему проходу в Даорию.

– Я же говорю, кирий, всё дело в запущенности его отравления. На ноги-то мы его поставим, но не быстро. Есть вероятность, что он ещё годами будет страдать от последствий, – вполголоса объяснял последний из оставшихся целителей. Другие двое ушли час назад в сопровождении Мороса.

Я вскочила на ноги, осознав услышанное. Гипнос и мужчина прошли мимо входа на кухню, даже не заметив меня. Не скрываясь, я последовала за ними на улицу.

– Есть какое-то средство для ускорения выздоровления? – уточнил Гипнос.

– Конечно. От отравления человеческим металлом помогает асфоделус. Но проблемы две... – бормотал целитель, расстроено качая головой.

Асфоделус?

– Первое: мы привыкли применять его в качестве мази, так как отравления человеческим металлом обычно внешние. Это ж какое зверство – подсыпать такое в напитки, – рассерженно взмахнул руками мужчина, вместе с Гипносом шагая по полю.

Я не отставала, они не могли меня не слышать, но не обращали внимания, увлечённые разговором.

– Сын архонта Гнева предложил дельную мысль касательно отвара. Есть записи старых разработок рецептов, но голова у него молодая, и его

экспериментальная формула выглядит многообещающе, – похвалил он Гелиона, который едва ли не выбежал из дома пару часов назад, вероятно получив задание от старших коллег-целителей. – Для настойки асфоделуса понадобится много, очень много цветка, но сейчас не сезон. Это вторая проблема. У нас большие запасы мазей, а самого цветка нет. Притом нужны не просто цветы, но и их семена. Асфоделус цветёт ближе к осени, а нам он необходим сейчас, чтобы уменьшить последствия.

Я наконец вспомнила, о чём они говорят. Асфоделус, или же асфодель. Довольно высокое растение с длинными листьями и в основном белыми цветами, собранными в кисти или метёлки. Форма цветка из шести острых лепестков чем-то напоминает лилию.

– Цветок смерти, – встряла я, Гипнос и целитель замерли и обернулись. – Зачем вам цветок смерти?

Гипнос снисходительно улыбнулся, сорвал один из маков под ногами. Тот в его руке вытянулся и полностью изменил форму, превращаясь в кисточку, которая распустилась белыми цветами.

– Не пугайся названия, Кас, их у асфоделуса много. Его также именуют «цветком забвения», – напомнил бог сна.

– Да, я слышала и об этом. Говорят, что по лугам асфоделя в царстве мёртвых бродят неприкаянные души. Мёртвые его едят, так как в клубнях много крахмала и чем-то похоже на картофель. А цветком забвения его называют, потому что он помогает умершим забыть свою прошлую жизнь, – выдала я весь заученный материал.

– Красивая легенда, – согласился целитель. – Хотя живым я бы не советовал его есть. У асфоделуса нужные свойства для противоядия отраве в теле Камаэля, и мы решаем, где его достать.

– Вы сказали, что он растёт осенью, но это же неправда.

– Правда. Это в мире людей он цветёт весной-летом, но нам предпочтительна здешняя разновидность цветка. Он отличается и цветёт осенью.

Я ткнула пальцем в цветок у Гипноса.

– Он только что его сделал и может создать ещё. Можешь ведь? – запоздало уточнила я у Гипноса, улыбка которого стала печальнее, цветок исчез из пальцев.

– Могу, но мои цветы – иллюзии. Целители не сумеют унести их с Переправы в лаборатории, чтобы приготовить лекарство.

Я резко согнула руку в локте, демонстрируя свой браслет, который он сделал реальным, чтобы я взяла украшение в Пелес. Гипнос всё понял без слов.

– Помни, что я говорил о невмешательстве. Из-за баланса лишь что-то незначительное и маленькое я могу сделать реальным, но для нужного

лекарства требуются килограммы цветков и семян. Небезопасно мне делать реальным такое количество.

Целитель потёр подбородок, осмотрел местность и согласно кивнул.

- Мы не сможем приготовить настойку здесь без специального оборудования и...

- Создай им оборудование, Руфус! Да хоть целую лабораторию создай, на Переправе это возможно!

Бог сна издал тихий смешок и положил широкую ладонь мне на голову. Я недовольно смахнула её, не позволяя воспринимать мои слова без должной серьёзности. Гипнос открыл рот, явно намереваясь возразить, но в последний момент промолчал. Его остекленевший взгляд устремился куда-то на юг.

- Идея с лабораторией хороша, - промямлил Гипнос, пребывая в своих мыслях. - Но, кажется, есть мысль получше.

- Какая? - воодушевилась я.

- Нужна помощь Фантаса.

- Фантаса? Если ты думаешь, что я могу помочь, то по-прежнему не знаю, не было ли всё чистой случайностью. Может, тебе и Как показалось, и я не...

- Вот и пришло время узнать, - уверенно оборвал меня Гипнос и обернулся к целителю. - Спасибо, Саяш. Доработайте формулу и приходите через пару дней, а пока мы с Вестой справимся.

Целитель поклонился нам обоим, попрощался, развернулся и пошёл в первом попавшемся направлении, зная, что совсем скоро выйдет в Пелес.

- Почему вы здесь? Я вас в доме искала, - привлекла наше внимание Веста.

- Что-то случилось? - заволновалась я.

- Нет, но Камаэль отказался принимать лекарства, пока ты не придёшь. Он хочет убедиться, что с тобой всё хорошо. А что вы здесь делаете?

- Решаем, как Кассия создаст нам необходимое количество асфоделуса, - заговорил Гипнос.

- Пап, мы уже обсудили бесполезность иллюзий цветка. Да и твоё вмешательство.

- Иллюзии - да, но сила Фантаса может сделать их настоящими.

- Глупости. Они станут реальными и за пределами Переправы, только если исполъ... О-о-о, - задумчиво протянула Веста, и они с отцом уставились на меня.

- Что? - не поняла я.

– Атрибутика, – подсказала Веста. – Каждый из сыновей Гипноса создал атрибут, помогающий усиливать их способность. Морфей сотворил два кубка. Один из рога, другой из слоновой кости. Если напоить из рогового кубка, то маковый нектар подарит видения будущего, а напиток в кубке из слоновой кости создаст ложные пророчества, которые я могу настраивать.

– Кубки работают как ворота в легенде про Сивиллу и Мелису? – припомнила я. – Выходит, кубков Морфея было два?

– Да, но ворота разрушились при взрыве на Переправе, а кубки были утеряны, – добавил Гипнос. – То же самое с копьём и щитом Фобетора, и с наручами Фантаса.

– Тогда как вы всё нашли?

– Не всё. Один из кубков оказался вовсе за пределами Переправы. Его принёс Элион в качестве платы за услугу. Второй кубок Веста нашла на территориях Морфея.

– Он воззвал ко мне, – призналась Веста. – Однажды я услышала звон и пошла за ним вниз по реке Забвения. Около потоков часто возникают кубки для жаждущих напиток. Обман или ловушка, вызывающая жажду.

Я кивнула: сама едва не выпила макового нектара.

– Я нашла кубок на дне реки. Она неглубокая, но вода непрозрачная и пришлось полдня искать, откуда исходит звон. С тех пор я не могу его потерять, – Веста раскрыла ладони, и два схожих кубка появились у неё в руках. – Они теперь всегда со мной.

Она демонстративно уронила артефакты на траву, и те исчезли. Веста встряхнула кистями, и предметы снова появились у неё в руках.

– Кай что-то искал недавно, – припомнила я, с трудом оторвав взгляд от кубков Морфея. – Копьё... ты отправил его искать копье и щит на территориях Фобетора?

– Да, я догадывался, что они нам пригодятся.

– Его покусали керы!

Гипнос тихо хмыкнул и сжал губы, пытаясь скрыть улыбку. Мне было не до смеха, а взгляд Весты стал предупреждающим. Гипнос откашлялся, возвращая серьёзный настрой.

– Обладая силой Фобетора, лишь Камаэль мог найти утерянные копье и щит. Керы прекрасно знают, что он может ими управлять при помощи этого оружия, вот и не хотели отдавать. Зато теперь они как шёлковые.

Веста упёрла руки в бока, не оценив его примирительный тон.

– А у Фантаса, значит, наручи? Кубки приносят видения, копье и щит управляет кошмарными чудовищами, а что делают наручи? – спросила я.

- Они усиливают способности иллюзий и фантазий. Ты можешь сделать их реальными. Так, например, Фантас однажды сотворил Морфею крылья. Настоящие крылья.

- Если я найду наручи, то смогу сделать столько асфоделуса, сколько понадобится Каю для выздоровления? Их даже можно будет унести с Переправы?

- Верно.

- Где найти эти наручи? - воодушевилась я, ощутив, что могу быть полезной.

- Они где-то на территории Фантаса, - ответил Гипнос и уставился на меня в ответ.

Мне понадобились долгие секунды, чтобы осознать намёк и почувствовать, как радость ускользает сквозь пальцы словно песок.

- Вы не знаете, как туда попасть. И тем более не знаете, где найти наручи, - озвучила я догадку.

Веста приобняла меня за плечи и повела к дому.

- Давай завтра попробуем поискать вместе. Ты ведь выбралась с его территорий к реке Забвения. Помнишь, как это сделала?

- Смутно. Я просто попросила Переправу меня вывести.

- Тогда завтра попытаемся сделать наоборот, хорошо? Может, Переправа даст тебе дверь на земли Фантаса. А сейчас проведай Камаэля, а не то он сам встанет и пойдёт тебя искать.

Гипнос с нами не пошёл, всё ещё побаиваясь оставаться на ночь в доме с Вестой. И судя по всему, к Каю он тоже предпочитал не подходить, пока тот не привыкнет к мысли об Элионе. Веста дала мне лекарство, которое должен принять Кай, и отправила наверх.

Кай сидел в кровати, облокотившись на подушки. Он ничего не сказал при моём появлении, а я бегло осмотрела комнату, подмечая, что он съел весь ужин и даже если и вставал, то только до книжного шкафа и обратно, потому что на одеяле лежала книга.

- Оказывается, ты примерный пациент, - разбавила я неловкое молчание, вспомнив слова Весты, что Кай хоть и кричал, но разбил несколько бутылок со стаканами случайно, задев поднос рукой.

- От Весты бесполезно бежать. Лучше быть смирным, и тогда она быстрее отпустит, - признался Кай и сам раскрыл ладонь, чтобы я отдала ему таблетки.

- Согласна. По её желанию одно дерево врезало Гипносу, - со слабой улыбкой поддержала я, отдавая лекарство и стакан воды.

- Заслужил, - сухо согласился Кай и проглотил таблетки.

Он выглядел лучше. Истощён по сравнению со своим обычным состоянием, но определённо поправляется. И всё же в глазах я различила затаённое горе. Ему удалось спасти Иво, но с Элионом произошло с точностью наоборот. Не попытайся Эль помочь Каю, то, может, остался бы жив. Сведения об отраве человеческим металлом доказывали обратное, Элион был обречён, как Авила и Деклан, но уверена, что Кай полностью стёр эту информацию из памяти, прокручивая лишь мысли о том, что Эль погиб от огня, защищая его. Я с трудом проглотила вязкую слюну, понимая терзающее его чувство вины.

- Мне известно про план, про твоё копьё Фобетора и какие у вас с Вестой силы, - после непродолжительного молчания призналась я.

- Вот как, - безучастно отозвался Кай и расслабленно откинулся на подушки.

- Я даже знаю, что у тебя есть какая-то сделка с собственным отцом.

Дёрнув подбородком, я указала на его правую руку, где на запястье было пятно от пальца. Он солгал, говоря, что это старый ожог от металла из мира людей. Кай взглянул на метку и едва слышно выругался. Он выглядел разочарованным её наличием и потёр пальцами, словно мог стереть, как грязь, но быстро бросил бесполезное занятие.

- Отец поделился с тобой условиями?

- Нет.

- Хорошо. Это наше с ним дело, тебе не стоит переживать.

- Есть хоть что-то, из-за чего ты позволишь мне переживать?

Кай ответил вымученной улыбкой.

- Мне холодно.

Мои брови взлетели вверх. Сейчас лето, погода на Переправе идеальная, а одеяла на вид достаточно тёплые.

- Ляжешь рядом? - напрямую спросил он, устав наблюдать, как я пытаюсь разгадать намёк.

Меня не нужно было просить дважды. Я выключила все светильники, кроме дальнего торшера, сбросила обувь и забралась под одеяло. Кай поправил подушки и лёг, заключив меня в объятия. Только теперь, ощутив настоящий покой, я поняла, как тревожно мне было всё время. Я уткнулась лицом Каю в ключицу. Пыталась не сдавливать ему рёбра в объятиях, но и боялась ослабить хватку, будто он мог исчезнуть.

- После всего увиденного ты не боишься лечь рядом? - едва слышно пробормотал он мне в волосы.

Я улыбнулась его волнению, прикрытому, казалось бы, простым интересом. Но Кай всегда интересуется с какой-то целью.

– Не скрою, немного тревожит, что у тебя целая армия свирепых поклонниц с когтями и огромными крыльями, – пробубнила я.

Кай сотрясся в беззвучном смехе. Оставалось надеяться, что они не испытывают к Каю собственнических чувств и не знакомы с ревностью.

– Они тебя не тронут, – расслабленно ответил он.

– Почему?

Я не стала прерывать затянувшуюся тишину, позволив Каю повременить с ответом. Одна его рука погладила мою спину, пока вторая массировала шею.

– Потому что я люблю тебя, – признание прозвучало с незнакомой беззащитностью в голосе, словно Кай осознал поражение, в которое не хотел верить.

Вместо восторженного трепета я ощутила давление в груди, заразившись смятением Кая. Счастье от того, что мы вместе, пришлось поделить на горе от потери Элиона. Несмотря на все их взаимные колкости, Кай определённо дорожил им не меньше, чем Иво.

– Кажется, ты впервые сказал это искренне, – ответила я, пытаюсь немного облегчить повисшее молчание.

Когда-то я воображала, как это будет, гадала, отличу ли искреннее признание от вежливого и лживого, или окажется, что я всегда заблуждалась и каждое его признание было правдивым. Но перемена была. В этот раз я уверена, что Кай сказал правду, и она почему-то оставила больше горечи, чем радости, будто он всеми силами пытался избежать именно этого исхода, но не смог.

– В Даории, за дни в одиночестве, у меня было время подумать, – тихо продолжил Кай, не прерывая поглаживаний. – Я сожалею, что оттолкнул тебя. Мне вовсе не следовало позволять нашим отношениям развиваться. Было слишком жестоко с моей стороны сказать тебе о любви, а потом бросить.

Это вновь не то, что я бы хотела слышать. Сердце болезненно кольнуло от мысли, что он вообще сожалеет о наших отношениях, но в то же время я понимала, о чём он говорил, и молча слушала дальше.

– Я многое обдумал и понял, что не смогу тебя отпустить. Представил месяцы, годы, десятки лет поблизости, но отдельно... Даже если бы Элион был жив, я бы не смог...

Кай сбился, дыхание стало прерывистым, я успокаивающе погладила его по спине.

– Ты не виноват в смерти Элиона, – заверила я. – Из-за смеси ядов у него... не было шансов. – Необходимые слова. Но как бы они ни были правдивы, сказанное вышло с трудом. – В ночь перед встречей Элион сказал, что ты

для него лучший друг и он готов позаботиться обо мне не столько из-за меня, сколько ради тебя. Элион поступил как Сирша, а вы все твердили, что я должна уважать выбор своей подруги.

Я старалась говорить ровно, проглатывая подкатывающие слёзы. Кай молчал, продолжая пальцами перебирать мои волосы.

- Знаю, что ты чувствуешь. Смерть Элиона не была напрасной. Он спас тебя.

Кай крепче стиснул меня в объятиях, на мгновение мне стало тяжело дышать, но я не сопротивлялась, зная, что ему жизненно важно ощутить что-то реальное, избавиться от зыбкости и потери. Он ослабил нажим, и я вдохнула свободнее.

- За Элиона они ещё ответят, - едва слышно пробормотал Кай. Несмотря на сонный голос, он говорил серьёзно. - Мойры хотели Единого царя, тогда я доберусь до всех остальных и помогу Микелю остаться одним и единственным.

У меня мурашки побежали по спине. Объятия стали расслабленными, лекарство подействовало, и Кай мирно уснул. Я и не подумала уйти, сама закрыла глаза, анализируя услышанное. Сомневаюсь, что Кай остановится. У него есть керы, но цари тоже сильны. Их армии многочисленны, и если он убьёт хоть одного из них, то Даория откроет охоту уже не только на меня, но и на самого Кая.

Я разделяла его чувства, мне хотелось видеть каждого из царей мёртвым, но и слепая месть здесь не поможет. Я желала, чтобы они исчезли из моей жизни, чтобы более не представляли угрозы и чтобы впредь Каю не приходилось за меня бояться. И раз даории отказались от официального перемирия, то нужно найти другой способ навсегда избавиться от них.

4

КАССИЯ

Я задержала дыхание от звука разбившейся бутылки. Затем в стену полетели два недавно наполненных бокала. От третьего удара я вздрогнула, но продолжила прятаться.

После полудня я проснулась в постели Кая одна, а спустившись на кухню и увидев Весту в одиночестве, уже почувствовала неладное. Дочь Гипноса сидела за столом в полнейшей тишине, обнимая кружку с чаем, который давно перестал быть тёплым. Она сказала, что Кай ушёл на рассвете, но не стала его возвращать, прочитав оставленную им записку.

Я хотела бы проявить такое же уважение и чуткость к его горю, как это удалось Весте, но беспокойство перевесило, и я последовала за ним в семейный склеп архонтов Дома Чревоугодия. Уже бывала здесь, когда собранный в урну прах Элиона поставили за одной из мраморных плит, среди его предков. Отыскав Кая, я подавила первый порыв выйти и утешить его. Поняла, что это нужно мне, а не ему. Кай же не искал успокоения, ему необходимо было выпустить всё, что приходилось держать, поэтому я спряталась за широкими колоннами, решив дать ему столько времени, сколько понадобится.

– Ну же, Элион! Я принёс бурбон, который ты у меня клянчил, – с горьким смешком выплюнул Кай, схватив новую бутылку алкоголя. Неуклюже плеснул напиток в один из приготовленных бокалов, отпил и поморщился. У него едва заметно тряслись руки от смеси гнева и горя, которую он попытался утопить в алкоголе ранее, опрокинув в себя одну бутылку чего-то крепкого. – У этой дряни невыносимый ценник для какого-то бухла, но ты клянчил и клянчил.

Наступила напряжённая пауза, я тяжело задышала, когда взгляд Кая вновь ожесточился. Он сделал ещё несколько глотков напитка, словно через силу. Оставшаяся в бокале жидкость разбавилась кровью, доказывая, что до выздоровления Каю слишком далеко.

– Я хранил его для тебя, хотел подарить, – с напряжением выдал он, зло взглянув на мраморную плиту Элиона. – Куплю ещё тысячи бутылок этого дерьма, поэтому возвращайся и пей. Возвращайся, я сказал! – рывком Кай, швырнув бокал в одну из колонн.

Он ещё что-то крикнул, но я не разобрала за звоном разбитой бутылки. Жидкость расплескалась по полу. Послышался топот ног со стороны коридора, я едва успела перехватить пожилую жрицу – смотрительницу за склепом.

– Что же творится? Откуда столько.. – возмущённо залепетала она, но я оттащила женщину подальше, чтобы она не попала Каю на глаза.

Я приложила палец к губам, моля её помолчать. Торопливо сняла с запястья один из браслетов – украшение, которое мне постоянно приходилось носить, чтобы поддерживать статус наследницы. Тот был из артемзии, но сейчас я не задумываясь отдала его смотрительнице.

– За беспокойство и за последующую уборку. Прошу.

Она была из Дома Чревоугодия, но явно меня узнала. Глаза распахнулись, рот растерянно приоткрылся, со стороны склепа послышался новый шум: кажется, Кай ещё что-то разбил. Однако я не спускала глаз со жрицы, преграждая ей дорогу. Я не знала, что ещё ей предложить, не хотелось переходить к угрозам, а других украшений у меня не было. Будь это склеп Дома Раздора, я бы уладила всё легко, но сейчас Кай громил чужое святилище.

Жрица не сразу, даже с некой опаской приняла взятку, несмотря на продолжающийся шум за моей спиной, слегка поклонилась и аккуратно попятилась. Я позволила себе бесшумно, протяжно выдохнуть, когда она скрылась за поворотом и даже закрыла дверь. Я напряглась, поняв, что в

склепе повисла гнетущая, пугающая тишина. Вернувшись в своё укрытие, я выглянула. Кай тяжело дышал, лбом уткнувшись в надгробную плиту Элиона, пальцами он держался за края, будто намеревался её снять, чтобы достать урну с прахом, но в последний момент сдался, оттянув мрамор лишь на сантиметр. Пол был усеян осколками бокалов, бутылок и ваз. В лужах воды и алкоголя валялись цветы, которые Кай принёс вместе с напитками и другими дарами, словно запоздало пытался подарить Элиону всё, что он когда-либо хотел.

– Боги, как же я тебя ненавижу, – едва слышно прошептал Кай. – Ненавижу больше всех на свете.

У меня защипало в глазах, я часто заморгала и отвернулась, зная, что всё с точностью до наоборот.

– Спасти меня – твоё самое идиотское решение. Оно глупое и бессмысленное. Ничего тупее придумать было невозможно.

Я до боли закусил губу, стараясь не разрыдаться, потому что слышала отчаяние в голосе Кая. Мне стало стыдно, что я посмела быть свидетелем его горя, но не могла себя пересилить и оставить его одного. Страх, что ему станет хуже, душил вместе со сдерживаемыми слезами.

Кай ещё что-то шептал, но всё тише, и я уже не могла разобрать слова. Ему потребовалось много времени, чтобы прийти в себя. А после он отцепился от плиты и, к моему облегчению, толкнул её обратно, возвращая на место. До этого я ещё боялась, не решит ли он забрать прах Элиона, не вскроет ли могилу, лишь бы убедиться, что там что-то есть. Но, к счастью, Кай взял себя в руки. Его покрасневший взгляд обвёл пол, а после он безошибочно нашёл моё укрытие.

– Иди ко мне.

Его надтреснутого голоса хватило, чтобы я сразу выбралась на свет. Кай раскрыл руки, и я стремительно пересекла просторный зал, чтобы его обнять. Стекло трещало под ногами, но я не обращала внимания, обхватив Кая руками. Он стиснул меня в ответ, уткнулся лицом в волосы и судорожно выдохнул. Я ничего не говорила и не спрашивала, дав возможность успокоить разум, но я чувствовала, как надрывно бьётся его сердце, как с хриплым свистом выходит воздух из лёгких. Этот внезапный приступ гнева лишил его остатков сил, Кай почти повис на мне, словно я спасательный круг в открытом океане.

Помимо потери сил он ещё был и не совсем трезв, хотя я не представляла, сколько ему нужно выпить, чтобы оказаться в подобном состоянии, хотя, может, подорванное здоровье сделало его более восприимчивым.

Мне удалось привести Кая на Переправу только к вечеру, где Веста поставила ему новую капельницу и уложила спать. Я не стала рассказывать подробности происшествия, но его сестра и не спрашивала, похоже, зная повадки и мысли младшего брата лучше кого-либо другого.

Рассвет занялся, и я нехотя выскользнула из объятий Кая. Он прижимал меня к себе всю ночь, и нечто беззащитное в этом жесте делало мой ранний уход ещё сложнее.

Может, мне повезёт, и я справлюсь довольно быстро? Я почти искренне верила в эту мысль. Она подбадривала, пока я сменяла ночное платье на штаны, подпоясанную тунику и сапоги из тонкой кожи. Заплела волосы в косу, стараясь не гадать, что меня может ждать на территориях Фантаса. Однако не готовиться к проблемам было бы глупо. Благодаря способности к иллюзиям мне не требовалось брать с собой оружие или еду.

Я оставила короткую записку Весте, заверила, что не забыла её браслет и, если что, найду дорогу домой. Я догадывалась, что она, Кай и Гипнос будут не в восторге от моего исчезновения, однако что-то внутри подсказывало отправиться одной, раз за пройденные столетия даже Гипносу не удалось попасть на территории Фантаса. К тому же я не была уверена, что найду путь.

Выбравшись из дома, я просто пошла вперёд, помня, что Переправа сделает всё за меня. На протяжении восьми лет это был мой дом, и, судя по рассказам, в детстве я бродила по разным местам. Однако после возвращения воспоминаний по собственной воле не заходила дальше маковых полей.

Солнце полностью показалось из-за горизонта, маковые цветы ярче загорелись красным, а трава стала зеленее. Я упрямо шагала вперёд по холмам. Дом давно пропал из виду. Луга время от времени сменялись рощами или фруктовыми садами, но всё равно тут и там виднелись маки, подсказывая, что я не покинула территорий Морфея.

– Ну хорошо, пришло время попросить, – сдалась я спустя очередной час бесполезных блужданий и опустилась на колени в траву.

Я положила руки на землю и прислушалась. Веста говорила о звоне. Я зажмурилась, пытаюсь сконцентрироваться, но сомнения не позволяли сосредоточиться. Уже не первый день я ощущала полнейшее опустошение, которое достигло апогея и окатило внезапной сонливостью.

Я резко распахнула глаза, упав лицом вперёд, словно действительно отключилась на время. Щёку обжёг песок, и я неуклюже подскочила на ноги. Небо было выкрашено в оттенки заката, всё ярко-алое с оранжевым, тепло серого песка чувствовалось даже сквозь ботинки. Я торопливо завертелась, осматривая пейзаж. Маковые поля пропали, оставив меня в середине нереалистичной пустыни. Мягкие барханы перекачивались волнами, совсем вдалеке виднелись красные и чёрные скалы. Но оцепенеть меня заставили не они, а огромного размера чёрная дыра на небе. Яркий свет искривлялся, спиралью овивая ониксовую черноту. Свет беспрерывно двигался вокруг, засасываясь во тьму. Мощь и величие чёрной дыры завораживали и пугали до дрожи. Та доминировала на небе, не давая забыть о её присутствии. Из-за гигантского потока света, окружающего тьму, чудилось, что и земля под ногами находится в беспрерывном, но медленном движении по своей оси.

Несмотря на окружающее тепло, я поёжилась. Можно было притвориться, что я не узнала территории Фобетора, но правда была очевидной. Тем более, оказавшись здесь, я вспомнила пейзаж. Пустыню, чёрную дыру и расщелину, в

которую упала. Я нервно обернулась в поисках последней, но вокруг только пески.

– Это кошмары и не более, – напомнила я себе, когда тело вновь замерло при взгляде на круглый провал тьмы в ореоле света. – Земли Фобетора и должны пугать.

Вспомнив о своей основной цели, я напряглась, воспроизводя в голове увиденные территории Фантаса. Неплохо, что мне удалось покинуть земли Морфея, но я по-прежнему не там, где надо. Я долго жмурилась, но каждый раз, когда открывала глаза, ничего не менялось. Не имея другого плана, я продолжила шагать, взбираясь на ближайшую песчаную дюну.

Спустя полчаса в тишине земель Фобетора я немного расслабилась, привыкнув к окружающей обстановке. Молчание и отсутствие каких-либо признаков жизни навевали беспокойство, но вместе с тем пейзаж казался прекрасным из-за своей нереальности. Сапоги вязли в песке, я обернулась, чтобы проверить, как далеко ушла, но у меня на глазах оставленные следы исчезли, возвращая пустыне нетронутый вид. Вначале это показалось забавным, но спустя ещё час появилось ощущение, что земля Фобетора пыталась избавиться буквально от любых признаков моего пребывания здесь.

– Твой хозяин любит меня, произошедшее в детстве – недоразумение! – твёрдо заявила я, и ветер будто специально с удвоенной скоростью смёл оставшиеся следы. Я громко фыркнула, догадываясь, что мне здесь не рады.

– В следующий раз я приду с ним и докажу! – припугнула я.

Мне не казалось глупым разговаривать с Переправой: она действительно живая и способна реагировать на мои эмоции и придуманные образы, даже могла помочь, если хотела, но сейчас явно не была настроена на услуги. Похоже, землям Фобетора я вообще не нравилась. Гипнос оторвал ради меня часть Переправы, и это привело к катастрофе, они могли затаить обиду. Я умолкла, решив больше не препираться.

– Выходит, время здесь не двигается. – Отсутствие звуков утомляло, и я изредка бормотала короткие фразы себе под нос.

Погода и освещение не менялись. Я запоздало поискала взглядом солнце или другую звезду, но не нашла. Весь свет шёл от яркого потока вокруг чёрной дыры. Я упрямо шагала дальше, спина и шея вспотели. И только запыхавшись, я поняла, насколько в действительности жутко не чувствовать перемен. Солнце не катилось с востока на запад, ветра почти не было, как и других звуков, а любые следы исчезали за моей спиной, путая сознание. Я всё сильнее сомневалась в прошедшем времени. Шла уже час или три? Вспотела и устала от жары или от затянувшейся ходьбы? Стоило мне задуматься над этим, и я принялась подсчитывать шаги, но сбилась после первой же сотни. Разум, путаясь в реальности, паниковал, и мне пришлось остановиться и привести сбитое дыхание в норму.

– Это кошмары. Игра Фобетора, – напомнила я себе вслух. – Ужасы – это не обязательно устрашающие твари и чудовища. Паника, страх, отчаяние. Всё здесь пытается сбить меня с толку.

Я создала флягу с водой. Первые три глотка действительно напоминали желанную воду, а затем по языку растёкся маслянистый привкус, и я всё выплюнула. Вылила остатки из фляги на руки, стараясь понять, почему она испорчена, но по виду жидкость по-прежнему оставалась водой.

– Галлюцинации? Серьёзно? – недовольно бросила я неприветливому пейзажу, а не получив ответа, швырнула флягу на песок, который моментально засосал предмет в себя, опять стирая отпечатки моего присутствия. У меня побежали мурашки по спине, но я не поддавалась страху. – В прошлый раз ты скинула меня в расщелину, попробуешь сделать это ещё раз, и я все твои пески покрою лугами с розовыми цветочками! – раздражённо предупредила я, стараясь звучать непреклонно.

Веста учила, что Переправа бывает капризной, как ребёнок. Главное – не позволять ей собой манипулировать, но я выдала угрозу наугад, решив, что неспроста у земли Фобетора такой пейзаж и перемены не придутся ей по душе.

Я ощутила движение сзади и обернулась, сердце лихорадочно забилось, и я попятилась, пока из-под песка поднималась фигура. Серые песчинки ссыпались с длинных конечностей, и я узнала онира раньше, чем он полностью выпрямился. Не тратя время на крик, я вытянула руку, сосредотачиваясь на иллюзии пистолета в ладони. Онир не успел среагировать и показать мой страх, я выпустила пулю ему в голову. Звук выстрела прозвучал глухо, здешний воздух приглушал высокие звуки и резал эхо. Онир рухнул обратно, а я отвернулась, не желая видеть, что осталось от его мозгов и есть ли они у него вообще.

Песок под ногами завибрировал. Я завертелась на месте, ожидая, не начнёт ли дюна подо мной проваливаться, но, наоборот, со всех сторон поднимались новые ониры, десятками всё это время дремавшие у меня под ногами.

– Да чтоб тебя.

Пристрелив двух ближайших чудовищ, я бросилась бежать к скалам. Не уверена, что те мне помогут, но, по крайней мере, из камней не вылезут новые неприятности.

Бежать по песку было тяжелее, чем идти, но я не останавливалась, услышав знакомое стрекотание за спиной. Я тяжело дышала, пока сердце надрывно билось, разгоняя кровь. Уже близко к подножию дюны я споткнулась и скатилась кубарем, стараясь уберечь голову и шею. Рухнув на ровной местности, несколько секунд не двигалась, не в силах подняться из-за головокружения.

На мгновение мне захотелось схватиться за браслет Весты и попросить Переправу вернуть меня домой, но яростный вопль привёл в чувство, и я мигом подскочила. С десятков ониров, оказавшихся ещё более неуклюжими, нерасторопно ползли вниз по склону дюны, но далеко в небе показались летящие фигуры, и вся кровь отлила от моего лица. Это могли быть либо керы, либо эринии, а встречаться ни с теми ни с другими без Кая совсем не хотелось.

Я бросилась бежать дальше, на ходу мысленно прося Переправу отвести меня на территории Фантаса. Но сколько бы ни визуализировала, ни вспоминала и ни умоляла, под ногами продолжал оставаться песок. Я не могла отделаться от ощущения, что мне нельзя сдаваться. Возвращение выдаст мою слабость, и тогда поиски территории Фантаса растянутся на недели, а то и месяцы, но наручи нужны мне уже сейчас.

До скал оставалось меньше ста метров, ноги едва слушались, а преследующие ониры были совсем близко. Сверху накрыла тень и, схватив за руку, она резко оторвала меня от земли. Крик боли застрял в горле, я задохнулась от паники, глядя вниз. Земля удалялась, ониры завертелись на месте, запрокидывая уродливые головы. Я взглянула на держащее меня чудовище и узнала керу. Её когти на пальцах царапали кожу, но не впивались. Она несла меня по воздуху словно добычу, и мимолётное облегчение сменилось тревогой: есть ли у неё гнездо и может она тащить меня к своим сёстрам, чтобы вместе разорвать на обед?

Не хотелось её убивать, похоже, она спасла мне жизнь, поэтому я направила пистолет в сторону, надеясь спугнуть её выстрелом, но не успела даже нажать на спусковой крючок, как кера презрительно фыркнула и отпустила мою руку.

Пару мгновений я зависла в полёте, а последующий удар спиной о песок выбил остатки мыслей. Боль пронзила всё тело, я застонала, не в силах двинуться. Из песка показались лапы других ночных кошмаров, они схватили меня и начали утягивать под песок. Паника захлестнула разум, пока я пыталась отбиваться, но никак не могла перевернуться. Рук было слишком много, одна из них содрала мой браслет, а следующий мой вопль быстро оборвал попавший в рот песок. Разум сковал настоящий ужас от мысли быть погребённой заживо. Я зажмурилась, когда меня резко дёрнули вниз, чужая хватка исчезла, но я погружалась в неизвестность. Давление песка становилось невыносимым, я не могла двинуть и пальцем, не могла дышать, сердце зашло в надрывном ритме. Внезапно все ощущения пропали, температура опустилась. Тело стало невесомым, а окутавшая со всех сторон влага впиталась в одежду. Оставшись абсолютно одна, я распахнула глаза, и вопль вырвался из моего рта пузырями. Я очутилась на глубине где-то под водой.

5

МИКЕЛЬ

Забрав Лексу, Кай и Кассия просто ушли, а я застыл, гадая, не сон ли это. Невидящим взглядом пошарил по земле. Вид растерзанных керами мертвецов и

тело отца казались нереальными. Всё произошедшее ощущалось фальшивой постановкой.

Баал твёрдо отдавал приказы, а я продолжал стоять, растерянный оттого, что оставшиеся в живых представители Клана Металлов смотрели на меня. Они ждали моих решений, а я уставился на мёртвого Мелая, не в силах почувствовать что-либо.

Я не готов к свалившейся ответственности, а мой Клан не готов к ничего не знающему царю. Отец держал меня подальше от управления, все полученные мной знания через нанятых наставников хоть и относились к будущему правлению, но никогда не касались нынешнего положения дел. Есть ли у нас долги? Обязанности или обещания перед другими Кланами? Могу ли я доверять хоть кому-то из царей или любое общение не более чем показуха? Я даже засомневался, стоит ли доверять советникам отца, но в действительности у меня нет других вариантов, кроме как положиться на них.

Взяв себя в руки, я распорядился, чтобы позаботились о погибших и раненых, и сопроводил тело Мелая в храм мойр, где его кончину засвидетельствовали жрицы. После вернулся во дворец, который теперь считается моим, и потерял какую-либо связь с реальностью. Я был окружён советниками, бумагами и рассказами о положении дел. Никто из них не упомянул о другом наследнике Мелая. Это навело на мысль, что они либо не знают, и тогда лучше не заикаться об этом, чтобы не устраивать смуту в умах, либо никакого другого наследника и нет, а отец просто пытался меня запугать. В любом случае задавать вопрос о другом принце прямо в лицо никому я не стал, решив выяснить правду позже.

Вспоминая о Лексе, я раз за разом пытался убедить себя, что Кассия не станет причинять ей вред. Она уже отомстила, выплеснув гнев на Мелая. Однако сознание рисовало жуткие картины при мыслях о Кае. Вот на его счёт я не уверен, и, похоже, даже Кассия не может за него поручиться.

Давно за полночь, а остаться одному мне позволили только полчаса назад. Советники поняли, что я более не в состоянии воспринимать какую-либо информацию, и всё-таки покинули кабинет, дав мне отдохнуть. Кабинет царя, ставший моим.

Я – глава Клана Металлов. Ещё несколько месяцев назад я не знал своей настоящей родословной, а теперь царь. Внутри нарастало давление, мне хотелось рассмеяться от комичности и ужаса сложившейся ситуации, но всё нервное веселье застревало где-то в горле, продолжая меня душить. Сегодня во дворце стоял переполох, но каким-то образом я сумел не поддаваться панике, мой голос почти не дрожал, пока я открывал рот и что-то говорил. Я внимательно выслушал десятки советников, среди которых был Креон. Я даже смог успокоить плачущую Октавию и распорядиться за ней присмотреть. Всё вроде бы казалось реальным, но стены время от времени покачивались у меня перед глазами, словно я был под дозой успокоительных препаратов.

Экономические, политические, торговые отчёты, донесения от представителей Клана Металлов из других городов. Всё это приходило ежедневно. Немыслимое количество информации, большую часть которой надо передавать ответственным и доверенным советникам, но проблема в том, что я их слишком плохо знал, чтобы понять, кому действительно можно доверять, а

кому нет. В нынешнем положении обдурить или подставить меня проще, чем пятилетку.

Ранее наставники упоминали, что Кассия вот-вот станет новым архонтом Раздора. Чувствует ли она то же самое? Помогает ли сестре Майрон, или её тоже бросили на произвол судьбы? Никто не высказался против моей кандидатуры на главенство в Клане, потому что нет никаких вариантов, но всё обязательно изменится, если объявится ещё один сын Мелая.

Я откинулся на спинку стула и запрокинул голову, разглядывая освещённую заревом лепнину на потолке. Есть ли смысл сражаться с истинным наследником? С детства надлежаще обученный кандидат станет куда лучшим вариантом для благополучия моего Клана. Мысль отдать своё место неизвестному единокровному брату не вызвала отторжения. Я не ощутил почти ничего, не находя в себе стремления к власти. Если мне что и было интересно, то это справедливость, поэтому я охотно лез разбираться с проблемами в Санкт-Данаме, но здесь... в нынешней ситуации уже не мог отличить, кто плохой, а кто хороший. И на какой из сторон оказался я сам?

Я помассировал пальцами виски, слыша, как сменяются гоплиты у дверей кабинета. Хочу того или нет, но охраняют меня с удвоенной силой. Завтра из Клана Огня должен прибыть новый телохранитель, который станет моей личной охраной. У Мелая тоже был, но от пули дочери он его спасти не сумел, да и, к несчастью, собственную жизнь в драке с керами тоже.

Нужно с чего-то начать. Ранее я отдал распоряжения о подготовке к похоронам отца, попросил советников выяснить о погибших и раненых, подсчитать количество. Их семьям будет выделена медицинская и материальная помощь. Завтра во второй половине дня состоится встреча всех царей. Я принялся выдвигать ящики стола и рыться в документах отца в поисках любых личных переписок, чтобы узнать как можно больше за оставшийся короткий срок.

Бессмыслица какая-то.

– О каком переселении идёт речь? – упрямо повторил я свой вопрос, так как, задав его в первый раз, получил от царей гнетущую тишину и тяжёлые взгляды.

– Сегодня на повестке разговор не об этом, а о ложном видении сивилл и сыне Гипноса, – перевёл тему царь Воздуха.

Я посмотрел на Пелия, а затем обвёл взглядом оставшихся царей. Лишь Баал казался мыслями совсем не здесь. Вчера погибло свыше сотни его солдат, из-за смерти Элиона именно Клану Огня Кай желает отомстить больше, чем другим. Я ожидал, что Баал будет в бешенстве, начнёт агитировать за открытые военные действия в сторону Палагеды, но, к моему удивлению, он молчал с начала встречи, думая о чём-то своём. Мне нравился Клан Огня из-за дружбы с близнецами, сейчас царь и вовсе выглядел едва ли не самым уравновешенным среди остальных, несмотря на управление буйной стихией. Хотя моя симпатия к нему сильно приуменьшилась, так как он содействовал Мелая в их паршивом плане.

– Палагейцы пересекли черту, убив Мелая и забрав одну из наших сивилл, да и как нам спокойно жить, зная, что Гипнос легко может открыть старый путь в Даорию? – поддержал Хел царя Воздуха, и я очнулся от своих мыслей.

– Пересекли черту? – с недоверием повторил я, гадая, не ослышался ли.

Я перестал испытывать какое-либо благоговение к присутствующим после того, как они не моргнув и глазом подставили меня, а с царём Воды мои отношения не заладились давно, поэтому я не стал даже притворяться.

– Не вы ли самонадеянно планировали убить наследницу Дома Раздора, пригласив её на мирные переговоры? – рявкнул я, потеряв остатки терпения. Я почти не спал, пытаюсь вникнуть в записи отца, и теперь, когда мы наконец собрались под вечер следующего дня, ждал более подробных разъяснений, но присутствующие упрямо переводили тему, выставляя себя жертвами. – Вы игнорируете первопричину их нападения, и пока что мы не получили ответа от самого Совета архонтов. Вы убили племянника архонта Чревоугодия, и сомневаюсь, что они это забудут!

– Своими рассуждениями, Микель, ты не позволяешь нам забыть, что в тебе течёт кровь Палагеды, – предупреждающе напомнил Пелий.

Не знаю, чего он ожидал, но его глаза округлились, когда я презрительно фыркнул.

– Она во мне есть и будет! Если хотите, попытайтесь забыть, что я сын Мелая и Илиры! Или попытайтесь забыть, что у меня есть сестра-близнец, которую вы раз за разом пробовали убить, хотя она не думала о Даории, занятая собственными проблемами! Забывайте о чём хотите, но это не изменит реальности, – я грубо выплёскивал всё накопленное, и мне было откровенно плевать на их чувства, уважение или другую показуху. – Я жил в Санкт-Данаме, общался с палагейцами и могу взглянуть на ситуацию с разных сторон. Вы использовали меня как червя на крючке ради самонадеянного плана, который, вместо того чтобы сработать, подвёл нас к войне с Палагедой! И сколько отговорок ни придумывай, виноваты именно мы! Если вас так не устраивало перемирие, то не стоило портить хотя бы существовавшую отстранённость между нашими мирами. Поэтому как насчёт того, чтобы продолжить эту встречу с некоторыми объяснений?!

Я ощущал, что разошёлся, но одновременно с этим знал, что мы на пороге настоящих проблем. Они использовали меня и моих друзей как скотину на убой, поэтому мне всё равно, с кем из царей я разругаюсь, сдерживаться не имело смысла.

– Поддерживаю, – сухо заговорил Баал. – Мелая больше нет. Девчонка убила его с лёгкостью, которой мы не ожидали. Она истинная глава Раздора, а сын Гипноса ведёт за собой ожившие кошмары.

– Мы уже обсуждали это, Баал. Вам не повезло столкнуться с самим Гипносом, он каким-то образом обманул сивилл, а на вас мог наслать галлюцинации, – со снисходительным сочувствием бросил на него взгляд Хел. – Это могли быть более низшие создания с Переправы. Эмпусы, например, но керы и эринии? Никто не способен управлять ими.

- Я пришлю тебе один из трупов тех тварей в качестве доказательства, - угрожающе пообещал Баал, мрачней на глазах. - Вас там не было, и вы не видели, с какой лёгкостью сын Гипноса сбросил свои кандалы. Вы так и не поняли?! Он просидел все эти дни в клетке намеренно! Мы его не схватили, он сам позволил себя сковать!

«- Что ты делаешь?

- Жду».

Воспоминание о его ответе ударило меня наотмашь. Я не придавал тогда значения услышанному, Кай выглядел не в себе. Теперь же всё встало на свои места. Я потёр переносицу, гадая, что бы Кай сделал, расскажи я ему тогда про Элиона. Сдержался и остался бы верным намеченному плану или же свернул мне шею?

- Как им удалось обмануть сивилл? - Илиос озвучил один из самых важных вопросов, на который ни у кого не было ответа.

- Дар сивилл идёт от Морфея, возможно, Гипнос может влиять на них, но почему он не делал этого раньше? - поддержал Пелий другим тупиковым вопросом.

- За лживым видением стоит не наш брат, а Морфей, - раздался знакомый голос.

Я торопливо встал и обернулся к мойрам. Остальные цари также поднялись, чтобы поприветствовать богинь. Клото натянуто улыбнулась и жестом пригласила вернуться к разговору.

- Морфей мёртв, - я первым озвучил всем известный факт.

Атропос с печалью посмотрела на трон за моей спиной, даже не задев меня взглядом. Не знаю, действительно ли она печалилась о смерти моего отца или просто грустила, что тот не справился с возложенной на него задачей.

- Верно, но не его сила, - возразила Клото, обратив внимание на себя. Мы все сели, готовые слушать. - Переправа по-прежнему хранит способности Морфея, Фобетора и Фантаса. Уже бывало, что у Гипноса рождались новые дети, способные перенять дары. Мы пристально следили за ними первые столетия их жизни, но те дети не были достаточно сильны. Унаследовавшие силу Фобетора лишь подчиняли низших кошмарных созданий, но никогда не могли взять под контроль кер и эриний, чтобы создать настоящую армию. Мы решили, что... - Клото переглянулась с сестрой, прежде чем продолжить, - ...что это невозможно, но Камаэлю удалось.

- У него копьё Фобетора, как в летописях, - встрял Баал.

Атропос согласно кивнула, будто сама всё видела.

- Керы чуть более податливые, но эринии своенравные и ненавидят чужой контроль, так как сами главенствуют среди кошмаров. Копьё, щит и личные

способности Камаэля к лидерству помогли ему встать во главе, – признала Атропос с долей восхищения.

Я невольно вспомнил, как Кай подчинил себе Кассию, пока та была под действием наркотика с кровью Дома Гнева. Тогда она едва не пристрелила Мейв, избив всех подонков. Её даже Деклан не мог сдержать, а Каю хватило голоса, и она подчинилась. Нехотя, но отдала оружие и смиренно осталась рядом, словно после приказа от хозяина.

Уважение и страх.

– Кто же получил способности Морфея? – вернулся я к первоначальной загадке, хотя стоило мне озвучить вопрос, и ответ сам собой завертелся на языке: – Веста дочь Гипноса?

Она создала иллюзию меча при драке в компании «Меридий», но тогда я сам был под действием отравы и сомневался, что увиденное не глюки. К тому же Веста поразительно похожа на Элиона, а не на Кая.

– Верно, – поддержала Клото. – Веста – старшая дочь Гипноса. Она никак не проявляла свои способности, тихо живя на Переправе, поэтому мы не воспринимали её как угрозу. После произошедшего мы с сестрой опросили сивилл, и те рассказали о девушке, которая перед видением поила их из кубка. Скорее всего, то был кубок Морфея для лживых видений.

– Что насчёт Фантаса? – добавил Баал.

Я открыл рот, но поспешно его закрыл, оставляя мнение при себе. Поддержав кратковременную задумчивую тишину, я почти решил, что пронесло, но, к несчастью, не мне одному пришла догадка.

– Девочка... Кассия. Она жива благодаря Привратнику, а именно Гипносу. Может ли она получить дар Фантаса? Это бы объяснило покровительство с его стороны, – обратился царь Земли к мойрам.

– Раньше мы бы опровергли эту идею, но нынешнее поколение наследников Гипноса сильно, – признала Клото. – Они способны на то, что у предшественников не получалось, поэтому я бы не стала исключать эту мысль.

– В таком случае девчонка опаснее, чем мы думали. Смешанная кровь, способности одного из детей бога сна, – возмутился Хел, будто оскорблённый новыми силами Кассии.

Я медленно выдохнул, сдерживая раздражение.

– Десять минут обсуждений и всё опять свелось к Кассии! – напряжённо повысил голос я, заставляя всех обратить внимание на себя. – Не она корень нынешней проблемы, а ваша неудачная попытка покушения! Кассия даже не была нашей проблемой, она разбиралась с собственной жизнью в Палагедде и Даория её не интересовала, но теперь... Вы думали, они никак не ответят на нападение?! Вы слепо доверились видениям! Как часто вы это делаете? Может, пора перестать все свои действия основывать на них?!

Я попал в точку. Цари оскорбились, но быстро скрыли эмоции за недовольством или задумчивостью. Они промолчали, и мне потребовались усилия, чтобы вовремя умолкнуть и не накалить обстановку ещё сильнее.

– Мы ходим по кругу, – сдержаннее закончил я. – Сейчас необходимо решить, как вернуть одну из наших сивилл и наладить отношения с Палагедой, пока всё не переросло в войну. И раз вы любите доверять видениям, то напоминаю, что, судя по предсказаниям, войну мы проиграем.

У меня есть лидерские задатки, я работал на Дардана Хилла и помогал разбираться с трудностями, создаваемыми даориями и палагейцами, но не знал, как выступать или склонять на свою сторону царей. Они привыкли, что все слушают их, а не наоборот, поэтому я повернулся к мойрам, надеясь на слово поддержки от них.

– Возможно, Микель прав, – заступился за меня царь Земли, я бесшумно выдохнул, заметив, что нервно задержал дыхание. – Лучше шаткое перемирие, чем открытое военное противостояние. Даже если мы победим, из-за кер и эриний именно наши потери будут невыносимыми.

– Тогда попытаемся вернуться к переговорам, – предложил я, надеясь, что Кассия всё же не пристрелит меня при следующей встрече. – Нужно вернуть Лексу. Однако меня по-прежнему волнует вопрос, на который вы не дали ответа. Почему в документах отца были расчёты о переселении?

Повисла тишина. Совсем как в первый раз. После второго меня перебили и перевели тему, поэтому, уверенный в недосказанности, я весь напрягся.

– Мы не планировали ставить тебя в известность так рано, но раз ты сам нашёл информацию... – начала Клото, вновь переглядываясь с Атропос, словно две сестры вели безмолвный диалог.

Мне не нравилось, как они тянули и выбирали, что именно сказать, а о чём умолчать.

– Зачем нам переселение? Вы хотите построить новый город и сделать столицей его? Ради чего...

– Не город, – оборвал меня Баал. – Мир.

– Мир? – переспросил я, будто не мог вспомнить смысл слова. Я не понимал, что он имеет в виду.

– Мы обсуждали такие варианты раньше, просчитывали затраты, масштабы необходимых усилий и лет для реализации задумки, – пояснил Баал. – Это просто проект в разработке. Потом сивиллы начали предвещать ужасы и конец Даории. Когда выяснилось, что во всём виновата наследница Раздора, решили с ней разобраться, но расчёты для переселения продолжали делать в качестве крайнего, запасного, варианта.

– Не слишком ли радикальные меры? Я понимаю, рассматривать это как запасной план вполне резонно, но зачем думали об этом раньше?

– Мы хотим вернуться в наш родной мир. В Палагеду, – ответила Атропос, и я застыл, ошеломлённый. – Мы желали сделать переход мирным. Ради этого и нужен был ты. Единый царь с кровью обоих миров.

Я часто заморгал, силясь уложить услышанное в голове.

– Это невозможно. Ни один из нас не может главенствовать над Палагедой, у них своя власть. Совет архонтов с Домом Раздора во главе, – убеждённо напомнил я, но взгляд метался от одного царя к другому в поисках поддержки. – Архонт Раздора никогда...

Я осекся, ощущая, как детали головоломки встают на свои места.

– Вы намеренно лишили Дом Раздора наследницы? Будущей главы? – ошарашенно пробормотал я.

– Нет, смерть Илиры, наоборот, всё усложнила, как и появление двух детей вместо одного, – возразила Клото. – Илира была бы матерью и главой Дома одновременно. Она могла помочь убедить Совет архонтов и свой народ в важности объединения и принятия нового Единого царя. Без неё мы потеряли способность влиять на мнение палагейцев мирным путём.

– Но была Калисто, – напомнил я.

– Да, но нам требовался покладистый архонт, заинтересованный в благополучии Единого царя.

– Поэтому с Калисто пришлось разобраться, чтобы ослабить Дом Раздора. К счастью, нам удалось создать видимость естественной кончины, – поделился Пелий, и я невидяще уставился на царя Воздуха.

– Калисто была моей бабушкой, – зачем-то пробормотал я, и Пелий моментально стёр горделивую улыбку.

Смерть Калисто не была трагической случайностью, как все думают.

Они убили мою бабушку.

Я откинулся на спинку, не в силах сконцентрировать внимание, хотя сведённые брови болели от напряжения. Чужой и тут, и там. Я не мог понять, что чувствовать по этому поводу.

– Всё бессмысленно, – снова заговорил я, пытаюсь сосредоточиться на информации, а не на эмоциях. – Зачем это переселение? У нас есть Даория.

– Это не наш родной мир. Пришло время вернуться домой, – ответила Клото, одарив меня ласковой улыбкой.

Богини смотрели на меня с теплом, взгляды казались доброжелательными и любящими, а остальные цари молчали, ожидая моей реакции. Это всё лишь сильнее сбивало с толку. Идея – суший бред, и я абсолютно не понимал, откуда она взялась спустя сколько?.. Тысячелетия?

– Если мы вернёмся в Палагеду, то произойдёт именно то, чего ты так желаешь, Микель. Со временем мы вновь станем единым народом, как было в самом начале, и мир наступит сам собой, – добавила Атропос, заметив моё смятение.

– Мы никогда не сможем объединиться с палагейцами, – уверенно возразил я, ошарашенный их непониманием. – Вы действительно их не знаете! Тысячелетия мы жили отдельно. У нас единые корни, схожий язык и традиции, но мы более не единый народ. И я говорю не только о наших способностях. Слишком много времени прошло. Если все даории попытаются вернуться, как вы говорите... домой, – я с трудом выдавил это слово, оно не имело ничего общего с правдой, – то палагейцы не примут нас с фейерверком и конфетти! Мы будем захватчиками в их глазах... и это абсолютная правда. Начнётся война! И даже при победе ассимиляция займёт многие столетия. Целые поколения проживут либо в страхе, либо угнетённые...

Я не сумел продолжить, наблюдая, как богини расслабленно кивают в такт моим словам. Я пытался переубедить, а они согласны? Их поведение сбило с толку, как и спокойствие на лицах царей, словно эти темы уже обсуждались, а я бессмысленно сотрясаю воздух.

– Определённо трудности будут, – согласилась Атропос, на её губах держалась успокаивающая улыбка, но я, наоборот, ощутил нарастающий ужас. Трудности?! – Разделение тоже шло проблематично, заняло годы, и никто не ждёт, что воссоединение пройдет легко, но территории Палагеды в два раза больше Даории. Сперва мы всё так же сможем жить отдельно, как две соседствующие страны, и затем медленно придём к нужному согласию.

У богинь в запасе бесчисленное количество времени. Несколько сотен лет для них ничто, тогда как для моего Клана это целые поколения. Я посмотрел на царей, ожидая реакции, ведь они должны осознавать, что это скажется на их подданных.

– Но у нас уже есть дом! Мы в нём живём! – не выдержал я, не получив никакой поддержки. – Даория действительно планета с меньшим количеством континентов, может в этом дело? Нам не хватает места? Деторождение, что у нас, что у палагейцев, процесс сложный. Детей появляется мало, и я не думал, что перенаселение когда-либо станет проблемой... – Я не успел озвучить все свои мысли и внезапные вопросы, встречу прервал стук в двери.

Не дожидаясь позволения, вошли гоплиты, а я резко вскочил на ноги, заметив между ними Лексу. Она выглядела усталой, понуро смотря под ноги, пока двое мужчин из Клана Воды практически волокли её в центр зала. Первоначальное облегчение при виде живой сивиллы сменилось недоумением, ведь только вчера её увела Кассия, и на этом совещании я надеялся совместно с царями решить, как нам её вытащить.

– Ваше величество, мы нашли её в доме прорицательниц вместе с Кругом Старших. Эту сивиллу ищут, поэтому мы пригласили её пройти с нами, но она отказалась. Пришлось привести силой, – отчитался один из них Хелу.

Лекса раздражённо дёрнула рукой, вырвав свой локоть из хватки говорящего стража, но он снова вцепился в неё, будто она действительно могла убежать.

– Я же сказала, что хочу переодеться. Даже приказы царей не дают вам права прерывать собрания сивилл, – горделиво вскинув голову, строго отчитала гоплитов Лекса.

– Отпустите её, она прорицательница моего Клана, и я не отдавал приказов приводить её сюда, – твёрдо заявил я, направляясь к Лексе.

В горле встал ком, но мне удалось сохранить спокойное выражение лица. Мужчины её отпустили и с поклонами отступили назад, намереваясь покинуть помещение.

– Со всем уважением, Микель, но это мы отдали приказ, сняв с тебя часть внезапно свалившейся ответственности, – с неприкрытой снисходительностью разъярил Хел.

Похоже, с царём Воды у нас действительно обоюдная неприязнь, но сейчас мне было не до препирательств. Я проигнорировал его заявление, больше обеспокоенный состоянием Лексы.

– Ты в порядке? – не думая о свидетелях, я взял её руки в свои, сивиллу колотила нервная дрожь, а вся показная уверенность – просто притворство, чтобы скрыть тревогу. – Тебя кто-нибудь обидел? Как ты вернулась?

– Я в порядке. Меня никто не тронул и хорошо кормили. Я только переночевала на Переправе в комнате Кассии, а после меня отпустили, сопроводив до прохода в Санкт-Данаме. Вернувшись, я хотела сменить одежду, увидеться с сёстрами, а потом пойти к тебе, но эти двое не хотели слушать, – она говорила тихо, пока я успокаивающе поглаживал её запястье, чтобы помочь унять дрожь.

– Что это? – я перевернул её левую ладонь, заметив бинт.

– Всё хорошо, это не они. Кассия и Гипнос мне ничего не сделали, – торопливо оправдалась Лекса, пытаюсь спрятать руку, но я держал крепко, осматривая. На бинтах была кровь, похоже, порез свежий. – Из-за этих болванов пришлось торопиться, и я случайно порезалась о ножницы на столе, – заверила она, бросив недовольный взгляд на гоплитов, открывающих двери, чтобы выйти.

Я позволил ей забрать ладонь, убедившись, что синяков на запястьях нет, платье достаточно открытое, чтобы осмотреть горло и ключицы. Я немного расслабился, не найдя никаких ссадин или ушибов. Вряд ли Лекса стала бы скрывать, если бы палагейцы её обидели.

– Это ведь та самая сивилла, которую забрали с собой? – уточнила Атропос, выходя вперёд, я отошёл, чтобы не загоразивать Лексу, но встал рядом, негласно оказывая ей поддержку перед богинями. – Как ты сбежала?

– Я не сбегала, – опять занервничала Лекса, торопливо кланяясь мойре. – Они меня отпустили. Судя по всему, я была временным заложником, чтобы они

могли беспрепятственно уйти. Утром двое палагетцев сопроводили меня в Санкт-Данам к проходу в администрацию. Оттуда я направилась вначале домой, а затем хотела доложить о возвращении своему царю.

– Мы рады, что ты вернулась целой и невредимой, – заверила Атропос, Лекса улыбнулась в ответ неуверенно, явно чувствуя себя неуютно под всеобщим вниманием. – Ты видела Гипноса?

– Да.

– Подойти ближе, я хочу посмотреть, что ты видела на Переправе. Может, это наведёт нас на понимание его дальнейших планов. Брат всегда любил их строить. – Атропос посмотрела на согласно кивнувшую Клото и протянула руки к Лексе, приглашая ту подойти.

Сивилла неопределённо мотнула головой и отступила на полшага.

– Я почти не говорила с Гипносом, он просто... просто спрашивал... про своего сына. С-спрашивал, кто я... и... потом меня сопроводили с Переправы. В основном я г-говорила с Кассией. Я могу рассказать, если...

Все с недоумением смотрели на Лексу, не ожидав её внезапного и столь очевидного волнения.

– Не будем терять время, – успокаивающе заверила Клото. – Сестра посмотрит так же, как и ваши видения. Это будет быстрее.

Лекса мёртвой хваткой вцепилась мне в руку, до боли сдавив запястье. Она бросила на меня затравленный взгляд.

– Я не могу, Микель, – едва шевеля губами, взмолилась она, не желая идти к Атропос.

Кровь отлила от моего лица, когда я понял причину.

– Твои соли? Ты потеряла их?

– Соли? – Мимолётное недоумения на её лице сменилось пониманием, Лекса энергично закивала. – Да, соли! Точно. Я не успела их взять. Они остались в другой одежде. Я не могу им показать...

– Думаю, Лекса очень устала после произошедшего, – заговорил я. В её ответе было нечто странное, но я сделал шаг вперёд, отвлекая внимание от сивиллы. – Она обязательно покажет вам увиденное завтра. Из-за демонстрации своих прорицаний ей бывает плохо, и лучше, если вы позволите ей немного отдохнуть.

Атропос с недоумением подняла брови, Клото задумчиво закусила губу, глядя то на меня, то на сестру.

– Да, прорицание – сложная способность, и некоторые сивиллы действительно с трудом переносят передачу видений, но сейчас речь ни о них, – заверила меня Атропос. – Я посмотрю пережитое ей вчера. Это абсолютно безопасно.

- Вы уверены, я ведь видел...

- Обещаю. Это отличается от передачи прорицаний.

Я обернулся к Лексе, но та побледнела как полотно. Хоть она и пыталась выглядеть сдержанной, но в распахнутых глазах читался ужас. Она сильнее сдавила моё запястье.

- Она пообещала, Лекса. Соли не понадобятся.

- Мне нельзя... я...

- Подойди, дорогая, - прервала Атропос чуть строже.

Лекса тяжело сглотнула, торопливо дыша через нос. Она с трудом разжала пальцы и медленно направилась к Атропос, время от времени бросая встревоженный взгляд на меня. Я старался сохранять уверенность и подбадривающе улыбнулся, кивнув. Если что-то пойдёт не так, я заставлю мойр ей помочь любым доступным способом. Взмахом руки я подозвал своего нового телохранителя от Клана Огня. С Тионом познакомился только сегодня, у нас разница в двадцать лет, но внешне он ненамного старше. Мне понравилась его молчаливость. Простого жеста хватило, чтобы он оказался рядом.

- Приведи целителя с лекарствами. Маловероятно, но возможен обморок, - тихо попросил я, и Тион тут же направился к выходу.

Дверь закрылась, и Лекса моментально обернулась на звук, не дойдя до Атропос несколько шагов. Я нахмурился, стараясь понять причину её тревоги. Есть ли смысл богиням врать, они ведь ничего не увидят, если ей станет плохо. По спине поползли мурашки от мысли, что что-то не так с её воспоминаниями. Её дар... она же хотела...

- Давайте перенесём это на завтра, - попросил я, широким шагом догоняя Лексу. - Она слишком устала, и эта сивилла принадлежит Клану Металлов. У неё нет наследников, и я должен быть уверен, что просмотр воспоминаний не подорвёт её здоровье.

Лекса буквально приросла к месту, в маковых глазах появилась надежда.

- Не стоит волноваться. С ней всё будет хорошо, - ответила Атропос.

Лицо Лексы вытянулось, когда она ощутила приближение мойры. Сивилла успела лишь обернуться, и богиня прикоснулась пальцами к её вискам. Я замер, видя, как вены Лексы на шее налились чем-то светящимся. Оно стремительно поднялось по подбородку и щекам, направляясь к её вискам. Словно нечто было в её крови и разом отозвалось на прикосновение богини, исчезнув под её пальцами. Глаза Атропос удивлённо распахнулись. Я задержал дыхание, не зная, что мне только что померещилось. Остальные цари притихли, наблюдая. Выражение недоумения Атропос сменилось изумлением, а следом ужасом.

- Нет... нет-нет... - лепетала богиня, мотнув головой.

Лекса мелко задрожала, но первый вопль боли сорвался именно с губ Атропос, за ней вторила сивилла. Секунды растянулись, всё тело Лексы вытянулось в болезненную струну, словно каждую мышцу свело спазмом. Они продолжали стоять, невидяще глядя друг на друга, они кричали, но не могли пошевелиться. Несмотря на гримасу боли, искажившую лицо Атропос, та не отнимала рук. Я бросился к Лексе, а Клото оттащила сестру от сивиллы. Обе обмякли и прекратили вопить, как только мы их расцепили.

- Вы солгали! - гневно закричала Лекса, едва не бросаясь на Атропос. - Это всё ложь! Вы знали уже давно!

Она едва стояла, пока я её держал. Всё тело сивиллы знобило, а щёки были в слезах, но она всё равно повышала голос на ошарашенную Атропос в руках Клото. Обе богини смотрели на сивиллу в ужасе и недоумении.

- Что он тебе дал? Что в твоей крови?! - опомнилась Атропос, пытаюсь встать на ноги.

Она казалась обессиленной, свет вокруг потух, и, несмотря на всю красоту, Атропос выглядела проще, чем мгновения назад, будто пелена божественности спала.

- Вы солгали!! - в бешенстве заверещала Лекса, и у неё пошла кровь из носа.

- Успокойся! Что происходит? - я пытался её утихомирить, но она вырывалась, намереваясь наброситься на мой с голыми руками.

- Ради этих лживых прорицаний погибла моя бабушка?! Мои сёстры?! Сколько сивилл умерло из-за этих кошмарных видений, а вы всё повторяли, что это Кассия?! Она лишь часть, и не самая главная!

- Кассиопея станет нашим концом... - залепетала Атропос, не в силах скрыть страх.

- Кассиопея, а не Кассия! Вы лгали! - эхо нового крика Лексы разнеслось по залу, а я не мог собрать мысли воедино. - Всё это ложь! Неважно, родилась Кассия или нет! Умрёт она или нет! Мы всё равно сторим!

- Неправда! - встряла Клото, бледнея. - Она усугубит...

- Да, усугубит, но не она... принесёт смерть... - Лекса захрипела, на губах появилась розовая слюна.

Цари повскакивали с мест, когда глаза Лексы закатились.

- Нет! - я встряхнул её, заставляя прийти в себя. - Целителя! Приведите целителя! - закричал я присутствующим, пытаюсь поддержать заваливающуюся сивиллу.

Послышались крики. Кто-то бросился в коридор. Другие цари также отдали приказы привести помощь. Я опустил Лексу на пол, готовый взять её на руки и самому отнести в больницу, но она пришла в себя и вцепилась мне пальцами в виски.

– Я помогу, это можно стереть. – К нам заторопилась Атропос.

– Они.. лгали, Ми..кель, – сквозь зубы зло процедила Лекса, пока розовая слюна смешивалась с кровью из её носа.

Я не успел ничего ответить. Мой собственный крик заглушил мысли, потому что Лекса начала передавать увиденное. Тело перестало слушаться, а сознание секунда за секундой горело вместе с Даорией.

Не знаю, как быстро нас разняли, но, когда я снова обрёл способность двигаться, рядом уже были трое целителей. Они пытались привести Лексу в сознание. Та не реагировала на соли и другие препараты.

Меня пару раз встряхнули, прежде чем я вспомнил, кем являюсь и что происходит. Взглядом я нашёл мойр, не в силах озвучить увиденный ужас. Все прежние пророчества я рассматривал лишь как возможное развитие будущего, нерешённое и нереальное. Будущее, которое можно изменить, если не сегодня, то завтра. Я был готов пойти на любые уговоры, может, даже согласился бы на убийство Кассии, если не оставалось бы шансов на другой исход. Но первопричина не она, а Кассиопея.

Я отмахнулся от всех целителей, приказав позаботиться о Лексе. Собственную кровь из носа я вытер белым рукавом роскошного царского наряда. Не спуская глаз с мойр, я приказал выйти всем, кроме царей и богинь. Похоже, произошедшее произвело немалое впечатление, чтобы мои приказы выполнили незамедлительно. Целители унесли Лексу на носилках, пообещав сделать всё возможное. Меня разрывало от желания плюнуть на всё и пойти с ними, чтобы узнать, насколько Лексе плохо, но я не мог.. не мог после всего увиденного.

– Гипнос, он что-то дал сивилле, – заговорила Атропос в повисшей тишине.
– Он её обманул.. всех нас обманул. Прорицательнице передались мои видения случайно. Необходимо понять, что брат задумал, дав нечто, способное..

– Кассиопея, – хрипло перебил я, не позволяя сбить себя с толку оправданиями. Я не понимал, почему уверен, но чуял, что показанное Лексой – настоящее будущее. Не ложь и не обман Гипноса, не сон и не иллюзии. Настоящее даже не прорицание, а само знание. – Мелай рассказал, что это последнее слово, произнесённое Илирой перед смертью. Его слышали Майрон и Калисто. Сперва решили, что это был предсмертный бред, потому что из её покоев во дворце было видно одно из самых знаменитых созвездий, в центре которого звезда по имени Кассиопея. Прекраснейшая на нашем небе, – я оборвал речь, видя понимание на лицах мойр. Они не сопротивлялись, не пытались отобрать то, что мне показала Лекса, не собирались возражать или отговаривать.

Я с трудом перевёл дыхание, окончательно убедившись, что увиденное правда.

– Почему вы не сказали?

– Ранее мы были неспособны говорить и боялись вмешиваться так открыто, не знали, к чему это может привести, – дрожащим голосом призналась Клото,

скорее напоминая молодую испуганную девушку, чем богиню, плетущую нити судьбы. – Мы привели вас в этот мир, мы же и хотели спасти.

– Что ты видел? – вмешался Илиос.

Я повернулся к царям, выражения их лиц подсказали, что они не понимают.

– Похоже, что Илира успела дать своим детям имена перед смертью. И она действительно назвала Кассию в честь небесного тела. Только погибнет Даория не из-за моей сестры, а из-за взрыва звезды. Та находится к нам довольно близко, и если не сам взрыв, то выброс радиации уничтожит здесь жизнь. Мы не можем этому помешать, – с отстранённым смирением объяснил я. – Действия моей сестры тоже каким-то образом сыграют роль, но Даория сторит и без её вмешательства.

Атропос вытянула руки, и в них появились десятки золотых нитей, они сверкали и лучились в её ладонях. Были разной длины с одной стороны, но с другой все обрывались одинаково, в одном месте. Серые, будто опалённые концы.

– Это ваши нити и нити ваших близких, – объяснила Клото. – А есть ещё миллионы таких же. Нити всех жителей Даории обрываются почти одновременно, одинаково сожжённые. Вы все погибнете, а мы хотим вас спасти.

Цари лишились дара речи при виде своих жизней в руках богини, я же смотрел отстранённо, пытаюсь собрать в голове воедино всё, что узнал.

– Поэтому вы так настаивали на переселении. Дело не в желании вернуться домой и вновь стать единым народом. Просто нам некуда идти. Поэтому нужен Единый царь, – с нервным смешком озвучил я догадку. – У нас был шанс попросить убежище мирно, но вы не захотели переселяться как беженцы, а пожелали вернуться, сохранив максимум созданного в Даории влияния и структуры власти. Мы напали на наследницу Дома Раздора и убили племянника архонта... впредь у нас нет шансов даже на жалость с их стороны.

Наступила тишина. Я потёр лицо ладонями. Все эмоции заледенели, казалось, я разучился чувствовать вовсе.

– Что насчёт мира людей? – подал голос Пелий.

– У них есть против нас оружие, и наши миры слишком разные. К тому же их металлы опасны для нашего здоровья. Мир людей стодится лишь в качестве отчаянного плана, – признал Илиос.

– Нас миллионы, на переселение таких масштабов понадобятся годы, – заговорил Баал. – Не говоря уже о том, что здесь у нас города и инфраструктура. На новом месте всё придётся возводить с нуля. Мы не можем эвакуировать людей, отнимая у них дома. Куда мы их переселим? Под открытое небо?

– Сколько у нас на самом деле времени? – напрямую спросил я у мойр.

– Десять лет, – ответила Клото.

Я протяжно выдохнул, пытаюсь прийти в себя и начать думать. При учёте объёмов работы этого мало, но пока достаточно, чтобы что-то решить.

– Нам требуется поддержка архонтов. Они по-прежнему наш лучший вариант, – подытожил я. – Но архонты необходимы нам как союзники, а я не уверен, что это реально.

Цари выглядели не менее шокированными положением дел, в гнетущей тишине Илиос и вовсе тяжело сел на ближайший трон, невидяще уставившись перед собой.

6

МИКЕЛЬ

– Микель, знаю, что ты занят, но мне необходимо поговорить с тобой, – торопливо завершила Октавия вместо приветствия.

Я не заметил её, окружённый тремя помощниками, которые наперебой пытались мне что-то рассказать, однако всё услышанное вылетало из головы через мгновение. Я изо всех сил пытался понять и сконцентрироваться на задачах, но произошедшие потрясения и масштабы проблем были за пределами моего понимания. Мне необходимо собраться, но никогда ещё голова не была настолько пустой.

– Чуть позже мы обязательно поговорим, – бездумно ответил я, продолжая шагать по коридору.

Прошло всего несколько дней со смерти Мелая, а о треклятой звезде, которая уничтожит нас всех, узнал лишь позавчера. Мне доложили, что Октавия проплакала два дня, горя о погибшем муже, но я не стал её тревожить, дав время пережить утрату.

– Нет, нужно поговорить сейчас, – настояла она, отпихнув одного из помощников. – Это важно!

Я попросил мужчин идти вперёд, пообещав, что присоединюсь к совету через пару минут. Скорость шага я снизил, но не мог тратить время на длительный разговор.

– Микель, пожалуйста, остановись. Это действительно важно, – взмолилась Октавия, но не её взволнованный голос, а рука вынудила меня замереть.

Мачеха вцепилась в мой рукав до побелевших пальцев. В чёрном траурном платье и с волосами, заплетёнными в обычную косу, вместо изысканной причёски, она выглядела утомлённой, а её кожа чересчур бледной. Не удивили только покрасневшие глаза и опухшие веки, не знаю, любила ли она Мелая по-настоящему, но Октавия давно оставила о себе впечатление сопереживающей личности. Я нахмурился, дышала она сбито, словно пробежала половину дворца.

– Тебе нездоровится?

– Да, то есть нет, – отмахнулась она. – Я хотела сказать тебе всё лично, потому что на нынешнем собрании наверняка и так узнаешь, но мне было важно, чтобы ты услышал от меня, а не от Креона.

Я усилием воли заставлял себя стоять и не упускать нить её рассказа. Казалось, немного расслаблюсь, и сознание вновь опустеет. Стоять на месте тоже было невыносимо. Количество дел за гранью возможного, я ощущал, что не имею права тратить ни одной лишней минуты на мелочи. Хотя бы пока шёл, создавалась имитация деятельности, чудилось, что я хоть что-то делаю для решения проблем, даже если просто направляюсь в зал для их обсуждения.

– Прости, что ты сказала? – переспросил я, заметив, что губы Октавии двигались, но не расслышал ни единого слова, потонув в болоте мыслей.

– Я сказала, что беременна, – с дрожащей улыбкой повторила мачеха, находясь на грани новых слёз. Хотя неясно, они вызваны радостью или скорбью.

До меня не доходило. В недоумении я опустил взгляд на её живот, по которому она провела рукой, а затем вернул внимание к лицу. Внешне у неё не было никаких изменений, хотя, может, недомогание и усталость как раз следствие её положения. Я молчал, не находя в голове ни единой мысли, как должен отреагировать. Всё эмоции будто задерживались.

– Ты не рад? – В глазах Октавии отразился испуг, намёк на улыбку исчез.

Я шумно вздохнул, ощутив, что всё это время задерживал дыхание до боли в лёгких. Октавия нервно дёрнулась и отступила на маленький шаг, словно опасалась, что я прямо сейчас вырежу ребёнка из её живота. Не хотелось, чтобы она меня боялась.

– Рад, – признался я. – Правда рад. Просто голова забита слишком многим.

На сознание обрушилась лавина тревог о последствиях этой новости. Чистокровный даорий, наследник Мелая. Я выдавил нечто похожее на улыбку, отмахнувшись от назойливых мыслей об удачном для Алейкос стечении обстоятельств. И всё же Дариус и Юталия подтвердили, что Октавия сама пешка в игре своей семьи. Если начну подозревать и её, то превращусь в параноика. Со смертью отца я во всей полноте почувствовал предупреждение принца Клана Земли и принцессы Огня. Я и раньше не мог никому доверять во дворце, однако пока рядом был Мелай, он, как более дорогая и значимая рыба в пруду, забирал внимание всех врагов на себя, но теперь я остался один.

– Мелай знал?

Октавия печально кивнула, но расслабилась.

– Да, на прошлой неделе я поделилась вероятностью, а пару дней назад целители подтвердили.

Отец не успел об этом позаботиться.

Я даже не понял, обрадовала меня эта мысль или огорчила, потому что новость о беременности царицы точно принесёт проблемы, но потеря очередного ребёнка окончательно бы разрушила жизнь Октавии.

– Значит, ты уже сказала Креону, – это был не вопрос, мне стало ясно, почему она настояла на разговоре до совещания. Хотела предупредить, чтобы я не выглядел идиотом, впервые услышав новость.

– Он мой брат, – неловко оправдалась Октавия.

Я коротко кивнул, не собираясь срывать на мачехе. Если Креон что-то и придумал, то сомневаюсь, что его сестра поставлена в известность.

– Спасибо, что поделилась со мной. Я не отказываюсь от своих слов, Октавия, и буду рад брату или сестре, – моя улыбка вышла чуть более живой, я верил в то, что говорил. Глупо в ещё не рождённом младенце видеть соперника. Во-первых, неизвестно, родится ли он. Во-вторых, это может быть девочка, а в-третьих, свалившейся на меня власти я не хотел.

Однако моими соперниками оставались Креон и семья Алейкос. Сейчас мне требовалась их поддержка, финансирование и помощь, чтобы справиться с более масштабными проблемами.

– Ваше высочество, – первым поприветствовал меня Креон.

Собравшиеся в кабинете отца мужчины оторвали головы от документов.

Мой кабинет. С недавних пор это моё рабочее место.

Снова пришлось напомнить себе об этих переменах, но каждый раз, заходя сюда, я задумываюсь о том, чтобы перенести его. Наверняка во дворце десятки кабинетов, где я могу работать без давления отцовского призрака.

Брат Октавии выглядел сосредоточенным, но теперь, зная причину этого внезапного совещания, я разглядел блеск триумфа в его взгляде. Он ещё не знал, что в руках я держал бумаги, подписанные всеми царями, о предстоящей гибели Даории от Кассиопеи. Мы составили документ, который убедит советников всех Кланов в грядущем. Мне хотелось усмехнуться, но мышцы лица задеревенели, я даже не мог ощутить злорадство или радость, что хоть тут невольно оказался на шаг впереди.

– Несмотря на трагическую кончину его величества Мелая, я хотел лично уведомить вас о хорошей новости, уверен, что она хоть немного скрасит выпавшие на наш Клан несчастья, – отчитался Креон, гордо выпрямившись.

Его речь была напыщенная, я мог встрять и оборвать смехотворную попытку заставить меня врасплох, но не стал и терпеливо выслушал от начала и до конца. Окружающие советники не выглядели удивлёнными, похоже, новость о беременности Октавии Креон им уже сообщил. Все испытующе глядели на меня в ожидании реакции.

Я ощущал слабые проблески раздражения, знакомую жажду поспорить со всеми. Раньше время от времени возникающее внутри желание пугало, но, хочу я того или нет, Дом Раздора – часть меня, и в столь непростое время именно гнев и раздражение позволяли отринуть страх и разговаривать с большей твёрдостью с теми же царями и советниками.

– И что же это за радостная новость? – без искреннего интереса уточнил я, подходя к своему столу.

– Октавия беременна, ваше высочество.

Величество.

Я принял новый титул вчера прямо на Совете пяти царей. Без праздника, без помпезности и огромного количества свидетелей, где-то между обсуждениями гибели каждого живущего на этой планете вне зависимости от статуса, возраста или желания. Остальные цари признали меня преемником Мелая, мойры дали своё благословение и составили все нужные документы, папку с которыми я с грохотом опустил на столешницу.

Все взгляды обратились к бумагам, пока я выжидающе смотрел на Креона. Я не стал его поправлять, голова была занята другим.

– Прекрасно, передайте Октавии мои поздравления, – тем же бесстрастным голосом ответил я, вызвав ещё больше смятения на лицах советников.

Лишь пара старейших служащих, оставшиеся на своих постах со времён моего деда, терпеливо ждали пояснений, остальные смотрели на меня словно на идиота, вероятно думая, что я не соображаю, какая это угроза для полукровки.

– Повсеместно объявлен траур в связи с кончиной его величества, однако я убеждён, что новость о ребёнке даст представителям Клана Металлов должную надежду...

– На что? – сухо оборвал я Креона.

На законного наследника?

Этого я не сказал, но вздёрнул подбородок, провоцируя его к ответу.

– На светлое будущее, – с любезной улыбкой ответил Креон.

Я подавил желание скривиться, прекрасно понимая, что он змея в моём окружении. Я ему не доверяю, но и вышвырнуть без веской причины не могу, тем более что у его семьи есть деньги и влияние, которые не будут лишними при сложившихся обстоятельствах. Однако своим ядом он способен отравить многих среди советников и правящей элиты.

- Мы не станем сообщать о ребёнке. Дождёмся чётких выводов целителей, что беременность протекает хорошо и Октавия с ребёнком здоровы, - отрезал я.
- Сейчас нам не помогут ни радость, ни тем более разногласия внутри Клана, когда те или иные будут метаться между мной и моим ещё даже не рождённым братом. Может, это и вовсе будет девочка, и у нас нет времени на эти споры.

- Соккрытие подобной информации может..

- Я сказал «нет», Креон. Тебе что-то не ясно в этом слове?

Креон поджал губы, я и бровью не повёл на его недовольство. Взял принесённые бумаги и протянул их самому старшему стратегу, сдержанному помощнику деда и отца, надеясь, что могу доверять тем, кто поддерживает мою семью всю свою жизнь. Кажется, этот жест его впечатлил, и он с коротким поклоном принял документы.

- Я буду рад брату или сестре и сделаю всё, чтобы он или она выросли в безопасности, готовясь служить во благо нашего Клана. Однако пока не стану об этом сообщать ради безопасности самой Октавии, - заявил я, глядя на Креона, оценивая изменения его эмоций. Тот держался хорошо, сохраняя сдержанный вид. - Но сейчас маловероятно, что этот ребёнок доживёт до своего совершеннолетия, как и ты вряд ли переживёшь следующее десятилетие, Креон.

Сдержанность дала трещину, позволив мне увидеть проблеск страха и гнева, а за ним оскорблённое выражение лица. Я же глядел на него скучающе, внезапно ощутил, что, играя со словами и чужими эмоциями, в чём-то стал похож на Мелая.

- Это угроза, ваше высочество? - едва не скрипя зубами поинтересовался Креон.

- Величество, - в этот раз поправил я, кивнув на документы в руках советника. - Вчера я стал царём. И это не угроза, а правда. Через десять лет умрёт Октавия, её ребёнок, ты, я и все присутствующие в комнате.

Отстранённость моего тона заставила советников начать растерянно переглядываться. Возможно, они гадали, в порядке ли мой разум, но я хладнокровно повторил кивок в сторону документов.

- Через десять лет погибнет Даория, поэтому, думаю, обсуждения нерождённого ребёнка могут подождать, сперва решим, как нам всем не сдохнуть.

МИКЕЛЬ

– Мне жаль, – искренне заверил я.

Трой обернулся, нахмутив брови при виде меня, а затем вновь устремил взгляд на закрытый гроб с телом Лисандра.

Я бегло осмотрел мраморные колонны, лепнину и мозаику на полу в храме мойр. Здесь три зала для каждой из сестёр. В зал Клото приходят те, кто молится о рождении ребёнка. Зал Лахесис, отвечающей за судьбу, посещают ради удачи, здоровья и часто обращаются за советом в сложные времена. Правду о её гибели знают только мойры, цари и некоторые приближённые, поэтому в зале Лахесис по-прежнему много посетителей. Сейчас же мы собрались в зале Атропос, режущей нити. Зал для отпевания перед сожжением.

Это помещение никогда не пустует, так как всегда кто-то умирает. Но жрицы не в состоянии проводить больше чем несколько похорон в один день, поэтому отпевание в зале Атропос – дело роскоши. Для богатых и влиятельных. Звания Ангеля как главного телохранителя самого Баала хватило, чтобы его родственников отпевали в храме. Однако пришлось хранить тело Лисандра на протяжении двух недель. Надеюсь, сегодня Трой и его близкие ощутят хоть малое облегчение, что их брат и сын готов к новой жизни.

Я не бывал в зале Атропос прежде, а теперь посетил второй раз за одну неделю. Вчера состоялись похороны Мелая, и было совсем неловко находиться там в качестве его сына и наследника. Мы едва знали друг друга. Он был хорошим царём, заботящимся о благополучии Клана, это знали все его подданные, включая меня. Поэтому я постарался стереть все воспоминания о нём как об отце, в роли которого он был ужасен и даже жесток. Мелая нет, и более не имело смысла его ненавидеть. Смерть отобрала у него возможность на искупление или же на новые попытки ухудшить наши отношения.

– И мне, – отстранённо ответил Трой.

Я не был уверен, говорил он о Мелаяе или же о Лисандре, который был и мне другом, но я не уточнил, чтобы не прерывать пение жриц, ставшее чуть тише. Я вдохнул терпкий запах горящих благовоний. Сосуды с ними были расставлены вдоль стен, и каждая из трёх жриц держала по дымящейся чаше.

Я бегло осмотрел Троя, помня, что ему досталось от Кая и чёрного пламени. С тех пор мы не виделись до сегодняшнего дня, но я регулярно требовал донесений о его самочувствии, искренне переживая. Как меня заверили, незначительные ожоги быстро заживают, но часть волос опалило пламя, поэтому Трою пришлось подстричься как никогда коротко.

– Ты пришёл, и я рад, но теперь можешь уходить, – всё так же не поворачиваясь пробормотал Трой, его слова отвлекли от разговаривающих

чёрных одежд жриц, когда те грациозно поворачивались на носочках, обходя гроб.

Я ничего не ответил, придавленный тяжестью осознания, что это последние наши мгновения с Лисандром. Он часто был занозой в заднице, создавал проблемы семье, брату и друзьям. Но я всё равно любил его не меньше Троя. Гнев на отца и страх потерять ещё хоть кого-то заглушали чувство потери друга, но при виде гроба это ощущение настигло, и я задышал чаще, не в силах подавить нервозность.

Прошла почти неделя с момента, как все цари узнали правду о будущем Даории. С того дня началась непрерывная подготовка, и лишь похороны отца и Лисандра заставили меня оторваться от бумаг и многочисленных совещаний. Десять лет всё-таки недостаточно, чтобы переселиться с минимальными экономическими потерями. Наше развитие будет отброшено на столетия назад. Необходима помощь не только Палагеды, но и рабочие руки для постройки целых городов в максимально сжатые сроки. Мы не думаем о культурных сооружениях: дворцах, храмах, музеях и даже библиотеках. Речь пока идёт просто о жилых домах и важной для жизни инфраструктуре. Нам нужны люди. Их больше, и теперь мы решали, чем сможем им заплатить, чтобы правительство людей согласилось помочь найти сотни тысяч строителей. У нас есть металл для провода зарева, я во главе Клана, который в состоянии предоставить услуги в прокладывании новых магистралей, и всё же мы размышляем: что ещё способны предложить.

Я могу прочитать книги, могу попытаться осознать в теории все трудности, но на практике у меня слишком мало опыта для решения подобных проблем, поэтому я всецело делю обсуждения и решения с приближёнными отца.

– Мне необходима помощь, – признался я.

Трой обернулся, скептически подняв бровь.

– Недавно стало известно, что именно произойдёт. Всей Даории конец, Трой, если мы не успеем вовремя подготовиться. Нужны все, кому я могу доверять.

На лице огненного не дрогнул ни один мускул, наоборот, выражение стало хмурым. Он либо мне не верил, либо по-прежнему был зол.

– Мне нужен друг, – добавил я, не зная, как убедить его поговорить со мной.

– У тебя почти никогда не было друзей, и ты неплохо справлялся. Сможешь и сейчас, – бросил Трой, теряя ко мне интерес.

Я это заслужил.

– Ты не прав. Я всегда справлялся хорошо, только потому что у меня были вы. Я выгнал тебя в гневе, но ещё сильнее боялся за твою жизнь. Из-за меня ты потерял брата, и я не мог позволить тебе оставаться рядом. Пришёл бы день, когда отец поставил бы и твою жизнь под угрозу.

– И ты был прав. Мне известно, что стало с Лексой, – хлётко ответил Трой, и я закрыл рот. – Рядом с тобой никому нельзя находиться.

Он вернул мне мои же слова, и я не нашёл ни единого возражения. Это было правдой и до сих пор ей оставалось. Отец мёртв, но из-за его действий весь гнев Совета архонтов за гибель Элиона падёт на мой Клан и на меня в первую очередь.

Я сжал и разжал кулак, стараясь не нервничать из-за Лексы. Она передала мне видение, пожертвовала здоровьем ради правды. Три дня она провела в коме, а на четвёртый проснулась сама и без способностей к прорицанию. Я потерял дар речи, глядя в её голубые глаза. Она казалась испуганной, но более здоровой, чем раньше.

Я почти обрадовался, ведь Лекса сама этого хотела, но буквально через час стало известно, что со всеми остальными сивиллами произошло то же самое. Это ввело царей в панику, Хел и Пелий были в гневе, обвиняя во всём Гипноса и Лексу.

– Уходи, Микель. Члены моей семьи начинают тебя узнавать. Ты устроишь переполох, – прервал мои мысли Трой.

Я торопливо поправил капюшон плаща и бросил взгляд вперёд. Напротив, с другой стороны от гроба, родственники Троя действительно зашептались, глядя на меня. Я поправил рукав, скрывая от чужого внимания платиновые браслеты из человеческого металла. Лишь благодаря им, блокирующим мой гул, и неприметной одежде я сумел, как вор, пробраться на похороны друга. Я замаялся, не желая так прощаться, но и в то же время мне нечего было сказать. Ни одно из имеющихся слов утешения или прощения не изменят произошедшего. Я поступил эгоистично, прося Троя о помощи, а моё первоначальное решение убрать его подальше от меня и моего Клана было верным.

– Мне жаль, – искренне повторил я и медленно отступил, пробираясь через толпу собравшихся.

Тион смиренно ждал меня у выхода. Он хоть и состоит в Клане Огня, но к семье близнецов не имеет никакого отношения, поэтому не решился оскорблять их своим присутствием.

– Доставили сообщение, кирий, – сказал Тион, протянув мне записку. – Судя по всему, нам лучше поскорее вернуться во дворец.

Я тихо выругался, прочитав несколько строк о том, что ко мне прибудет царь Воды. Только удалось разобраться с Креоном, показав, что есть проблема посерьёзней борьбы за власть, как новой занозой в заднице стал Хел. Недавно он заявился и в открытую обвинил мою сивиллу в отравлении остальных. Якобы это Лекса виновата в произошедшем. Я рассмеялся, а затем разозлился и вышвырнул его вон из моего дома. К Лексе тогда едва вернулся аппетит, но я запретил пускать к ней посетителей и сам не говорил с ней о произошедшем, дожидаясь, пока расскажет сама. За последние дни я лично посетил Круг Старших и выслушал претензии бывших сивилл. Большинство были рады произошедшему, но кто-то всё же разгневан. Они поддержали Хела, убеждая меня в том, что произошедшее не может быть совпадением: возвращение Лексы от Гипноса и последующее исчезновение дара прорицания.

К несчастью, все её сёстры знали, что Лекса давно мечтала избавиться от способностей.

Мне нечего было им сказать, враньё стало бы очевидным, потому что я сам ощущал взаимосвязь в произошедшем и всё равно отдавать Лексу на растерзание не собирался. Она остаётся в моём доме под охраной, и если надо будет, я продолжу защищать её всю оставшуюся жизнь. Она и её семья достаточно пострадали из-за моего отца, и, возможно, Лекса единственный оставшийся у меня друг.

Я невольно запрокинул голову, ища Кассиопею. Звезда была настолько яркой, что видна даже днём. Теперь каждый раз, оказываясь на улице, я смотрел на неё, ожидая, что она взорвётся у меня на глазах и можно будет перестать переживать о будущем, так как ничего уже нельзя будет исправить, а тревоги станут напрасными.

Я сосчитал про себя до пяти.

Ничего не произошло.

Я опустил взгляд и последовал за Тионом к нашим лошадям.

– Я предлагаю провести переговоры с Гипносом, – уверенно заявил Хел вместо приветствия.

Его расположили ждать в моём кабинете, и, как только я вошёл, царь Воды резко вскочил на ноги с дивана у стены. Я замер от нервозности его движения. Хел, заметив моё недоумение, с напускной расслабленностью убрал волосы назад, поправляя причёску.

– Мы должны с ним поговорить. Раз он сумел отнять дар сивилл, то способен и вернуть, – продолжил незваный гость.

Я направился к своему столу, сбросив плащ на одно из кресел.

– Если хочешь поговорить с Гипносом, то иди к Переправе и говори. Адрес тебе подскажут в администрации, – с демонстративным безразличием ответил я, уделяя больше внимания свежей стопке расчётов на столе.

Хел старше меня на пятнадцать лет, хотя внешне различия у нас незначительные. Будь на его месте царь Земли Илиос, из уважения к его возрасту я бы подбирал более обходительные выражения, но с Хелом это бессмысленная трата времени.

– Ты с ним знаком!

– Я не знаком с Гипносом. Лишь с его братом – Моросом, который игнорирует меня после моего становления принцем, – возразил я, раскладывая бумаги.

– Именно твоя сивилла виновата в том, что мы лишились прорицательниц! – Хел хлопнул ладонями по столу, встав напротив и вынудив меня поднять взгляд. – Знаю, что она тебе дорога, несмотря на отсутствие дара, поэтому

условие я ставлю тебе. Ты поможешь мне поговорить с Гипносом в обмен на снятие обвинений в сторону твоей сивиллы.

Хел не предлагал. Он угрожал.

Я стиснул челюсти, недовольный поворотом.

Царь Воды всё заметил, но продолжал уверенно опираться на мой стол, вызываясь глядя мне в глаза.

- Нет никаких обвинений, - медленно проговорил я.

- Это тебе так кажется.

У меня заныли зубы от того, как сильно я их сжал. Пелий тоже обвинял Лексу. На чью сторону встанут Баал и Илиос, мне неизвестно. У нас всего десять лет на масштабный проект, а они забивают свои головы белибердой.

- Нам известно будущее, которое необходимо предотвратить. Прорицание сивилл нам в этом не поможет, и сейчас нет времени с ним разбираться, - как можно ровнее ответил я, откладывая документы, чтобы не смять их в кулаке.

- Ты юнец, забавлявшийся в Санкт-Данаме, абсолютно не понимаешь устройство власти. Сивиллы - это статус и контроль над будущим. Они рассказывали не только глобальное будущее для всей Даории, в первую очередь они служили во благо каждого из Кланов. Сивиллы были всегда.

Его речь меня не впечатлила.

- Теперь уже нет. Времена меняются.

- Тогда через неделю увидишь свою сивиллу в петле. Это я тебе обещаю! - рывкнул Хел и развернулся к выходу.

Металлические ручки стола искривились, и я торопливо втянул воздух сквозь стиснутые зубы, чтобы успокоиться. Мне нельзя выходить из себя. Нападение на другого царя будет расценено как нападение одного Клана на другой. Я не могу позволить себе роскоши даже ударить его.

- Чего ты хочешь? - затолкав гордость куда подальше, спросил я.

Хел замер, не дойдя трёх шагов до двери. Он демонстративно медленно обернулся, глядя на меня как на сопляка.

- Хочу убедить Гипноса вернуть сивиллам способности.

- Я не могу этого обещать. Гипнос может не согласиться, или ты ошибаешься, и богу сна не по силам вернуть дар сивиллам, - прямо напомнил я. - Я не имею ни малейшего влияния на Гипноса.

Желваки на лице Хела заходили. Мой ответ его не удовлетворил, но он знал, что всё сказанное правда.

- Добейся хотя бы разговора.

- Можно попытаться, но, опять же, разговаривать с нами или нет - его право. Он бог, а я ему никто.

Тишина стала напряжённой, и я шумно выдохнул, решая пойти на компромисс.

- Хорошо. Такая будет сделка: вы оставите мою сивиллу в покое, а я сделаю всё, что смогу, чтобы Гипнос поговорил с тобой. Если он не явится, то мы попробуем ещё раз, но позже. Если же он выйдет, но откажет в возвращении прорицания девушкам, то мой долг будет выплачен. По рукам?

- Да, - после раздумья хмуро согласился Хел. - Завтра утром мы поедem в Санкт-Данам.

Я не успел возразить: Хел вышел, хлопнув тяжёлой дверью. Я запустил руки в волосы и сжал, ощущая раздражающую боль в затылке, держался, чтобы несчастные светильники сохранили свою форму, но ближайший всё равно жалобно заскрипел. Я материл Хела и весь белый свет про себя, медленно успокаиваясь, а выйдя в коридор, распорядился, чтобы завтра приготовили нужную одежду для поездки. После направился к спальне Лексы, у дверей переговорил с целителем. Тот рассказал, что сивилле не просто лучше, а мучающие её головные боли сошли на нет. Это единственная хорошая новость за сегодня, и моя улыбка хоть и вышла слабой, но была искренней.

- Что делаешь?

От моего вопроса Лекса вскочила на ноги, опрокинув низкий столик с кисточками. Краски она успела подхватить, но испачкала руки. Моя улыбка стала шире от её неуклюжих попыток скрыть от меня мольберт. Она встала, загородив его собой, но тот был слишком заметным. Я деликатно сделал вид, что не понимаю происходящего, и смотрел исключительно ей в лицо.

- Извини. Было скучно... не знала, чем себя занять теперь, когда дара нет. И вот решила... порисовать. Вспомнила, что хотела научиться, - затараторила она, сняла холст с мольберта и отставила в сторону, пряча нарисованное. - В детстве не вышло. Времени не было, а сегодня внезапно вспомнила и попросила слуг принести краски. Извини... Надеюсь, ты не против?

Она принялась собирать кисти и краски, продолжая оправдываться. Я не мешал, наблюдая, как она нервничает из-за такой мелочи, разглядывал разноцветные пятна на фартуке и руках. Её каштановые волосы были собраны в пучок на голове, но он растрепался из-за того, что она часто наклонялась.

- Ты злишься? - неожиданно спросила она, смиренно замерев на месте.

Я невольно рассмеялся: непривычно было видеть её детское смущение и полнейшую неуверенность. С самой школы она знала себе цену и даже спустя годы при нашей встрече понимала, какое впечатление на меня производит. Теперь же Лекса глядела на меня широко распахнутыми голубыми глазами с неаккуратной причёской и пятнами жёлтой краски на щеке, о которых она определённо не знала. Мой смех смутил её сильнее, она покраснела, а веснушки на носу стали заметнее.

Я умолк, подошёл ближе и, не отдавая себе отчёта, взял её лицо в ладони и потянул к себе. Это был аккуратный, невинный поцелуй. Я не настаивал, а Лекса не оттолкнула. Я оторвался от её губ раньше, чем позволил себе без спроса что-то большее.

- Не злюсь.

После поцелуя её глаза совсем округлились, она следила за моим выражением лица, пока я стирал краску с её щеки. Это внимание заставило моё сердце биться чаще, я ощутил, как горят уже мои уши, и неожиданно пожалел о своём порыве. Сейчас у меня нет прав на влюблённость, которая будет сбивать с толку.

- Я бесполезна теперь. Ни дара, ни каких-либо других способностей. Ты уверен, что я могу остаться во дворце? - спросила Лекса.

Я отпустил её лицо, но она не отодвинулась, поэтому я сам предусмотрительно сделал шаг назад.

- Ты должна остаться здесь, Лекса. В других местах для тебя небезопасно, - открыто напомнил я, садясь в одно из кресел. - Расскажи мне правду. Ты замешана в исчезновении дара?

Я не хотел давить, но из-за условий Хела время поджимало. Лекса закусил губу и опустила взгляд в пол. Она могла сдержаться, могла скрыть эту тревогу, но не стала, открываясь мне целиком.

- Мне нужно знать, чтобы защитить тебя. Правда не изменит моего отношения к тебе, я просто рад, что ты поправилась. Вероятно, ты выздоровела именно благодаря тому, что твой дар пропал, - успокаивающе заверил я, пытаюсь доказать, что она может мне довериться.

- Я предала сестёр, - призналась Лекса, её плечи поникли.

Она устало села на диван напротив и сложила руки на коленях, не глядя на меня.

- Не всех, большинство всё же рады, но троим я испортила жизнь. Они гордились своим прорицанием, а одна из них - Рин - должна была стать будущей сивиллой Клана Огня. Ей так не терпелось... - голос Лексы сбился, она закашляла и с благодарностью приняла протянутый мной стакан воды. Лекса опустошила его за несколько глотков, а я не торопился. - Она наверняка ненавидит меня.

- Как ты это сделала?

- Не я. Гипнос. Я рассказала ему о своём здоровье, он дал мне какой-то напиток. Я его выпила, но ничего не изменилось. Он потребовал сделку, - хмуро поделилась Лекса, отставив стакан. - Его лекарство сработало бы только при условии, что я дам его всем остальным сивиллам.

- И ты дала?

- Да. Я сделала это сразу по возвращению в Эридан, боясь, что потом передумаю. Лекарство было в моей крови, и я добавила её в маковый чай. Тот самый, который пьют при посещении обители сивилл. Старый ритуал, каждая из нас выпивает хотя бы по глотку макового чая. Он настаивается месяцами, поэтому его не выливают, пока не допьют. Так что в течение ближайших дней каждая из сивилл выпила бы его.

Несмотря на умный план, Лекса выглядела подавленной и расстроенной.

- Всё кончилось, - успокоил я. - Сейчас они злы, но со временем это пройдёт. Всё наладится, и они поймут, что без давления прорицания их жизнь станет лучше.

Она неопределённо мотнула головой, словно пыталась отмахнуться и не слышать того, что я сказал.

- Я выбрала себя, - едва слышно прошептала Лекса. - Поступила эгоистично, и пока меня тащили на совет, я передумала, захотела всё исправить, просила вернуться ненадолго... мне не позволили.

Я не видел её глаз и не слышал слёз в голосе, но сел рядом и обнял за плечи, пытаясь оказать хоть какую-то поддержку. Лекса обхватила меня руками и прижалась, пряча лицо на груди. От неё чудесно пахло цветами, цитрусом и немного краской.

- Всё будет хорошо. Просто нужно время, - заверил я, запуская руку ей в волосы и поглаживая.

Лекса не плакала, но сжимала меня крепко, до боли в рёбрах. Эта близость успокоила и напомнила, ради чего я должен постараться. Произошло невообразимо много плохого, но в Даории миллионы тех, кого необходимо спасти, и я должен взять себя в руки и постараться уговорить Кассию. Может, встреча с Гипносом не такая уж и плохая мысль. Воспользуюсь поездкой к Переправе, чтобы поговорить с сестрой. Уверен, что если я расскажу ей правду о звезде, то она выслушает и, вероятно, даже поможет найти решение.

Я закатил глаза, наблюдая, как Хел в третий раз зашёл в туманный проход Переправы и буквально секунды спустя вновь вышел.

- Что за треклятые галлюцинации? - недовольно спросил он и повторил попытку, не дождавшись моего ответа.

Я сложил руки на груди, приготовившись наблюдать за идиотскими попытками ещё какое-то время. Поведение Хела ярче продемонстрировало, что цари в целом не понимают ни палагейцев, ни Переправу.

Мне было известно, что кто-то из царей и их советников когда-то посещали Санкт-Данам, но впервые я сам был в числе подобной делегации. Хела сопровождали два советника и три стража, один из которых был личным телохранителем из Клана Огня. Я же взял лишь Тиона, и то потому, что

советники всполошились. Я позволил ему захватить браслеты для огня, но меч приказал оставить в машине.

Единственный плюс быть царём или ехать с одним из них – это то, что нам предоставили две личные машины, чтобы мы добрались до Переправы, не привлекая лишнего внимания. Пришлось уладить вопросы на пропускном пункте самих палагейцев, но они не сильно переживали, зная, что на Переправу ни один из нас без позволения Привратника не войдёт.

Мне казалось, что это общеизвестный факт, но Хел доказал, что либо далеко не все даории в курсе, либо он упрямый баран. Хел опять вышел из тумана и обернулся.

– Но я же всё время шёл прямо! Как это возможно?!

– Переправа обладает собственным сознанием, и это владения Гипноса, – в который раз пояснил я. – Пока он не захочет – ты не войдёшь. И я бы не советовал туда торопиться. Переправа может тебя впустить, а потом не выпустить. Останешься там навсегда на потеху керам.

Я намеренно добавил последнее предупреждение, и Хел наконец прекратил попытки ворваться на Переправу без приглашения. Он вернулся и встал рядом, недовольно одёргивая рубашку. Благо в Санкт-Данаме лето тёплое, но не настолько жаркое, как в Эридане. Я прикрыл веки, прислушиваясь к звукам мегаполиса, перемешанным с шелестом окружающей роши.

– Тогда как нам поговорить с Гипносом?

Я раскрыл глаза, возвращаясь на землю.

– Поговорим, если он сам решит выйти. Достаточно сказать Переправе, кого мы ищем, и попросить о разговоре, но благодаря твоим походам туда-сюда уже, наверное, каждая эриния ощутила наше присутствие, – копируя его недовольный тон, парировал я.

Мне с трудом удалось не рассмеяться и сохранить беспристрастное выражение лица, когда Хел побледнел при упоминании жутких существ. Я подошёл вплотную к Переправе, чтобы высказать свою просьбу.

– Это Микель. Мне нужно поговорить с Кассией. Стала известна причина будущих бед, и всё намного хуже, чем я думал. Мне действительно необходимо поговорить с Кассией или Гипносом. Это важно и касается всего будущего, – я говорил вполсилы, чтобы никто позади не слышал, но выбранной громкости было достаточно, чтобы клубящийся дым пошёл рябью, напоминая потревоженную гладь озера.

Я отступил на семь шагов, возвращаясь к Хелу.

– Что ты сказал?

– Попросил о встрече, – не глядя на собеседника, ответил я.

Дымчатая стена распрямилась, превратившись в ровное полотно, а следом опять потекла и задвигалась, напоминая завихрения серых чернил в воде. Я разочарованно мотнул головой.

- И что теперь? - снова надавил Хел.

- Будем ждать.

- Сколько?

- Столько, сколько потребуется.

Хел фыркнул, видать думая, что я пошутил, но я не разделил его веселья, оставаясь серьёзным. Я слышал, что Гипнос любит упрямых, но понадеялся, что нам не придётся проторчать здесь целые сутки. В таком случае капризы Хела сведут меня с ума.

Я часто заморгал, когда уже спустя полчаса в нашу сторону направился силуэт. Фигура пробиралась сквозь туман, но я довольно быстро понял, что это не Кассия и, к несчастью для Хела, вовсе не Гипнос. С Переправы вышел Кай.

Оказавшись под лучами солнца, он остановился и, обведя нас взглядом, вопросительно, по-звериному наклонил голову. Тион рядом напрягся, но взмахом руки я велел ему и остальным стражам отойти подальше.

Кай выглядел лучше. Бледность и синяки под глазами пропали, щёки перестали быть впалыми от истощения. Он выглядел почти так же, как и всегда, если не считать палагейской чёрной одежды и волос, не убранных назад. Отросшая чёлка падала ему на глаза, а взгляд был раздражённым, словно мы его от чего-то оторвали. С нашей последней встречи прошло полторы недели, но ощущение, будто пролетели месяцы.

- Ты не Гипнос, а его сын, - высказал вслух очевидное Хел, пытаясь смотреть на Кая свысока, хотя мы оба уступали палагейцу в росте. - Мы хотим поговорить с Гипносом.

- О чём? - сухо поинтересовался Кай, не двинувшись с места.

- О его краже способностей у наших сивилл.

- Сивилл? - Кай перевёл равнодушный взгляд на меня, а его фраза лишь отдалённо напоминала вопрос.

- Гипнос что-то сделал с Лексой. Она лишилась дара, а вместе с ней и все сивиллы, - пояснил я.

- Плевать, - обронил Кай, явно намереваясь уйти.

- То есть «плевать»? Позови Гипноса! - приказал Хел, повышая тон. Он хотел броситься к Каю, но я остановил его, грубо схватив за руку.

Кай тем же пустым взглядом окинул Хела с ног до головы.

– Ты вообще кто?

– Я? – опешил царь Воды, похоже, плохо осознавая, что за пределами Даории в лицо его мало кто знает. – Я – Хел, сын Гектора, нынешний царь Клана Воды и...

Кай поморщился от раздражающей надменности в его голосе. Царь, привыкший к раболепию, охренел и умолк.

– Значит, представитель твоего Клана доставил нам столько проблем. Царь – дебил, и подданные, похоже, такие же, – по губам Кая скользнула презрительная усмешка, и он вновь потерял к нам интерес.

– Нет, Кай, подожди. Мне нужно поговорить с Кассией. Пожалуйста, передай ей, что это очень важно!

Он остановился в шаге от прохода на Переправу. Я шумно выдохнул, сомневаясь, что он вернётся, если я позволю ему уйти.

– Кай, позови Кассию.

– Кассия к тебе не выйдет, – неожиданно ответил он, не поворачиваясь.

– Это важно! Я знаю, какие у нас теперь отношения, и не стал бы рисковать, приходя к вам, но это в прямом смысле вопрос жизни и смерти. На кону вся Даория!

Кай развернулся, и жест вышел почти угрожающим.

– Кассия. Не. Выйдет, – с напряжением, почти по слогам повторил он, посмотрев на меня.

– Не хочешь приводить девчонку, приведи Гипноса и дай нам поговорить с тем, кто может оценить ситуацию, – вмешался Хел.

Кай застыл, лишь его глаза сместились в сторону Хела. У меня поползли мурашки по спине от странной галлюцинации. Лицо Кая оставалось спокойным, но внезапно по нему будто прошла тень, и он напомнил мне нечто пугающе неживое, как онир, принимающий образ чужого страха. Я осознал, что напряжённая тишина зазвенела, когда один из советников Хела неловко кашлянул, прервав её.

– Сивиллы не обычные даорийки, они ближайшие советницы царей, – увереннее продолжил глава Клана Воды, не услышав возражений. Я же не мог раскрыть рот и приказать ему заткнуться, хотя ощущал, что мы на краю опасной черты.

Кай пугающе медленно направился к нам, казалось бы, готовый выслушать.

– Отнятие дара у сивилл – это нанесение вреда нашим подданным, и ни один из царей не оставит это безнаказанным. Поэтому, чтобы не начинать ссору, я пришёл предложить мирное урегулирование сложившейся ситуации. Если Гипнос способен забрать, то может и подарить способности. Пусть вернёт

девушкам дар прорицания, и мы забудем о произошедшем, словно ничего и не было, – выдвинул условие Хел.

Кай остановился буквально в двух шагах от нас и несколько раз лениво моргнул, глядя на царя Воды.

– А если не вернёт? – с намёком на издевательскую улыбку уточнил Кай.

– То мы будем вынуждены объявить Палагедде войну из-за причинения вреда нашим сивиллам.

– Нет, не будем! – порывисто возразил я, отрызнувшись на Хела, и вновь обратился к Каю. – Просто позволь поговорить с Гипносом. Нам не нужна война с Палагеддой.

– Война с Палагеддой? – со смешком повторил Кай, не спуская глаз с Хела.

– Нравится насиле, раз мысль о войне тебя забавляет? – с неприкрытой издёвкой парировал Хел. – Там будет побольше потерь, чем один какой-то бездельник.

Ни я, ни Хел, ни наши охранники не успели среагировать на косой удар ребром ладони Кая по солнечной артерии царя. Взгляд Хела остекленел, он зашатался и отступил на пару шагов, дезориентированный.

– Да как ты.. смеешь.. – заплетающимся языком пробормотал Хел, а Кай, не моргнув и глазом, сделал шаг вперёд и опрокинул его ударом в лицо.

Хел отключился на земле с разбитым носом. Тион дёрнул меня в сторону, стражники Хела бросились к Каю, но замерли, как только в его руке появилось копьё Фобетора, металл которого испускал неестественно чёрный дым. Острый конец он направил в горло царя Воды.

– Дёрнитесь, и ему конец.

– Остановись, Кай! Хватит! – прикрикнул я, раздражённый поворотом разговора. Я отмахнулся от Тиона и вернулся на своё место, встав напротив палагейца. При желании он с лёгкостью может убить и меня, но я почти уверен, что Кай не станет. Кассия ненавидит меня ещё не настолько сильно, и он об этом знает. – Не разжигай войну между Палагеддой и Даорией!

– У вас и нет войны с Палагеддой, – холодным тоном возразил Кай. – У вас война со мной. Можешь передать это всем своим царям. За нападение на Кассию и Весту. За смерть Элиона и Сирши. За то, что покалечили Иво. С этого дня у вас война со мной! – оскалившись, зло выдал Кай. – И ты меня не слушал, Микель. Впредь не будет никаких переговоров и перемирия. Вам был дан шанс. И Кассия к тебе не выйдет, потому что Кассии нет!

– Что значит «нет»? – опешил я.

– Она исчезла на Переправе неделю назад. Её не могут найти даже Гипнос и эринии, – признался он. – Кассии нет, и тебе не у кого просить понимания и терпения, а моё вы уже исчерпали.

Я лишился дара речи, поняв, что оценил обстановку изначально неправильно. Думал, что Кай в гневе, но теперь в его взгляде я разобрал ещё и отчаяние. Похоже, он растерян, испуган и в бешенстве от бессилия.

8

КАССИЯ

Сознание наполнилось паникой, я сжала губы, стараясь удержать остатки кислорода, и принялась грести. Меня охватил ужас, не позволяя понять, где верх, а где низ. Гребу ли я в верном направлении или остаюсь на той же глубине, и есть ли у меня вообще шанс достичь воздуха? Лёгкие жгло от напряжения, тело молило сделать вдох, несмотря на уверенность в отсутствии кислорода. Я активнее задвигала руками и ногами, ощутив чуть большую лёгкость и слабый свет, поддавалась давлению воды, которая должна вытолкнуть меня на поверхность. Я вынырнула, с протяжным хрипом втягивая воздух.

Стоило оказаться на поверхности, как глубина под ногами исчезла, и я нащупала дно. Ругаясь в голос, поднялась, и воды стало по пояс. Из-за боли в лёгких и понимания, что чуть не утонула в каком-то непонятном водоёме, глубина которого внезапно сократилась до полутора метров, я выругалась громче. Меня трясло от пережитого страха, ноги ослабли, и я буквально на карачках выползла из воды на песчаный пляж.

– Я не умерла... не умерла. А если и умерла, то это какой-то кошмар. Никто не должен так страдать после смерти, – неразборчиво бормотала я себе, развалившись на песке и глядя в небо.

То могло показаться обычным, если бы не его странный лазурный оттенок и множество близких планет. Четыре. Бледные силуэты висели над головой наподобие спутников, у одной красноватой планеты были различимы кольца.

Я лениво моргнула, сейчас меня волновал только тот факт, что могу дышать. Я провела рукой, но вместо песка ощутила траву и, резко сев, рассмотрела изменившийся пейзаж. Море и песчаный пляж исчезли, демонстрируя знакомые маковые поля. Я торопливо проверила запястье, но браслет Весты пропал, а вся моя одежда и волосы высохли, будто я никогда и не была в воде.

– Нет-нет-нет! Я не могу опять оказаться на земле Морфея! Не пытайся обманывать! – громко приказала я и недовольно прибила кулаком несколько цветков мака.

Ничего не изменилось, но я чувствовала, что это не настоящие маковые поля. Это обман. Переправа притворяется тем, чем не является.

Пошатываясь, я встала, выбрала первое попавшееся направление и зашагала. Двигалась, прислушиваясь к звукам и гадая, как Кай нашёл копьё Фобетора. Ощутил ли он артефакт, или Переправа сама его привела к оружию?

Я упрямо шла дальше, озираясь, пока не заметила маленькую фигуру вдалеке. Сгорбившись, она торопливо разрывала руками землю. Я побоялась приближаться, не понимая, что она делает. Сама поза, происходящее и копна длинных белых волос подсказывали, что я знаю. Будто уже видела эту картину. Вторя моим мыслям, девочка положила семя в землю и размашистыми гребками засыпала трофей. Для пушей убедительности она похлопала по насыпи, что-то приговаривая. Я невольно сделала несколько шагов к ней, девочка резко вскочила на ноги и обернулась. Мой рот так и остался раскрытым, но я не издала ни звука, не представляя, что сказать самой себе. Взгляд совиных жёлтых глаз прошёлся по поляне и по мне, ни разу не остановившись. Я не успела собраться с мыслями, как маленькая я рванула в сторону и буквально сразу исчезла.

Галлюцинации?

Или воспоминания?

Я направилась к месту, где она закопала семя, но там была ровная земля, покрытая маками. Потерев лицо ладонью, я пошла дальше, и пейзаж сам собой начал меняться. Трава под ногами увяла, обнажая уже виденный ранее песок земель Фобетора. Вторя моим мыслям, небо покраснело, а справа медленно разрослась чёрная дыра. Висевшие в небе планеты взорвались, а весь свет от взрывов неестественной дугой потянулся к чёрной дыре, опоясывая её кольцом и медленно проваливаясь на глубину. Сперва я оцепенела, ожидая, что земля и под моими ногами взорвётся, а я умру, став не более чем песчинкой в бесконечной Вселенной, но ничего не произошло. Я буквально силой заставила себя идти дальше, подмечая лживость окружающего образа. Переправа идеально копировала земли Фобетора, и всё же это не они. Следы на песке за моей спиной не исчезали.

Шаг сам собой настороженно замедлился, когда я вновь заметила фигуру вдалеке. Не скрываясь, подошла чуть ближе, и с губ сорвался вздох, стоило девочке обвести взглядом пейзаж. Это опять была я, но чуть старше. Может, лет семи? Меня она снова не видела, не задержав внимания даже на секунду.

Подпоясанная чёрная туника и коса были в песке, будто она – я – уже какое-то время бродила по землям Фобетора. Закончив осматривать местность, девочка принялась яростно топтать по песку, посылая слабую вибрацию.

– Эй, – позвала я, но ребёнок никак не отреагировал, и я умолкла, жадно ожидая продолжения.

Могут ли это быть воспоминания? Мои?

Гипнос говорил, что вся Переправа состоит из снов и памяти, части которой раз за разом смешиваются вместе, создавая что-то реальное и нереальное. Переправа развивается вместе со своим создателем, который приносит всё

больше и больше новых образов и картин, увиденных в разных мирах на протяжении тысячелетий.

Я не верила, что это действительно земли Фобетора, но если мне удалось попасть на территорию Фантаса, то не пытаются ли они меня обмануть? У Фантаса рождаются фантазии, смесь реального превращается в нечто новое. Могут ли нынешние картины быть лишь фантазиями, сотканными из разных воспоминаний? Девочка топала всё быстрее, её лицо покраснело от натуги, но она яростно продолжала. Земля молчала долго, пока внезапно не ответила ей одним-единственным толчком.

Девочка ойкнула и замерла. Пески вокруг неё зашевелились, в нескольких метрах впереди вверх потянулась фигура, и у меня сердце упало при виде выбирающегося наружу онира. Я хотела предупредить, но горло сдавило, и мне оставалось лишь молчаливо наблюдать за разворачивающейся сценой.

К моему удивлению, девочка не побежала. Наоборот, выпрямилась и дождалась, пока чудовище отряхнётся от песка. Маленькая я стояла, не двигаясь, но я настоящая слишком хорошо знала, что так замирать умею, только окутанная страхом и тревогой.

Она боялась, но ждала. Онир заметил девочку, издал неприятный стрекочущий звук и припал к земле. Мой нервный взгляд метался между чудовищем и ребёнком.

Всё это либо фантазия, либо воспоминания. И даже если второе, то я до сих пор жива, а значит, онир мне не навредил.

Спина покрылась мурашками, я раз за разом прокручивала эту мысль, убеждая себя, что ничего плохого не может случиться. Онир приблизился к ребёнку. Первые логичные мысли стремительно вытеснили образы, как тварь сжирает девочку у меня на глазах. Лицо онира приобрело какую-то чудовищную маску, появился неестественно огромный рот, полный острых зубов. Онир замер в шаге от девочки и завопил прямо ей в лицо, вероятно, желая заставить её трястись от страха. Та действительно затряслась, но не двинулась с места, зажмурилась и чуть шире расставила ноги, чтобы вопль не опрокинул её.

Девочка и не заметила, что буквально в метре за её спиной, словно из щели между мирами, прошёл Кай. Он был моложе и немного худее, распущенные светлые волосы касались плеч. Единственное неизменное – это бесстрастное выражение лица. Кай бесшумно встал за спиной ребёнка, сложил руки на груди и просто взглянул на онира сверху вниз. Тварь моментально захлопнула пасть, ночной кошмар весь сжался и, казалось бы, стал меньше.

Девочка открыла глаза, раздражённым взмахом отбросила растрёпанные пряди с лица и неожиданно завопила на онира в ответ. Она стиснула кулаки, напряглась всем телом и пыталась грозно кричать. Выходило плохо, но онир попятился, вначале аккуратно, а после стремительно развернулся и бросился прочь. Гневный вопль девочки перешёл в ликующий.

– Да! Пшёл вон! Убирайся! Катись отсюда! – самоуверенно кричала она вслед, не видя, как Кай вопросительно изогнул бровь, наблюдая за ней.

Его выражение лица стало удивлённым, когда она добавила поток ругательств на человеческом языке. Я торопливо заморгала, стараясь осознать, как много мата знала в том возрасте, да ещё и на языке людей. Неожиданно девочка развернулась и со всего маху головой врезалась Каю в живот. Сын Гипноса не двинулся с места и вернул на лицо привычную беспристрастную маску.

Девочка отступила на шаг, потирая лоб. Затем вскинула взгляд и оцепенела, но мгновение спустя вернулась торжествующая улыбка.

- Ты видел?! Камаэль, ты ведь видел, да?! Я прогнала онира! - тыча в направлении, куда сбежала тварь, насела с вопросами маленькая я.

Мне же было очевидно, что онир сбежал именно из-за появления сына Гипноса. Кай и бровью не повёл, хмуро глядя на ребёнка. У меня сжалось сердце, когда улыбка с лица девочки сошла, рука, указывающая в нужную сторону, опустилась, и она даже попятилась ещё на один шаг.

Я знала, что она чувствует. И знала, что последующего выговора она боялась больше, чем существ на земле Фобетора.

- Видел, - неожиданно ответил Кай, а я невольно скопировала выражение лица себя маленькой: тоже разинула рот от удивления.

- Что ты видел? - с подозрением уточнила девочка.

- Как ты прогнала онира.

- Да?! - изумилась она, а я не удержалась от смешка, который никто из них не услышал. - То есть да! Прогнала! Он испугался меня и сбежал!

Последующие бормотания девочки стали невнятными, она запуталась в словах, стоило Каю улыбнуться. Не широко и открыто, улыбка вышла слабой, но всё же искренней и несдержанной. Ему не сразу удалось её стереть.

- Я услышал много интересных слов, шумная Гесперида.

Девочка стыдливо ойкнула и одёрнула рукав на правой руке, скрывая, кажется, ахакор. Я успела заметить лишь серебряный край. Это не та татуировка, с которой я жила большую часть жизни.

- Отец опять водил тебя в Санкт-Данам смотреть кино? - с напускным спокойствием поинтересовался Кай.

- Разочек.

- И что за фильм был?

- Мультик.

- Ругань из мультика выучила?

- Страшный мультик.

Кай издал страдальческий вздох.

– Кажется, мы уже говорили, что если Гипнос предложит тебе смотреть ужасы, то что ты должна ответить?

– Что я хочу мультик.

– На плакате с мультиком какая цифра должна стоять?

– Максимум двенадцать плюс.

– А на плакате фильма что стояло?

– Восемнадцать плюс.

Кай выругался, заменяя все оскорбительные слова в сторону Гипноса на цветочную терминологию, так, что маленькая я непонимающе тарашилась, а взрослая я осознала каждое «цветочное» оскорбление.

Я бы рассмеялась, если бы не раскрытый от изумления рот. От всей картины радость и боль смешивались, щемя сердце. Я чувствовала, что увиденное действительно воспоминание, и всё же боялась верить, что земли Фантаса не добавили в него фантазий, делая более привлекательным и таким, каким я хотела бы его видеть.

– Зачем ты согласилась на такой фильм?

– Чтобы перестать бояться.

По сути, фильмы ужасов я не любила, поэтому сама с интересом ждала пояснений. Кай, едва повернув голову, бегло осмотрел пески вокруг.

– Тебе десятки раз говорили не ходить на эти земли, – напомнил он. – И не смей врать, что заплутала.

– Я пришла тренироваться, – призналась девочка.

Взгляд Кая опустился к её ногам. Лицо стало недовольным, когда он что-то заметил и присел. Он схватил ребёнка за левую лодыжку и потянул на себя. Маленькая я развела руки, стараясь балансировать на одной ноге, пока вторую сын Гипноса продолжал держать. Я приблизилась на пару шагов, чтобы увидеть причину беспокойства Кая.

– Не заметила под песком скалы и запнулась. Иллюзиями я починила обувь, как показывала Веста, – объяснила девочка.

Сандалии действительно были в порядке, но ремешки оказались испачканы в засохшей крови. Под ними виднелись кровоточащие ссадины.

– Это стоит обработать, а сюда больше не ходи. Ты можешь тренироваться на землях Морфея, – напомнил Кай и отпустил ногу, позволив девочке встать ровно.

Неожиданно он с лёгкостью её поднял, усадив на своё предплечье. Девочка обхватила его шею руками, словно это было в порядке вещей, а я стояла ошарашенная, не в силах поверить, были ли между нами подобные моменты или фантазии играют со мной, переиначивая воспоминания. Я торопливо заморгала из-за пелены непрошенных слёз, хотя губы сами собой растянулись в улыбке.

- Не могу. Я тренируюсь отпугивать кошмары, - возразила девочка.

- На землях Весты безопасно, тебе не нужно уметь их отгонять. - Кай усадил ребёнка на своей руке поудобнее и зашагал прочь, определённо зная путь домой.

- Веста сказала, что тебе опять снятся кошмары. Я хотела научиться их отогнать.

Кай так резко замер, что девочка в его руках покачнулась. Она стыдливо умолкла под его пристальным взглядом. Он через силу несколько раз заставил себя моргнуть, и выражение лица немного смягчилось. Сын Гипноса шумно выдохнул и с усталой полуулыбкой покачал головой. Девочка насупилась, неверно восприняв его реакцию.

- Смогу! Вон уже онира прогнала! Я научусь, - горделиво заявила она.

- Тебе не прогнать мои кошмары, чудище.

- Почему это?

- Потому что мой худший кошмар - это ты.

Девочка призадумалась, а я перестала улыбаться. Я видела, что признание далось Каю нелегко. Заявление не было злым или гневным, голос Кая звучал устало и обречённо, он потратил годы на тщетные попытки перестать вспоминать о гибели своих друзей при взгляде на меня.

- Но я не могу прогнать себя, - пришла к выводу маленькая я.

Губы Кая дрогнули в понимающей улыбке.

- В том-то и дело, чудище.

Он сделал всего ещё один шаг, и они исчезли, скрылись за невидимой мне преградой. Перемена застигла врасплох, я бросилась к тому месту, водя руками по воздуху, чтобы найти щель, дверь или проход, но ничего не было. Даже следы на песке пропали, скрыв любое напоминание об увиденном.

Я потопталась на месте какое-то время, ждала, что они вернуться или Переправа покажет мне другие воспоминания. Время шло, но ничего не происходило, и пришлось заставить себя отправиться дальше.

Не сразу, но песок под ногами сменился жухлой травой, небо затянуло серыми облаками, весь пейзаж потонул в слабом, будто утреннем, тумане, из которого впереди вырос голый лес. Воздух стал прохладнее, словно из лета я попала в осень. Я прошла мимо опушки с лесной избой, но та выглядела заброшенной, давно оставленной. В таком месте мог жить колдун или хозяин

леса. Невольно улыбнулась этой мысли и пошла дальше. Спустя минуты под ногами появился иней, а туман загустел и у меня на глазах рухнул на землю, покрывая всё чистейшим снегом. Голые стволы побелели от изморози. Я обхватила себя руками, окружённая морозным воздухом, изо рта вырвалось густое облачко пара. На каждом шаге сапоги утопали до середины голени, но я переставляла ноги, уверенная, что застряну, если не буду двигаться.

Я остановилась на берегу реки. Между белоснежных берегов под бледно-голубым, почти бесцветным небом непрерывно струились чёрные и графитово-серые потоки. Я перестала дышать, наблюдая, как птицы, сделанные из стекла или хрустала, спархивали с веток к снежному покрову. Они двигались словно живые, но при каждом взмахе крыльев издавали тихие звуки сталкивающихся стекольных осколков.

Фантазии пугали и восхищали. Привычный пейзаж был окрашен в незнакомые оттенки, изменённые детали придавали необычный образ всему увиденному. Я завороченно застыла, заметив движение на другом берегу. Среди плотно стоящих чёрных стволов показался алый плащ. На фоне чёрных, белых и серых тонов заснеженного леса он выделялся ярким пятном. Потом мелькнул второй силуэт, а через мгновение следующий. Кто-то шёл один за другим.

- Эй! - крикнула я. - Стой!

Одна из фигур в красном остановилась. Я подбежала к краю берега, но не могла пересечь речные потоки, те были слишком быстрыми.

- Постой!

Я заулыбалась, вновь встретив кого-то живого, да ещё и девушку. Она повернула голову, сбросила капюшон красного плаща и сделала несколько шагов по снегу ко мне, выходя из-под тени деревьев на свет. У незнакомки странный оттенок волос: светло-серый, чем-то похожий на седой, но лицо сохраняло молодость и красоту. Я замахала руками, она ведь услышала меня? Однако уверенность ослабла, когда девушка осмотрела берег, но не задержала на мне внимания.

- Я здесь!

Её голубые глаза резко сдвинулись в мою сторону, но почти моментально взгляд стал рассеянным. Сзади к ней подошёл высокий темноволосый мужчина в чёрном плаще. В моём направлении он даже не посмотрел. Я замерла, наблюдая, как он положил ладонь девушке на плечо. Она расслабилась, повернула голову к нему и улыбнулась.

- Что случилось, Агата?

- Наверное, показалось, - ответила она, но я услышала, несмотря на шум бурлящей воды.

- Я здесь, - уже тихо пробормотала я, понимая, что иллюзии меня не видят.

Мужчина вскинул взгляд. В его зелёных глазах отразились подозрительность и недоверие, он притянул девушку к себе, явно готовый защищать, но и его лицо расслабилось, когда он меня не увидел.

Это всё иллюзия.

Неожиданно вперёд выбежал мальчик лет двенадцати. Светлые, отросшие до подбородка волосы вились и обрамляли лицо. Он выбежал на берег, но поскользнулся на снегу и не рухнул только благодаря крепкой руке мужчины, который схватил мальчика за чёрный плащ на спине и вернул в вертикальное положение.

– Не бегай вдоль берега, Илья. Под снегом скользкие камни, – напомнила девушка.

– Я аккуратно, – насупился тот после тщетных попыток вырваться из чужой хватки. Мужчина продолжал держать ребёнка за ворот со скучающей отстранённостью, потуги Ильи ему были нипочём. – Просто хотел взглянуть на неё.

Мальчишка уверенно ткнул в мою сторону пальцем. Девушка в красном плаще и темноволосый проследили за движением. Я вся вытянулась в струну, ожидая их реакции, однако они по-прежнему смотрели мимо.

– Вон там! – настоял мальчик и повернулся ко мне.

Я тихо ахнула при виде его глаз: он слеп. Радужка была подёрнута светлой пеленой, однако он безошибочно смотрел в мою сторону и, кажется, был единственным, кто действительно меня видел. Эта мысль сбила с толку, поэтому я сохранила молчание.

– Мы уже обсуждали это, Илья. Там никого нет, а на призраков не обращай внимания. Нам пора, – напомнил мужчина и развернулся, чтобы уйти, однако мальчик сопротивлялся, часто оборачиваясь в мою сторону.

– Но она не призрак! У неё все три нити жизни целы! Я же вижу!

– Там никого нет, Илья, – успокоила девушка, она провела рукой по его волосам, и мальчик пошёл покорнее, хотя продолжил недовольно отстаивать правду.

Что это? Параллельный мир? Иная реальность?

Сны?

Фантазии?

Я помнила историю: ещё до объединения трёх миров особо чуткие люди во снах попадали на Переправу и выносили отсюда образы богов, архитектуры, моды, даже какие-то знания, которые оказались применимы в реальности. Может ли это быть чей-то сон? Происходящее выглядит целостным, но я не часть знакомой им реальности, скорее ошибка, поэтому они меня не замечают.

Но мальчик? Как он...

Я мотнула головой и заставила себя промолчать, чтобы позволить им уйти. Незнакомцы скрылись из виду, а меня начало трясти от холода, тогда я вспомнила о наручах Фантаса и заторопилась дальше. Дыхание на морозе замедлилось, и я беспрестанно тёрла ладони друг о друга, силясь согреться. Пейзаж принялся меняться быстрее, буквально каждые десять шагов, будто иллюзии надеялись создать прообраз, который заставит меня задержаться. Это ощущение усилило нервозность, и я переставляла ноги быстрее. Не отпускали мысли о возможной западне. Что будет, если опять где-то остановлюсь?

Снег стремительно сошёл, голые деревья покрылись белыми цветами. Только успев раскинуть лепестки, они опали дождём. Я шла, а под ногами росла розовая трава, на небе рождались облака и за мгновения растворялись, возвращая небесам чистоту. Я упёрлась в скалу, с недоверием взглянула в черноту пещеры, но, не найдя другого прохода, вступила во тьму и буквально через пять шагов оказалась в коридоре. Меня окутал аромат пустыни и пряных благовоний. Шаги заглушал изысканный ковёр, а стены покрывал орнамент, вырезанный прямо по камню. Судя по темноте в окнах, стояла ночь, коридор освещали светильники с ажурным плетением. Я засмотрелась на них, не сразу заметив, что кто-то стоит в другом конце коридора.

- Что случилось, Даян? - раздался мужской голос.

Я замерла и задержала дыхание. Мужчина в шёлковой, расписной золотой нитью мантии застыл и со смятением на лице рассматривал коридор. Его взгляд, как у фантазии раньше, лишь скользнул по мне, не задержавшись. Я не могла оторвать внимания от его сверкающих серых глаз, словно многочисленные блёстки, запертые в радужке вокруг чёрного зрачка.

- Не знаю, - ответил Даян.

Рядом с ним другой мужчина с кудрявой чёлкой, падающей на глаза, перестал улыбаться и, под стать своему другу, принялся осматривать коридор. Его рука легла на рукоять кинжала, заткнутого за широкий пояс, и я проглотила желание заговорить.

- Странное чувство, что здесь кто-то... знакомый, - неуверенно пояснил Даян, а мне отчего-то захотелось плакать, в груди сдавило.

Сдавленный вздох сорвался с губ, и я тут же закрыла рот обеими руками. Мужчины напряглись.

- Ты слышал это, Анис?

- Да.

Даян приблизился на пару шагов. Не зная, что придумать, я пальцем аккуратно толкнула ближайший медный светильник на цепи. Тот пару раз качнулся. Даян моментально заметил движение, но в его взгляде отразилось разочарование.

- Похоже, сквозняк. - Мужчина развернулся и зашагал к другу.

Я во все глаза таращилась на светильник. Могу ли прикоснуться ко всему окружающему? А к этим незнакомцам? Почему тогда они меня не видят?

Страшно было даже пискнуть, пока они не скрылись из виду, а потом что-то во мне расколослось, и я бросилась за ними. Позвала по именам, распахнула дверь, за которой они скрылись, и неожиданно увязла в песке. Я очутилась в чёрной пустыне, высоко висящее солнце ослепило. Дверь за спиной исчезла, отрезав мне путь назад. Я беспрерывно тёрла слезящиеся глаза, но зашагала дальше, а кони, созданные из ветра и чёрного песка, как живые, поворачивали головы в мою сторону.

Ощущение ловушки исчезло, появилась тоска. словно каждая иллюзия – это не западня, а подарки и угощения с мольбой задержаться в них подольше. Не оставлять их. Слепящее солнце пропало, небо затянули тучи, и воздух прорезали звуки далёкого, раскатистого грома.

Ноги уже едва слушались. Я устала и брела медленно, а затем, поглощённая эмоциями, невольно заплакала. Беззвучно, сдержанно, будто не могла по-другому. Мне чудилась надрывная песнь, пронизанная тоской, одиночеством и болью этих мест. Я остановилась на время, чтобы согнуться и выплакать всё, что территория Фантаса пропускала через меня. Ей требовались чужие слёзы, способные помочь пережить накопленную боль и отчаяние. словно нужно было смириться со случившимися потерями, чтобы успокоиться. Я задыхалась в слезах, позволяя чужим чувствам пройти через меня.

Я очутилась среди сиреневого сада. Цветы были сделаны из меди, хотя на ощупь оставались бархатистыми. Узнала, что это сирень, только по знакомому аромату. Серые грозовые облака мягко светились изнутри, как если бы в каждом пряталось маленькое солнце.

Я устала идти.

И не хотела уходить.

До боли сжав кулаки, я напомнила себе о Кае. Эта часть Переправы больна. Что-то с ней не так. Гипнос говорил, что она никого не хочет пускать. Почему она скрывается, запертая сама с собой?

– Я знаю, кто ты, – ласково обратилась я к пейзажу. Ещё сомневалась, способна ли эта земля что-либо чувствовать, но если да, то она определённо в агонии. – Если ты принадлежишь Фантасу, то покажи, как выглядишь! Какая ты на самом деле?

Цветки тут же завяли, по всему пейзажу прошла волна мелкой дрожи. Картинка зарябила, и у меня вновь заслезились глаза. На секунды всё вернулось к норме, я решила, что мне показалось, но следом то тут, то там жизнь начала исчезать. Сиреневые деревья сморщивались и увядали, горбясь к земле. Трава, холмы, цветы и даже грозовые облака растворялись, словно смытое водой изображение, демонстрируя за собой абсолютную черноту. Сердце забило где-то в горле, я мелко и прерывисто задышала, не в состоянии приспособиться к такой реальности. Пейзаж пропадавал, открывая мрак, напоминающий первозданный хаос.

Я отшатнулась, когда под ногами расплзлась чернота. Я никуда не падала, будто не могла. Здесь не было ни верха, ни низа, ни времени, ни жизни. У меня закружилась голова.

Так всё выглядит?

Как ничем не заполненная пустота?

Это хаос? Или вечный мрак, богом которого был Эреб?

– Хватит, – взмолилась я, когда не осталось неба, а от полей виднелись уменьшающиеся пятна. – Пожалуйста, хватит! Я поняла.

Всё резко исчезло, и меня накрыла непроглядная тьма.

Я торопливо заморгала, а потом закричала, перестав понимать, открыты мои глаза или закрыты. Я кричала, горло вибрировало, но наружу не вырвалось ни звука. Сердце забилося надрывно, до боли. Меня лишили зрения, слуха, всех запахов и любой информации.

Тело пробил озноб, разум от полного сумасшествия спасало лишь осязание. Я обнимала себя на плечи, ощупывая одежду, проверяя, что у меня всё ещё есть тело. Я упрямо зашагала вперёд, представляя под собой твёрдую поверхность.

Перебирала ногами, пока не поняла, что никуда не двигаюсь, потому что я нигде и здесь невозможно куда-либо прийти.

Кажется, я снова закричала, но отсутствие звуков сбивало с толку.

Мысли распадались на бессвязные буквы и разрозненные картинки, я не могла собраться, сознание раскалывалось на части, лишая меня способности здраво мыслить.

Я запуталась в окружающей пустоте. Несмотря на прикосновение к плечам, засомневалась в собственной реальности, как если бы не существовала вовсе и любые ощущения были не более чем обман.

Я шла до изнеможения, а отдыхала стоя, боясь потерять крупицу баланса.

Затем вновь притворялась, что шагала, представляя, как мои невидимые ноги несут меня дальше, и опять замирала.

Окружающий мир не имел ни запахов, ни образов.

Время не текло и не ощущалось, потеряв свою значимость.

Тело немело, сопровождая болью каждое движение, хотя я уже перестала понимать, двигаюсь ли вообще.

Мысленная агония терзала разум так долго, что стала привычной нормой.

– Ка...

Меня окатила волна жара, а следом холода.

Голос почти сразу поглотила пустота, и всё же...

- ...ссия... Помо... ей!

Я бросилась навстречу звукам, как страдающий от жажды бежит к воде.

- Выта... щи её!

Я замерла, узнав говорящего. Меня затрясло от ужаса. Это галлюцинации. Даже этот голос – обман. Я не успела развернуться, чтобы спрятаться, мрак натянулся и лопнул, просочившийся свет практически ослепил, а чужая рука грубо схватила моё запястье. Я всхлипнула от испуга, и мужская рука дёрнула вперёд, мрак стал жидким, словно вода хлынул в рот и нос. Я начала захлёбываться, зажмурилась, а последующий болезненный удар о твёрдую поверхность заставил выплюнуть всё проглоченное.

- Всё хорошо, Кассия! Всё хорошо. Выплёвывай, – убеждал меня ласковый голос, пока рука хлопала по спине.

Одежда была мокрой, меня затрясло от прохладного ветра, я часто моргала, пытаюсь прийти в себя. Полнота окружающих красок ослепляла. Стоял день, солнце мягко припекало, а пение птиц немного успокаивало. Я уткнулась лицом в траву, вдыхая запахи и стараясь уgomонить сердцебиение. Зажмурилась, не зная, верить ли окружающему: что из увиденного фантазии, а что галлюцинации. Стиснула траву в кулаках, сосредотачиваясь на осязании.

- Кассия? – неуверенно позвал голос.

- Всё будет хорошо. Дай ей время, – заверил мужчина.

Я скрючилась, непрерывно моргая и пытаюсь привыкнуть к свету. Как только слёзная пелена хоть немного сошла, я приняла сидячее положение и медленно нашла взглядом незнакомца. Он сидел на траве рядом, уперев локоть в согнутое колено. Зрение ещё немного плыло, и всё же я не могла отделаться от ощущения знакомого лица. Он улыбнулся одними губами. Радость не коснулась его глаз, но выражение оставалось доброжелательным. Каштановые волосы едва заметно вились и спадали на плечи. Взгляд казался печальным, несмотря на угловатость лица и тяжесть нижней челюсти, он был привлекательным. На вид я бы дала ему около сорока, но было чувство, что он намного старше.

- Ты похож на Руфуса, – хрипло выдала я.

Его брови вопросительно приподнялись, и мужчина посмотрел правее от меня. Я проследила за его взглядом и наткнулась на Сиршу, которая сидела рядом и поглаживала меня по спине.

- Кассия хотела сказать «на Гипноса», – подсказала она мужчине.

Я поперхнулась вдохом и опять закашлялась. Последующие удары по спине были слишком сильными, чтобы притвориться, что её существование мне почудилось.

– Ты настоящая? – едва ворочая языком, спросила я, хватая Сиршу за руки. Я принялась ощупывать её пальцы, руки, волосы, по-прежнему выкрашенные в «розовое золото», и серое шифоновое платье с цветочным узором. В этом наряде она действительно походила на куклу. – Я могу к тебе прикоснуться. Ты настоящая.

Сирша не успела ничего ответить, как я стребла её в объятия и сдавила. Держала так крепко, что подруга протестующе захрипела, но я не выпускала Сиршу из рук, боясь, что она пропадёт. Меня била такая сильная дрожь, что мир, казалось, раскачивается. Слезы несдержанно хлынули из глаз.

Сирша сдалась через какое-то время. Прекратила ворчать, что я намочу ей платье, и обняла меня в ответ с неменьшей силой. Несмотря на недовольное бормотание, я отчётливо слышала улыбку и слёзы в её голосе. Она гладила меня по голове, пока я рыдала, непрерывно прося прощения. Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем мне удалось успокоиться: глаза к тому моменту саднили, а горло хрипело.

– Кто это? – спросила я, торопливо утирая остатки слёз и кивая в сторону незнакомца, похожего на Руфуса.

– Кассия, познакомься. Это Танатос. Бог смерти, – чинно выдала Сирша, отвешивая мужчине насмешливый поклон.

Он по-доброму улыбнулся, глядя на её ребячество, а я в оцепенении несколько раз осмотрела его с ног до головы.

Танатос. Бог мирной смерти.

– Гипнос – мой брат-близнец, поэтому мы похожи, – пояснил мне Танатос, не совсем верно истолковав моё удивление.

– Гипнос множество раз менял внешность, – напомнила я, не понимая, откуда ему известно, как выглядит его брат сейчас.

– Верно, но если хоть один из нас меняет внешность, то лицо второго подстраивается, изменяясь без воли хозяина. Так мы всегда остаёмся похожими, – терпеливо объяснил Танатос, его расслабленная манера успокаивала. Я перестала дрожать, с интересом разглядывая третьего брата. – В детстве это нас очень раздражало. Мы завидовали младшему – Моросу, которому не нужно было делить схожее с нами лицо. Однако после смерти я потерял способность как-либо влиять на свою внешность, поэтому она подстраивается под выбранный Гипносом образ.

– Ты умер.

Описав реальность, я стыдливо умолкла, решив, что прозвучало невежливо. И повернулась к Сирше, вспомнив, что и она мертва. Это разбило мне сердце, и в глазах снова собрались слёзы.

– Я тоже умерла? Или нет? – неожиданно передумала я, глядя то на одного, то на другого. – Вы настоящие? И каким-то образом заперты здесь?

Я схватила Сиршу за руку, трепетно ощупывая её пальцы и ладонь. Она определённо настоящая.

– Нет, мы на самом деле мертвы, – терпеливо возразил Танатос и мягко улыбнулся, когда радость сошла с моего лица.

Я продолжала держать Сиршу, цепляясь за ощущения как за правду, в противовес словам бога. Он встал, мы с Сиршей повторили за ним. Я огляделась вокруг: место очень походило на земли Морфея, разве что маковые цветы все белые, а над головой простиралось звёздное небо с четырьмя крупными планетами, у одной из которых были даже кольца. Казалось, здесь почти нет атмосферы, хотя дышалось свободно и окружающий пейзаж был ясен, как при свете дня. Однако над головой висело тёмное небо, словно верхнюю часть пейзажа срезали ножом, сразу открыв вид на космос с многочисленными звёздами и туманностями.

Танатос положил руку на моё плечо, и я вздрогнула, когда вся одежда на мне и волосы высохли.

– Спасибо, – смущённо поблагодарила я, чувствуя себя маленькой и ничтожной рядом с богом смерти.

Тот был минимум на голову выше Руфуса, выше Кая и других знакомых мне мужчин. Сирша взяла меня под руку и прижала к себе, придавая уверенности.

– Это земли Фантаса?

– Да, – ответил Танатос.

– Что здесь произошло? Гипнос сказал, что после взрыва на Переправе никто не мог попасть на территории Фантаса. С этими землями что-то не в порядке, я была... в какой-то пустоте, – поделилась я, содрогнувшись от воспоминаний.

– Ты попала в изнанку. Это как оказаться за декорациями в спектакле. Из неё надо уметь выбираться, – загадочно пояснила Сирша.

– Ты там была?

– Один раз. Тоже там застряла, а Танатос вытащил. Он и тебе помог, твоё присутствие мы все почувствовали. Ты кричала, а вместе с тобой дрожала вся земля. Они говорят, что ты Фантас, – воодушевлённо рассказала подруга.

– «Они»? Кто «они»?

– Раньше нас было пятеро, – ответил Танатос под вопросительным взглядом Сирши. – Первые боги, умершие на Переправе.

Пятеро.

Танатос, Пасифея и три сына Гипноса.

Моё сердце забилося чаще.

– Вы здесь?! Всё это время вы были здесь? – хотелось одновременно смеяться и плакать, но я не могла из-за охватившего меня шока. За мгновение радость перевесила все остальные эмоции. – Гипнос и Морос будут счастливы узнать, что вы здесь. Мы должны им рассказать! Это прекрасно! Вы здесь и можете увидеться с Гипносом.

Мой восторг сошёл на нет, когда Танатос со снисходительной улыбкой и печалью в глазах выслушал, но не поддержал моего воодушевления.

– Вы не можете? – нехотя уточнила я, ощущая накатывающее опустошение от потери обретённой надежды.

Танатос кивнул и взмахом руки пригласил следовать за ним. Вдалеке показался дом. Внешне он отличался от того, в котором живёт Веста, но я почему-то была убеждена, что это он. Может, просто более ранний вариант, тот, что был знаком Танатосу и Пасифее.

– Мы умерли на Переправе, но в последний миг Фантасу удалось сохранить наши прообразы. Благодаря его дару он был способен создавать фантазии, так он сберёг наши... души, – подобрал слово Танатос, хотя я была уверена, что это не совсем отражает его мысль. – Сохранил нашу память.

– Он их законсервировал здесь, – подсказала Сирша в более понятной манере. – Они могут существовать, пока это место заперто. Точнее могли. Сейчас здесь остались лишь Танатос и Пасифея.

– А что произошло с остальными? – спросила я, взглядом провожая призрачную бабочку.

– Они ушли, когда родились дети с предрасположенностью к их дарам, – объяснил Танатос. – Первым исчез Морфей, потом Фобетор. Фантас ушёл чуть больше двадцати лет назад, с твоим рождением.

– Почему они исчезли?

– Потому что пришло время. На самом деле наше время пришло уже очень давно, в момент взрыва, но Фантас был упрямым. Он думал, что сможет сохранить нам призрачную жизнь хотя бы в пределах Переправы. У него получилось, но ограничения лишили такое существование всякого смысла. Мы отрезаны не только от всего остального мира, но даже от других частей Переправы.

– Вы не можете уйти?

– Можем. Фантас всё это время был с нами, и мы могли попросить его открыть свои территории вновь. Однако это не позволило бы нам встретиться с Гипносом и Моросом, мы бы просто исчезли, как и должны были после взрыва.

- Почему вы этого не сделали? Теперь Фантас ушёл, и вы навсегда заперты здесь? - ужаснулась я.

- Благодаря тебе мы сможем, - спокойно заверил Танатос. - Но это не единственная причина нашего ожидания. Нам, Гипносу и Моросу необходима твоя помощь. Ради этого мы пробыли здесь так долго.

Вначале я кивнула, готовая выслушать пожелание, но ощутила руку Сирши и придвинула её к себе поближе.

- А что станет с тобой? Как ты здесь оказалась? Я выполню просьбу, и ты вернёшься со мной? - я нутром чувствовала, что это не так, но молилась, чтобы она подтвердила мои надежды.

Похоже, все страхи отразились на моём лице, потому что Сирша с заботливой усталостью вздохнула и обняла меня за плечи.

- Не знаю, как именно всё произошло, но я очнулась в темноте и тишине. После непродолжительных криков меня нашёл Танатос и вытащил с изнанки сюда. Сперва решила, что попала в рай. Помнишь, Кассия? Об этом проповедуют последователи Единого Бога.

Мы с Сиршей никогда не были верующими. Тем более сложно верить в Единого Бога, которого никто не видел, когда мойры, Гипнос, Морос, Танатос и остальные действительно существовали и показывались своим подданным.

Я отгляделась вокруг, понимая, почему она могла так решить. От вида космоса над головой захватывало дух. Казалось, что более нет преграды между мной и чем-то великим, чьи объёмы не поддаются воображению. Я опустила глаза, обводя взглядом поля с белыми маками. Те мерно покачивались под умиротворяющими порывами свежего ветра. Сирша всё это время наблюдала за мной с улыбкой.

- Танатос рассказал, что я очутилась здесь, потому что вы похоронили меня на Переправе.

- Где бы ты оказалась, если бы тебя похоронили в другом месте?

Сирша расслабленно пожала плечами, я повернулась к Танатосу, но тот не ответил, хотя наверняка знал.

- Выходит, все умершие на Переправе попадают сюда?

- Да, но я бог смерти и помогаю им отправиться дальше, - пояснил Танатос, пока мы проходили мимо узкой лазурной реки, напоминающей реку Забвения. Это сравнение в очередной раз убедило, что здешний пейзаж - копия земель Морфея. Копия их дома. - Я предлагал то же самое твоей подруге, но она отказалась.

- Через их рассказы я поняла, что они ждут тебя, и тоже решила дождаться, - дополнила Сирша раньше, чем мне удалось задать нужный вопрос.

Я благодарно улыбнулась, стараясь не вспоминать, что мы по-прежнему говорим о смерти. Просто видеть Сиршу и слышать её голос – уже больше, чем то, на что я могла рассчитывать.

До дома оставалось недалеко. Он был из жёлтого камня и мрамора, украшенный в ионическом стиле, с изящными колоннами и симметричными завитками. Но интерес к архитектуре моментально пропал при виде молодой женщины, спускающейся по ступеням. Я резко замерла, а Танатос и Сирша невольно повторили. Я рассматривала незнакомку, не веря своим глазам. Не спрашивала у Гипноса про внешность его жены, а на всех иллюстрациях в книгах хариты, среди которых была Пасифея, изображались прекрасными и схожими на лицо. Однако я убедилась, что все они были выдумкой художников и абсолютно не отражали реальность.

– Да-а-а, я как раз хотела тебе сказать, – неловко протянула Сирша, хотя здесь не требовались никакие слова. Одного взгляда стало достаточно.

Заметив меня, Пасифея замедлила шаг, она выглядела не менее озадаченной.

– Мой сын? – неуверенно обратилась она к Танатосу, который пошёл ей навстречу.

Бог смерти подал харите руку, помогая ступать по траве, потому что чёрное шёлковое платье тянулось за ней, цепляясь за цветы. Пасифея была обворожительна. Из-за невысокого роста и телосложения казалась хрупкой рядом с Танатосом. Шёлк облегал её тело, пока, босая, она шагала по полю, одной рукой придерживая юбку. Несколько тонких цепочек украшали лоб, на правом предплечье красовался спиральный браслет.

– Скорее дочь, – поправил Танатос.

Пасифея улыбнулась мне, отпустила руку Танатоса и подошла ближе. Я всё никак не могла справиться с шоком, не в состоянии осознать, что вижу лицо Илиры. Я на неё похожа, как должна быть похожа дочь. Но Илира с Пасифеей были до ужаса идентичными, словно близнецы. Те же белые волосы с нежной волной, жёлтые глаза и ласковый взгляд.

У меня зануло в груди, когда всё встало на свои места. Гипнос влюбился в Илиру, потому что она напоминала ему Пасифею. И та любовь была другой, не такой, как симпатия к Нае или Камилле. Гипнос влюбился в Илиру до беспамятства, с отчаянной тоской по своей жене, а мойры её отобрали, сведя с Мелаем.

Мойрам Гипнос отомстил с братом сам, так как боги могут вредить другим богам без опаски повлиять на баланс, но Мелая убить он не мог. Это стало бы непоправимым вмешательством, поэтому царя Металлов он прикончил своими руками. Мне бы разозлиться на Гипноса за роль пешки, но я не могла отделаться от сожаления и боли за него. Пасифея всё это время находилась на Переправе, а он в неведении, насколько близко были его жена и дети все эти столетия, однако, узнай он, всё равно не смог бы с ней встретиться.

– Разве белые волосы и жёлтые глаза не отличительная черта Эриды – богини Раздора? – сбито пролепетала я, когда заинтересованная Пасифея взяла мои

руки и осмотрела ахакор, а затем чёрную двойную спираль на левом предплечье.

– Верно, – согласилась харита с нежной улыбкой. – Но только в первом поколении богов, из которых и происходят дары палатейцев. Я же скорее третье поколение. Мы с Эридой были похожи цветом волос и глазами, но с тобой... мы похожи намного больше.

Я не стала рассказывать Пасифее про Илиру и что сходство с ней поразило бы её куда сильнее. У меня не было с собой фотографии матери и нужных доказательств. В ответ я кивнула, искренне благодаря за нашу встречу и за то, что они позаботились о Сирше.

– Фантас дольше остальных не мог найти никого подходящего для передачи дара, но теперь ясно, что он тщательно сделал свой выбор.

Я огляделась вокруг, сожалея, что не смогу познакомиться с настоящим Морфеем, Фобетором и Фантасом.

Пасифея и Танатос пригласили меня в дом, где за обеденным столом я рассказала им всё, что знаю про жизнь Гипноса и Мороса, поделилась новостями и проблемами. Рассказала о Весте и Кае, заверив, что сила Морфея и Фобетора в надёжных руках. Я говорила без остановки, а Танатос, Пасифея и Сирша слушали с воодушевлением, изредка задавая интересующие вопросы. Я старалась приуменьшить всё плохое, чтобы не расстраивать Танатоса и Пасифею, меня радовали восторг и благодарность в их глазах.

После рассказа о том, как я попала на территории Фантаса в первый раз, Пасифея и Танатос были озадачены тем, что мне удалось быстро выйти. Но они пришли к выводу, что Переправа была сбита с толку нашей связью и моей человеческой иллюзией, поэтому решила выпустить. Они также вспомнили момент, когда Гипнос вырвал часть Переправы. По их словам, они почувствовали прореху, и с того дня земли Фантаса стали неустойчивыми, время от времени выворачиваясь изнанкой – той самой тьмой, из которой не выбраться без посторонней помощи. Танатос рассказал и о друзьях Кая: после гибели на Переправе их притянуло к богу смерти. Я тревожно стлотнула, побледнев при напоминании о том, что моё рождение стоило жизни многим. Ощувив перемену, Танатос заверил, что они ушли без боли, он помог им отправиться дальше.

Я рассказывала о Гипносе и Моросе пару часов кряду, но пейзаж за окном не изменился, разве что туманности и созвездия немного сместились. Моё сердце восторженно билось от радости, пока Сирша показывала мне дом и поля вокруг. Она поделилась о жизни на земле Фантаса, но удивилась, узнав, что уже прошли месяцы. Для Сирши время протекло медленнее, как несколько недель.

После еды, отдыха и длительных разговоров мне стало умиротворяюще спокойно. Я стояла, запрокинув голову, у их дома. Сытая, согретая и обласканная вниманием Пасифеи и добротой Танатоса. Мысль о наручах Фантаса пришла ко мне неожиданно и совсем вскользь, из-за чего я встrepенулась, испугавшись, что почти пропустила её.

– Сирша, ты что-нибудь знаешь о наручах Фантаса?

- Наручи? А, да. Кажется, нечто такое есть у Пасифеи, - ответила она, оборачиваясь к дому, из которого к нам шли боги.

Они о чём-то переговаривались, Пасифея выглядела опечаленной, но продолжала улыбаться, цепляясь за согнутую в локте руку Танатоса. Бог смерти что-то ей ответил, но я не расслышала - они были слишком далеко.

- Тебе пора, Кассия, - с ходу ошарашила меня Пасифея. - Танатос говорит, что Переправа беспокойна. Она чувствует волнение кошмаров, как те рыщут вокруг. Мы предполагаем, что они ищут тебя.

- Кай, - вырвалось у меня, и сердце тревожно забилось в груди. - Он наверняка уже знает, что я ушла. Хотя я сама не понимаю, сколько времени прошло. Но я не могу просто так уйти. Не хочу оставлять вас, и мне нужны наручи Фантаса.

- Да, нам тоже нужно, чтобы ты их забрала. Только с ними ты сумеешь выполнить нашу просьбу. Пойдём.

Они повели меня за дом к грубо вытесанному камню, похожему на постамент прямо в середине поляны. Дёрнув подбородком, Танатос пригласил подойти, и я с опаской приблизилась. На гладкой поверхности лежали наручи. Казалось, они сделаны из мягкой то ли ткани, то ли кожи, хотя материал переливался от бледно-золотого до насыщенного горящего оттенка. Я не осмелилась прикоснуться. Несмотря на пройденные иллюзии и ужас пустоты, я с недоумением обернулась на Пасифею. Всё слишком легко, не удавалось отделаться от мыслей о ловушке. Кубок сам позвал Весту, но ей пришлось долго выискивать его в реке Забвения, Кай подрался с керами и кто знает с какими ещё кошмарами, чтобы заполучить копьё и щит Фобетора. Мне же предлагают взять наручи Фантаса просто так? Можно ли считать попадание в изнанку достаточной проверкой?

- Это атрибут Фантаса. Он всё творил руками и с помощью наручей мог сделать созданную фантазию или иллюзию реальностью, - заверила харита. - Однажды он сделал Морфею крылья, но перед этим сын экспериментировал на конях, и так появились пегасы. Он же создал копьё и щит Фобетора и помог придать двум кубкам Морфея схожий вид, чтобы незнакомцы не могли отличить, который из них для прорицания. Были глупцы, желающие украсть кубок Морфея, но не могли отличить верный от того, что дарует лживые сны.

- Из чего они? - Сирша подошла ближе, с интересом разглядывая божественный артефакт.

- Из орихалка.

Пасифея тихо рассмеялась, наблюдая за изумлением на наших с Сиршей лицах.

- Таинственный металл?! - воскликнула я. - Разве он не стигнул?

- Не металл, а сплав, - поправил Танатос. - Было время, когда орихалк был самым дорогостоящим материалом. Его состав потеряли вместе с исчезновением целого города на острове, где его изобрели. Там им отделявали храмы.

Я читала о таинственном городе Палагеда, развитие которого скачками продвигалось вперёд, но в результате катаклизмов он был полностью затоплен. Жители погибли, а весь остров ушёл на дно. Это было невероятно давно, когда единый народ ещё не разделился на палагейцев и даориев.

- Наручи Фантаса из орихалка и вовсе были особенными, придавали ему сил. Я сама видела, как он крошил камни или гнул металл голыми руками, пока носил их, - добавила Пасифея.

- Вы уверены, что мне можно их взять? - уточнила я.

Улыбка Пасифеи поникла.

- Если кто и может, то только ты. Та, что получила дар Фантаса.

Я протянула руки к артефакту, но мои пальцы прошли сквозь наручи, как сквозь иллюзию. Я в недоумении уставилась вначале на свои ладони, потом на наручи. Несколько раз попробовала взять предмет, но он оставался на пьедестале.

- Я не могу.

Танатос шумно выдохнул.

- Похоже, даже тебе придётся пройти проверку.

- Какую проверку?

- Тебе необходимо сделать их реальными. Фантас сказал, что своему преемнику даст шанс на выбор. Решить, так ли ему или ей нужны именно наручи. Он сказал, что ты можешь создать здесь что угодно один раз, а затем сделать это реальным. Либо ты делаешь реальными наручи, и они станут твоими, либо выбираешь что угодно другое.

- Абсолютно нелогичный выбор. Я ведь могу взять наручи и с их помощью создать всё остальное. Именно они даруют способность делать иллюзии реальными, - пробормотала я, выискивая подвох.

Он здесь точно есть. Зная все легенды о сыновьях Гипноса, можно не сомневаться, что загадка от Фантаса не столь проста. Я была довольна, что догадалась. Никакие богатства или фантазии не станут лучше наручей самого Фантаса.

- Не всё, - тихо возразила Пасифея. - Идеальнее всего у Фантаса получались объекты. Предметы, металлы, горы, камни, моря. Животные немного хуже: там ему требовалась помощь Фобетора, так как он был больше предрасположен к созданию живых образов. Людей вернее всего копировал Морфей, но даже с его помощью Фантас не мог оживить человека. Снова сделать его реальным.

Моя улыбка моментально померкла, когда сочувственный взгляд переместился на Сиршу. Я покачнулась, дыхание ускорилося, и неожиданно мне стало холодно.

- Именно здесь взамен наручей я в состоянии сделать реальным всё, что угодно? - мой голос дрожал при взгляде на Сиршу, а её глаза испуганно округлились. - Кого угодно?

- Можешь. Пока территория Фантаса закрыта от всего остального, здесь это реально.

- Кассия, нет! - отрезала Сирша раньше, чем я успела сказать хоть слово. - И думать об этом не смей! Я умерла, а это проклятый тест! Проверка!

Я почти не слышала, полностью оцепенев от открывшейся возможности. Я могу вернуть подругу. Может, и Элиона? Они оживут! А если я не сумею спасти обоих, то хотя бы помогу Сирше. Верну ей ту жизнь и судьбу, которых она заслуживает. Я едва не прикусила язык, когда подруга грубо меня встряхнула.

- Знаю, о чём ты думаешь, Кассия, но это неправильно! Так не должно быть.

Танатос и Пасифея не вмешивались, позволяя нам самим разобраться, а их смиренное молчание запутывало, словно есть что-то, о чём я забыла спросить.

- Ты будешь жить, Сирша. Вернёшься домой и построишь желанную карьеру. Влюбишься и, если захочешь, заведёшь детей. Я верну тебе жизнь! Длинную и счастливую, - порывисто принялась убеждать я, грея её ладони в своих. Я заглядывала ей в глаза, ища хоть маленькую трещину сомнений. - Ты не должна была умирать, Сирша! То, что произошло, моя вина, и раз можно всё исправить, то я обязана это сделать. Мы обойдёмся без наручей, придумаем что-нибудь другое.

Меня затрясло от осознания полученной возможности, всё расплывалось от пелены слёз.

- Я хочу её! Хочу Сиршу живой, - обратилась я к Переправе, и почва задрожала у нас под ногами. - Сделай её...

- Ничего она не хочет! - рявкнула Сирша на Переправу, и та перестала дрожать, будто сбитая с толку возражением. - Ты не станешь меня возвращать! Я не хочу!

- Но...

- Никаких «но». Я умерла, Кассия. Я смирилась и приняла всё произошедшее, пришло и твоё время. Это проверка! - подруга ткнула пальцем в наручи. - Вспомни нашу любимую легенду, Кассия. Легенду про Сивиллу и Мелису. Они думали, что перехитрили Морфея и получили желаемое, но какой ценой? Вспомни все сделки с богами! Сделки с Привратником. Всегда есть что-то ещё.

- Не могу, - я торопливо утёрла скатившуюся слезу. - Я не могу потерять тебя снова.

Лицо Сирши расслабилось, плечи поникли, и на губах появилась слабая, понимающая улыбка. Она обняла меня, погладив по волосам.

- Ты действительно не можешь, Кассия. Ты уже потеряла меня и таким способом не вернёшь. Будь подобные силы реальными, думаешь, Гипнос и Морос об этом бы не знали? Думаешь, они не оживили бы родных?

Я взглянула на Танатоса и Пасифею, которые продолжали безмолвствовать, наблюдая за нашим разговором с тем же снисхождением, что могут позволить себе боги, прожившие многие столетия и видевшие многочисленные варианты горя и радости, надежды и отчаяния.

- Ты потеряла меня, но остался Кай. Ты говорила, что ему нужен асфоделус, - привлекла моё внимание Сирша, вынуждая смотреть ей в глаза. - Рассказывала о своём дедушке, о своём Доме и о том, что тебе необходимо защитить положение архонта. Ты потеряла меня, но у тебя так много всего осталось.

Я могла найти возражение на каждую фразу.

Но закусила губу, чтобы сдержать их при себе. Все аргументы будут упрямым ребячеством на фоне её здравого смысла. Я стлотнула вязкую слюну, беря себя в руки, и повернулась к Пасифее.

- Какой подвох? Вы можете об этом сказать?

- Да, но только если ты выберешь наручи. Предпочтёшь другое, то в любом случае узнаешь.

- Мы не попадёмся в ловушку, Кассия, - твёрдо заявила Сирша, повернув меня к себе. - У меня было время подумать, смириться со своей смертью, и теперь мне интересно, что дальше. Я не хочу возвращаться в Санкт-Данам, потому что мне придётся вернуться туда без тебя.

Я опять намеревалась возразить, но промолчала. Сирша одарила меня снисходительной улыбкой.

- Ты сама это знаешь, а мне известны твои страхи. Ты будешь бояться впутывать меня в проблемы и начнёшь держать подальше от Палагеды. Ты бросишь меня одну в Санкт-Данаме, Кассия.

- Если хочешь, придумаем что-нибудь другое. Я могла бы..

- Нет, - Сирша помотала головой. - Наши пути расходятся здесь. И мы должны это принять. Наверное, это и есть проверка. Принять факт, что что-то ты не можешь вернуть. Посмотри, богам тоже пришлось пройти этот урок.

На середине Сирша заплакала, слезы полились по щекам, но она сохранила искреннюю улыбку и утешала меня, хотя сама готовилась полностью исчезнуть.

- Просто... не забывай меня, ладно? - напоследок попросила она, и теперь уже я обняла подругу, успокаивая и убеждая, что не было и дня без мыслей о ней.

Без Сирши я не стала бы тем, кто я есть сейчас. Она была мне не просто близкой подругой, но сестрой и настоящим членом семьи. Она спасла мне жизнь, и не единожды.

– Что ты выберешь? – спросила Пасифея, когда Сирша перестала плакать, а я выпустила её из объятий.

– Наручи, – нехотя согласилась я, уважая желание подруги. Я отобрала у неё слишком многое, чтобы иметь право возвращать Сиршу против её собственной воли. – Я возьму наручи. Пусть они станут реальными.

Земля под ногами вновь задрожала, вибрация длилась недолго, а как только она утихла, магический атрибут засветился на несколько секунд и снова потух. Я неуверенно потянулась к наручам и даже не сразу поверила, когда пальцы коснулись металлического плетения. Они были восхитительно лёгкими, прохладными и больше напоминали тонкую кожу. Я аккуратно надела один наруч, затем второй. Материал закрывал малую часть предплечья и ладони, но пальцы оставались открытыми.

Я ахнула, подняв взгляд на присутствующих. Сирша, Танатос и Пасифея изменились. Их тела потеряли цвет, скорее напоминая призраков, и я сжала челюсти, запрещая себе плакать. Сделала выбор и не имею права о нём сожалеть.

– Вы бы не смогли уйти, – рассказала Пасифея, помня о моём вопросе про подвох. – Твоя проверка вышла жестокой, потому что Сирша уже была здесь. Она бы ожила, но оставалась такой лишь в пределах этих земель Фантаса, а ты осталась бы заперта с нами.

Сирша попыталась дотронуться до меня, но её руки прошли сквозь, однако стоило мне схватить её ладонь, и всё получилось. Наручи Фантаса позволяли мне касаться её. Я сжала пальцы подруги в немой поддержке. Сирша храбрилась, но я знала её слишком хорошо, чтобы отчётливо различить страх. Поэтому я останусь, пока она не уйдёт дальше.

Я постаралась не представлять, что подумали бы Кай и дедушка, не вернись я домой. В груди сдавило от мысли, какую боль это могло им причинить.

Справа раздался шум, и у меня кровь отлила от лица при виде разрушающегося дома. Далёкие деревья тоже начали горбиться и вянуть, словно огромные цветы. А белые маки под ногами принялись стремительно гнить.

– Что происходит?!

– Наше время заканчивается. Ты забрала наручи, и это место более не закрыто, – торопливо объяснил Танатос, прижимая Пасифею к себе, когда харита отшатнулась от чернеющих цветов под ногами. – Ты должна нам помочь! Передать кое-что Моросу! То, что однажды спасёт душу Гипноса. Но Пасифея также хочет передать моему брату последнее послание.

Харита протянула мне по хрустальному шару в каждой ладони, один был серый, а другой золотой. Они напоминали те, что хранили наши с Микелем личности.

– Ваши воспоминания?

– Да. Танатос умеет их вытаскивать, как и Морос.

Мы все покачнулись, когда земля под ногами пошла волнами.

– Кассия, их можно будет посмотреть лишь раз, умоляю: не потеряй их и не разбей! – взмолилась Пасифея.

– Как мне их вынести? Разве я могу унести что-то помимо наручей?

– Можешь. Теперь с помощью них ты способна делать созданные иллюзии объектов реальными. Просто возьми, – заверил Танатос, помогая Пасифее устоять на ногах. Сирша рядом схватилась за постамент.

Всё вокруг непрерывно качалось, сердце вторило, тревожно ударяясь о рёбра. Я создала сумку на пояс и оторвала кусок от своей туники, чтобы завернуть стеклянные шары, иначе те разобьются друг о друга. Мне пришлось полностью сосредоточиться на шарах, и только на третий раз я смогла забрать их из рук Пасифеи. Они оказались тёплыми, и на секунды я замерла, вглядываясь в клубящийся туман.

– Не перепутай. Золотой для Гипноса и серый для Мороса! – объяснил Танатос, повысив голос, чтобы перекрыть треск раскалывающейся вокруг нас земли.

Я убрала шары в сумку, закрепила её на поясе, стараясь не смотреть по сторонам на происходящий ужас.

– Что там за воспоминания? Ты сказал, что необходимо спасти душу Гипноса.

– В сером шаре одно из предсказаний Морфея. Он увидел его, когда мы уже были заперты здесь. Что-то непонятное, про смерть Пасифеи и самого Морфея. Он говорил, что умрёт она, а следом умрёт и он. Потом что-то про волосы. На первый взгляд бессмыслица, но я запомнил его и сохранил. Брату выпало много потерь, и возможно, он близок к своему пределу. Покажи это видение Моросу! Он попытается помочь.

«Умру и я. Пасифея умерла...»

«Волосы той, что плетёт. Волосы той, что...»

Кошмарный сон Весты. Это совпадение или она видела то же, что и Морфей?

– Что произойдёт с Гипносом? – От волнения я едва заметила, как неподалёку рухнуло дерево.

Танатос хотел ответить, но справа буквально в десяти шагах земля расколосась и начала расходиться в стороны, открывая расщелину.

- Тебе пора! - поторопила Пасифея.

Танатос подтянул хариту и Сиршу к себе, обнимая обеих.

- Как? Как мне выйти? И что будет с вами?!

- Мы уйдём, - ласково заверила Пасифея. Горло сдавило, и я схватила Сиршу за руку, видя, что ей страшно. Она благодарно мне улыбнулась, хотя тряслась как осиновый лист. - Мы давно умерли, и пришло время отправиться дальше. Танатос о нас позаботится. А тебе туда, прыгай в воду и плыви на глубину, - указала Пасифея мне за спину.

Я обернулась, заметив накатывающие волны то ли моря, то ли из ниоткуда взявшегося озера. Колени ослабли, ноги явно не хотели держать.

- Переправа знает, что ты боишься воды. Это очередная проверка, откуда тебе придётся вернуться так же, как и пришла. Вернись на земли Фобетора. Сделать это можно через твой страх утонуть. Ты сможешь вновь открыть земли Фантаса для всей Переправы, но только после того, как выберешься отсюда старой дорогой, - уже торопливо пояснил Танатос, когда я упала на колени от сильного толчка земли. Всё так тряслось, что мне с трудом удалось подняться на ноги.

- Что происходит с этим местом?

- Оно исчезает, и мы вместе с ним, но ты не была заперта и застрянешь в изнанке, если не уйдёшь раньше, поэтому беги, Кассия, пока вода не исчезла! - крикнула мне Пасифея.

- Беги, - поддержала её Сирша. Я снова сжала её ладонь. - Я люблю тебя.

- А я тебя. - Было трудно дышать, ноги будто приросли к месту.

- Беги! - приказала Сирша, когда новая трещина появилась прямо подо мной.

Я побежала. Придерживая сумку на поясе и огибая всё новые мелкие расщелины, я бежала, стараясь не переломать себе ноги. Земля то дрожала, то шла волнами. Несколько раз я упала, больно обдирая ладони. Хотела обернуться, но знала, что нельзя. Увидев Сиршу ещё раз, замешкаюсь. Я с ходу вбежала в воду, глядя, как знакомая чернота изнанки наползает на волны, небо с туманностями и планетами почти полностью исчезло. Место, хранившее Танатоса и Пасифею, растворялось на глазах. Я задержала дыхание и нырнула, неизвестность глубины до ужаса пугала, но остаться в пустоте было страшнее. Я гребла изо всех сил куда-то вниз, но стояла крошечная тьма, открытые глаза не помогали ориентироваться. Меня начинала обуревать паника, чувство самосохранения гнало назад - вверх. Но я уже достаточно узнала Переправу, чтобы свыкнуться, что ты ничего в ней не понимаешь. Особенно на территории Фантаса. Здесь всё может измениться, даже небо не всегда над головой.

Лёгкие начали гореть, и я принялась грести быстрее, надеясь, что скоро вынырну. Танатос сказал, что необходимо вернуться в земли Фобетора через страх утонуть. Я содрогнулась, запоздало гадая, не нужно ли мне для этого умереть. Не имея других подсказок, я представила землю Фобетора.

Визуализировала в памяти пески, чёрную дыру и толпы жутких ониров. Сейчас предпочла бы их компанию, лишь бы добраться до воздуха. Руки упёрлись в песчаное дно. Я оказалась на глубине, не видя света, не слыша звуков.

«Это очередная проверка, отсюда тебе придётся вернуться так же, как и пришла».

Я устала, мне было холодно, больно и страшно, но я пришла сквозь песок, поэтому принялась копать его с удвоенной скоростью, ощущая, что мне осталось совсем недолго до потери сознания. Стоило мне выкопать маленькую ямку, как жуткий вес придавил меня ко дну. Я стиснула зубы, чтобы сдержать крик: песок начал затягивать, всасывать моё тело, словно трясина.

Песчинки больно царапали кожу, попадая в нос. Песок оказался даже в глазах, всё вокруг стало сухим, но я не могла дышать и двигаться. Хотела закричать, но песок посыпался в рот, и я забрыкалась. В голове звенело, я уже не понимала, где нахожусь, когда кто-то резко дёрнул меня за руку, заставляя принять сидячее положение. Я выплюнула песок, хрипло вдохнула и выдохнула, прочищая нос. Закашлялась, силясь сделать новый вдох. Глаза слезились, я в панике тёрла их, чтобы хоть что-то увидеть, но вместо этого лишь причиняла себе новую боль. Я плакала, надеясь слезами избавиться от песка. Рядом с ноги на ногу переступал кто-то тяжёлый, огромная тень закрывала свет, топот сотрясал песок вокруг.

Рядом кера или эриния. У меня всё ещё кружилась голова, нижняя часть тела оставалась погребена, и при всём желании мне не убежать от чудовища. Неожиданно существо издало странный вопль и принялось ходить вокруг. Вслед за третьим воплем я услышала новые крики чудовищ, но более далёкие.

Они переговариваются?

– Кассия!

Моя голова дёрнулась на голос Весты. Она явно бежала, приближаясь. Я по-прежнему ничего не видела из-за песка, слёзы продолжали литься, но боли это не уменьшало.

– Кассия! Это ты! Погоди, дай промою.

Веста наклонила мне голову, и я вздрогнула, когда на лицо полилась вода. Она лилась, а я часто моргала, стараясь побыстрее избавиться от песчинок. Потом промыла рот, сплёвывая всё рядом.

Начав различать силуэты, я заметила отошедшую на несколько шагов эрiniu. В отличие от кер она больше напоминала человека, хотя за её спиной также были огромные перепончатые крылья. Женское тело, прикрытое подобием платья, привлекательное лицо, но безжизненное холодное выражение, абсолютно чёрные глаза, без намёка на белок. Белая с синеватым оттенком кожа, тёмные волосы и короткие рога. Она оскалила острые зубы, ощутив или увидев мой взгляд, по-птичьему наклонила голову, а затем с силой оттолкнулась от земли и взлетела. Веста повернула меня к себе, её обеспокоенное лицо выглядело размытым.

- Всё будет хорошо. Кажется, ничего серьёзного с глазами. Ты меня видишь?

Я кивнула и поморщилась из-за песка на зубах. Моргать было больно, но я дышала, а сердце медленно успокаивалось. Веста порывисто обняла меня, она дрожала, и я погладила её по спине, расслабляясь в чужих объятиях.

- Прости, что заставила волноваться. Не знаю, сколько времени прошло. Там всё было так странно. Я устала и хочу спать. Наверное, вы искали меня больше суток, - пробормотала я, а Веста отодвинулась, позволив увидеть её хмурое выражение лица.

Зрение наконец прояснилось, и я заметила, насколько усталой выглядит дочь Гипноса. Она будто не спала пару дней, щёки впали, а белки глаз красные.

- В чём дело? - напрягшись, спросила я.

- Тебя не было семнадцать дней, Кассия. Даже отцу и кошмарам Камаэля не удавалось тебя найти. Брат отыскал твой браслет, ты хоть представляешь, что мы все подумали?!

Я раскрыла рот, не в силах выдавить ни звука. Не могла осознать, что отсутствовала настолько долго. Сирша не почувствовала прошедшие месяцы, а Гипнос предупредил, что территории Фантаса нестабильны и одичали, но и представить не могла подобных последствий. Я вылезла из песка, нетвёрдо встала на ноги. Лихорадочно сжала сумку и с облегчением выдохнула, нащупав целые и невредимые шары.

- Прости. Я не знала, - искренне заверила я, опираясь на Весту, меня шатало от усталости. - Как Кай?

- Лучше, хотя гнев и тревоги не позволяют выздоравливать.

Я сжала пальцы, ощутив наручи Фантаса.

Всё было не зря. Теперь можно сделать столько асфоделуса, сколько понадобится.

- Что-то ещё случилось?

- Да. Сивиллы лишились своего дара.

План Гипноса сработал. Лекса передала лекарство и остальным сивиллам. У меня не было определённого мнения на этот счёт, хорошо или плохо, что ей удалось выполнить условие сделки, поэтому просто кивнула.

- В результате к Переправе пришли Микель и царь Воды. Хотели поговорить с тобой и Гипносом, - продолжила Веста.

- Что они получили в ответ? - тихо хмыкнув, поинтересовалась я, пока она повела меня в нужном направлении.

- Войну.

Моё лицо вытянулось, когда дошёл смысл. Я во все глаза уставилась на Весту, ожидая улыбки или намёка на шутку, но она оставалась серьёзной, мрачно глядя вперёд, а заметив моё смятение, добавила:

– Камаэль объявил им войну.

9

КАССИЯ

Песок под ногами довольно быстро сменился травой и знакомыми маковыми полями. Услышанное как рукой сняло всю сонливость, и я заторопилась домой, чтобы удостовериться, что с Каем всё в порядке. Веста убедила, что последствия отравления уже не столь болезненные: твёрдую пищу он понемногу, но ест, горло кровоточит редко, и слабость наступает не так быстро, но я всё равно ускорила шаг, желая увидеть всё сама. К тому же не выпускала из рук сумку, помня обещание, данное Танатосу и Пасифее. Веста заверила, что Гипнос и Морос со вчерашнего дня на Переправе, и мне как раз нужны они оба.

Я перешла на бег, увидев у дома всех троих. Помимо Кая, Гипноса и Мороса были ещё мужчины, я лишь мимолётно отметила, что их одежды в цветах моего Дома. Кай заметил меня первым, его лицо вытянулось, губы перестали шевелиться, оборвав фразу. Я ускорила бег из последних сил и почти врезалась в него, обхватывая руками. Кай обнял меня в ответ, а его взволнованное сердцебиение вторило моему. Вокруг зашептались, но слова разобрать не удалось, Кай нагнулся, и я уткнулась носом ему в шею, вдыхая знакомый запах его кожи. Ощутила его руки в моих растрёпанных волосах, он что-то едва слышно прошептал, оставляя ласковый поцелуй на моём лбу и скуле. Я позабыла, что вокруг вообще кто-то есть, когда лицо Кая оказалось напротив моего. Он пристально осмотрел меня, пока я наблюдала за его глазами и обеспокоенно изгибающимися бровями.

– Её нашла эриния. Она кружила над одним местом, а затем выдернула Кассию из-под песка, – кому-то ответила Веста, и я пришла в себя.

Ко мне подошёл Гипнос, как и его сын, внимательно оглядел моё лицо, словно мог увидеть нечто странное, и обнял с неменьшим волнением. Я ответила тем же, судорожно выпустив воздух из лёгких. При виде меня Гипнос почувствовал облегчение, но я не представляла, как рассказать ему о Танатосе и Пасифее и при этом не шокировать тем, что они были неподалёку все прошедшие тысячелетия.

Я нехотя отпустила Руфуса, среди мужчин из Дома Раздора был знакомый целитель Саяш. Ему рассказала, что красные глаза – это из-за песка, и он пообещал дать капли, которые помогут облегчить неприятные последствия.

Все умолкли, когда я подняла руки, демонстрируя наручи Фантаса.

– Ты их нашла, – улыбнулся Гипнос.

– Нашла. И не только их. Нам о многом нужно поговорить, но сперва покажите мне, как выглядит асфоделус.

– Оставь это, Кассия. Ты валишься с ног, цветок подождёт, – заверил Кай, продолжая держать меня за руку, будто я могла исчезнуть.

– Нет, мы поговорим как можно скорее. Я обещала им.

– Кому «им»? – с подозрением переспросил Морос, но я мотнула головой.

– Сначала цветок.

Гипнос нахмурился, но вытянул руки, медленно создавая асфоделус. Я ощупала его с открытыми, а потом с закрытыми глазами, понюхала и даже приложила кисточку с белыми цветами к щеке, запоминая ощущения. Бог сна видоизменил несколько растущих под ногами маков, предлагая мне не воссоздавать всё с нуля, а видоизменить уже существующие вокруг растения, он остался на коленях, обещая мне помочь. Я всё ещё была неумелой, но после прохождения многочисленных фантазий научилась доверять себе и Переправе, зная, что она поможет.

Я опустилась рядом с Гипносом на колени, упёрлась руками в землю и зарылась в неё пальцами, сжимая. Наручи на руках потеплели. Саяш говорил, что им потребуется много этого цветка.

Я не спросила, сколько именно и есть ли вообще точное число, поэтому представила как можно больше. Все присутствующие замерли, наблюдая, как окружающие нас с Гипносом маки менялись, вытягивались, из красных становясь белыми. Я смотрела перед собой, не обращая внимания на шёпот окружающих, вспомнила, как сосредотачивалась, чтобы получить шары с воспоминаниями из рук Пасифеи. Создать цветы недостаточно, необходимо сделать их реальными.

Наручи нагрелись, стали обжигающе горячими, но я сдавила пальцами землю, представляя, что именно мне нужно. В голове запульсировало, звон в ушах нарастал до раздражающего писка, а следом я очнулась от удара плечом о землю. Это моментально вернуло меня в реальность, и я раскрыла глаза, неловко принимая сидячее положение.

– Тебе сказали, что этого достаточно, Кассия. Перестань.

Раньше Кай злился и приказывал, а сейчас просил с усталостью и беспокойством. Он аккуратно убрал пряди волос с моего лица и проверил температуру, ошупав взмокший лоб. Мне действительно стало жарче, но это просто наручи и переутомление. Кай помог встать на ноги, и я огляделась, невольно копируя шокированное выражение лица Весты.

Все видимые вокруг поля вместо маков были покрыты белыми асфоделусами. Тенерно раскачивались на слабом ветру. Я огляделась, пытаюсь найти хоть одно красное маковое пятно, но их не было.

- Это даже слишком много, кириа, - неловко замаялся Саяш.

- Тогда возьмите столько, сколько требуется. Они должны быть реальными.

Веста взяла один из цветков в руку. Я с недоумением уставилась на неё, когда дочь Гипноса сперва напряглась, брови сошлись на переносице, пока она пыталась прожечь цветок взглядом, а после её лицо вытянулось.

- Не выходит изменить их обратно на маки. Они настоящие, - то ли с ужасом, то ли с восхищением ответила она на мой немой вопрос.

- Они закончат собирать, и я всё верну, обещаю, - виновато улыбнулась я.

Всё-таки это земля Весты. Не стоило портить её маки. Она расслабленно отмахнулась, но пошла проверять ещё на нескольких цветках. Не зная, как помочь Саяшу, я создала для них реальные корзины для сбора растений. Целитель поблагодарил и передал их своим помощникам.

- А теперь поговорим о том, что случилось и кого я встретила, - обратилась я к Гипносу и остальным. - Можем мы где-нибудь сесть? У меня кружится голова, а разговор выйдет длинным.

Они засуетились. Кай прижал меня к себе, помогая пройти за дом. Морос и Гипнос подготовили стол, который служил местом для отдыха и пикников, а Веста принялась создавать еду. Я попросила её не слишком стараться и шумно вздохнула, наконец сев на стул. Стянула с рук наручи, а те тут же исчезли, как только я положила их на стол.

- Всё в порядке, они - часть твоих способностей, и ты сможешь призвать их в любой момент, - заверил Гипнос, когда я нервно ощупала столешницу, боясь, что потеряла артефакт.

Поверив ему на слово, я выпила целых два стакана воды, ощущая разрастающуюся жажду. Все расселись, и я начала объяснение с набросившихся на меня ониров и зыбучих песков, утянувших куда-то вглубь. Опустила воспоминание обо мне и Кае, внезапно не желая узнавать, насколько выдумана была та фантазия, но детально припомнила пейзажи и девушку в красном со странным ребёнком по имени Илья, а затем двух мужчин в окружении восточных светильников. Описала стеклянных птиц и железные цветы. Мой голос задрожал, пока я попыталась описать то, что Танатос назвал «изнанкой», а прежде чем приступить к упоминанию об их родных, я попросила создать мне полный кубок вина, потому что сомневалась, что смогу описать увиденное и не расплакаться.

Никто не перебивал и не задавал вопросов, лишь рука Кая сжала мою при рассказе о Сирше. Лица богов-братьев, слушающих про Танатоса, Пасифею и детей Гипноса, помрачнели. Сердце нервно забилось, когда они перестали моргать, в упор глядя на меня. Я не была уверена, что означает эта перемена, но их гнев и горе были почти осязаемыми. Знала, что они

чувствуют отчаяние. Бессилие. Несмотря на выпитый кубок вина, я заикалась, и мой голос дрожал при рассказе про проверку Фантаса. Захлёбывалась словами, сообщая им, что теперь Танатос, Пасифея и Сирша исчезли навсегда. Единственное я умолчала предупреждение Танатоса о будущем и о том, что шара у меня два. Пока упомянула только про золотой от Пасифеи, решив серый отдать Моросу позже. Вряд ли Гипносу стоит знать, что впереди его ждёт нечто дурное, да и Танатос просил передать его именно Моросу, будто младший брат мог отыскать решение проблемы.

Я достала золотой шар и протянула его богу сна, тот уставился на предложенное как на отраву: со смесью страха и недоверия. Он не двинулся с места, лишь опустил взгляд. Остальные вместе со мной внимательно следили за его реакцией, даже Морос казался растерянным и молчал.

Я притворялась, что не замечаю перемен в погоде вокруг. Голубое небо скрылось за грозowymi тучами. Ветер стих, стоячий воздух пах предстоящей сухой грозой.

- Я очень старалась, чтобы оно не разбилось, - едва слышно призналась я. Гипнос не принимал шар, и я лихорадочно искала, что можно добавить. - Пасифея... она чудесная и была очень добра ко мне и Сирше. Понимаю, почему ты так её... любил.

Я запнулась на последнем слове, потому что Гипнос поднял на меня глаза и словно не узнал. В его взгляде не было привычной теплоты или веселья. Лицо казалось безжизненным и почти не похожим на знакомого мне Руфуса. Моя рука с шаром затряслась, я думала, что несу ему хоть небольшую весть от любимой, но теперь ощутила, что принесла яд для его души. Может, не стоит его давать, раз он не хочет брать?

- Если ты не готов, я сохраню его, - торопливо добавила я, но не успела спрятать золотой шар, как Гипнос схватил меня за запястье.

Он не мог. Не мог заставить себя посмотреть, но и, зная о его существовании, не мог выпустить его из виду. Я судорожно выдохнула, искренне сожалея. Однако не было слов, способных утешить его, поэтому я промолчала. Бог сна помедлил, но забрал шар. На наших глазах покрутил его в руке и сдвинул. Треск показался оглушительным. Золотой дым вырвался наружу, и Гипнос втянул его носом. По его лицу прошла волна судороги, а следом мышцы расслабились. Взгляд остекленел, будто он больше не здесь.

Я переглянулась с Каем, но он неоднозначно качнул головой и сжал мою ладонь. Я боялась дышать, наблюдая за переменами на лице Гипноса. Он сидел окаменевший дольше минуты и неожиданно заплакал. Выражение лица оставалось отстранённым, но скатилась одна слеза, а за ней другая. Морос побледнел и прикрыл рот рукой, озадаченный. Веста закусила губу и сама невольно заплакала, переживая за отца. Она выглядела испуганной, словно никогда не видела его таким. Сидящий рядом Кай обнял сестру за плечи, шёпотом успокаивая и убеждая, что всё будет хорошо. Гипнос бледнел, оставаясь в одной и той же неестественно неподвижной позе, его рот болезненно искривился, пока слёзы катились по щекам. Все за столом боялись дышать.

Гипнос заморгал и резко встал, заставив нас вздрогнуть.

- Это правда была она? - тихо спросил Морос.

- Да, - хрипло ответил Гипнос, глядя вперёд поверх моей головы.

Бог сна осмотрел пейзаж, но в его взгляде всё ещё не было узнавания.

- Что она сказала? - осторожно уточнил Морос.

- Она попрощалась, - бросил Гипнос, с раздражением стирая оставшуюся на щеках влагу.

Его глаза покраснели, а губы презрительно искривились, когда он взглянул на собственные пальцы со следами слёз. Гипнос резко развернулся и зашагал прочь.

- Руфус, они правда пытались... - заговорила я, встав со стула, но оборвала сама себя, когда бог сна резко обернулся.

- Умолкни! Мне известно, что и как они пытались!! - рявкнул он, земля завибрировала под ногами, всё небо мигом из серого стало почти чёрным.

Эхом его крика стали далёкие раскаты грома. Кай незамедлительно встал на ноги. Я слотнула, дожидаясь окончания рокочущего гула.

- Прости, что не смогла их спасти.

Лицо Гипноса помрачнело сильнее, гримаса гнева исказила знакомые черты, но я смотрела на бога сна без страха, лишь с сожалением. Я говорила искренне. Даже если у меня не было и шанса им помочь, всё равно просила у него прощения, зная, как много он потерял.

Гипнос стиснул зубы, развернулся и продолжил свой путь. Никто не попытался за ним пойти. Бог сна шагал тяжело, а цветы и трава под его ногами вяли и чернели, скукоживаясь. Все с недоумением следили, как он оставил за собой безжизненную почерневшую тропу, словно его горе ранило и уничтожало всё, что оказывалось у него на пути. Я чувствовала ветер, но все звуки Переправы внезапно умолкли, будто кто-то щёлкнул выключателем. Морос выглядел обеспокоенным.

- Что происходит? - дрожащий голос Весты развеял пугающую тишину.

Морос печально улыбнулся.

- Это безмолвие, - пояснил он, кивком заставив меня и Кая сесть обратно за стол. - Гипнос заражает им всё вокруг, когда не способен себя контролировать. Это дурной знак, но дайте ему время. Брату просто необходимо побыть одному.

- Как ты думаешь, что он видел? - спросила Веста.

- Я могу только предположить. В таких шарах хранятся воспоминания. Раз его передала Пасифея, то Гипнос смотрел на что-то её глазами. В таких случаях, чтобы передать послание или кому-то адресовать сказанное,

удобнее всего встать перед зеркалом и высказать нужное. Скорее всего, Пасифея так и поступила, чтобы Гипнос видел её лицо в отражении и был уверен, что это именно она. – Морос сам для себя создал стопку какого-то крепкого алкоголя и выпил залпом.

Потом повторил процесс ещё дважды в гнетущей тишине под ворчание грозового неба. Гипнос скрылся из виду, и звуки медленно вернулись.

– Вы знали, что Илира почти копия Пасифеи? – уточнила я, хмурым взглядом обводя оставшихся за столом.

– Я знал, они, возможно, догадывались, – признался Морос, кивнув в сторону Кая и Весты.

– Её портрет до сих пор хранится в подвале дома вместе с другими произведениями искусства или какими-то памятными отцу вещами, – объяснила Веста. – Мы знали, что волосы и глаза у всех вас одинаковые, но насколько схожи лица, было сложно оценить. Портрет Пасифеи написан масляными красками, и нет уверенности в точности переданных черт, а Илиру я видела лишь однажды. Камаэль вроде вообще её не видел, только на фотографиях.

Кай кивнул, согласный со словами сестры.

– Из-за этого Гипнос так сильно полюбил Илиру? – спросила я у Мороса.

– Да, она была ребёнком при их первой встрече, но Гипнос сразу узнал в ней Пасифею. Чтобы не искушать судьбу, брат держался от неё подальше, дожидаясь её взросления, но в итоге опоздал. К тому времени она уже влюбилась в Мелая... брат был в бешенстве, но, помня, что она всё-таки не Пасифея, переступил через свои чувства и отпустил Илиру. Лишь позднее мы выяснили, что всё это подстроили мойры, и тогда Гипнос сам подбросил Илире осколок Переправы. – Голос Мороса стал тише, а взгляд печальнее. – Он сделал это намеренно, чтобы быть у неё в долгу. Будучи Привратником, он пообещал Илире помочь в любой момент её жизни, выполнить любую её просьбу. Кто знает, но, может, именно этот его поступок и привёл к твоему рождению. Гипнос вмешался в судьбу Илиры, наперекор мойрам.

За столом повисла тишина. Моросу не обязательно было продолжать. Мы все знали, что Илира пожелала. Я сжала пальцы в кулак, только теперь осознав, насколько тяжёл был выбор Гипноса. Не могла представить, что он ощутил, когда она изменила желание и попросила обменять её жизнь на мою. Гипносу пришлось не просто вырвать часть Переправы, но и собственноручно лишить возлюбленную шанса на жизнь. Скорее всего, он дарил ей осколок Переправы с желанием спасти её, если это будет необходимо.

А ведь они могли быть вместе, откажись Гипнос выполнять изменённое желание...

Он мог. Ведь выполнил первую просьбу Илиры спасти её и ребёнка. Микель родился здоровым, Илира была в порядке, я же изначально была мертва. Выполнять её новое желание не было частью их сделки. На это Гипнос согласился по собственной воле.

Он – бог. Мог выкрасть Илиру или даже влюбить в себя, приняв образ кого угодно, но он отпустил её. Я гордилась Руфусом, но в то же время моё сердце нестерпимо болело за него. Хотелось подарить ему счастье, которое он заслужил. Воплощённая месть, возможно, принесла ему временное облегчение, но определённо не сделала его счастливее.

– Это не всё. Мне дали два шара, – привлекла я всеобщее внимание и достала серый.

Никому не нужно было озвучивать вопросы, всё было написано на их лицах.

– Этот шар передал Танатос специально для тебя, Морос.

Он часто заморгал, выпрямляя спину. Я не торопилась ему отдавать, бережно прижимая воспоминание к груди.

– Я не могла рассказать, пока здесь был Гипнос, но Танатос и Пасифея так долго оставались в замкнутом пространстве, чтобы дожидаться прихода кого-то с силой Фантаса. Они ждали ради передачи этого воспоминания о пророчестве Морфея. Танатос сказал, что оно путаное и связано с Гипносом. Он...

Я мельком взглянула на Кая и Весту, те терпеливо ждали продолжения.

– Танатос считал, что что-то произойдёт с Гипносом. Не знаю, как скоро, но речь шла о потерях.

– Брат рассказал или показал тебе, что в шаре? – уточнил Морос, принимая воспоминание у меня из рук.

– Нет, – соврала я, вспомнив, как плохо Веста реагирует на свой кошмар. Тем более сомневалась, насколько прорицание и сон схожи, поэтому решила без необходимости не напоминать ей об увиденном. – У меня сложилось впечатление, что сам Танатос не совсем понимал значение предсказания, но был уверен, что ты сможешь догадаться, так как ты здесь, рядом с Гипносом.

Морос у нас на глазах повертел шар в руках, он не торопился его раскалывать. Вместо этого тянул время, убирая длинные, упавшие на лицо волосы назад. Я ощутила опустошение, поняв, что Моросу тоже тяжело посмотреть шар, ведь там будет его умерший брат. Веста создала для меня какой-то белый напиток.

– Это маковое молоко с корицей и мёдом. Оно тебя немного успокоит.

И, скорее всего, усыпит.

Я не стала озвучивать мысль и благодарно приняла тёплый напиток. Поспать мне бы действительно не помешало. И помыться. Тело зудело от песка под одеждой.

Стекло в руке Мороса треснуло, серый туман просочился через трещину, и бог втянул его носом. Дальше с ним произошло то же самое, что и с

Гипносом. Лицо лишилось эмоций, а взгляд остекленел. Временами глаза двигались, словно он следил за чьими-то действиями, но нас он не видел.

Я выпила всё маковое молоко, и тело стало ватным, а сознание тяжёлым. Мне даже не хотелось поднимать голову, пока я грела руки о тёплый стакан.

– Что ты увидел? – раздался голос Кая.

Похоже, Морос пришёл в себя, но все мои мысли стали замедленными, хоть я и слышала слова, но их смысл доходил с опозданием.

– Ерунда какая-то. Очень путаное видение Морфея. Про его смерть и Пасифеи, а потом про волосы. Сказал, что понадобятся волосы той, что плетёт. Волосы той, что режет. Волосы той, что судьбу ведёт.

Я нахмурилась. Что-то не так.

– Это о мойрах? – присоединилась Веста, и я подняла на неё размытый взгляд.

В её кошмаре тоже было про волосы, но она не помнит. Морос забрал у неё абсолютно все воспоминания об этом. Я потёрла переносицу, пытаюсь сосредоточиться. Веста тоже говорила про волосы, но там было что-то другое.

– Похоже на то, – согласился Морос. – Клото плетёт, Атропос режет, и Лахесис ведёт судьбу.

– Значит ли это, что предсказание старое? – вяло встряла я. – Всё и так сбылось. Морфей и Пасифея умерли, а Лахесис вы убили.

– Поэтому и похоже на ерунду. Если это должно было произойти, то оно уже произошло. Я подумаю над предсказанием, но пока у нас много других дел, – напомнил Морос, поднимаясь со стула. – Позаботьтесь о Кассии и отправьте весть Майрону в Дом Раздора, а я возьму на себя Гипноса.

Кажется, последнее он сказал Каю и Весте, я уже не была уверена, потому что в какой-то момент с закрытыми глазами уткнулась лбом в столешницу. Я ещё попыталась несколько раз моргнуть, преодолевая сонливость, но забытьё взяло верх, и меня утянуло в темноту.

Я проснулась в кровати и объятиях Кая. Это оказалось таким неожиданным, что я рассматривала его расслабленное лицо около минуты, наслаждаясь теплом. Подавила желание уткнуться носом ему в ключицу, чтобы вспомнить запах кожи. За окном виднелась заря, обещая скорый рассвет. Не знаю, сколько я проспала и как очутилась в этой постели, но на мне белое ночное платье, кожа и волосы были чистыми. Лишь смутно припомнила, что Веста помогла мне залезть в ванну и не утонуть там, случайно заснув.

Ощувив жажду, я аккуратно выбралась из кольца рук Кая. Он шумно выдохнул, но не проснулся. Я накинула на плечи его чёрный халат и тихо вышла из комнаты. В доме стояла тишина. Вряд ли Морос и Гипнос вернулись, а Веста

без необходимости не просыпается раньше девяти утра. Я потёрла глаза, ощущая, насколько привычен мне стал дом на Переправе. Он действительно был родным, до холодильника я добралась в полумраке, ничего не задев. С улыбкой осмотрела забитые продуктами полки. Вначале не понимала, зачем Весте всё это, если она может создать целые блюда из воздуха, но на одной из тренировок рассказала, что заполняет холодильник для Кая. Её брат долгое время прожил в Санкт-Данаме и привык к наличию еды на кухне.

Осушив стакан гранатового сока, я задержалась, разглядывая разгорающуюся полосу зари за окном. Эти мгновения – передышка перед новыми трудностями: надо выяснить, насколько серьёзно цари восприняли пропажу дара у сивилл и какую ещё войну Кай объявил Даории, но сейчас мне не хотелось ни о чём переживать или тревожиться. Я расслабилась, позволив себе на время позабыть обо всём, что потеряла, и порадоваться тому, что у меня есть.

В комнату Кая я проскользнула, едва приоткрыв дверь, после тихо пробралась к нему в ванную, чтобы умыться и почистить зубы. Я собиралась вернуться в кровать, но сомневалась, что действительно усну.

Возвращаясь обратно, я едва не вскрикнула, столкнувшись с её хозяином. Кай стоял в проходе из ванной в спальню. Его волосы были растрёпаны, а лихорадочный взгляд пробежал по моему лицу. На миг Кай даже показался испуганным, только что очнувшись от кошмара.

– Я думал, ты снова исчезла, – хрипло признался он.

У меня защемило сердце.

– Я просто сходила за соком и почистила зубы.

Рассеянное внимание Кая переместилось на мои губы, затем на шею и ниже, он оставался напряжённым, готовым то ли к удару, то ли к очередным дурным вестям, словно вся жизнь превратилась в череду испытаний.

– Знаешь, что я почувствовал, проснувшись тогда один? – Кай сделал шаг ближе, и я невольно отступила под его темнеющим взглядом.

Он говорил вполголоса, но нечто предупреждающее прозвучало в спокойной интонации. Воздух стал вязким, сердце пропустило удар, прежде чем забиться быстрее. Все нужные мысли разбежались от контраста повисшего между нами влечения и недосказанности.

– Я расслабился и не сделал ничего, уверенный, что ты где-то в доме или поблизости, – продолжил он, сдержанно злясь то ли на меня, то ли на себя.

Ещё один шаг заставил меня попятиться. Я не боялась Кая, но незримое давление его силы отталкивало.

– Отец со своими дерьмовыми задумками научил меня постоянно ждать подвоха. Если не вижу, что всё хорошо, своими глазами, значит, это не так. Но тут я расслабился.

– Я...

Мне не удалось начать оправдываться, как я наткнулась спиной на стену. Ладони Кая упёрлись в преграду рядом с моей головой. Я скосила взгляд, с недоумением заметив, что узор его ахакора увеличился, новые линии вились среди старых, уплотняя рисунок, будто его блокирующую татуировку усилили, пока меня не было. Нужный вопрос, да и сама мысль выветрилась из головы, когда Кай наклонился ближе и воздух в лёгких нагрелся, я задышала тяжелее. Его руки переместились мне на плечи и заскользили вниз до талии, а потом по бедрам. Я схватилась за его предплечья в поисках опоры, ощутив слабость в ногах.

– Ты всегда была упрямой, – зашептал он, носом проводя по скуле, губы переместились на шею. И я тихо застонала от ласковых прикосновений, не вяжущихся с недовольным тоном. – Бесстрашной и упрямой. Преданной, но абсолютно непослушной.

Я почувствовала его вымученную улыбку кожей, прекрасно зная, что эти черты во мне могут как восторгать, так и раздражать, но не успела ничего ответить, потонув в волне приятных ощущений, когда Кай прикусил кожу на шее. Его руки настойчиво задрали ночное платье, добираясь до тела. Я задрожала, пока его пальцы выписывали размеренные круги на внутренней стороне бедра. Колени ослабли, и я схватилась за его плечи.

Кай подхватил меня за талию, пронёс несколько шагов по ванной комнате и усадил на длинную столешницу рядом с раковиной. Он встал между моих колен, а тёплая ладонь заскользила по голой ноге к бедру. Дыхание сбилось, и я потянула его к себе. Кай поцеловал меня аккуратно и медленно, растягивая ласковые прикосновения. Мне нравилась его нежность, но мы слишком давно друг к другу не прикасались, поэтому я обняла его за шею и всем телом прижалась к его обнажённой груди. Поцелуй стал требовательным и жадным, властным движением Кай дёрнул меня ближе к краю столешницы, и я ощутила его желание. По телу разлился жар, ладони заскользили по его груди и животу, я хотела быстрее перейти к главному, но Кай перехватил мои руки.

Нужные слова и просьбы ускользали из сознания, я могла лишь тяжело дышать, пока его губы спустились на мою шею, а пальцы ласкали соски через тонкую ткань ночной сорочки. Он стянул лямки и спустил верхнюю часть платья до пояса. Горячий язык коснулся груди, и я закусила губу, заглушая стон. В какой-то момент Кай успел стянуть с меня нижнее бельё и задрать юбку.

– Камаэль, – хрипло позвала я, и он посмотрел мне в глаза.

Румянец на его щеках казался невинным на фоне тёмного от желания взгляда. Он невольно облизнул губы, стоило мне задержать на них внимание. Его мышцы плеч напряглись под моими пальцами.

– Ты медлишь, Камаэль, – пожаловалась я, намеренно повторяя полное имя, зная, что Каю это нравится. В противовес желаемой реакции он замер, а в последующей пьянящей улыбке было нечто угрожающее.

– Я почти забыл, но спасибо, что напомнила о своём поведении, – растягивая слова, он окинул меня взглядом, будто недоделанную работу, с которой надо было разобраться.

– Моём поведении? – как можно ровнее уточнила я, но всё тело выгнулось навстречу дразнящим прикосновениям его пальцев между бёдер.

Я ногтями впиваясь ему в плечи, когда два пальца скользнули глубоко внутрь и обратно наружу. Он двигался, поддерживая размеренный, но раздражающе медленный ритм. Кай не давая мне помочь, держа за бедро. Мне хотелось быстрее, я тяжело дышала из-за дразнящих ласк, но он крепко удерживал меня на одном месте, не позволяя прекратить пытку. Стон перешёл в тихую мольбу ускориться, но Кай ответил мне дерзкой усмешкой.

– Третья попытка засчитана, Кас, – он специально сократил моё имя до возбуждающего полустона, погружая пальцы глубоко и заставляя меня выгнуться ему навстречу. – Ты действительно провинилась достаточно для наказания. Я и так списал со счетов много твоих ошибок, но признаю – ты настойчиво продолжала плохо себя вести, – угрожающе-ласковым тоном протянул он, оставляя насмешливо-невинный поцелуй на моей щеке, пока остальные его прикосновения были далеки от невинности.

– Я... что я... сделала? – с искренним недоумением возмутилась я.

– Тебя предупреждали не выходить за территории Морфея одной. Сотни раз предупреждали в детстве, но, даже став взрослой, ты проигнорировала нашу просьбу.

– Но нужно было...

Он оборвал меня напористым поцелуем, заставив откинуться назад на зеркало за спиной, которое обожгло прохладой. Я задрожала, жадно отвечая на прикосновение губ, а следом хрипло простонала, когда движение пальцев ускорилось, доводя моё тело до дрожи. Я не успела протестующе промычать, после того как пальцы Кая неожиданно исчезли, потому что он дёрнул меня за бёдра и начал входить. Я выгнулась в его руках, забывая дышать. У нас давно ничего не было, поэтому он входил медленно. Мне хотелось поторопиться, но всё тело и сознание сковало от накатывающих ощущений.

– Тебе стоило разбудить меня и позвать с собой, – строго добавил Кай. – Ты поняла? Никогда больше ты не пойдёшь в опасные места одна.

Это была не просьба, а ультиматум.

– Кассия, ты поняла? – чуть ласковее переспросил он, полностью оказавшись внутри.

Я часто моргала, пытаясь избавиться от звона в ушах и тумана в голове.

– Опасные места – это слишком... размытое понятие. Я не думала, что... земли Фантаса такие уж...

Кай нахмурился и начал медленно выходить. У меня на лице отразился неподдельный шок. Он действительно решил наказать меня медлительным сексом. Опять.

– Ты поняла, о чём я, Кассия. Не смей больше так поступать.

– Что мне будет, если... соглашусь? – с намеренной дерзостью я вскинула подбородок. Стоило просто согласиться и продолжить, потому что я не хотела причинять новую боль, и раз Каю настолько важно, я действительно буду брать его с собой, если решусь на ещё хоть одну такую авантюру.

Кай замер и вопросительно приподнял бровь в ответ на мою наглость. Он думал не дольше пары секунд, и на губах появилась многообещающая улыбка, он наклонился, оставляя несколько поцелуев на затвердевших сосках, прикоснулся языком к ключице.

– Согласись, и в ответ я накажу тебя так, как ты этого хотела, – соблазнительным тоном прошептал он, обдав мою шею горячим дыханием.

– Хорошо, согласна, но я никогда не хотела, чтобы.. меня наказывали. – Или хотела? Боги... тело предательски завибрировало, сердце нетерпеливо подскочило к горлу. Его предложение звучало слишком интригующе. Мне было интересно, что именно он может сделать.

Я ахнула, когда Кай вышел. Он незамедлительно стащил меня со столешницы, развернул и уложил на неё лицом. Ощущение прохладного мрамора резко контрастировало с жаром тела. Кай вновь вошёл и начал двигаться. Он сам застонал от удовольствия, ускоряя темп. Я выгнулась от прикосновений языка вдоль позвоночника, Кай намотал мои волосы на кулак, вынудив прогнуться сильнее, и зубами несильно впился мне в шею. Меня затрясло от удовольствия. Я невольно посмотрела на наше отражение. Глаза Кая почти светились, пока языком он пробовал мою шею, двигаясь внутри. Он держал меня за волосы, не позволяя отвести взгляд, наслаждался моим смущением и всем видом, моё ухо обдавало горячим дыханием вместе с откровением о том, в каких ещё местах и как мы проведём время вместе. Никаких пошлостей или грязных слов, лишь прямолинейная констатация фактов о будущей близости, в моей голове она рождала с десятков непристойных картин, каждая из которых вызывала новую волну удовольствия. А в конце всего монолога Кай в очередной раз признался мне в своей любви, и я верила. Проявленная грубость была наигранной, аккуратной и сдержанной, между нами, даже желанной, позволяющей сделать удовольствие острее и полностью забыть об окружающем мире. Я знала, что если попрошу его быть мягче и отнести меня в постель, то Кай обязательно это сделает. Однако мне нравилась его дикость, которую он уверенно контролировал.

Мы достигли пика удовольствия несколько раз. Начали в ванной, а продолжили в кровати, разбросав подушки и сбив все простыни. Насытившись близостью, я задремала у Кая под боком, гадая, много ли шума мы наделали и как мне теперь смотреть Весте в глаза. Знать о наших отношениях не то же самое, что их слышать. Она не пришла и никак не высказала своего недовольства шумом даже спустя половину дня, но мой желудок принялся недовольно урчать. И сколько бы я ни убеждала Кая, что мы на Переправе и способны создать еду из ничего, он отказался, уверяя что без должного опыта я создам испорченное блюдо, и напомнил, что лучше его сестры никто на Переправе не сделает что-нибудь вкусное.

Веста встретила нас на кухне сдержанной улыбкой и многозначительным взглядом.

- Я немного смущена, мой младший брат никогда не приводил девушек домой,
- с наигранным восхищением защebetала она, пока мы расселись за накрытый стол. - Чувствую себя старой.

- В прошлом году тебе исполнилось сорок восемь, Веста, не прикидывайся невинной девой, - отмахнулся Кай, а моё смущение как рукой сняло, когда я услышала её точный возраст.

Веста мне мило улыбнулась, догадавшись, по какой причине я осмотрела её с ног до головы пару раз.

- А ты знаешь, что именно из-за него у меня никого нет? - недовольно уточнила Веста, тыча пальцем в брата. Кай её жест проигнорировал, расслабленно накладывая себе запечённую в соусе курицу.

- Как это?

- Если ты про своего придурка из Дома Соблазна, то он тебе не подходил, - не отрываясь от еды, ответил сестре Кай.

- Зато он был обворожительным и скрашивал мои дни, - возмутилась она.

- Ночи, - сухо поправил Кай. - И красота - это всё, что у него было, ну ещё, возможно, какие-то навыки, раз ты встречалась с ним целых полгода.

Я улыбнулась, заметив, как Кай поморщился, явно нехотя признавая последнее.

- Раз ты сама с ним рассталась, то почему Кай виноват? - уточнила я у Весты, понимая, что они уже забыли о моём вопросе.

- Они долго встречались, - встрял Кай, - я решил, что у них всё серьёзно, поэтому предупредил, что сделаю с ним, если он обидит мою сестру. И, кажется, посоветовал ему побольше читать. Разговор с ним вышел утомительным.

- Ты посоветовал ему побольше читать, «чтобы развить куриные мозги»! - резко напомнила Веста весьма важную деталь.

- Кажется, я сказал что-то ещё про язык, - Кай с наигранным недоумением почесал подбородок, невинно вскинув брови.

Веста помрачнела.

- Это цитировать я не стану. Но, Кассия, он намекнул, что язык дан не только чтобы ублажать мужчин и женщин, но и чтобы изъясняться словами и общаться с другими, - недовольно пробубнила Веста.

- Зачем ты его оскорбил? - уточнила я у Кая.

- Я его не оскорблял. Просто сказал правду. Иво и Аника амбициозны и хорошо образованны, но они скорее исключение в Доме Соблазна. Не всем из того Дома интересно высшее образование, потому что они несказанно красивы и умелые любовники, которые и так прекрасно находят место в жизни, -

знакомым ровным тоном пояснил Кай, но я всё равно повернулась к Весте, ожидая её аргументов за или против.

– Ну, – замялась она. – Он и правда был далеко не самым умным представителем своего Дома, но гордости хватило, чтобы начать меня избегать после знакомства с Камаэлем.

Я тихо хмыкнула, когда Кай самодовольно кивнул, а Веста бросила в него тканевой салфеткой. Кай как ни в чём не бывало снял её с головы и вернулся к еде. Несмотря на перепалку, Веста заботливо размяла вилкой для него картофель, помня, что ему лучше есть еду помягче, хотя Кай уже и так мясо съел, наплевав на предписание целителей.

– Будешь продолжать в том же духе, и я приглашу Гелиона заходить на Переправу почаще, – пригрозила Веста.

– Ге... Гелиона?! – едва не подавившись, переспросил Кай. Его лицо ошарашенно вытянулось, на что Веста с демонстративной растерянностью захлопала ресницами.

– А что такое? Он умный, сильный, прекрасно образованный целитель, сын архонта.

Веста перечисляла с мстительным наслаждением, наблюдая, как сменяется выражение лица Кая с недоверчивого на оскорблённое. Он приоткрыл рот, но не с первого раза нашёлся с возражениями.

– Он младше тебя вдвое!

Веста фыркнула на его скудную попытку, Кай сам захлопнул рот, осознав смехотворность сказанного.

– Гелиону уже тридцать, и с каких это пор тебя волнует разница в возрасте? – Веста выразительно посмотрела на меня, красноречиво заткнув брата за пояс. – Что, Камаэль? Не нравится, когда я выбираю тех, против кого тебе и сказать нечего?

Я с трудом сдержала смех от вида надувшегося Кая. В любом другом месте он даже молча давил на присутствующих, если не авторитетом и настоящей личностью, то пугающими слухами о своих поступках. В Санкт-Данаме палагейцы исчезали уже от одной мысли связаться с Каем, но Веста умудрялась заткнуть его парой фраз, возвращая того с пьедестала обратно на место младшего брата.

Кай что-то пробубнил себе под нос, не переставая жевать. Я понаблюдала за перепалкой брата и сестры какое-то время: за обменом взглядами, молчаливыми диалогами, благодарными улыбками или передразнивающими гримасами. Поразительно, как они понимали друг друга с полуслова.

– Гипнос с Моросом не возвращались? – уточнила я, посмотрев на поалевшие края облаков. Давно я не проводила почти весь день в кровати.

Веста покачала головой, становясь серьёзнее.

- Расскажите мне про встречу с Микелем и что за войну Кай объявил Даории.

Всё веселье испарилось. Брат с сестрой напряглись, но переглядываться не стали, уделяя внимание еде. После продолжительной паузы, явно нехотя, они поделились произошедшим. В основном говорил Кай, так как он встретился с Микелем. Рассказ вышел короткий про требование встречи с Гипносом, обвинение в том, что бог сна навредил сивиллам, и просьбу Микеля со мной поговорить. На высказывания царя Воды мне было плевать. Лекса хотела избавиться от дара, и Гипнос прав: царям пора прекратить полагаться на предвидения. Однако просьба Микеля меня удивила, я уточнила у Кая, что такого важного он хотел сказать, но тот не знал.

Я тряхнула головой, не найдя подходящего предложения для разговора. Я прекрасно осознавала, что именно Мелай и остальные цари виноваты в смерти Элиона и мучениях Кая за решёткой, и всё же Микель - даорий, и я не могла определиться, насколько сильно виню его в произошедшем. Однако знала точно, что разговаривать впредь с братом не хочу. Каждая наша встреча приносила мне одни проблемы, потери или плохие новости.

- Микель предупреждению внял, а Хел какой-то болван, - отвлекла меня Веста, допив свой сок.

Кай неоднозначно дёрнул головой, безмолвно предупреждая сестру, которая определённо заметила сигнал, но проигнорировала. Он прекратил попытки и устался в свою тарелку, когда я вопросительно посмотрела на него.

- Что произошло?

Вид у Кая был странный.

Не то чтобы провинившейся, но не желающий рассказывать.

- Иво побывал в Санкт-Данаме и сказал, что квартиру перевернули... погоди. Камаэль, что это было за слово? Иво заявил, что, выражаясь как Элион, ваш дом... - Веста испытующе уставилась на Кая, приглашая продолжить предложение.

- Обшмонали.

- Обшмонали! - восторженно повторила Веста, и я невольно улыбнулась. После смерти Элиона Веста время от времени применяла его словечки, словно запоздало хотела добиться хоть какой-то близости с погибшим братом. Однако моё лицо вытянулось, когда дошёл смысл. - Шавки Клана Воды обшмонали квартиру брата в Санкт-Данаме, - подытожила Веста. - Избили охранников и разворотили там половину комнат. Иво рассказал. Он и Камаэль идиотов выследили. - Улыбка Весты стала мстительной, а Кай принял привычно отстранённое выражение лица. - Он тебе говорил, что ненавидит бардак? Или когда его вещи трогают... а квартира, у-у-у...

Веста демонстративно содрогнулась от мнимого холода, то и дело бросая на Кая взгляд. Я уже не знала, что представлять. Выдавленные глаза? Переломанные ноги? Оторванные керами головы?

– Насколько я понимаю, Кай их проучил, – как можно мягче выразилась я, и Веста издала смешок.

– Они действовали от лица царя, и у них якобы была дипломатическая неприкосновенность в Санкт-Данаме. Я провёл с ними беседу и сопроводил домой, – торопливо встрял Кай, намереваясь закрыть тему.

– Он притащил их на Переправу, запугал керами до икоты. Один обмочился даже, а потом с помощью отца отправил в Эридан. Я издали слышала вопли горожан, когда эринии повесили идиотов на шпиль храма мойр. Один забился в истерику и упал, – едва наморщив нос, поделилась Веста. – Второй оказался умнее и не дёргался, пока его оттуда не сняли.

– Всё-таки ты воспитала его вежливым, – с улыбкой похвалила я дочь Гипноса, та энергично закивала, довольная.

Кай замер, изумлённый моей реакцией, его подозрительный взгляд бегал от сестры ко мне в поисках ответа. Может, решил, что мы шутим? Кажется, Кай не хотел делиться произошедшим, предпочтя скрыть свои припадки гнева, но я люблю его и всегда останусь на его стороне.

– Ты сделал им второе предупреждение. Весьма вежливо, а те двое заслужили, – пояснила я.

Кай фыркнул, уголки его губ дрогнули в ответной улыбке, он её скрыл, посмотрев в сторону. В тишине раздались ещё пара смешков Весты и стук ложек по тарелкам. Первоначально умиротворяющее молчание начало давить, разум заполнился мыслями, а проблемы над головой, казалось, разрослись до масштабных, что больше невозможно было притворяться, что их нет.

– Даории никогда от нас не отстанут, верно? – прервала молчание я, доев свою порцию картошки с курицей.

Веста и Кай также опустошили тарелки и оставили мой вопрос без ответа. Он был очевиден.

– Мне нужно принять венец архонта в ближайший месяц, – подытожила я. – Впереди много проблем, но от Даории я хочу избавиться навсегда.

Теперь брат с сестрой взглянули на меня вопросительно, явно не понимая, к чему я веду.

– Они считают, что я каким-то образом сожгу их мир, и, если честно, они сделали всё, чтобы я искренне возжелала этого, но не хочу брать на себя такую ответственность и боюсь, что ещё немного – и они добьются своего. Между нами начнётся настоящая война, – теребя в руках ложку, пояснила я, благодарная, что Кай с Вестой молчали, дав мне высказаться. – Может, Микель и стал царём, но сомневаюсь, что он сможет влиять на глав других Кланов. Так же как и я не смогу остановить Дом Чревоугодия, если они пожелают напасть на Даорию. При любых столкновениях пострадают Санкт-Данам и люди, а у них есть огнестрельное оружие. Наши отношения с даориями накалены до предела после смерти Элиона и потери сивиллами дара прорицания. Мне не нравится постоянно жить с ожиданием нападения с их стороны, поэтому я хочу закрыть проходы в Даорию.

Повисла напряжённая тишина. Кай свёл брови, а его пальцы замерли, перестав вертеть стакан с соком. Я начала размышлять о подобной вероятности после возвращения Кая на Переправу. Сперва я была в гневе, потом испугана, а теперь, после обретения наручей Фантаса, мысль о закрытии проходов в Даорию стала казаться мне вполне здоровой.

– Их нельзя закрыть, Кассия. Можно только уничтожить, – поправила Веста.

– Знаю. Поэтому мы расколем или взорвём монолиты, – ответила я, подумав и над этим.

Веста удивлённо захлопала ресницами, будто сомневалась, понимаю ли я, о чём говорю.

– Ты попросил рассказывать о своих планах, поэтому делюсь ими с вами, – обратилась я к Каю. – Вы можете попробовать меня отговорить, но я придумала это не из мести. Мне предстоит стать архонтом, а цари то и дело пытаются от меня избавиться. Если я умру, то положение Дома Раздора снова станет шатким, и я не уверена, что Майрону удастся удержать власть. Также не верю, что Микель, даже будучи царём, способен изменить мнение мойр касательно моей причастности к их будущей гибели. Я не желаю вредить даориям, хочу, чтобы они оставили меня и нас в покое. В первый раз погибла Сирша и пострадал Иво. Во второй раз умер Элион и пострадал ты. Я не могу допустить третьего раза.

Я запыхалась, выдав всё и сразу. Взгляд Кая смягчился, а Веста и вовсе смотрела с сочувствием. Они оба выдержали паузу, позволив мне продолжить:

– Вы всегда будете пытаться меня защищать. Что бы я ни сказала, вы не станете слушать, если вдруг мне опять потребуется встретиться с Микелем или другими представителями Даории, однако они лишились моего доверия, и я не подпущу их к вам. Поэтому выход лишь один.

– Лишить нас всех возможности встречаться, – закончил Кай, поняв мою мысль.

Я твёрдо кивнула.

– Монолиты не так легко уничтожить. Их роняли, но не оставалось и трещины, – напомнил Кай.

– Наручи Фантаса из орихалка.

Я улыбнулась при виде их изумления. Брат с сестрой переглянулись, вероятно гадая, знал ли кто-то из них об этом.

– Пасифея сказала, что Фантас дробил камни руками, пока их носил. Может, если сожму монолиты в наручах, то они треснут? – предложила я, не совсем продумав этот вариант. – Но это запасной план. Изначально я хотела просто их взорвать. Теперь благодаря наручам я могу создать какую-либо взрывчатую смесь и сделать её реальной, чтобы закрыть проходы в Даорию. Палагейцам ведь удалось уничтожить одну пару. В самых первых войнах.

- Не палагейцам, - поправила Веста. - Там помог Гипнос, скрываясь под плащом Привратника. Спросим у отца, как это удалось. Он должен знать.

- Как быть с живущими в Санкт-Данаме даориями? - уточнил Кай, с едва заметной улыбкой наклонив голову. - Их мало, но ты собираешься лишить их возможности вернуться домой?

- Если кто-то останется отрезанным в Санкт-Данаме, то у них будет два варианта: остаться жить среди людей или вернуться в Даорию. Они смогут прийти к Переправе, и после Гипнос поможет открыть на время старый проход, - рассказала я, догадываясь, что Кай проверяет, насколько хорошо я всё обдумала.

- Взорвав монолиты в Даорию, мы точно закроем пути? В Палагеду даже осколки сыграли роль прохода, - напомнила Веста, на что Кай качнул головой.

- Закроются. Сами даории подтвердили, что для пути в их мир нужны монолиты-пары. Разрушается один - и второй без своей пары бесполезен, - напомнил Кай и обернулся ко мне, продолжая допрос: - А люди? Думаешь, они обрадуются уничтожению проходов?

Я пожевала нижнюю губу. Весьма каверзный вопрос. Однозначного ответа нет, но у меня всего два варианта: закрыть проходы либо нет. И, несмотря на первоначальные личные мотивы, я верю, что закрытие сыграет скорее в лучшую сторону для всех, чем в худшую. Люди, может не сразу, осознают положительные аспекты, но рано или поздно свыкнутся.

- Они наверняка предпочли бы закрыть проход в Палагеду. Он один, люди относятся к нам с подозрением, да и наше влияние на них хуже, - намеренно напомнил Кай, заставляя меня усерднее думать над правильностью принятого решения. - Вспомни, что даориев они называют «лучезарными», видя в них созданий, похожих на приближённых к Единому Богу. Разумеется, это абсурд, но первое впечатление не сотрешь.

- Закрыть проход в Палагеду невозможно из-за разбросанных осколков. До сих пор не все они возвращены. Наставники от дедушки рассказали, что новые установленные опоры лишь сконцентрировали энергию, придав переходу более привычный вид, да и в Санкт-Данаме живёт слишком много палагейцев. В десятки раз больше, чем даориев, которым люди неинтересны. Я считаю, что закрытие проходов, наоборот, обезопасит мир людей, потому что они перестанут быть между двух огней.

- А что насчёт развития? Магистралы с заревом, - не уступал Кай, хотя в его взгляде читалось одобрение, а полуулыбка не сходила с лица.

- Проблема в материале для провода зарева, существующем только в Даории и Палагеду. Поставлять нужный металл людям может и Палагеда, у нас уже налажены купля-продажа. Сложность в проведении, с которым помогают представители Клана Металлов, но в Палагеду же как-то справились с этим. Процесс трудный, но достижимый. Люди тоже сумеют, если их научить.

Кай промолчал, но довольная улыбка стала шире, и я с трудом её не повторила, ощутив радость, что отстояла своё мнение. Поддержка Кая и Весты особенно важна.

– Судя по всему, это отличный план, – подтвердила Веста. – Думаю, его поддержат даже отец и Морос.

Я благодарно кивнула ей и шумно выдохнула, догадываясь, что всё будет сложнее, чем на словах. Закрывать проходы надо будет быстро, чтобы даории не успели среагировать на перемены. Если не успею, то план, наоборот, спровоцирует войну.

Не к месту я вспомнила о желании Микеля поговорить. На мгновение вновь задалась вопросом: что он хотел и зачем настаивал на разговоре, но затем тряхнула головой, отгоняя эти мысли. Слишком поздно для обсуждения. Для нас всех безопаснее будет расстаться навсегда.

Спустя пару дней Гипнос и Морос снова объявились на Переправе, и мы рассказали им идею о закрытии проходов. Они её поддержали.

Бог сна не отошёл от принесённых вестей от Пасифеи, но попросил у меня прощения за вспышку гнева. Мне не требовались извинения, я и так знала, что Гипнос не хотел срываться, но и любые мои слова утешения по-прежнему на него не действовали, поэтому мы предпочли более не поднимать эту тему, чтобы не бередить раны.

– Пал, это тебе удалось уничтожить монолиты в Даории? – спросила Веста, всеми силами игнорируя завядшие и почерневшие розы у стены, где остановился Гипнос.

Он был не в себе, трава и всё живое рядом с ним погибало. Мы притворялись, что не замечаем не только это, но и безжизненную маску, ставшую его лицом.

– Да. Я не собирался тогда закрывать все проходы, но решил, что уничтожение одного немного собьёт спесь с царей.

– Как ты это сделал? Взрывчатка? – отвлёк Кай новым вопросом, не позволив Гипносу обернуться к розам.

Бог сна кивнул и устало сел на скамью неподалёку. Веста вроде бы невзначай прикрыла собой мёртвый куст, и тот медленно вернулся к жизни. У меня защемило сердце при виде их опеки. Веста и Кай ворчат, при любом удобном случае припоминая его грехи, самоуверенные планы или ошибки воспитания, но сами оберегают отца, не в силах оставаться равнодушными.

– Обычной бомбой монолиты не уничтожить. Я не был уверен, что мой план сработает, но попробовал наобум специальную смесь. Ту самую, которую мойры помогли разработать даориям, из-за неё же произошёл взрыв на Переправе и погибли брат, жена и мои сыновья, – Гипнос перечислил отстранённо, невидящим взглядом рассматривая рошу вдаль, но мы напряжённо замолчали.

Не хотелось опять поднимать эту тему.

- Вещества разработали мало, не всё сторело, и я вытянул остатки этой заразы из Переправы. Было немного, но хватило для взрыва тех монолитов.

- Значит, больше этой смеси нет? - уточнила я.

- После взрыва на Переправе было запрещено производить взрывчатое и огнестрельное оружие в Палагеде и Даории, - напомнил Кай. - Это единственное, на чём единогласно сошлись все боги, цари и архонты. Поэтому подобное если и было создано, то к нынешнему моменту должно быть уничтожено.

- Должно быть, но не всё, - дополнил Гипнос с вялой улыбкой. - Сохранилось немного порошка, его должно хватить на оставшиеся монолиты.

- Он у тебя?

- Нет, но я догадываюсь, где он может быть. Могу выяснить точнее, чтобы вы забрали, так как мне нельзя приносить его вам в руки. Морос, - обратился Гипнос к брату, который всё это время наблюдал со стороны, молчаливым присутствием поддерживая беседу. - Сходи к Майрону. Нам понадобится помощь нескольких учёных из Дома Раздора для сборки взрывчатки. Порошок - лишь часть, нужна формула, чтобы расколоть монолиты с минимальным уроном для окружающего пространства. Лучше, если избежим жертв. У меня сохранились крупинцы этого порошка, передай, чтобы изучили состав и хоть примерно просчитали формулу.

В руке у Гипноса появилась прозрачная колба с малым количеством крупинц. Морос забрал предложенное и так же молча кивнул.

Погода на Переправе стояла привычно солнечная, однако из-за темы разговора я не чувствовала тепла и умиротворения. Тяжесть принятого решения давила, и всё же я не испытывала сомнений, уверенная, что путь непростой, но верный.

10

МИКЕЛЬ

- Ты можешь отдохнуть, Тион. На сегодня мы закончили. Я только хочу проверить Лексу и отправлюсь к себе, - заверил я, устало потерев правый глаз.

В отличие от меня Тион не выглядел измотанным. Спину держал прямо, на лице выдержанное спокойствие и немного нахмуренные брови, но Тиону пришлось наблюдать часами за тем, как я, сторбившись за столом, разбирался с горами документов. В подтверждение огненный пару раз моргнул, словно вынырнул из своих мыслей. Или, может, он умеет спать с открытыми глазами?

- Тогда провожу вас до покоев госпожи Лексы и затем уйду.

- Это необязательно.

- Я провожу, - настоял он.

Устало вздохнув, я не стал спорить, уже знакомый с этим тоном. Зашагал по коридору, а охранник практически бесшумно последовал за мной. Я привык к молчаливости Тиона, поэтому не пытался заговорить и не ощущал давления из-за повисшей тишины.

Проблемы с Креоном и советом вроде как поутихли, все шокированы и заняты думами о скором исчезновении нашего мира. Октавия оправилась от горя, и я попросил Лексу почаще составлять ей компанию, забота о ней займёт будни бывшей прорицательницы.

Я потёр переносицу, вспомнив недавнюю встречу с Каем. Вырубив Хела и бросив мне объявление о войне в лицо, он ушёл. Я был достаточно благоразумен, чтобы не задерживать. Сын Гипноса с армией кошмаров за спиной - худший из всех возможных врагов, а охваченный отчаянием, он и вовсе бесстрашен.

Хел после этого не раз заявлялся ко мне, раздражая навязчивой идеей поставить Кая на место и встретиться с Гипносом. Благо Хел наконец присмирел, увидев, как эринии притащили его шпионов. Точнее, подвесили на шпильях храма. Царь Воды был в гневе, горожане в ужасе, а я про себя радовался, что они хоть подвесили их за одежду. Зная Кая, можно было ожидать, что он прикажет наколоть их живыми на шпильи, как куски мяса на шампур. Одному, правда, это не помогло: он сорвался. Второго сняли и допросили при Совете пяти царей. Я едва сдержал поток брани в сторону Хела, узнав, что тот приказал разворотить квартиру Кая в Санкт-Данаме. Что он там искал?

Гипноса на диване за просмотром сериалов?

Пророчества сивилл, спрятанные в холодильнике?

Эликсир сраного бессмертия в комодe с нижним бельём?

А мойры хотят, чтобы мы с палагейцами жили в одном мире. Даже разделённые, мы спокойно сосуществовать не можем.

К счастью, после Совета пяти царей Хел угомонился и хотя бы пообещал больше не провоцировать палагейцев. Я же не мог выбросить из головы слова Кая о Кассии. Её пропажа снизила мои шансы договориться с архонтами практически до нуля. Я никогда не бывал на Переправе, но мысль, что сам Гипнос и его сын не способны найти её, пугала. Без особых усилий

произошло именно то, на что так надеялись мойры и цари. Кассия пропала, однако предрекаемая угроза осталась прежней.

Всё пережитое начало казаться до смехотворного бессмысленным. Ради чего были все смерти и планы, если в итоге Кассия просто исчезла, а Даория абсолютно точно сторит? Эти мысли волнами раздражения распространялись по телу, и я отбросил бесполезные вопросы без ответов.

Проходя мимо окон, я взглянул на темноту за стеклом, не понимая, сколько сейчас времени. Скорее всего, близится полночь. Я совсем заработался. В коридорах уже не было прислуги, часть освещения выключили. Разве что некоторые ночные светильники неярко озаряли коридор. Их хватало, чтобы видеть путь, но высокий потолок и часть стен оставались в сумраке.

- Это странно, - внезапно подал голос Тион.

- Что именно?

- Что мы до сих пор не встретили ни одного гоплита на обходе.

- Вроде всё как обычно, - пробормотал я, но напряг память, сверяясь с воспоминаниями.

- Нет, они либо опаздывают, либо прошли раньше. В любом случае временной промежуток нарушен, а подобное недопустимо, - категорично заявил Тион.

Я обернулся, но не успел ответить, случайно столкнувшись с кем-то на повороте. Тион моментально отреагировал, дёрнув меня назад. Одновременно с этим последовал испуганный вскрик, и мы замерли.

- Лекса?

Та, не зная, как себя вести, замерла с поднятыми руками, чтобы не спровоцировать Тиона.

- Прости, Микель, я тебя не заметила. Услышала голоса и пошла в вашу сторону, но вы оказались ближе, чем я думала.

В голубоватом свете зари Лекса выглядела совсем бледной, даже россыпь веснушек померкла. Волосы были распущены, а халат она запахнула на ночной сорочке.

- Ты спала? Я собирался проведать тебя. Почему ты бродишь по коридорам? - Я вышел вперёд, и Лекса схватилась за мою руку, явно взволнованная.

- Я слышала шум, - призналась она, пока я повёл её обратно к спальне. - Топот ног. Вначале один раз, потом второй. Когда вышла проверить, уже никого не было.

- Вот и ответ на твой вопрос, Тион, - бросил я, обернувшись. - Похоже, отряды сбили время обхода.

Услышанное не успокоило огненного, его взгляд стал более подозрительным.

– Это очень плохой ответ, ваше величество. Где ближайшая комната с тайным ходом из дворца? – строго спросил он, положив руку на рукоять своего кинжала. Меча при нём не было, только кинжал и его браслеты для использования огня.

Я опять не успел ответить, по коридору за нашей спиной раздался топот ног. Тион рывком подтянул меня и Лексу к сумраку стены. Напрягшись, я закрыл сивиллу собой, сосредоточенно всматриваясь в приближающихся мужчин. Паранойя Тиона передалась и мне, в голове я прикинул пути отступления.

– Ваше величество? – несмело раздался один из голосов.

Шестеро гоплитов дворца замерли на почтительном расстоянии, чтобы не провоцировать моего охранника. Тот немного расслабился, но руки с кинжала не снял.

– Ваше величество, во дворце посторонние! – доложил тот же страж. – Сейчас их разыскивают, но вам лучше покинуть дворец через тайные ходы. Вы должны знать о таких. Мы проводим до ближайшего, а дальше вы отправитесь сами, но нам приказано удостовериться, что вы окажетесь в безопасности.

Мой мозг был слишком измучен длительной работой и не сразу понял торопливую речь. Лекса до боли сжала моё предплечье, вынуждая собраться.

– Что за посторонние?

– Мы не знаем, ваше величество. И, так как они ещё не пойманы, вам будет лучше переждать в храме.

Тайные ходы соединяли дворец с храмом мойр, но об их расположении имела право знать лишь царская семья.

– Хорошо, – согласился я, взглянув на Лексу. Не будь её рядом, я бы отказался и остался, чтобы разобраться с возникшей проблемой, но необходимо отправить её в безопасное место. – Один из проходов здесь недалеко. Среди гостевых спален.

– Мы проводим, – держа руку на рукояти меча, отозвался главный в отряде.

Я повёл всех в нужном направлении, лихорадочно прикидывая, может ли за всем стоять Кай. Я не стал выносить его угрозы на рассмотрение Совета пяти царей и даже среди своих собственных советников, не считая, что о войне он говорил всерьёз. Кай бывал жесток и скор на расправу, но он слишком умен для бездумного кровопролития. Если бы он жаждал мести, то атаковал бы Клан Огня, убивший Элиона, или же Клан Воды из-за Хела, но опять же Кай не из тех, кто нападает исподтишка после оскорблений. Он предпочтёт прямое столкновение. Я уверен, что сказанное о войне – не более чем словесно вырвавшийся гнев и бессилие из-за пропажи Кассии. И всё же некоторые сомнения грызли изнутри, может, стоило на Совете обсудить хотя бы вероятность атаки со стороны палагейцев?

Я споткнулся обо что-то на повороте, а Лекса следом за мной поскользнулась на мраморном полу, и я едва успел удержать её в вертикальном положении. Мы замерли. Тион рванул вперёд, ощутив заминку.

Лекса ахнула, различив трупы мужчин на полу. У большинства было перерезано горло.

– Быстрее! – без былого почтения подтолкнул меня в спину Тион, вынуждая двигаться дальше.

Во дворце не просто кто-то чужой. В моём доме убийцы.

Я заторопился, крепко сжав руку Лексы. Не знаю, насколько ей привычно видеть мёртвые тела, но она держалась хорошо, разве что её потряхивало и ладонь вспотела. Мы уже бежали. Тион был рядом, остальные шестеро позади. Мы преодолели ещё пару поворотов и наконец оказались рядом с нужной спальней.

– Это здесь, – заверил я, напряжённо прислушиваясь к тёмным коридорам, но не мог разобрать никаких лишних звуков, помимо дыхания моих спутников. – Капитан, дайте ваш кинжал, мне необходимо чем-то защитить девушку, если за нами погонятся, – обратился я к главе гоплитов.

Тот, немного запутавшись в ремнях, снял короткое лезвие и протянул мне. Правой рукой я потянулся за кинжалом, а левой схватил мужчину за запястье и сдвинул ткань рубашки, увидев край свежего ахакора. На лице стража отразилось понимание и едва успело перейти в гнев, потому что я выдернул протянутый кинжал из ножен, оставив последние в ладони мужчины. Не мешкая и удерживая мужчину за запястье, вогнал лезвие ему в горло.

Лекса позади вскрикнула. Остальные пять стражей потянулись к своим мечам, поняв, что их обман раскрыт.

– У них нет нужного гула, – коротко бросил я Тиону, который дёрнул меня назад, осознав ситуацию.

Сперва я не обратил на это внимания, усталый и сбитый с толку внезапными обстоятельствами. Однако Клан Металлов никогда не брал низших в стражи, только представителей высшего и среднего сулов. Раз они скрыли свои способности ахакорами, значит, они не из моего Клана вовсе.

Тион пригнулся, уходя от первого лезвия, меч со звоном ударил по полуколонне в стене. Я отступил на пару шагов, защищая Лексу. Не мог увести её в туннели сейчас, нельзя было показывать место входа нападавшим, да и Тиона я бросать не собирался. Вначале убьём подонков, а затем разберёмся, что происходит.

Щёлкнули браслеты моего телохранителя, пламя ударило в двух мужчин, те успели отскочить, отделавшись мелкими ожогами.

По телу прошла дрожь от воспоминаний огня Лисандра, когда тот сжёг Элиона. Поток стихии был мощный и бесконтрольный, словно волна. Близнецы говорили правду, что алкоголь в крови усиливает их способность, но уменьшает возможность её сдерживать. Тион же бил точно и короткими

атаками, избегая попадания пламени на гобелены, чтобы не вспыхнул весь дворец.

Третий с воплем замахнулся на Тиона, воспользовавшись незащищённостью его живота, я пинком сбил противника с ног. На место упавшего встал другой и отбил моё лезвие, кинжал скользил в руке из-за крови первого убитого. Все двигались слишком быстро, чтобы я успевал сосредоточиться на оружии в их руках и погнуть сталь. Тион резко толкнул меня в сторону, спасая от меча, когда кинжал вылетел из пальцев. Предатель рухнул от глубокого пореза на горле. Новые вспышки пламени ослепили, и я заметил кулак, только получив удар в челюсть. Упал на чьё-то тело, но откатился, не дав себя проткнуть. Тион сжёг одного, а другого успел вырубить, сделав подсечку: противник ударился головой и больше не встал.

В живых остались двое, один из них кинул нам под ноги сосуд. Тот разбился, и наружу повалил густой белый дым. Эта внезапная и бесполезная атака смутила, Тион замер, а я, пошатываясь, встал на ноги.

- Назад! - крикнул Тион, когда дым окутал мне ноги, стремительно поднимаясь вверх.

Я закашлял, бросившись к Лексе, но спустя шаг меня повело, я всем телом ударился о стену и сполз по ней.

- Микель! - Лекса оказалась рядом, но закашляла, её глаза на пару мгновений остекленели, и она упала рядом.

Я с невыносимым трудом заставил тело двигаться, пополз к ближайшему обронённому мечу, но через полтора метра мышцы онемели. Я захрипел и невольно распластался на полу. Тион безвольно рухнул в нескольких шагах, наши противники хоть и пытались уйти от воздействия дыма, но не смогли и упали. Я напрягся, сосредотачиваясь на своей силе, хотел притянуть меч, но тот не двинулся с места. Я по-прежнему ощущал свой гул, но моя сила, как и тело, стала неподатливой, онемевшей.

Я не чувствовал рук или ног, сознание было полностью в порядке, я мог двигать глазами и совсем немного головой, но дышалось с трудом. Ждал агонии, уверенный, что это отравы. Но боль так и не пришла, и я в ужасе понял, что дело обстоит хуже.

Это «дыхание пламени».

Смесь, приводящая к обездвиживанию на пять часов. В процессе разработки выяснили, что она весьма токсична при малейшей ошибке в формуле, и прикрыли все исследования, однако на чёрном рынке Санкт-Данама продолжали ей торговать, и, как я слышал, Кай с Элионом прикрыли распространителей этой дряни. «Дыхание пламени» приравнивают к запрещённым веществам, и уже только за его наличие подонков ждёт суд.

Я напряг каждый мускул, надеясь пошевелить хоть пальцем, мне казалось, что я готов кричать от натуги, хотя лежал в полнейшей тишине. Дым от смеси рассеялся. Я едва различал дыхание Тиона и Лексы, лежащих поблизости. Сердце билось от натуги, меня бросало то в жар, то в холод, но я старался сконцентрироваться на дыхании и не поддаваться панике.

Обездвиженные, я, Тион, Лекса и двое предателей пролежали, не двигаясь, как минимум минут пять, прежде чем раздались шаги нескольких пар ног. Мимолётное облегчение сменилось напряжением.

Я скосил взгляд, наблюдая за тремя мужчинами. В сумраке коридора было сложно различить лица, однако, наткнувшись на нас, они не выглядели удивлёнными. По одеждам я не сумел разобрать, к какому Клану они относятся, но свой гул они не скрывали. Все трое из элиты. Обычно по гулу можно определить и Клан, но мои ощущения были какими-то смазанными из-за «дыхания пламенем».

Один из мужчин подошёл ближе, моё тело качнулось, когда сапогом он пихнул меня, проверяя, могу ли я двигаться, а после присел на корточки. Несмотря на оружие на поясе, мужчина его не обнажил, похоже, зная, что сейчас я безобиднее младенца. У него светлые волосы и глубоко посаженные голубые глаза, с первого взгляда не самое примечательное лицо, но я видел его ранее.

– Какая замечательная встреча, Микель.

Если б мог, я бы дёрнулся, но благо мышцы лица тоже практически обездвижило, и я понадеялся, что ублюдок не увидит мой откровенный ужас. Меня зазнобило, все нервы мелко задрожали, лёгкие сжало спазмами, и неожиданно для себя я издал тихий хрип.

– Приятно, что ты меня помнишь, – со смешком ответил голос.

Я хотел бы себе соврать, что это не Гордий из Клана Воды. Та самая мразь, которая собрала костяк дебилов для издевательств над Примом. Тот самый подонок, который и придумал шутку с жидкой грязью и утопил в ней моего друга. Проиграв суд и потеряв возможность добиться справедливости, я перешёл на домашнее обучение, вычеркнул их всех из своей жизни, надеясь, что Гордий и вовсе сдох, свернул себе шею, неосторожно спускаясь по лестнице.

– Я почти забыл о тебе, Микель, а потом оказалось, что ты крупная сошка. Сын самого Мелая. Хотя гнилая кровь твоей мамы давала о себе знать с детства. От тебя всегда были одни проблемы, – сказал Гордий, скучающе поскрёб щетину и окинул взглядом лежащих вокруг. – Сидел бы себе тихо, но нет. Опять создал неприятности. И знаешь, Микель, я бы не ввязывался в это дело, если бы не твои палагейские дружки.

– Гордий, что делать с остальными? – спросил один из сопровождающих.

Я скользнул по ним взглядом, чтобы определить, есть ли здесь ещё кто-то из старых знакомых, но лица остальных мужчин действительно были мне незнакомы.

– От тех двух избавьтесь, не смогли простую работу нормально выполнить. – Небрежно махнул рукой Гордий на двух стражей-предателей, которых Тион не успел добить.

Они наверняка все заодно, но помощники без лишних пререканий достали кинжалы и хладнокровно прирезали то ли своих соратников, то ли нанятых людей для нападения. Всё, что я смог, – это нахмурить брови и тяжело задышать, на что Гордий одарил меня наигранно невинным выражением лица.

– У Креона, конечно, свои виды на тебя, но растяпа Алейкос плохо продумал план, и я воспользуюсь выпавшей нам возможностью поговорить.

Креон?

Я едва не застонал, теперь поняв, почему лицо Гордия было мне знакомо. Не только из детства, а потому что я видел его. Недавно, ещё до встречи с Кассией в Санкт-Данаме и отравления. Тогда Креон говорил с Хелом и его сопровождающими. Среди них был Гордий. Замешан Креон... А Хел? Не может же он быть настолько непрошибаемым идиотом, чтобы устраивать вражду Кланов.

– Помнишь Зейна, Микель? – выдернул меня из размышлений Гордий, а его улыбка стала угрожающей.

Даже если бы я знал, кто это, то не мог говорить.

Похоже, Гордий понял, что ответ отрицательный. Он встал, из-за мощного пинка в живот меня отбросило к стене. Боль пронзила всё тело, но я не мог пошевелиться или издать хоть звук. После был удар ногой по лицу: хруст сломанного носа, следом агония пронзила разум. Гордий добавил несколько пинков мне в живот, и кровь обильно потекла у меня изо рта, перед глазами потемнело. Я пришёл в себя от пощёчины.

– Ну же, Микель, не отключайся. Креон сказал сразу тебя зарезать, но я хочу повременить. Мы не закончили разговор. Так знаешь, кто такой Зейн из Клана Воды? Нет? – Я вновь был в сознании, но едва дышал из-за крови во рту, нос и вовсе не пропускал кислород. Получив молчание в ответ, Гордий продолжил: – Зейн – мой двоюродный брат, Микель. Ты отдал его под суд из-за контрабанды в Санкт-Данаме. И знаешь, брат у меня немного debil, но впервые попался на уголовщине, и мы его вытащили, проблема не в этом. А в том, – моя голова дёрнулась, похоже, от очередной пощёчины, – слушай внимательно! А в том, что он вернулся изувеченным!

Гордий рывкнул, но я опять же не был способен как-либо отреагировать.

– Наши лучшие врачи сказали, что он никогда не избавится от хромоты из-за простреленного колена!

А-а-а... Зейн. Ну да. Тот мудака, которого Кассия отделала, потому что он скормил ей наркотик с кровью Дома Гнева. Теперь я понял.

Надо было позволить Кассии размозжить его башку об пол.

Или разрешить Элиону исполнить угрозу и отрезать ему член, после того как Зейна прооперировали. Гордию стоило сказать спасибо, что его брат вообще способен ходить.

Если б я мог, то усмехнулся бы.

Если б мог, то плюнул бы Гордию в его ублюдскую рожу.

Пусть катится в Тартар вместе со своим братом, подонок.

Мышцы лица оставались заледеневшими, но, похоже, Гордий всё понял по глазам. Он не стал меня бить, его взгляд сместился в сторону, вернулась самодовольная улыбка.

- Это ведь знаменитая Лекса. Эй, ребята, помните Лексу? - обратился Гордей к своим подхалимам.

- Я помню, - буркнул один, поморщившись. - Она меня отшила.

- Как удачно. Если управитесь за десять минут, то можете трахнуть её в комнате напротив. Всё равно от неё надо избавиться.

Я закричал, но весь крик остался в моей голове. Двое подошли к сивилле. Они подняли её безвольное тело. Один за волосы задрал её голову, ужас на лице Лексы был заметен невооружённым глазом.

- О, действительно она.

- Слышал, что она была царской подстилкой не только ему, но и его отцу, - заявил второй, ткнув в меня.

- Значит, с двоими ей не привыкать, - усмехнулся первый.

Гнев и ужас от бессилия сводили с ума, казалось, что вены лопнут в голове от натуги, пока я пытался хоть немного двинуть запястьем, но оно оставалось безвольным. Гордий махнул рукой, и подонки содрали с Лексы халат. Она беззвучно заплакала, когда один разорвал ей ночное платье и принялся мять грудь. Они грубо утащили её в ближайшую спальню. При взгляде на меня улыбка Гордия стала кровожадной и издевательской.

Я бился в своём безвольном теле, силясь перебороть влияние «дыхания пламени», но, что бы ни делал, этого оказалось недостаточно. Гордий за ворот подтянул Тиона поближе, чтобы я видел и его.

- Жаль, не твой дружок, но я слышал, что одного из близнецов палагейцы выпотрошили на твоих глазах. Может, повторить с этим? - Гордей достал свой кинжал, деловито осмотрел Тиона перед ним. - Как желаешь, Микель? Просто глотку ему перерезать или выпустить кишки? Во втором случае будет дольше и больнее.

Я выдавил хрип.

- Так и думал. Кишки. Смотри внимательнее, Микель. Всё для тебя.

Мои глаза округлились от паники. Гордей замахнулся. Я не успел осознать появление ещё двоих за его спиной. Это произошло внезапно, словно они вынырнули из теней у стены. Две фигуры в серых платьях. Светловолосые и без гула. Всего лишь девушки, служанки в нашем дворце.

Внезапно одна из служанок с такой силой пнула Гордия под зад, что он отлетел к противоположной стене, ударился головой о камень и, потеряв сознание, рухнул на пол.

– Вот же козлина, – выругалась она, и я уставился на незнакомое лицо, готовый поклясться, что фраза прозвучала на языке людей, а голос принадлежал Кассии.

11

КАССИЯ

– Ты дала ему маковый чай? – спросила я, когда Веста спустилась на первый этаж.

На втором уже стояла тишина, хотя до заката ещё час.

– Чтобы свалить Кая, даже чая из маков Переправы недостаточно, – натянуто улыбнулась Веста.

– Маки с Переправы? Они чем-то отличаются от других?

– Да, мы дети Гипноса. И на нас действует разве что мак, выращенный на Переправе. Чтобы усыпить Кая, пришлось добавить шесть капель из реки Забвения. Из-за этого он может забыть какую-то часть сегодняшнего дня. Будем надеяться, что не весь, иначе проснётся и поймёт, что я сделала.

Я кивнула. Содеянное нам обоим было неприятно, но здоровье Кая опять ухудшилось, подтвердив опасения, что лечение запущенного отравления он не завершил.

– Думаешь, мы правильно поступили?

Веста твёрдо кивнула.

– Он сам не свой из-за произошедшего, но его можно понять. Смерть Элиона, потом твоё исчезновение. В таком тревожном состоянии он был несколько раз: в детстве и после катастрофы на Переправе. Ему начинает мерещиться, что все его близкие в опасности, а излишняя подозрительность и нервное перенапряжение выматывают. Я уже не говорю об ухудшении самочувствия. Не волнуйся, – подбодрила Веста, заметив мой обеспокоенный взгляд в сторону лестницы на второй этаж. – Он проснётся не успеет, как мы вернёмся.

Прошёл всего день после обсуждения плана, и Гипнос вернулся с новостями о порошке. Малое количество хранится во дворце Клана Металлов в Даории.

Якобы остатки мойры запечатали в сосуд, и тот оставили в музее в качестве части сложной истории, но затем порошок перекочевал в хранилище. Бог сна сперва рассказал обо всём Весте и мне, пока Кай был занят делами с Моросом и Иво. Выслушав, Веста запретила отцу рассказывать Каю, решив, что сделает всё сама. Я поддержала, хотя пришлось уговаривать дочь Гипноса взять меня с собой. Одну отпускать её в Даорию мне не хотелось. В конце концов, я могу создать пистолет, против пуль которого даже представители Клана Металлов бессильны.

Если мы принесём нужный для взрывчатки порошок, то всё равно придётся признаться Каю в обмане, но я была согласна с планом Весты. Кай абсолютно не думает о себе при попытках защитить остальных, да и вступать в драки мы не намерены. Лишь зайдём во дворец Клана Металлов, украдём порошок и выйдем. Встречи с неприятностями не планируются. Тем более Гипнос оказал поддержку: нарисовал план дворца и объяснил, где нужно хранилище. Может, бог сна и не имеет права самостоятельно красть ингредиент, дабы не вмешиваться, но никто не запрещал ему исследовать, используя способность проходить сквозь стены, скрывая настоящую личность за иллюзией.

- Вы не передумали? - спросил Гипнос, дожидаясь на лужайке у дома. Он пристально осмотрел надетые на нас с Вестой одинаковые серые платья.

Ознакомившись с фасоном формы прислуги во дворце, Гипнос создал иллюзорные копии на Переправе, которые я сделала реальными при помощи наручей Фантаса. Руфус обошёл нас по кругу, перепроверя наряды.

Конечно, платьев прислуги недостаточно, чтобы нас не узнали. Ахакоры на руках скроют гул, а сами татуировки мы прикроем иллюзиями, как и наши лица.

- Всё будет хорошо, - снова заверила Веста, похоже, устав от чрезмерной тревоги Гипноса и Кая.

Если её брата изменили события последних месяцев, то Гипнос стал сам не свой из-за увиденных воспоминаний Пасифеи. Вначале он просто исчез, а после возвращения ни разу не улыбнулся, позабыв, как это делать. Он хмурый и опечаленный, под глазами залегли синяки, щетина становилась длиннее, а кожа побледнела, приобретя серый оттенок, словно изнутри его медленно разъедала безутешная скорбь. На фоне красочных лугов и алого заката бог сна выделялся сродни бесцветному пятну.

Вернувшись, Гипнос не отвергал общение, но напоминал пустую оболочку себя прежнего. Морос сказал, что потребуется время, но его брат преодолеет потери, как делал всегда. Я верила, зная, как много детей Гипнос уже пережил, и всё же у меня сжималось сердце при виде его потухшего взгляда.

Взмахом руки Гипнос подозвал к себе Весту. Он лично наложит иллюзию на наши лица, чтобы нам не пришлось волноваться, что она спадёт, и, побывав во дворце, он запомнил служащих там девушек. Однако перед тем, как начать работу, Гипнос поцеловал Весту в лоб и обнял, с закрытыми глазами задержавшись в таком положении. Веста выглядела не менее недоумевающей, чем я. Гипносу были не чужды проявления любви, но в основном в насмешливой форме: потрепать по волосам или бросить ласково-ироничную фразу. Эти же объятия были серьёзными, пропитанными любовью и тоской.

Веста обняла отца в ответ, и лишь спустя пару мгновений Гипнос отступил и принялся за дело.

Он разрезал себе палец и оставил мазки крови на лице и волосах Весты. Те впитывались и исчезали, пока Гипнос накладывал иллюзию.

– Моя кровь поможет образу держаться стабильно максимум сутки, но я не советую рисковать, возвращайтесь до рассвета, – пояснил Гипнос, заметив моё недоумение.

Волосы Весты из чёрных превратились в русые. Глаза остались зелёными, но их разрез изменился, и лицо приобрело более круглую форму. Закончив с дочерью, Гипнос взмахом руки подозвал меня. От него я получила такой же поцелуй и объятия. Похоже, моя тревога отчётливо проступила на лице, на что Гипнос выдавил жалкое подобие успокаивающей улыбки.

Кожу пощипывало, пока он оставлял мазки своей крови и ощупывал мои скулы и подбородок, накладывая иллюзию.

– Сейчас будет неприятно, Кас. Нужно капнуть кровь тебе в глаза. Они слишком заметные.

Я покорно запрокинула голову и широко распахнула веки. Зрение затуманилось от крови, и я невольно зажмурилась от внезапной режущей боли. Слёзы потекли по щекам, но ласковые поглаживания по спине помогли расслабиться.

– Всё готово, – заверил Гипнос, когда я сумела поднять веки, и они с Вестой критически осмотрели мою новую внешность.

Рядом не было зеркала. Я потрогала лицо, но ничего не поняла, перекинула заплетённую косу через плечо: волосы потемнели до светло-русых. Я вспомнила о нашем деле, и весь интерес к новому облику пропал, это не имело значения, либо Гипнос снимет обман, либо он сам сойдёт уже завтра. Бог сна скрыл наши ахакоры, те и так прятались под длинными рукавами, но было решено не рисковать.

– Я думал, только сыновья Гипноса обладают врождённой безрассудностью, но дочери, похоже, не отстают, – раздался позади ироничный комментарий.

Мы обернулись на Мороса. На нём был костюм, но образ Дардана Хилла он сбросил, открыв настоящее лицо. Несмотря на ухмылку, взгляд был напряжённым. У меня появилось странное ощущение, что мы все полностью растеряли былую расслабленность. После неудачных переговоров с Микелем, переросших в масштабное кровопролитие, нас всех сопровождала неясная, гнетущая тень.

В руках Мороса были два непримечательных плаща, которые он протянул нам, чтобы на первых порах скрыть наряды. Мы не пойдём через Санкт-Данам, Гипнос откроет старый проход. После нам придётся добраться до города, а затем до храма мойр, оттуда ведут подземные туннели во дворец Клана Металлов. По рассказу Гипноса, под храмом есть пути во дворцы всех пяти Кланов, они существуют с давних времён и раньше служили тайными ходами для встреч царей с богинями, но теперь остались лишь как запасной путь

для побега при необходимости. По словам Гипноса, о их существовании знают единицы, иначе те ходы давно перестали бы быть тайными.

- Ты проследишь, чтобы Кай оставался в постели до нашего возвращения? - спросила Веста у Мороса, её голос никак не изменился. Это напомнило, что придётся помалкивать, если по несчастливой случайности мы столкнёмся с Микелем.

- Даю слово. Хочешь, чтобы я забрал у него воспоминания о том, как ты дала ему маковый чай?

- Не стоит, ещё и с твоим вмешательством он точно заметит подвох.

Морос кивнул, уважая её решение. Гипнос развернулся и зашагал прочь от дома в уже знакомом направлении. Набросив плащи на плечи, мы с Вестой молчаливо последовали за ним.

То ли из-за гнетущей атмосферы, то ли из-за напряжения, но мы не разговаривали на протяжении всего пути. Гипнос не без усилия вновь разорвал старый шрам между мирами и раскрыл материю, будто полотно, демонстрируя нам вид на Эридан.

- Я буду ждать здесь. Если что-то пойдёт не так, то не пытайтесь вернуться через город. Во дворце Клана Металлов есть проход в Санкт-Данам. Отправляйтесь туда, - наставлял он серьёзным тоном.

Я прилежно слушала, пока Веста снисходительно кивала его словам. Она позволила ему выговориться, прежде чем улыбнуться, наклонив голову.

- Хватит переживать, пап. Я тоже умею проходить сквозь стены, оружие из иллюзий всегда при нас.

- Помните, что я сказал про сосуд, в котором сохранён порошок. Не вскрывайте его, - заупрямился Гипнос, нахмурив брови, из-за чего Веста только насмешливо фыркнула.

- Я знаю о его функциях. Без нужных смесей он не взорвётся. Здесь сосуд будет в безопасности, - Веста указала на кожаную сумку, закреплённую на поясе.

Бог сна хотел что-то дополнить, но Веста успокаивающе похлопала отца по руке. Его плечи устало поникли, с губ сорвался вздох, он наконец признал поражение.

- Всё будет хорошо, и ты нравился мне больше, пока не был таким сверхзаботливым. Это пугает, - тем же беззаботным тоном пожурила Веста, улыбка на губах Гипноса была мимолётной, и всё же я ощутила облегчение при её появлении.

Веста подтолкнула меня к трещине между мирами и, взяв за руку, уверенно повела по полям в сторону города. Я не стала что-либо спрашивать, но видела, как вся игривость исчезла, сошла, словно сброшенная по дороге маска. Взгляд Весты стал внимательным, брови нахмуренными, а лицо застыло в сосредоточенном выражении. Сейчас она сильнее, чем когда-либо, походила

на Кая, а состояние отца её тревожило больше, чем она показывала самому Гипносу.

До границы города мы добрались уже на закате. В Эридане я была лишь однажды, на той злополучной встрече, на которой открылась правда о моей родословной и погибла Сирша. Она хотя бы взглянула на город с балкона, я же видела улицы впервые.

Вечером они были заполнены даориями, спешащими по домам после рабочего дня. Веста вела меня по переулкам уверенно, будто не впервой в столице Даории. Скорее всего, так оно и есть. Я прислушивалась к голосам, отмечая правдивость слов Микеля. Палагейский и даорийский очень похожи, хотя из-за непривычного диалекта часть услышанного я не успевала осознать. Значит, мне тем более нельзя открывать рот. Мой акцент по-прежнему силён, даже по-палагейски не говорю чисто, а уж даорийский пародировать не сумею.

Я не удивилась, когда Веста, умело копируя местный диалект, поймала извозчика, чтобы быстрее добраться до храма. Сидя в карете, я молча рассматривала город в начавшихся сумерках.

Архитектура так сильно напоминала Пелес, что, не зная, где мы, решила бы, что заплутала в незнакомом районе собственного города. Первым отличием были скалы неподалёку, где с высоты обрушивались три водопада, внизу становясь одной широкой рекой. Вторым стало расположение дворцов. В Палагееде все поместья архонтов стояли на Акрополе, однако дворцы Кланов были построены в разных частях города, словно побаивались слишком близкого соседства.

Прошло чуть больше получаса в карете, и мы оказались у храма мойр. Величественное здание с роскошной мраморной лестницей. Портик поддерживали не только колонны, но и огромные статуи трёх богинь. Проходя мимо, я бросила раздражённый взгляд вверх. Три прекрасных беспристрастных лица взирали на нас с Вестой. Навстречу из храма вышли всего четверо даориев, но Веста прошла мимо них с гордо поднятой головой, и я последовала её примеру. В первом зале было пусто, но дальше три широкие двери, ведущие в следующие помещения. Я замерла в свете пламени, которое горело в специальных чашах, в воздухе висел едва различимый запах ладана.

– Нам сюда, – пояснила Веста, свернув налево.

Она прошла мимо двух жриц как ни в чём не бывало. Я заторопилась следом, стараясь подражать её невозмутимости, но похоже не было ничего странного в посетителях в вечернее время. Может, они работают 24 часа? Я тряхнула головой, напомнив себе, что это не Санкт-Данам, а храм богинь не круглосуточный магазин.

– Ты уверена, что мойры не узнают о нашем посещении? Всё-таки это их святилище, – шепнула я.

– Уверена. Они нас не видят, – заверила Веста. – У тебя нет нити судьбы, а моей мойры хоть и владеют, но не могут её прочитать из-за крови отца. К тому же рядом с тобой всё меняется.

Последнее она добавила с мимолётной улыбкой, словно комплимент, но я не разделила такого видения. Веста свернула в просторный зал, здесь горели лишь несколько жаровен на длинных ножках у самого входа, остальная же часть помещения тонула во мраке. Нет, всё-таки очевидно, что их рабочий день подходит к концу.

Весту не смутил мрак, она миновала колонны, поддерживающие потолок, и пошла вдоль левой стены, едва касаясь пальцами резного рельефа мрамора. Она явно знала, что искать, а я помалкивала, чтобы не создавать эхо.

– Это здесь, – с восторженной улыбкой заверила Веста. – Я проверю.

Не успела я и слова вставить, как стена потеряла свою плотность, становясь туманом, и дочь Гипноса шагнула, проходя сквозь. Я обернулась, проверяя, что мы по-прежнему одни.

Из тумана стены появилась рука. Она тряслась в воздухе, будто Веста пыталась что-то схватить. Не понимая её безмолвной просьбы, я взялась за ладонь. Пальцы сжались и Веста резко дёрнула меня к себе. Чёрный дым попал в нос и рот, я закашлялась: лучше было задерживать дыхание при проходе. Стена за нашими спинами вновь стала плотной.

Здесь оказалось ещё темнее, единственный источник света – витражные окна где-то высоко под потолком. Похоже, мы на складе.

– погоди. – Веста забрала свою руку из моей хватки, послышался звук расстёгивающейся молнии, кажется она рылась в своей набедренной сумке. Моя была пуста, но Веста что-то захватила.

Щелчок – и я зажмурилась от внезапного света.

– Это... фонарик? – пробормотала я, перейдя на язык людей, потому что не знала такого слова в палагейском.

– Да, на зареве с цельным куском металла внутри, – горделиво поделилась Веста. – Посмотри, какой маленький. Размером с ладонь, а дальность большая. У нас в подвале много разного барахла. Я вспомнила о нём и решила захватить. Что? – растерянно добавила Веста, глядя на моё недоумённое выражение лица. Весь её рассказ я выслушала с разинутым ртом.

– Ну, не знаю. Я ожидала... факелы, огонь. Может, свечи?

Веста усмехнулась и посветила вперёд: в нише была дверь. Дочь Гипноса опять потянула меня за руку сквозь препятствие, даже не утруждаясь попытками оценить замок.

– Вот тебе факелы, – со смешком ответила Веста, осветив стены туннеля. Там действительно были воткнуты старые пыльные факелы. Судя по паутине, их вряд ли кто-то использовал. Буквально через пять метров вниз тянулась лестница. – Но давай воспользуемся благами современности, раз есть такая возможность.

Я с улыбкой качнула головой, в очередной раз удивляясь, как органично Весте удаётся существовать между мирами. Сама будучи дочерью бога, она

живёт на Переправе среди маковых полей по соседству с ночными кошмарами, но при этом у неё вилла с бассейном и по-современному оборудованной кухней.

– Мы слишком рано. Попали в храм до закрытия, но во дворец лучше отправиться позже, ближе к полуночи, – сказала Веста, садясь на каменный пол, я присоединилась.

На протяжении следующих часов мы тихо переговаривались, Веста показывала, как быстро может создать тот или иной меч, снова попыталась повторить за мной иллюзию пистолета. Я в очередной раз объяснила ей систему, но она бросила тщетные попытки, решив, что меч ей больше по душе.

Я с гордостью продемонстрировала Весте, что научилась создавать глушитель для пушки. Он будет полезен и снизит громкость выстрела. Если вначале сотворить из иллюзий пистолет было сложно, то теперь это стало естественно, и добавлять детали гораздо проще.

Затем мы отдохнули в тишине. Я прикрыла глаза, полностью погрузившись в блаженное безмыслие. Перестала тревожиться и думать о чём-либо. Возможно, задремала, потому что очнулась от прикосновения к плечу.

– Нам пора.

Смахнув остатки сонливости, я поднялась на ноги. Для верности Веста взяла меня за руку.

– Быстрым шагом мы должны добраться за пятнадцать минут. Не отставай, здесь будут ответвления.

Спуск по лестнице занял не меньше нескольких минут. Чем ниже мы спускались, тем холоднее становилось, а камни на стенах казались всё старше. От лестницы вёл лишь один подземный коридор. Я подстроилась под размашистый шаг Весты.

Низкий потолок туннеля давил, но ширина позволяла одновременно, плечом к плечу, пройти троим. Воздух был влажным, но не затхлым, я оглядела потолки, выискивая средство вентиляции, но его хорошо скрыли. Запах сырой земли не раздражал, ярко выраженной вони плесени не чувствовалось. Стены были отделаны каменными плитами, многие потрескались, но всё же заметно, что о туннеле заботились, заменяя или укрепляя самые пострадавшие от времени места.

На развилках Веста лишь изредка притормаживала, прикидывая в голове направление. Несмотря на циркулирующий воздух, я нервничала от мыслей о нахождении под землёй. Руки вспотели, на что Веста сильнее стиснула мою ладонь и подбодрила понимающей улыбкой.

– Всё хорошо, Кассия. Пока ты со мной или с Каем, всё хорошо.

Я расслабилась, веря ей. Это чувство было безоговорочным, не требующим доказательств. На губах невольно появилась улыбка, которая почти сразу завяла при мыслях о Микеле. Надеюсь, что к нашему появлению он будет

спать. У меня не было желания вступать в неприятности. Заберём порошок и незаметно уйдём, в идеале не встретив ни единой живой души.

У меня не было часов, а плутание по тёмным коридорам ощущалось бесконечным. Скорее всего, процесс занял пятнадцать-двадцать минут, но из-за одинаковых стен и незнания дороги весь путь показался более долгим. Я шумно выдохнула, когда мы наткнулись на подножие новой лестницы, ведущей наверх. Веста моего облегчения не разделила, став ещё серьезнее.

– С этого момента ведём себя тихо. Если нас кто-то остановит, то ты помалкиваешь. Говорить буду я. Если прикажу ждать, то ты ждёшь. Поняла? – строго проинструктировала Веста, напомнив Кая своей категоричностью. Хотя она старшая, и, возможно, Кай как раз перенял манеру ставить условия от своей сестры.

– Да, но...

– Никаких «но», пока не научишься проходить сквозь стены. Ты умеешь?

– Нет.

– Значит, молча подчиняешься.

Я удержалась от того, чтобы закатить глаза, и коротко кивнула.

В конце лестницы нас встретила схожая дубовая дверь с замком. Веста спрятала фонарик и молчаливо приказала остаться здесь. Как и обещала, я не стала спорить: она бесшумно проскользнула сквозь плотное дерево, оставив меня в полной темноте. Чтобы не паниковать, я начала отсчитывать время про себя. Веста вернулась спустя полторы минуты и протащила меня через дверь, а потом через стену, которая скрывала ту самую дверь.

– Во дворце три выхода в подzemелья. Мы пришли на первый этаж, хранилище здесь неподалёку, – объяснила Веста, когда мы очутились в очередном складском помещении.

Мы сбросили наши верхние плащи, оставшись в формах служанок. Веста поправила свою причёску и пригладила мои волосы, затем беглым взглядом осмотрела помещение, схватила ближайший набор полотенец и сунула мне в руки.

– Неси и делай вид, что занята. Если что, держи так, чтобы просунуть руку в складки и там создать пистолет. Ткань его скроет, и получится эффект неожиданности.

– А ты?

– Пистолет мне не создать, а меч этим не скрыть, – напомнила она, но улыбнулась, похоже, вовсе не обеспокоенная, что мы во дворце Клана Металлов совсем одни.

Мелай был моим главным врагом, и теперь он мёртв, но всё же я не была столь самонадеянна, чтобы думать, что Микель с пониманием воспримет наше появление. Всё-таки мы проникли в его дом.

Мы прислушались к происходящему за дверь. Только раз расслышали голоса и топот ног. Скорее всего, вечерний обход. Дождавшись тишины, Веста приоткрыла дверь, проверила, есть ли кто, и подала знак рукой, что можно выходить. Мы оказались в просторном коридоре. Полуколонны, высокие, тонущие в сумраке потолка, временами вдоль стен стояли постаменты с бюстами, и кое-где висели гобелены. Похоже, включили ночное освещение, потому что горела лишь каждая третья лампа с заревом, бледным светом едва озаряя пространство. Благо по центру мраморного пола тянулся широкий ковёр и заглушал шаги.

Веста распрямила спину и пошла в нужном направлении, я со стопкой полотенец в руках засемила за ней, притворяясь новенькой. При необходимости Веста прикинется старшей по статусу.

Весь коридор мы преодолели в одиночестве, но, свернув в следующий, встретили двоих стражей. Подруга проигнорировала их существование, и, возможно, поэтому мужчины не стали нас останавливать. Проходя мимо развилки, я заметила двух служанок и немного расслабилась, убедившись, что в это время они ещё ходят по дворцу.

Другие четыре стража у стены остановили нас с вопросом, куда именно мы направляемся, и Веста наплела что-то, используя имя Октавии Алейкос. Горло сдавило: это имя принадлежит нынешней жене Мелая, которую я сделала вдовой. Вспомнив, что она нам с Микелем приходится мачехой, я торопливо выкинула все размышления об Октавии из головы.

Стражи пропустили дальше, я ненадолго приподняла взгляд и заметила, что один из стражей на меня уставился. Не найдя более умного решения, я застенчиво ему улыбнулась. Это сработало. Страж улыбнулся в ответ, и я неуклюже поспешила за Вестой, прикидываясь нерасторопной.

- Здесь, - заверила Веста в другом, более узком и неприметном коридоре, дворца.

Она нажала на ручку, но дверь была заперта. Мы посмотрели по сторонам, проверив, что вокруг пусто, и Веста исчезла за преградой. Я сосчитала до десяти, сквозь туман появилась рука, и дочь Гипноса протащила меня внутрь.

- Это что... - растерянно промямлила я, когда Веста фонариком осветила помещение. Я выронила полотенца, ожидая совсем другого, - ...склад ненужного барахла?

- Похоже на наш подвал, - согласилась Веста и задумчиво поджала губу.

Просторное помещение без окон. Вдоль стен высились книжные полки, но большая часть зала завалена вещами без какой-либо системы. Я заметила сложенные в стороне картины. То тут то там были составлены постаменты с бюстами, лежали свёрнутые ковры, а в дальнем углу имелись повреждённые комоды и старые стулья.

- Это какая-то свалка, - поддакнула я.

Гипнос сказал, что достать порошок будет несложно. В какой-то степени он прав. Ожидала хоть малую степень защиты: стекло, сундук, кодовый замок. Насмотревшись боевиков по телевизору, даже подумала о лазерах. Однако мне и в голову не пришло, что вся трудность будет заключаться в том, чтобы отыскать нужное среди старого мусора.

- Похоже, здесь всё, что они планируют отреставрировать или починить, - предположила Веста, пока я провела пальцами по столешнице, собрав слой пыли.

- Они узнают, что здесь кто-то был, - предупредила я, продемонстрировав грязные пальцы.

- Плевать, зато это доказывает, что сюда никто не заходит. Ты ищи справа, а я слева. Помнишь подсказки Гипноса?

- Да, порошок хранится в металлическом сосуде, похожем на термос.

Веста кивнула, достала второй фонарик и отдала мне.

- Взрывоопасный порошок, который разнёс часть Переправы, в термосе среди забытого барахла, - скептически пробубнила я себе под нос, едва не чихнув от пыли.

- По словам отца, Клан Металлов уже не помнит, что хранит. Возможно, вначале они его оберегали, но потом один из царей забросил порошок в дальний угол и позабыл, - вполголоса пояснила Веста, аккуратно открывая ящики комода.

Смирившись с неизбежностью, я принялась искать со своей стороны.

Прошло не меньше часа, а мне удалось просмотреть лишь половину. Я залезала в каждую щель, ящик или шкатулку, боясь пропустить нужное. Если Гипнос сказал, что порошок в этом месте, значит, он действительно где-то здесь. Однако я сделала пометку на будущее: в следующий раз выяснить место точнее. Следы нашего присутствия оставались везде, поэтому я не заботилась возвращать предметы на прежнее место. Системы всё равно нет. Веста со своей стороны продвигалась так же медленно. Мимо двери несколько раз проходили охранники, один раз раздался топот ног. На этих моментах мы с Вестой выключали свет и задерживали дыхание, дожидаясь, пока звуки затихнут.

В воздухе витало всё больше пыли, я с трудом сдерживала чихание. Рукава платья испачкались, а кожа на пальцах пересохла. Я прошипела, зацепив занозу из-за сломанного ящика.

- Кажется, нашла.

Я подскочила на ноги как пружина. Обойдя валяющиеся книги, подошла к Весте. Та держала в руке продолговатый цилиндр и хмуро разглядывала отражающую поверхность. По корпусу тянулись вырезанные орнаменты: красивый, изысканный узор.

- Правда похож на... дорогой термос, но точно ли это оно? - спросила я.

- Мне кажется, оно, однако папа сказал не открывать.

Веста приложила палец к губам, приказывая умолкнуть. Поднесла сосуд к уху и пару раз аккуратно перевернула.

- Есть какой-то сыпучий звук, - подытожила она, хотя, как и я, не выглядела убеждённой. - Похоже, придётся понадеяться, что тут нет других металлических сосудов. Пока ты искала, видела ли что-то похожее?

Я отрицательно помотала головой.

- Металлические нашла только украшения, шкатулки и письменные принадлежности.

- Тогда будем считать, что мы отыскали порошок, - решила Веста, спрятав сосуд в свою сумку, фонарики я убрала в свою. - Мы и так задержались, а если Кай всё-таки проснётся, то ни Морос, ни Гипнос его не удержат. В случае ошибки придётся прийти завтра, но от Кая уже так просто не отделаемся.

- Может, он не станет упрячиться, предложи мы ему замаскироваться под служанку? - прикинула я, на что Веста зажала себе рот рукой, сдерживая сдавленный смех.

У меня самой вырвалось несколько смешков при мысли о лице Кая, если предложить ему платье и иллюзию девушки. Он скорее притащит армию кер и эриний, которые на глазах у оскорблённого Микеля перевернут весь дворец вверх дном.

- Пойдём. Осталось немного, - заверила Веста, заметно повеселев.

Мы отряхнули одежду и приникли к двери, прислушиваясь к тишине за ней. Выдержали пару минут, прежде чем пройти сквозь. Я забыла в комнате полотенца, но не стала заострять на этом внимание, сомневаясь, что они понадобятся. Самое сложное мы сделали.

В полном одиночестве мы миновали первый коридор и, никого не встретив, прошли второй, где ранее нас остановили стражи у стен. Я обрадовалась, что мужчин уже нет, однако уверенный шаг Весты замедлился. Она резко замерла, предупреждающе схватив меня за плечо.

- Ты чувствуешь запах? - едва шевеля губами, спросила она.

Я принюхалась, но мало что разобрала. После склада казалось, что воздух пахнет одной только пылью.

- Может, пойдём дальше?

- Что-то не так. Нельзя идти дальше, если впереди нечто сомнительное. В воздухе пахнет чем-то странным, но знакомым.

Веста с подозрением осмотрелась вокруг, она выглядела напряжённой и встревоженной. Заразившись её опасениями, я сосредоточилась. Почуввав что-

то, она повела меня дальше, но свернула в один из более узких коридоров, где видели служанок. Сейчас и там было пусто. У меня хрустнуло под ногой, и мы замерли.

- Стекло. Что-то разбили, - решила я, убрав ногу. Веста носком сапога поскребла почерневший в том месте ковёр. - Вино?

Или прожжено?

- Не похоже, - в смятении ответила Веста.

Неожиданно она подошла к ближайшей двери, схватилась за круглую ручку, повернула и медленно толкнула внутрь. Благодаря свету из окна я сразу увидела широкую кровать с балдахином, но когда рассмотрела всё остальное, с губ невольно сорвался сдавленный звук. Веста зажала мне рот и втащила в комнату раньше, чем я успела вскрикнуть от ужаса.

- Ни звука, - приказала она, прикрыв дверь, её голос вибрировал от тревоги, но в нахмуренном взгляде полыхал гнев.

В помещении стоял густой запах крови. Меня замутило, кожа покрылась липким потом, а желчь подкатила к горлу. Я спиной вжалась в стену, стараясь не наступить в ближайшую лужу крови. Веста убрала руку с моего лица, а я не издала и писка, практически прекратив дышать.

В маленькой спальне было не менее десяти трупов: стражники и служанки. Я старалась не задерживать взгляд на их лицах, не желая подмечать, есть ли среди них те, с которыми мы сталкивались.

Тела были брошены где попало. Некоторые лежали на кровати, другие просто свалены на полу. Большинство умерли от кровопотери из-за перерезанного горла. Лишь у троих стражей были разбиты головы.

Веста бесшумно заскользила между трупами, наклоняясь и рассматривая внимательнее. У меня мурашки бегали по всему телу от распахнутых глаз мертвецов. Казалось, они все следили за нами.

- Что произошло? - проямлила я.

- Не знаю. Но здесь что-то не так, - ответила Веста, осмотревшись вокруг. - Крови или следов борьбы в коридоре нет. Вначале прикинула, что тела притащили сюда, чтобы спрятать, но тогда остался бы кровавый след.

- Хочешь сказать, что их убили здесь? - Я обхватила себя руками, приказав телу перестать трястись.

- Да, но здесь двенадцать тел, семеро из которых мужчины. Оружие при них, в ножах. - Веста выглядела озадаченной.

- Получается, они смиренно оставались на местах, пока им перерезали горло?

- Похоже на то. Даже вокруг тел нет следов борьбы. - Веста присела на корточки и подняла руку одного из мертвецов. - Руки чистые.

– Глупость какая. Любой будет пытаться остановить собственное кровотечение, тем более такое серьёзное, как на шее. – Страх от увиденной сцены сошёл, я полностью сосредоточилась на загадке. Сама проверила тела поблизости, но без прикосновений. Теория Весты об отсутствии сопротивления выглядела правдивой. – У них открыты глаза. Они были в сознании. Мы не слышали криков, а у них нет кляпов. Что может заставить молчаливо лежать, когда тебя режут?

Я в недоумении уставилась на Весту, не имея ответа на вопрос. Она замерла в одной позе, благодаря свету из окна удалось различить, как её глаза широко распахнулись и Веста вскочила на ноги.

– Я знаю, что это, мы немедленно убираемся отсюда. – Теперь голос подруги вибрировал от испуга.

Оказавшись рядом, она схватила меня под локоть, чтобы вытащить из комнаты, но я расставила ноги и упёрлась, не позволив себя увести. Она вскинула взгляд, не ожидая сопротивления.

– Что здесь случилось?

– Мы уходим, Кассия.

– Рассказывай, – хлётко потребовала я, не двинувшись с места.

– Это химическая смесь. Называется «дыхание пламени». Редкостная дрянь, и именно остатки её дыма я почувствовала в коридоре.

Дочь Гипноса, которая едва ли чего-то боялась, несколько раз нервно сглотнула, не в силах стереть страх с лица. Со мной же произошло всё с точностью до наоборот, как всегда это было рядом с Сиршей. Если дорогой мне человек боится, то я перестаю ощущать волнение, зная, что хоть один из нас должен оставаться спокойным. Я так хорошо выработала эту привычку, что мой собственный страх сошёл, как отливная волна.

– Если разбить сосуд с «дыханием пламени», то смесь входит в реакцию с кислородом и начинает дымить. Если вдохнуть дым, то он приводит к параличу на пять часов. Сохраняется разве что способность дышать и менять направление взгляда. Очень много лет назад мы с отцом изучали эту смесь в поисках противоядия, – торопливо вывалила Веста и посмотрела на ближайших мертвецов. – Они действительно смиренно лежали и оставались в сознании, пока их резали. «Дыхание пламени» запрещено, Кассия. Значит, во дворце не контрабандисты, здесь убийцы. У некоторых помимо порезов на шеях есть колотые раны на руках и торсе. То есть над кем-то успели поиздеваться, а над кем-то нет.

Меня замутило от мысли, что какой-то больной ублюдок может получать наслаждение от издевательств над беспомощной жертвой, способной разве что двигать глазами.

– Не успели? – едва шевеля губами, повторила я, и осознание навалилось, как глыба на незащищённую голову, мне даже показалось, что я на мгновение

покачнулась. – У них есть цель, но это не мы. Это дворец Клана Металлов, а значит...

– Скорее всего, это переворот, Кассия, – хмуро подтвердила Веста.

Переворот.

Я рассказывала Микелю о том, что архонты пристально следят, когда я оступлюсь, чтобы разобраться с Домом Раздора, но Микель никогда не упоминал о подобных проблемах в его Клане. Я ведь только недавно сделала его царём, с искренней надеждой, что повёрнутый на справедливости Микель станет лучшим главой для Клана Металлов.

Моего Клана.

Это из-за меня сейчас он цель убийц, а не Мелай.

Мне захотелось выплюнуть эти мысли, как ядовитую желчь. Захотелось расцарапать лоб, лишь бы добраться до них и вырвать из своего сознания. Я попыталась заменить мысль радостью, что Клан Металлов получил по заслугам, однако вместо злорадства перед глазами появился Микель, который так же безмолвно будет ждать, пока его убийцы решат перерезать ему горло.

Не знаю, сколько секунд я думала, но Веста молча смотрела мне в лицо, будто считывала каждую мысль, и её выражение лица становилось всё более хмурым.

– У меня тоже есть брат, и я знаю, о чём ты думаешь, – сухо бросила она, как только я открыла рот. – Он уже может быть мёртв.

– Пожалуйста.

Я побледнела от сказанного, в голове крутилось совсем другое. Десятки других фраз. Я не собиралась помогать Микелю, но...

Веста до скрипа стиснула зубы, шумно выдохнула через нос и с усилием кивнула.

– Проверим лишь третий этаж. Там спальни. – Она вытянула руку, и кинжал стремительно сплёлся из иллюзий. – В основном будем проходить через стены. Любого встречного мы убьём. Ты поняла?

– Почему...

– Здесь все враги, а если вдохнём «дыхание пламени», нам конец. Сосуд должны разбить рядом, поэтому не смей подпускать к себе никого близко. Ты не будешь мешкать и пристрелишь любого, поняла? Если нет, то мы немедленно уходим, – она была категорична, а мысль о параличе вызвала достаточно жутких картин, чтобы я согласно кивнула.

До третьего этажа мы добрались без неожиданных встреч по какой-то запасной лестнице для слуг. А там в коридорах дважды встретили тела стражников Клана Металлов, но те лежали прямо в коридоре и были убиты в ходе короткой драки.

- Похоже, они больше не скрываются, - заключила Веста.

При звуке топота ног она не мешкая утащила меня сквозь дверь в какую-то спальню. Благо та была пустой. Мы дождались, пока незнакомцы проскочат мимо, и вновь вернулись в коридор.

- Эй, вас не должно быть здесь! - Мы замерли из-за мужского голоса за спиной.

Медленно повернулись. Противник был один и всего в шести шагах. Прежде чем он открыл рот, а я сотворила пистолет, Веста уже бросила созданный кинжал. Тот просвистел в воздухе и воткнулся в горло мужчине до того, как исчезнуть. Даорий захрипел и зажал рукой кровоточащую рану, но Веста, стремительно оказавшись рядом, добила его ударом появившегося меча.

- Я сказала не мешкать, - строго напомнила она.

Я ответила виноватым кивком, и мы двинулись дальше. Ещё несколько раз дочь Гипноса затаскивала меня в кабинеты и спальни сквозь стены, а потом мы услышали звук драки в одном из коридоров. Хотя скорее походило на избиение. Дверь пропускала часть разговора. Мы застыли, разобрав имя Микеля. Я сжала зубы, приникнув к преграде. Веста перехватила мою ладонь и мотнула головой, когда я потянулась к ручке.

«Жди», - одними губами приказала она, а я до боли стиснула пальцами рукоять пистолета.

- Так и... Кишки. Смотри... Микель... для тебя.

Веста схватила меня за плечо и одновременно с собой протянула сквозь стену. Мы оказались за спиной у врага. Тот замахнулся кинжалом на какого-то парализованного даория, явно намереваясь именно ему выпустить кишки. Гнев с такой силой заполнил сознание, что я позабыла о пистолете и со всей силы пнула мудака под зад.

Тот не ожидал нападения сзади, налетел на противоположную стену, ударился головой и потерял сознание.

- Вот же козлина, - несдержанно выругалась я.

Краем глаза заметила Микеля. Пол-лица было залито кровью из-за сломанного носа, светлая одежда в следах от ботинка. Веста вначале проверила пульс даория, которому едва не распороли живот, а затем направилась к Микелю, пока я оцепенела, боясь подойти и узнать, что мы опоздали.

- Опять мы влипли, - недовольно забормотала Веста и повернула голову моего брата, проверяя нос. - Микель, смотри на меня. Моргни, если понимаешь.

Он моргнул.

С моих губ сорвался вздох облегчения. Похоже, он вышел слишком громким, Микель перевёл взгляд на меня. Зрелище было жутким. Он напоминал изломанную куклу, у которой двигались только глаза.

– Кас, нужны твои наручи, – позвала Веста, и я опустилась на колени рядом.

– Боги, Микель, это та мразь тебя так отделала? – шокированно выдала я. Вблизи всё было ещё хуже.

– Из-за «дыхания пламени» ему и так тяжело дышать, а из-за сломанного носа совсем плохо, – торопливо подытожила Веста, и в её руках появился пузырёк с серой жидкостью. – Кас, сделай её реальной.

– Что это?

– Противоядие. Слабое. Другого мы с отцом не нашли. Оно поможет ему дышать и говорить, может, сумеет немного шевелить конечностями, – пояснила Веста, ощупывая рёбра Микеля.

Брат выпучил глаза, когда на моих руках появились наручи Фантаса. Я сжала переданную иллюзию и сосредоточилась над задачей. Благо это было легче, чем создавать целые луга асфоделуса.

Наручи исчезли, я передала настойку Весте, но Микель всё продолжал округлять глаза, словно пытался что-то сказать. Его взгляд то и дело бегал от меня к дверям напротив. Сердце забило тревожнее, в горле пересохло от дурного предчувствия.

– Там кто-то есть?

Микель моргнул.

– Дай ему настойку. Я разберусь, – попросила я Весту, а в ответ на её беспокойство показала свой пистолет.

Если те мрази такие же, как тот у стены, то мешкать я не стану.

За дверью были целые покои. Я попала в гостиную, а из распахнутых дверей в спальню послышались смех и едкая ругань. Оказавшись там, забыла о том, что пообещала Весте не мешкать. На широкой кровати лежала парализованная Лекса. Ночное платье было разорвано, на лице сивиллы следы от пощёчин. Один из мужчин держал её за волосы, болезненно запрокинув голову, пока второй уже расстегнул штаны, определённо собираясь взять её силой.

Первоначальный шок сменился волной ярости. Я вспомнила об Элин и что не смогла ей помочь, задохнулась от гнева и не заметила, как оказалась рядом с даорием, держащим Лексу за волосы. Я не выстрелила, а, перевернув оружие, нанесла удар рукоятью прямо по ухмылке, которая не успела сойти с его лица. Я выбила ублюдку пару зубов, кровь залила рот, и он завыл. Второй получил время опомниться, отскочил от Лексы и кровати.

– Что за су...

Перемахнув через препятствие, я пнула подонка в лицо и упала на матрас рядом с парализованной Лексой. Противник зашатался, торопливо отступил и поднял шум, напоровшись на комод. Вниз полетели какие-то статуэтки, разбились керамические часы.

Я вскочила на ноги и перестала различать свои действия, полностью отдавшись гневу. Временами моё сознание словно выпадало из тела, позволяя тому двигаться. Это напоминало о происшествии с наркоторговцами и о моём нападении на Иолая.

Я пригнулась, уйдя от кулака, и пнула противника в живот, тот согнулся. Одной рукой выдвинула ящик комода, а второй схватила даория за волосы и с небывалым наслаждением опустила его голову на край ящика. После первого удара сопротивление было сломлено, но я стремительно добавила ещё два, пока не сломала ящик, а поддонок не рухнул на пол с разбитой головой.

Сзади послышался хрип, будто Лекса пыталась промычать. Я обернулась и ушла в сторону, отклонившись от лезвия. Даорий с выбитыми зубами скалился, брызжа кровью. Я не успевала сосредоточиться, чтобы создать пистолет в руке. Увернувшись, попятилась. Противник бросился на меня с рубящей атакой, загнанная в угол, я схватила ближайший металлический поднос и огрела даория по голове. Его взгляд стал дезориентированным, я с остервенением ещё четырежды врезала ему по черепу.

Второй упал к моим ногам, и я выкинула покорёженный поднос. В голове шумела кровь, сердце билось с надрывом, и меня шатало от внезапного прилива адреналина. Я заставила себя подойти к кровати. Лекса безмолвно плакала, оставаясь всё в той же унижительной позе с раздвинутыми ногами. Мои руки затряслись, пришла боль, заставляя обратить внимание на порез на предплечье. Похоже, один из даориев меня всё-таки достал.

Я замотала Лексу в простыню, чтобы скрыть наготу. В дверях появилась Веста, она бегло осмотрела обстановку, явно заметила мой порез, но пока попридержала выговор.

– Ты их убила?

– Надеюсь, что да, но не уверена.

– Хорошо. Микель сказал, что ему требуются заложники. Нужна твоя помощь.

Вдвоём с Вестой мы заташили в покои Микеля, его огненного охранника и первого подонка, и заперли двери, чтобы решить, что делать дальше. Веста создала иллюзии наручников, а я сделала их реальными. Избитых мной даориев мы приковали к кровати и заткнули им рты кляпами, а Лексу перенесли на диван. Она и огненный друг Микеля дышали нормально, поэтому Веста не стала давать им противоядие. Как она и сказала, оно было слабым и лишь помогло Микелю через силу выдавливать слова.

– Эй, Микель, – позвала Веста, присев перед ним, когда в очередной раз не разобрала, что он промямлил. – Сейчас будет неприятно, но это немного поможет.

После краткосрочной заминки она аккуратно, но резко вправила ему сломанный нос. Микель слабо простонал и побледнел.

- Теперь он заживёт дня за три. Не благодари, - сухо бросила Веста и отошла.

Мы усадили Микеля поудобнее, прислонив его к спинке дивана. Я присела напротив.

- Кто из троих главный? - прямо спросила я, осматривая брата.

Микель выглядел не столько сломанным, сколько потрясённым, его глаза то и дело обращались к друзьям, и я догадывалась, что бессилие в их спасении надломило его. Ещё недавно он потерял Авилу и Деклана.

- Вон... тот, - практически просвистел он, кивнув на даория, который получил от меня пинок под зад. Он оставался без сознания, но, наверняка, ненадолго. Веста тоже это понимала и не выпускала из рук меч.

- Они хотели тебя убить?

Микель кивнул.

- Почему тогда он замахнулся на твоего друга, хотя пришли за тобой?

Брат посмотрел мне в глаза. Уже по его пылающему гневом взгляду я считала намёк. Может, дело не в перевороте? Мечь?

- При...им.

Я замерла с невысказанным вопросом на губах, вспомнив историю про подонков из Клана Воды и Земли, которые утопили его друга в грязи, а затем надули водой, как резиновый шар. Я с трудом сглотнула вязкую слюну.

- Он один из них? Пришёл тебе отомстить?

- Да.

- Это он разрешил изнасиловать Лексу и хотел убить твоего охранника, чтобы ты помучился?

В глазах Микеля отразилось удивление, и он кивнул.

- Пара минут - и нам надо уходить, - напомнила Веста.

- Пары минут хватит, - согласилась я, встав на ноги, и, прежде чем меня попытались переубедить, преодолела расстояние до главаря и со всей силы пнула его в живот.

Микель и Веста ахнули, а мешок дерьма закашлялся, приходя в себя. Решив, что этого недостаточно, я пнула мудака по рёбрам ещё дважды. Когда он упёрся скованными руками в пол, чтобы приподняться, я со всей силы опустила сапог на его пальцы. Тот заорал, но замолк от пинка по лицу.

Меня трясло от ярости из-за увиденных сцен. Почему-то всё произошедшее с Микелем я приняла на свой счёт, словно кто-то при мне попытался обидеть Иво. Я хотела, чтобы Микель жил себе в Даории и не донимал меня праведными планами на перемирие между нашими мирами, но при этом не желала, чтобы какие-то мрази причиняли ему вред, который он не заслуживал.

- Кас...сия.

Хрип Микеля заставил меня остановиться, но жалости или сожаления я не испытывала. Главарь кашлял кровью и хрипел, но не предпринимал глупых попыток, заметив клинок в руках Весты. Я схватила даория за его светлые волосы и дёрнула вверх, заставив принять сидячее положение.

Дочь Гипноса никак не реагировала на мой приступ агрессии, то ли понимая причины, то ли испытывая схожие чувства.

- Эй ты, мстишь Микелю за то, что он не стал скрывать произошедшее с Примом?

Голубые глаза округлились, затем губы презрительно искривились, и он осмотрел мой наряд, вероятно, решив, что перед ним низшая. Я попыталась подражать даорийскому говору, но вышло, вероятно, как у деревенщины. От мужчины несло довольно сильным гулом, действительно из элиты.

- Да как ты смеешь со мной..

Его претензия иссякла, когда в нос упёрлось дуло пистолета. Я создала пушку с глушителем, про себя отсчитывая данные мне Вестой минуты.

- Я задала вопрос.

- Он изувечил моего двоюродного брата.

- Не верю. Микель никого не способен серьёзно покалечить.

- Не он сам, его друзья-палагейцы. Эти ублюдки прострелили ему ногу в Санкт-Данаме.

Даорий сплюнул скопившуюся во рту кровь, прервав затянувшуюся паузу, пока я складывала информацию в голове.

- Твой брат наркоторговец, - поняла я, заметив некоторую схожесть.

Даорий, поморщившись, кивнул, а я едва не расхохоталась. Вместо этого губы растянулись в ядовитой усмешке.

- Как тебя зовут?

- Гордий.

- Это за моих друзей, которых ты назвал «ублюдками», Гордий. - Я опустила дуло и выстрелила ему в левое бедро, не опуская глаз. - И не смей выть, - предупредила я, вернув горячий пистолет ему под нос, когда даорий едва не

завопил. Он издал сдавленный стон и попытался зажать кровоточащую рану руками. Крик он сдержал, но запыхтел от натуги и одарил меня ненавистным взглядом.

- Ты ошибся. Твоего брата изувечила я. - В комнате стало совсем тихо. - До сих пор сожалею, что меня остановили и не удалось разбить его тупую башку об пол.

Даорий дёрнулся, намереваясь придушить меня голыми руками, даже несмотря на пистолет, но его пыл приструнило лезвие Весты у его горла. Лицо Гордия исказило презрение, хотя выглядело не столь устрашающе из-за разбитого носа и расцветающего синяка от моего сапога.

- Что будешь делать с ним, Микель?

- Возь...мём под стра...жу. Я уст...рою суд.

Я внимательно посмотрела на брата, надеясь, что он скажет нечто другое. Взгляд скользнул по его огненному охраннику, а затем по Лексе, у которой на лице всё ещё оставался отпечаток пережитого ужаса.

Я вновь повернулась к Гордию. Пару мгновений прикидывала варианты и выстрелила ему в лицо. Голова дёрнулась назад, следом даорий покосился набок и завалился на пол, оставляя на стене кровавый след.

- Кас...сия, - то ли рассерженно, то ли потрясённо выдавил Микель, он даже начал вяло двигать руками и ногами.

В глазах огненного и Лексы отразился шок, только Веста взглянула на содеянное скучающе. Слово другого и не ожидала. Вместо порицания она резким взмахом лезвия воткнула свой меч мертвецу в бедро ровно там, где я прострелила ему ногу, и провернула, делая рану уродливее.

- Увидят отверстие от пули и наверняка захотят повесить переворот на нас, - пояснила она и красноречиво кивнула на простреленную голову.

Я не испытывала никакого сожаления от содеянного. У Весты были десятки лет, чтобы добиться такого хладнокровия, но с какого периода я перестала ужасаться тому, что стала убийцей?

Я молчаливо подошла к единственному в комнате бюсту. Кряхтя стянула его с постамента: чья-то царская башка оказалась тяжелее, чем я представляла. Брови Весты взлетели вверх, когда, шатаясь от тяжёлой ноши, я добралась до трупа и сбросила ему на голову бюст. Треснул череп, и кровь брызнула в сторону.

- Подойдёт?

- Сразу чувствуется, от кого ты переняла стиль решения проблем, но сомневаюсь, что этого достаточно, - с безрадостным смешком ответила Веста.

Я невольно вспомнила, как Кай давил глаза ониру в университетской библиотеке, как Элион рассказывал о том, что пассажиры в их машине могут вылететь через переднее стекло.

Веста была права. Если Кай был спокоен, то решал проблемы быстро и без лишней грязи, но стоило ему выйти из себя, и сцены расправы становились варварскими.

– Микель, ты царь и за тобой долг, поэтому это всё на экспертизе ты скроешь, – я даже не спрашивала, а выдвигала требования брату, ткнув в направлении тела Гордия.

Микель издал протяжный вздох, но кивнул.

– Мы уходим, – безапелляционно заявила Веста. – Где ближайший ход в подземелье?

Удивление на лице Микеля довольно быстро сменилось пониманием. Сомневаюсь, что он ещё не задумался, как мы здесь оказались.

– В спальне напра...тив. За гобеле...ном.

– Я проверю. А ты, Кассия, попробуй помочь Микелю подняться. Мы сумеем вывести его, только если он сможет стоять.

Не дождавшись ответа, она прошла сквозь стену. Я присела напротив брата. Тот тарачился на меня со странной смесью во взгляде. В нём читалось облегчение, граничащее с недоумением и неприязнью. Мой поступок он явно не одобрил.

– Зачем? Я же ска...зал, что...

– Я уважаю твоё стремление к справедливости и желание добиваться наказания для всяких мразей на законных основаниях, но этот Гордий конченная мразь, – отрезала я, не намеренная выслушивать нравоучения. – Однажды он ушёл от наказания. Тот, кто не пожелал воспользоваться вторым шансом, не достоин получать третий. Трать своё время на тех, кто хочет исправиться, а такие подонки, как этот, всегда возвращаются. Когда я замешкалась в первый раз, погибла Сирша, во второй потеряла Элиона. Ты...

...как-никак мой брат.

– Ты же единственный наследник царя Металлов. Развал вашего Совета пяти царей наверняка отразится на всех трёх мирах.

Микель скривил губы, ему не понравилась озвученная характеристика.

– Ты... стала похожа... на отца. Он тоже... действовал кате...горично.

Я внимательно вгляделась в его лицо, пытаюсь понять, насколько сказанное было оскорблением. Микель прекрасно знает, что я ненавижу Мелая, однако он был моим родителем, и сравнение вышло двояким. Микель ответил, скопировав моё безэмоциональное выражение, не позволив разобраться.

– Тогда ты похож на мать. Сказали, что она была слишком дипломатичной для её Дома, – спародировав его сухой тон, бросила я.

Мы сердито уставились друг на друга, словно этим могли задеть сильнее. Ни он, ни я не успели что-либо сказать, как дверь распахнулась. Я резко развернулась, спрятав пистолет за спиной. Первой вошла Веста с поднятыми руками, а идущий за ней держал лезвие кинжала у её горла.

– Умоляю, господин, помогите его величеству, моя подруга ранена и нам всех не увести, – дрожащим от притворного страха голосом лепетала Веста с даорийским акцентом. Идущий позади не мог видеть, что на её лице держалось предупреждающее выражение, никак не вяжущееся с испуганным тоном.

Мужчина подтолкнул Весту вперёд и прикрыл дверь. Рукоять пистолета закрипела в сжатых пальцах, я приготовилась прострелить ещё одну голову.

– Трой, – хрипло позвал Микель и из последних сил незаметно сжал мою лодыжку, будто думал, что сможет меня остановить.

Я постаралась расслабить челюсти при виде знакомого близнеца, однако воспоминания о Трое и Лисандре, напавших на нас и убивших Элиона, буквально подождгли всё в моей голове. С трудом, но я удержалась, чтобы не прикончить его.

– Микель, что произошло? – на лице Троя отразилось облегчение при виде друга, потом он посмотрел на Лексу и огненного, на связанных, находящихся без сознания подонков и труп Гордия.

На последнем взгляд Троя опять стал подозрительным.

– Не вижу, чтобы твоя подруга была ранена, – сухо сказал он Весте, теснее прижав лезвие к коже.

– Они помог...ли, Трой. Отпус...ти.

Огненный не подчинился, я медленно встала, пряча пистолет.

– Кто убил того у стены? Отвечай и покажи руки, – приказал он мне.

– Она немая, – тем же дрожащим голосом ответила Веста.

Усилием воли я позволила иллюзии оружия исчезнуть, страдальчески искривила губы, а чтобы всё выглядело натуральнее, схватилась за раненое предплечье и незаметно надавила пальцами, чтобы усилить кровотечение. Мне почти удалось выдавить немного слёз. Трой стал менее подозрительным, когда разглядел обе руки и кровь на одежде. Я ткнула пальцем в огненного друга Микеля, отвечая на заданный вопрос.

– Тех, что снаружи и внутри, убил страж его величества, – подхватила Веста. Я не совсем понимала, почему она продолжала притворяться, но подыгрывала. Дочь Гипноса даже в нынешнем положении могла отделать Троя. – Он убил того у стены и избил двоих в спальне, но после на него подействовал какой-то обездвиживающий дым. Его величество сказал, что это

«дыхание пламени». По его указаниям мы связали тех двоих, они, наверное, нужны как заложники. Я отправилась найти помощь, пока моя подруга осталась присматривать за его величеством.

– Отпусти, Трой, – вновь потребовал Микель, и в этот раз огненный подчинился.

Веста бросилась ко мне, словно перепуганная всем увиденным. Наконец перестав мешкать, Трой выслушал, как открыть замок в тайный ход, ушёл, но вернулся спустя пару минут. Нам он велел оставаться на месте, а сам, подчиняясь приказам Микеля, сперва кряхтя взвалил огненного охранника на плечо и унёс. Ещё спустя пару минут он вернулся за Лексой. Взял её на руки, а мы с Вестой поддержали Микеля с двух сторон, он нетвёрдо стоял на ногах, но вдвоём нам удалось его увести.

Без приключений мы пересекли коридор, зашли в спальню напротив и скрылись за потайной дверью за гобеленом. Трой прикрыл проход и запер замок. Способных ходить всего трое.

– Всех мы не унесём, – пояснил Трой Микелю. – Тион, ты в порядке? – посаженный у стены огненный несколько раз моргнул. – Мы ненадолго оставим тебя здесь, но дверь заперта. И предатели до тебя не доберутся. Вначале я отнесу Лексу, а служанки потащат тебя, Микель, ты вроде немного можешь двигаться. Когда вы окажетесь в безопасности, я вернусь за Тионом.

Микель устало кивнул, практически уронив голову на грудь.

– Справитесь? – коротко бросил Трой нам, я поджала губы, сдерживаясь от ответа.

– Да, – заверила Веста, и мы медленно направились вниз по лестнице.

Та была узкой, и задача оказалась не из лёгких. Вплоть до того, что Трою пришлось уйти вперёд, оставить Лексу в подzemелье и вернуться, чтобы взвалить Микеля на спину и самому спустить его по лестнице. Несмотря на всю ненависть к огненным близнецам, чёткость, с которой он выполнял необходимое, вызвала уважение. Микель был выше его, но тот тащил друга без жалоб и аккуратно. К концу ступенек он тяжело дышал, а на висках проступил пот, но без лишних слов Трой передал нам Микеля, а сам опять поднял Лексу.

Огненный хоть и с очередным подозрением взглянул на фонарик в руках Весты, но та наплела, что подобные фонарики давно выдают слугам для работы в ночное время. Они компактнее тяжеловесных светильников.

Похоже, Трой был мало знаком с работой слуг, поэтому не стал задавать вопросы. Да и это был лучший вариант. Он мог зажечь своей силой факел, но некому было его нести. Руки заняты, а фонарик цеплялся на одежду.

– Как ты... оказался во двор...це? – запыхавшись промямлил Микель Трою спустя пять минут медленного пути.

– Я встретил Юталию в нашем дворце, принцесса знала, что мы с тобой близко общаемся. Она была встревожена, хотела тебя предупредить о

возможных наёмниках, но не могла довериться посыльным. Попросила передать тебе сообщение лично.

- Когда... ты уз...нал?

- Буквально пару часов назад, сразу, как освободился, направился к тебе по туннелю, который ты показал, а уже в коридорах нашёл тела.

- Трой, я не...

- Побереги дыхание, - оборвал огненный, слыша, с каким свистящим хрипом Микель втянул воздух. - Тебе нужно говорить, куда идти, иначе мы все заблудимся.

Трой был прав. Микель не мог нормально общаться и шагать одновременно. Он и так еле переставлял ноги, и мы с Вестой натужно дышали, таща его на себе. Когда Микель повернул лицо в мою сторону и открыл рот, я остановила его предупреждающим взглядом, и тот благоразумно попридержал любые замечания при себе. Хотя вопрос для Троя Микель мог адресовать и мне.

Мы шли долго, потратили вдвое больше времени, чем раньше. Несколько раз пришлось остановиться, чтобы передохнуть. Я вспотела, ноги и руки тряслись. Лицо Весты становилось всё недовольнее, возможно, она уже проклинала сегодняшние приключения, о которых придётся теперь рассказать Гипносу, Моросу и, разумеется, Каю.

Пока я шла, успела даже засомневаться, стоило ли вмешиваться: умри Микель, и мои друзья оказались бы в безопасности. Отстали бы от нас даории, занятые личными междоусобицами? Они бы разодрали Клан Металлов на части?

К храму мы добрались без сил. Как и в прошлый раз, Трой поднял по лестнице сперва Лексу, а затем вернулся за Микелем. Мы выбрались в знакомое помещение, благодаря подсказке Микеля нашли спрятанный ключ от дверей и прошли в более просторный зал. Несмотря на отсутствие посетителей, пара светильников излучала тусклый свет, а в жаровнях тлели благовония.

Мы усадили Лексу и Микеля у массивной колонны.

- Я позову жриц, чтобы они присмотрели за вами, и схожу за Тионом, - устало выдохнув, предупредил Трой и повернулся к выходу.

- Нет, - только и успел выдать Микель, как Веста стремительно набросилась на огненного и одним резким движением приложила его головой о колонну.

Не ожидав перемены, я застыла, пока Веста кряхтя поддержала завалившееся тело близнеца и не особо аккуратно усадила его рядом с Лексой.

- Пожа...луйста, не убивай его. Он... мой друг. Он сожа...леет о смерти Эли...она, - захлёбываясь словами, еле выговорил Микель, сражаясь с неповоротливым языком.

Вряд ли Веста действительно собиралась его убить, но я всё же насторожилась.

– Успокойся, Микель. Просто наши пути расходятся, а он, как лишний свидетель, нам не нужен, – бросила Веста и повернулась ко мне. – Похоже, зря ты волновалась. Я почти сразу наткнулась на него в коридоре. Скорее всего, не пояись мы, он бы помог Микелю.

Я коротко кивнула, устав думать, насколько глупо поступила, вмешавшись.

– Хотя сомневаюсь, что он успел бы к спасению этого.. Тиона и сивиллы. Их бы убили раньше, – добавила Веста, нахмурившись. – Запомни это, Микель, и о нашем появлении держи язык за зубами. Ты тоже, – предупредила она Лексу, которая всё это время безмолвно созерцала происходящее. – Мы могли не вмешиваться, но помогли. Никто из нас не простит вам Элиона, и надеюсь, что это наша последняя встреча. Пошли, Кассия.

– Нуж..на твоя по..мощь, Кассия. Нужно погово..рить, – прохрипел Микель с неожиданной мольбой во взгляде.

На пару мгновений я замерла, застигнутая врасплох желанием выслушать, но потом вспомнила обо всём произошедшем между нами. Микелю отлично удаются переговоры. Настолько хорошо, что каждый раз я верила его благим помыслам и в итоге привела друзей в ловушку.

Я отступила.

– Теперь пусть помогают мойры, ведь ты любимчик богинь. – Я схватилась за потухшую жаровню и с силой опрокинула её, подняв громкий гул, породивший многочисленное эхо.

Шум должен разбудить жриц.

Веста схватила меня за руку, и мы побежали из храма.

Лишь на рассвете, уставшие, мы добрались до трещины между мирами. Гипнос встревоженно расхаживал на Переправе, вся трава вокруг почернела, явственно демонстрируя протоптанные дорожки. Однако при нашем появлении его лицо озарила впервые за долгое время искренняя улыбка, он заметно расслабился, разом сбросив неведомый груз с плеч.

Гипнос заключил в объятия Весту и меня одновременно, а его прикосновения и встревоженное сердцебиение сказали больше любых слов. Веста и вовсе обмякла в объятиях отца.

– Вы задержались, – заявил более сдержанный Морос, хотя улыбку облегчения он тоже не скрывал.

– Выдался неудачный день для посещения дворца. Мы попали прямо на переворот, – пояснила Веста, когда Гипнос нас отпустил.

Боги-братья заметно напряглись, но, окинув нас взглядами и убедившись, что все конечности при нас, вновь расслабились. Гипнос закрыл проход, и мы устало поплелись к дому, по дороге рассказав о произошедшем. Я стыдливо помалкивала, когда Веста сообщила, как я избавилась от Гордия. Она делилась подробностями по-деловому отстранённо, но я забеспокоилась из-за полнейшего отсутствия сожаления. По-прежнему считала, что поступила верно, и всё же раньше я такой не была.

Прав ли Микель, что я сильнее похожа на Мелая, чем хотела бы признать?

К нашему облегчению, Кай всё ещё спал. Гипнос снял с нас иллюзии, мы помылись, а Морос помог обработать мой порез на предплечье – единственная вынесенная из сегодняшних неприятностей травма. Мы легко отделались.

Веста передала Гипносу найденный цилиндр, и тот подтвердил, что мы нашли нужное. Это вдвойне улучшило настроение, и мы разошлись по комнатам отдыхать. Я как можно тише пробралась к Каю в спальню. Утренний свет приглушали занавески, сохраняя в помещении полумрак. Я едва не застонала, наконец забравшись к Каю под бок. Мягкая кровать и одеяло укутывали, тепло, исходящее от спящего, успокаивало. Усталость и слабость из-за тревог были столь сильны, что даже боль от пореза едва ощущалась. Хотя с последним наверняка помогало данное Моросом обезболивающее.

Кай рядом вздохнул, стоило мне прохладными пальцами коснуться его кожи. Он задвигался, я торопливо закрыла глаза, заметив, что он заморгал, просыпаясь. Кай перевернулся на бок, его ладони прошлись по моей талии и бёдрам, после обнял, притянув меня к груди. Я совсем растаяла, ощутив дыхание на своих волосах.

– Веста подмешала мне нектар из реки Забвения? – голос прозвучал слишком ровно для того, кто только что проснулся.

Моё тело выдало, напрягшись. Лицо оставалось спрятанным на груди Кая, поэтому я продолжала притворяться спящей, медленно расслабляя мышцы, пока мозг лихорадочно придумывал враньё.

– Я чувствую, что ты не спишь, Кас, – мягким тоном предупредил Кай и погладил мою спину. – От тебя пахнут проблемами, которые ты попыталась смыть в душе.

Он прорицатель, что ли?

Теперь поняла возмущение Гелиона, когда тому не удалось одурачить Кая. Может, у него чутьё на ложь, вроде дара от отца? Полубог и всё такое.

– Веста в порядке?

Я сдалась и слабо кивнула.

– Отец и Морос?

Кивок.

– А ты?

Он немного отодвинулся, нащупав моё перевязанное предплечье. Мне было приятно и одновременно жаль видеть беспокойство на его лице. Кай напряжённо свёл брови, ища другие следы травм. Он немного успокоился, не найдя ни синяков, ни ссадин. Я протяжно выдохнула и прильнула к его ладони щекой, когда Кай погладил мою скулу.

– Кажется, у нас был договор не ввязываться в неприятности в одиночку.

– Я была с Вестой, – наконец призналась я.

– С Вестой, значит, – он угрожающе придвинулся, обхватив моё лицо руками, чтобы я не смогла сбежать. Приготовилась к выговору, но внезапно получила поцелуй. Ласковый, тягучий, подаривший обманчивое спокойствие. – Вы вдвоём хуже Элиона, того хоть можно было одурачить, вы же дурачите меня.

Кай пытался злиться, напрягался, чтобы удержать маску напускного недовольства, но та трескалась раз за разом, обнажая тревогу, а его губы то и дело приникали к моим для нового поцелуя. Недоволен он был, но в этот раз я не исчезла. Никуда не пропала, ни с кем из нас ничего не случилось.

Я тихо засмеялась, стоило его пальцам сжаться на моей талии, стало щекотно, но смех перешёл в стон, когда Кай прикусил мою губу. Следующие поцелуи стали жадными, глубокими, я прильнула к нему всем телом, Кай навалился сверху, усталость была позабыта, но надежде на продолжение не суждено было сбыться: он отстранился и опять лёг рядом.

– Рассказывай, что произошло.

Я пересказала всё откровенно, без прикрас. Даже поделилась о том, как хладнокровно убила Гордия, поддавшись неясному желанию защитить брата. Я сама не понимала своих поступков, потому что одновременно с этим иногда мне хотелось самой Микеля придушить. Не раз я гадала, насколько сильно ненавижу его за ту встречу и смерть Элиона. И всё же не могла уйти, оставив Гордия в живых и зная, что тот обязательно доберётся до брата-идиота с завышенными моральными ценностями. Тем более если мы закроем проходы и не будет больше удачного стечения обстоятельств, когда я или Веста окажемся поблизости.

Кай выслушал без упрёков или вопросов, хотя он явно не ожидал поворота с убийцами во дворце и упоминания «дыхания пламени». Даже подробное описание моей жестокости Кай выслушал с умиротворяющим пониманием. Он не заверил, что мой поступок нормален, но и не осудил выбранный путь, лишь пару раз кивнул, намекая, что поступил бы так же. Когда я закончила, Кай вновь взял моё лицо в ладони.

– Я поставил условие не лезть на рожон в одиночку не потому, что не верю в тебя, – вкрадчиво напомнил он, заставляя смотреть ему в глаза. – Я видел тебя в том клубе и в круге. Недостающий опыт ты восполняешь безрассудным упрямством и гневом, но мне всё равно, насколько ты борец, Кассия. Я люблю тебя, и у меня всё болит только от мысли о твоём исчезновении.

В подтверждение этих слов он прижал мою ладонь к своей груди, и, несмотря на спокойное выражение лица, его сердце билось тревожно, временами неровно и сильно, как после внезапного испуга.

– Я знаю это чувство, Камаэль, – призналась я, приложив его ладонь напротив собственного сердца, которое болело не меньше. – Оно со мной уже давно.

12

МИКЕЛЬ

– Ты разбираешься в искусстве? – с улыбкой уточнил я у Лексы, заметив, с каким интересом она рассматривает коллекцию картин.

Её глаза горели жизнью и восторгом, пока она аккуратно переставляла их, оценивая полотна. Она маялась от скуки, а узнав про её увлечение изобразительным искусством, я предложил Лексе разобрать нашу семейную коллекцию. Лишь малая доля имеющихся у нас картин была вывешена в галерее, остальные хранились в закрытом помещении, скрытые от чужого внимания и покрываемые пылью не один год.

Мои отец и дед абсолютно не интересовались собранной коллекцией, и последней, кто хоть как-то её пополнял, была наша с Кассией прабабушка.

При переселении для ускоренного строительства нам понадобится помощь людей. У нас разная денежная система, но мы можем предложить металлы, необходимые для зарева, и предметы искусства, которое ценится людьми, так как мы приближены к реально существующим богам.

– После школы я хотела изучать искусство, думала поступить на реставратора картин. Хотя работа в музее или арт-галерее тоже бы подошла. Но мои глаза изменились, и вся последующая жизнь стала решена в один миг, – разочарованно ответила Лекса.

Она опять закрылась, устыдившись своего восторга, посерьёзнула и спрятала эмоции под маской. Я на это не купился, с каждым днём понимая её всё лучше.

Прошло четыре дня с попытки переворота.

После ухода Кассии и Весты жрицы прибежали на шум. Я смог объяснить ситуацию, и они позаботились о Лексе, осмотрели голову Троя и мои травмы. Веста оказалась профессионалом: Трой отделался огромной шишкой и головной

болью. Хотя сам он моего замечания не оценил, обругав детей Гипноса с ног до головы, когда я рассказал ему, кто были те девушки.

Жрицы подняли тревогу: спустя час все цари были на ногах, а армии подготовлены. Через пару часов я сумел сесть в седло и вернуться во дворец, в котором уже произошла зачистка при поддержке воинов Кланов Металлов и Огня. Креон был взят под стражу, выжившие наёмники допрошены, а Хел призван к ответу на Совете, когда я раскрыл имя Гордия и всё, что произошло.

Единственное, я полностью умолчал о Кассии и Весте, приказав Трою, Тиону и Лексе также держать эту информацию в тайне. Пришлось потрудиться, чтобы всё уладить на экспертизе тела Гордия и скрыть улики. Я не знал, почувствовать ли раздражение, что Кассия оставила за собой не одну проблему, но она спасла жизнь мне и моим близким.

Хел отрицал свою причастность к перевороту и поступкам Гордия и Креона. К своему удивлению, я поверил, слишком недоумевающим он выглядел. И всё же за эти дни были проведены масштабные проверки в его Клане, и теперь Хел занят разгребанием махинаций и коррупции среди собственных приближённых. Зейна, которого должны были осудить, вообще отпустили, кто-то кому-то в Клане Воды дал нужную взятку, и дело было закрыто. К счастью, Хел пришёл в бешенство и понял, что возложенное на окружающих его советников доверие было использовано против самого царя. Я не радовался его проблемам, но вскрывшиеся махинации помогут привести дела в порядок, а мне самому предстояло окончательно разобраться с Алейкос.

Глава семьи и престарелый отец Креона и Октавии оказался более сообразительным. Сперва он ворвался ко мне, оскорблённый обвинениями в сторону сына, но я весьма быстро напомнил, что могу приказать отрубить Креону голову, не моргнув и глазом, а их попытки от меня избавиться ввергнут Даорию и Совет царей в хаос. Пришлось намекнуть старику, что его дочь беременна моим братом или сестрой, и я намерен поддерживать жизнь и благополучие малыша. Это напоминание помогло ему очнуться. Я не бессмертен и в любом случае умру, возможно, даже не оставив наследников. У ещё не рождённого ребёнка уже большие шансы если не стать царём, то остаться очень влиятельной фигурой при дворе.

Измотанный склоками, разговорами и обсуждениями, я стал лучше понимать Кассию и в своей голове казнил всех недовольных несколько раз. Но, несмотря на жгучее желание это сделать, терпеливо продолжал использовать язык доводов и разума.

Совсем истощённый, я приходил к Лексе, чтобы удостовериться, что она в порядке. Она не рассказала, что именно с ней сделали, но заверила, что Кассия успела вовремя. Я был безмерно благодарен сестре, но одновременно и зол на неё.

Как они забрались в мой дворец и что здесь делали?

Кай соврал? И если нет, то где Кассия пропала на Переправе?

Что у неё за странные наручи?

Веста приказывала Кассии сделать тот или иной предмет реальным.

Что это вообще значит?

Половина воспоминаний из-за воздействия «дыхания пламени» размылись мутной пеленой. Я отмахнулся от плодящихся навязчивых вопросов и вновь взглянул на Лексу.

– Эту коллекцию нужно перебрать и оценить. Я позову профессионала, лишние руки ему пригодятся. Ты pomoжешь? – попросил я, смахивая толстый слой пыли с одной из рам. Намеренно опустил глаза, прикидываясь, что не заметил изумления на её лице.

Раньше уверенная в себе Лекса с каждым днём всё сильнее напоминала ребёнка, которому неожиданно приходится всему учиться заново, словно жизнь открылась для неё с незнакомой стороны. Потеряв сивилл и не имея других родственников, она с преданной доверчивостью ходила за мной, а её беззащитность усиливала моё желание её оберегать. Я заново влюбился, желание поцеловать Лексу время от времени становилось и вовсе нестерпимым, но я упрямо держал себя в руках. Она обрела забытую свободу, отношения могут быть совсем не тем, что ей сейчас нужно, а мне необходимо сосредоточиться на серьёзной проблеме. Возможно, совсем скоро мы выйдем.

Я вернулся в реальность, когда Лекса отошла от понравившихся ей произведений искусства.

– Божь, от меня мало толку, – поддавшись сомнениям, заговорила она.

– Для начала попробуй, может ты себя недооцениваешь.

Лекса открыла рот, но передумала, ограничившись благодарной улыбкой. Я ловил её редкие взгляды, нутром чуя что-то новое между нами. Всё пережитое сблизило. Это радовало и заставляло нервничать, я вытер вспотевшую ладонь о край туники, удивляясь, что после всех покушений и передряг молчание Лексы тревожит меня настолько сильно.

– Ты кажешься воодушевлённым, несмотря на... произошедшее, – внезапно призналась Лекса, пристальнее разглядывая меня.

Я знал, что с лица ещё не до конца сошли следы побоев, но благодаря своевременной помощи Весты нос действительно зажил за считанные дни. Тело ещё покрывали обширные синяки, но, к счастью, обошлось без переломов.

– Я ощущаю... надежду, – поправил я.

Нас разделял продолговатый стол с коллекцией низких чаш. Изысканные творения искусства, но все либо пыльные, либо не до конца отреставрированные.

– Из-за Кассии? Ты собираешься с ней встретиться?

– Да, мы разобрались с зачинщиками переворота, и в ближайшие дни я отправлюсь к Переправе. Думаешь, мы сможем договориться?

Лекса призадумалась, вскинув глаза на потолочную фреску в раме из лепнины.

– После одной ночи на Переправе я не могу сказать, что знаю её, но Кассия мне кажется... может, не доброй, но справедливой. Резкой, но справедливой, – уверенно подытожила Лекса. – Ей не нравится ложь и приукрашивания. Мне она говорила правду в лицо, приятную или нет.

Это я знал, но сомневался, что эти черты характера перевесят её горе от потерь Сирши и Элиона по вине даориев.

– Она спасла нас, Микель, – напомнила Лекса, заметив мое сомнение. – Она могла этого не делать. Могла уйти в любой момент. Думаю, разговор будет сложным, но Кассия выслушает.

Надежда и воодушевление почти затмили тень мыслей о том, как Веста с моей сестрой вообще пробрались во дворец.

По стенам пошёл странный гул, и мы замерли. Задрезжали банки и бутылки на одном из столов. Я нахмурился, когда звук прокатился волной и исчез.

– Что это было? – спросила Лекса, прервав звенящую паузу.

– Не знаю.

Я напряжённо прислушался, но ощущение сошло на нет за несколько мгновений. Может, слабое землетрясение? Дрожь под ногами была.

– Думаю, стоит вернуться. Скоро подадут ужин, – напомнил я. – Поешь сегодня со мной?

– С радостью.

Ответная смущённая улыбка Лексы заставила моё сердце биться чаще. Я тихо откашлялся, сдерживаясь от порыва подойти к ней. Лекса продолжала чего-то ждать. Её улыбка стала хитрее, она игриво наклонила голову, и я замер, отчётливо почувствовав, как её взгляд опустился на мои губы, а потом медленно скользнул вниз по телу.

Нужно уйти, пока...

Раздался грохот, а следом звуки разбившегося стекла. Здание вздрогнуло, одна из картин у стены упала, а каменный постамент покачнулся вместе с нами. В этом хранилище не было окон, что-то разбилось в соседних помещениях. Произошедшее было во дворце или где-то неподалёку. Кровь отлила от лица.

Я схватил Лексу за руку, чтобы не дать ей упасть, если нас опять потряхнёт. Мы выскочили в коридор, где уже вовсю носились слуги и стража. Тион бежал в нашу сторону, сопровождаемый тремя гоплитами из Клана Металлов.

– Что случилось?

- Взрывы, кирий. Ваши советники ждут. Первый взрыв произошёл далеко в городе в районе администрации, второй в малом храме совсем рядом.

- Отведите Лексу в её комнату и охраняйте, - велел я двоим стражам, не обращая внимания на её протесты. Затем повернулся к третьему гоплиту. - Принесите мой меч. А ты, Тион, пойдёшь со мной.

Я побежал в свой кабинет, догадываясь, что советники ждут меня именно там. На ходу стянул свою мантию, оставаясь в подпоясанной тунике и штанах. Хотелось двигаться свободнее, а длинная шёлковая накидка с широкими рукавами мешала. Я бросил одежду одному из слуг, приказывая вернуть в мою комнату.

- Из-за чего произошли взрывы? - спросил я, распахнув дверь кабинета.

Взволнованные советники умолкли и повернулись ко мне. Их было всего четверо.

- Мы ещё не поняли, ваше величество. Малый храм виден из окон, и, похоже, там выбило окна, со стороны администрации слабый дым. Если и был пожар, то кратковременный. Мы отправили солдат выяснить обстановку, скорее всего остальные цари в курсе и тоже послали своих подчинённых.

- Есть пострадавшие?

- Пока неизвестно.

- Отправьте нескольких наших целителей туда. Если нужна помощь, то они сразу её окажут, - приказал я, один из советников поклонился и тут же вышел.

- Что могло произойти? - обратился я к остальным, напряжённо прислушиваясь к звукам, но, к счастью, больше ничего странного не было слышно. - Зарево очень редко взрывается. Не может быть совпадением два взрыва подряд в двух абсолютно разных местах. Администрация находится почти в центре города, а малый храм недалеко от нас.

Двое пожали плечами, но третий стратег по имени Архип нахмурил брови, задумавшись. Он был стар и служил ещё при моём деде, поэтому я моментально обратил внимание на его заминку.

- У них есть кое-что общее, ваше величество, - заключил Архип, а у меня ком встал в горле, стоило советнику побледнеть. - В обоих местах есть проходы в Санкт-Данам.

- Могут ли они пострадать от взрывов?

- Нельзя сказать точно. Монолиты достаточно прочны. Очень давно палагейцам удалось каким-то образом разрушить два монолита, но наши учёные так и не разобрались, как это вышло. Возможно, случайность. Проходов всего четыре...

- И остальные два в нашем дворце, - с ужасом закончил я и рванул к выходу.

Оставшийся в коридоре Тион, как и я, не успел среагировать, когда весь дворец вздрогнул. Толчок был настолько сильный, что меня качнуло и бросило к стене. Теперь уже не было никаких сомнений, что взрыв произошёл именно внутри дворца. По мрамору полуколонны пошла трещина, но благо она не разрушилась. Находящихся поблизости лишь осыпало крошкой. Пошатываясь, я поднялся, в голове звенело после грохота, плечо немного болело от удара, но я был в порядке. Бегло осмотрев Тиона, заключил, что и он в норме, не считая ошалевшего взгляда.

- Проверим проходы в Санкт-Данам, - сказал я.

Те находились в разных частях дворца, и, судя по поднявшимся крикам, взрыв произошёл в южном крыле. Слуги бежали от места трагедии и, завидев меня с Тионом, жались по стенам, давая дорогу. Стражи суетились, помогая раненым. При виде крови на мраморном полу в горле встал ком, я завертел головой, но, к счастью, не заметил мёртвых тел. Одного стража волокли его сослуживцы. Он был в сознании, и меня заверили, что у него лишь перелом ноги из-за отколовшегося куска стены.

Я шумно выдохнул, остановившись у нужного поворота. Слуги и стражи боялись заходить в полуразрушенный коридор. Они умолкли, пропуская меня вперёд. Я не знал, что и думать, в голове не осталось мыслей, пока осматривал урон. Монолиты из-за своей магии существовали одновременно в двух мирах: в мире людей и в нашем, поэтому вокруг было не так много их осколков. Скорее всего, другая часть осталась в Санкт-Данаме. Куски стекла и металлического стержня были разбросаны по коридору вместе с обломками лепнины и мрамора. Самого же прохода более не существовало.

Я отгляделся, рассматривая ближайшие светильники с заревом, сосредоточился, прощупывая металлические провода в стенах, по которым двигалась энергия, но все они были невредимы, хотя сами стены почернели от взрывного удара.

- Это не зарево... - себе под нос пробормотал я, не представляя, что ещё могло послужить причиной.

Я перебирал в голове варианты, нервы вибрировали, когда голову заполнили последствия произошедшего. Неясно, что с путями в администрации и храме, но если они тоже разрушены, то остался только...

Проходы - наш единственный способ переселения. Любая подготовка будет бесполезной, если мы не сможем уйти.

- В северный корпус! - громко бросил я Тиону и рванул в другую сторону.

Я бежал изо всех сил, на ходу приказывая другим стражам бросить посты и следовать за мной, а встречающимся слугам - убираться подальше от последнего прохода. Я вспотел и уже заглатывал воздух мелкими порциями, когда выбежал в нужный коридор. Монолиты по-прежнему сверкали белым светом. На мгновение я ощутил облегчение, пока не заметил две фигуры в одежде людей. Одна что-то крепила на правый монолит. Стражи за моей спиной также замерли, не зная, что делать. За проходом с той стороны присматривали люди и даории, с этой же путь не охранялся за

ненадобностью. Сам дворец – достаточная защита, чтобы оградить порталы от посторонних, разве что этот коридор прикрывали за дверьми, чтобы слуги и стражи не подходили к монолитам. Всегда хватало охраны со стороны людей, да и оба прохода из моего дворца вели в здание компании «Меридий» и располагались там на разных этажах.

– Кассия, – позвал я, узнав её по волосам.

Сестра обернулась, и я замер, не зная что сказать. Требовалось нечто короткое, ясное и чёткое, но в голове была пустота. Она что-то делала с монолитами. Увиденное должно быть очевидным, но я всё никак не мог сложить единую картину в голове.

– Отойди подальше, Микель, нам не нужны пострадавшие, – громко заявила она, а от уверенного тона у меня зазвенело в ушах.

Кай схватил Кассию за руку и потянул в проход. Они исчезли, возвращаясь в Санкт-Данам. У меня из горла вырвался злой вопль, шокированный, я даже не мог выразить свой гнев и разочарование в словах.

– Отступайте! – приказал я сопровождающим и побежал к монолитам.

– Кирий! – громче всех позвал Тион в попытке остановить, но я, наоборот, ускорился, отдалённо соображая, что если не успею, то взрывом меня разорвёт на куски.

Не имея других шансов, я на пределе возможностей рванул вперёд. Яркий свет прохода я проскочил и резко затормозил, оказавшись в приёмном зале. Кассия и Кай обернулись, глаза сестры округлились, она явно не ожидала увидеть меня так скоро.

За несколько неловких секунд я успел заметить лежащих без сознания охранников-даориев у дальней стены и обернуться на монолиты, на них висело что-то похожее на бомбы.

– Остановись! – рявкнул я на Кассию, увидев детонатор у неё в руке.

У Кая не было оружия, но имелся знакомый круглый щит. Кассия и вовсе была безоружна, если не считать те отражающие свет наручи.

– Уходи, Микель! – раздражённо бросила она.

Меня толкнули в сторону со спины, раздался знакомый звук высечения искры браслетами, и пламя вырвалось из рук Тиона. Кай среагировал, закрыв Кассию своим щитом. Пламя ударило о металл и почти сразу стало призрачным и чёрным. Тион смутился и прекратил атаку. Сын Гипноса бросился вперёд. Он за пару шагов сократил расстояние и ударом щита отбросил Тиона к одной из колонн. Тот с такой силой ударился о мрамор, что оставил трещину. Огненный со стоном сполз на пол, Кай стремительно оказался рядом, вздёрнул Тиона вверх и приставил край круглого щита ему под горло. Один точный удар – и он его добьёт.

Я воспользовался их потасовкой и сбил Кассию с ног. Она закричала, но не выпустила детонатор, пнула меня коленом в бок, и я закричал. Не желая

причинять вред, я не мог с ней нормально сражаться. Ограниченный в вариантах, выхватил единственное у меня оружие – короткий кинжал, заткнутый за пояс, и приложил лезвие к её горлу. Во взгляде сестры вспыхнула откровенная ненависть. Она предусмотрительно замерла, и я торопливо поднял её на ноги, удерживая лезвие угрожающе близко к её горлу. Кассия зашипела проклятия, когда я схватил её за косу и потянул назад, заставляя больше открыть шею.

– Оставь Тиона в покое, – предупредил я Кая.

В глазах сына Гипноса появился убийственный блеск, он немного ослабил нажим щита на чужое горло, и Тион вновь обрёл способность дышать, но отпускать его Кай, разумеется, не стал.

Теперь у каждого по заложнику. Сын Гипноса весь напрягся, готовый к атаке: он точно разорвёт меня на куски, как только Кассия окажется в безопасности. Однако я не планирую её отпускать, пока не будет обезврежена бомба. Я попытался хоть как-то воздействовать на металлический щит Кая, но не мог его даже ощутить, словно он был не из металла или не совсем настоящим.

– Ещё раз дёрнешь меня за волосы, и я перестану считать тебя братом, – оторыгнулась Кассия, скосив взгляд, чтобы видеть моё лицо.

– Но ты не подумала, что я перестану считать тебя сестрой, если ты подорвёшь наши проходы? – раздражённо возразил я.

Ей не было больно, я не сильно тянул, но сам факт определённо казался ей унижительным.

– Не трогай проход, Кассия. Ты не понимаешь, что творишь! – напряжённо заговорил я, неотрывно следя то за Каем, то за детонатором в руке сестры.

– Как раз понимаю! Нам никогда не ужиться вместе. Элион был последней жертвой твоего предательства! – зло ответила сестра.

– Я этого не хотел! Цари пытались разобраться с тобой, потому что боялись, что ты приведёшь Даорию к гибели, и сейчас именно это ты и делаешь! – заговорил я, пытаюсь пробиться к её здравому смыслу.

Кассия раздражённо поморщилась.

– Я устала от твоего бреда. Это последний проход, я больше никогда и близко не подойду к твоему миру. Наши пути расходятся здесь, Микель, – с холодной отстранённостью заявила Кассия и, прежде чем я успел среагировать, подняла левую руку и обхватила ладонью лезвие, обезопасив свою шею.

Я опешил, ошарашенный её глупостью. Лезвие слишком острое и разрежет ей ладонь до кости.

– Ты сошла с ума, эти перчатки тебя не защитят!

Кассия хмыкнула и сдавила кулак. Лезвие кинжала на моих глазах искривилось. Я выпустил её волосы, продолжая тарашиться на её руку. Крови не было видно.

– Это наручи Фантаса из орихалка, – сухо объяснила Кассия.

Фантаса?

Значит, Кассия действительно получила силу третьего ребёнка Гипноса.

– Прикрой огненного, – бросила она Каю, одновременно нажимая на кнопку детонатора.

Даже на лице сына Гипноса отразилось мимолётное смятение, он дёрнулся к Тиону. Кассия вырвала нож из моей руки и отбросила в сторону вместе с детонатором, который ритмично пискнул трижды.

Я проиграл.

Кассия ответила на смерть Элиона, и я не успел её остановить.

Она обняла меня за шею, неожиданно прижалась всем телом, за мгновение у неё в руке появился щит – копия того, что у Кая. Взрыв оглушил, Кассия вскинула руку, прикрывая нас. Её лицо исказилось от боли, когда она щитом приняла ударную волну, но она была настолько мощной, что нас отбросило через весь зал к противоположной стене.

13

КАССИЯ

Я закашляла от стоящей в зале пыли и каменной крошки после взрыва. Созданный мной щит пропал при потере концентрации из-за удара головой о стену. Я зашипела, ощутив затылок, в волосах была кровь, хоть и немного. Всё же мы стояли слишком близко к монолитам, думала, что имеющегося расстояния будет достаточно, но, наверное, нет.

– Кассия, – пальцы Кая ласкового погладили мою щёку.

Я обмякла в его руках, заметив, что он отделался несколькими синяками. Не нашла на нём крови. Лишь грязь и пыль.

– Дерьмовый у тебя вышел щит, – недовольно заключил он, но я слабо улыбнулась, слыша беспокойство в голосе.

- Прости. Я ещё не совсем понимаю свойство металлов. И это оказалось намного больнее. На вид ты так легко с ним обращаешься, - я показала ему руку, которой держала щит. При ударе думала, что мне сломает кость. Сомневаюсь, что там что-то серьёзное, но по всему предплечью уже образовались тёмные ушибы на местах, где были крепления: рука распухла.

- У тебя слишком слабые мышцы для такого оружия.

Я бросила взгляд через плечо Кая, многочисленные осколки монолитов рассыпались по полу. Светящийся проход пропал, а часть помещения была разрушена взрывом.

- Микель, - с испугом вспомнила я, оглядываясь вокруг.

Кай нашёл его в стороне, у него была немного обожжена рука и кровоточила ссадина на щеке, но в целом брат казался в порядке.

- Он жив, - заверил Кай, проверив пульс, но я всё равно подползла ближе, чтобы убедиться самой.

- А огненный?

- В норме. Я вырубил его ударом в челюсть, но ничего серьёзного. Браслеты у него забрал. - Кай хлопнул себя по карману. Я кивнула и, обессилев, оперлась спиной на нетронутую взрывом стену.

Получив порошок, отобранные дедушкой учёные создали подходящую формулу, о которой просил Гипнос. Ту, что расколет монолиты с минимальным уроном для окружающего пространства. Мы не хотели жертв, но при этом нельзя было сделать слишком слабую взрывчатку, иначе второго шанса даории нам не дадут. После Гипнос создавал иллюзии деталей для бомб, и я делала их реальными, чтобы собрать и вынести с Переправы.

Мы решили не рисковать и взорвать все монолиты с минимальным временным промежутком, чтобы даории не успели сориентироваться. К нашему времени сохранилось четыре пары монолитов. Две пары находились в разных государственных учреждениях Санкт-Данама, а другие два в компании Дардана Хилла и вели прямо во дворец Клана Металлов.

Чтобы сделать всё одновременно, мы разделились на группы. Веста отправилась с Моросом, Иво и Мейв с Гипносом, а мы с Каем должны были разобраться сразу с двумя проходами в компании «Меридий». Боги, чтобы продолжать не вмешиваться, не устанавливали бомбы, они лишь шли в качестве сопровождающих, чтобы защитить Весту, Иво и Мейв при необходимости. Но и сработала их способность к иллюзиям, они провели наших друзей, притворившись высокопоставленными чиновниками.

Оказавшись в компании «Меридий», я предложила Каю разойтись, чтобы уменьшить временной разрыв между двумя последними взрывами, но он отказался оставлять меня одну, и я не стала настаивать. Как только мы получили сообщения по телефону об удачных взрывах от Весты и Иво, то уничтожили третий проход. Мы с самого начала договорились обойтись без жертв, поэтому всех даориев оглушили или усыпили цветками мака от

Гипноса, которые мне также удалось сделать реальными. Усыпленные охранники были предусмотрительно убраны подальше.

Между третьим и четвертым взрывом произошла временная заминка, потому что нам пришлось спуститься на несколько этажей. Удерживая меня на руках, Кай делал пол под ногами бесплотным туманом. Я по-прежнему не одобряла этот способ перемещения, ненавидя ощущение свободного падения, пусть даже краткого, но это существенно сократило промежуток между взрывами и помогло застать охранников-даориев врасплох.

Я надеялась, что Микеля не будет во дворце или что нам удастся закрыть проходы раньше, чем он сообразит, но брат оказался быстрее, а его нож у моего горла вовсе стал неожиданностью. Не думала, что он на это решится, но вряд ли и Микель ожидал, что я попытаюсь разрушить монолиты.

Теперь всё кончено. Брата и его охранника вместе с остальными даориями мы вернем домой через Переправу, и на этом любые наши отношения будут закончены.

Я распахнула глаза, когда чужая рука коснулась лба.

- Ты отключилась? - обеспокоенно спросил Кай.

Я часто заморгала, неуверенная.

- Пора возвращаться. Тебе нужен целитель.

Я создала две пары наручников для Микеля и огненного. Чтобы не причинять им вред, сотворила оковы из самого простого металла Палагеды. Когда пришлось сосредоточиться, чтобы сделать их реальными, у меня запульсировало в затылке в подтверждение слов Кая.

Тишину прервал чужой кашель. Микель зашевелился и на трясущихся руках приподнялся, сбрасывая с себя многочисленные куски камней и стекла. Мы не успели его сковать, но ни я, ни Кай не беспокоились на его счёт. Всё кончено.

Микель сел, растерянно потрянул головой, и светлые волосы, обычно связанные в пучок, рассыпались по плечам. Он потёр слезящиеся от пыли глаза и посмотрел в сторону монолитов. Несколько мгновений глядел на место взрыва невидящим взглядом, а затем грязно выругался. Он повернулся в мою сторону. Я приготовилась к его попытке напасть, оскорблениям или обвинениям и угрозам, но лицо Микеля лишилось каких-либо эмоций, он вновь пробормотал целый список отборной ругани себе под нос. Прозвучало это как-то устало, и я не ощутила, что его слова направлены в мою сторону, поэтому вопросительно подняла брови, ожидая чего-то более жуткого.

- Тион? - прохрипел он.

- Огненный? - уточнил Кай и указал на лежащего Тиона. - Без сознания, но невредим. Досталось только Кассии, она закрыла тебя, приняв весь удар.

В глазах Микеля не отразилось благодарности. Он продолжал смотреть куда-то сквозь меня.

- Ты всё-таки это сделала. Уничтожила всю Даорию. Такова твоя роль в судьбе моего мира, - произнёс он, и я не поняла, к кому он обращался, ко мне или к стене где-то позади меня.

Микель кисло усмехнулся и всё-таки сконцентрировал взгляд на мне. Кай встал на ноги, забирая наручники и оставшуюся пыльцу усыпляющего мака.

- Ты уничтожила нас так просто, что я даже не мог ожидать. Ты не первопричина, но именно то звено, что не оставило нам шанса, поэтому мойры так жаждали тебя убить. Твоя смерть не остановила бы катастрофу, но сохранила бы нам шанс на спасение.

Я нахмурилась, удивлённая услышанным. Раньше Микель не особо верил, что я способна навредить его миру, но теперь его речь изменилась.

- Нам конец, Кассия! - неожиданно рявкнул брат, как пружина распрямился и бросился на меня, но Кай схватил его за плечо и рывком усадил обратно.

Микель повернулся, чтобы что-то ему сказать, но получил в лицо пригоршней пыли.

- Отдохни, лучезарный. Поговорим после того, как проспнешься, - холодно бросил он, а Микель растерянно чихнул, когда сонная пыль забила ему в нос.

Всего пара секунд - и брат обмяк, завалившись набок. Я тяжело поднялась, чтобы позвать помощников. Это здание Мороса, и он выделил нам своих работников для перевоза усыпленных даориев к Переправе.

У меня кружилась голова, пока я шла к двери, опираясь о стену. Наш план удался. Почти никто не пострадал, и я всё ждала, когда наступит триумф победы, но он никак не приходил. Меня сковала растерянность, будто забылось нечто очень важное.

Оказавшись на Переправе, я снова почувствовала себя в безопасности, а встретившись с невредимыми Вестой, Иво и Мейв, даже расслабилась, убеждая себя, что победа ощущается не так, как ожидалось, но это не меняет сути, что нам всё удалось. Я не стала говорить близким о своём неясном предчувствии, не могла его объяснить, толком не понимая. Тем более, несмотря на все заверения, Кая тревожила ссадина на моей голове. Кровь засохла и была легко различима в белых волосах, но пульсация прошла, как и головокружение.

Мы привезли на Переправу тридцать два даория, включая Микеля и его огненного друга. Я внимательно рассмотрела Тиона, радуясь, что он не Трой. Тот продолжал одним только лицом напоминать о Лисандре и Элионе. Вряд ли Кай сдержался бы от желания сломать что-нибудь Трой при новой встрече.

Морос отправил нескольких своих помощников от лица Дардана Хилла, чтобы успокоить и обсудить перемены с представителями власти среди людей.

Информация о взрывах начала просачиваться в новости. Мы постарались, чтобы не было свидетелей, но звуки взрывов всё равно были слышны снаружи.

Гипнос открыл старый путь в Даорию, а дедушка прислал отряд стражей нашего Дома, чтобы помочь перенести даориев на их земли. Сейчас лето и достаточно тепло. Мы собирались оставить мужчин спать на траве вместе с Микелем. Через три часа они проснутся и пойдут домой, до Эридана недалеко.

Чтобы всех успокоить, я позволила целителям заняться моей головой, промыть ссадину, пока я наблюдала, как подданные моего Дома вместе с Каем перетаскивают даориев на их земли.

Ни мы, ни Гипнос с Моросом не выглядели довольными. Все устали, нас тяготило, что ради безопасности пришлось пойти на такие меры. С этого дня наши миры будут полностью разделены. Соединятся ли они когда-нибудь вновь?

Буквально за час до заката вся работа была закончена, и на Переправе остался только Микель. Скорее всего, это наша последняя встреча, и я не могла расстаться с братом, ничего не объяснив. Глупо было надеяться уменьшить его ненависть, я её заслужила точно так же, как и он заслужил мою, и всё же хотелось поговорить. В последний раз.

– Руфус, разбуди его, – попросила я, когда целители обработали ожог на руке Микеля и ссадину на щеке.

– Ты уверена, что стоит?

Я схватилась за созданные мной же наручники, которые сковывали брату руки, и сжала, разрушая созданную ранее иллюзию. Методом проб и ошибок выяснила, что с помощью наручей предметы, которые я воссоздала из ничего, снова можно вернуть в состояние иллюзии и развеять. Понадобилось два дня, чтобы вернуть маковые поля к первоначальному виду, поэтому теперь обратный процесс и разрушение созданной ранее реальной иллюзии не ощущалось таким уж сложным.

– Всё-таки он мой брат, и я хочу выслушать его, – ответила я.

Иво и Мейв ушли вместе со стражами моего Дома обратно в Пелес, чтобы доложить о ситуации Совету архонтов. Рядом остались Веста, Кай, Гипнос и Морос. Самые близкие члены моей семьи.

Гипнос сдержанно кивнул и положил ладонь на лоб Микеля. Брат дёрнулся, потом протестующе замычал и часто заморгал, разбуженный ото сна. Гипнос отошёл, а Микель медленно принял сидячее положение. Он приложил ладонь к виску, словно страдал от головной боли или головокружения. Не зная, с чего начать, я присела перед ним на корточки, создала стакан прохладной воды и протянула Микелю. Я напряглась, ожидая любых последствий: он мог оттолкнуть мою руку, напасть с этим же бокалом или просто плеснуть воду мне в лицо, но Микель принял её и даже благодарно кивнул. Он выглядел рассеянным, взгляд слепо шарил по мне и остальным присутствующим, которые отошли на безопасное расстояние.

Микель выпил воду и вернул стакан. Он наконец сосредоточился.

- У тебя небольшие ожоги на руке и царапина на щеке. Их обработали. Использовали обезболивающую мазь, но через несколько часов неприятные ощущения вернутся, - пояснила я, ожидая, пока Микель придёт в себя.

- Как мы оказались на Переправе? - хрипло спросил он, потирая запястья, будто всё ещё мог чувствовать скованность. - Мне всё приснилось или ты действительно взорвала проходы, лишив возможности вернуться домой?

Он не обвинял и не кричал, говорил отстранённо, как если бы память вернулась, но не эмоции.

- Ты отправишься домой, как и каждый даорий, который остался в Санкт-Данаме, - ответила я, подбородком указав на щель между мирами, открытую Гипносом.

Микель должен был узнать пейзаж.

- Так вот как вы попали к нам в прошлый раз. Есть же ещё один проход? - в голосе Микеля прозвучало настоящее облегчение, он неловко поднялся на ноги, не отрывая взгляда от разорванной материи.

Я тоже встала и нахмурилась, не понимая его улыбки. Микель потёр ладонями лицо, затем глаза. Заметное облегчение отразилось во всей его позе, и он шумно выдохнул. Я с недоумением посмотрела на остальных, но среди них мне ответил только Морос, пожав плечами.

- Слава богам, у нас остался шанс, Кассия, - ответил Микель, поворачиваясь ко мне. - Я пытался с тобой поговорить и всё объяснить, но Кай сказал, что ты пропала.

- Так и было. Я ушла на территории Фантаса, но не знала, что там время ведёт себя по-другому. Мне показалось, что прошли лишь сутки, когда здесь это были недели, - честно поделилась я.

- Всё оказалось совсем не так. Прорицание сивилл и будущее. Ты действительно причастна к гибели Даории, но не ты первопричина, - вновь непонятно выразился Микель. Он говорил это ранее, но я по-прежнему не понимала смысла. - Мойры скрыли значительную часть правды. Истинная причина гибели Даории - Кассиопея.

Я наклонила голову, выражая полнейшее недоумение.

- Он точно не ударился головой? - спросил Морос скорее всего у Кая.

- Я закрыла проходы, чтобы никогда больше с вами не видеться и чтобы вы прекратили охотиться за мной из-за видений размытого будущего. Мои близкие пострадали от этих попыток, и впредь я не позволю подобного, - серьёзно отчеканила я, раздражаясь из-за мойр с их секретами.

Микель растерянно замотал головой, словно опять что-то не так.

– Не ты! Кассиопея! Звезда Кассиопея, в честь которой Илира дала тебе имя, – порывисто объяснил Микель уже для всех. – Она взорвётся в ближайшие десять лет, и жизнь в Даории будет уничтожена. Мы сторим, как и пророчили сивиллы. Всё дело в схожих именах, а ещё в тебе, у которой нет нити судьбы, в путаных видениях сивилл и в том, что ты закрыла проходы, отрезая нас от пути к спасению. Монолиты и проходы – наш единственный шанс покинуть обречённый мир.

Я могла только моргать, пытаюсь не терять нить повествования. Сбитая речь Микеля была слишком путаной, но в то же время сердце забилося быстрее, а ладони вспотели от ужасающего предчувствия.

– Поэтому во всех видениях про гибель Даории было ощущение, что Кассиопея где-то рядом. Незримая, будто призрак! Она действительно всегда была рядом! Но речь шла о звезде. Последствия её взрыва были повсюду, как и радиация. Она была, но незримая.

Микель за несколько шагов оказался рядом, схватил меня за руку, вынуждая смотреть ему в глаза.

– Не ты во главе конца, Кассия, но ты поспособствовала нашей гибели, закрыв проходы. Ты перекрыла путь к спасению, потому что за десять лет мы могли переселить всех даориев либо в мир людей, либо в Палагеду.

Я лишилась дара речи, растерянно открывая и закрывая рот, как выброшенная на берег рыба. Часто задыхалась, стараясь разобраться с услышанным. Микель говорил жуткие вещи, но при этом нервно улыбался, и это совсем сбивало с толку.

– Хотел поговорить с тобой, рассказать о проблеме и попросить о помощи. Всеи Даории нужна ваша помощь, – сказал он, обводя взглядом стоящих за моей спиной. – Я знаю, сколько у нас конфликтов и разногласий. Знаю, как много боли мы причинили друг другу, но речь о целом народе. Простые даории здесь ни при чём, они не сделали вам ничего плохо. Подумай, сколько там детей, Кассия.

Я забрала свою ладонь из его пальцев, не в силах контролировать дрожь.

– Почему тогда вы охотились за Кассией? – обвинила Веста, вставая рядом со мной.

– Мы не знали правды, а цари полагались на видения сивилл, которые из-за увиденного решили, что причина всей гибели одна она. – Микель ткнул в меня пальцем. – Но в действительности причины нашей гибели две. Взорвавшаяся Кассиопея и Кассия, закрывшая наши проходы. Скорее всего, сивилл сбили с толку схожесть их имён и мойры. Они почти не участвовали в политических делах многие годы, но не прекращали видеться с сивиллами.

– Значит, всё это была ложь? – едва шевеля губами, ответила я.

На лице брата отразилось сожаление.

- Это не было ложью, - раздался знакомый голос Атропос. Она неуверенно ступила на Переправу через по-прежнему открытый проход. Следом за ней прошла Клото, с интересом озираясь по сторонам.

Мы все напряглись, но Гипнос не стал их выгонять. Мойр всего две, и им не победить, находясь на землях Гипноса. Вряд ли они пришли, чтобы нападать.

- Твои поступки определённым образом повлияли на конец Даории. Ты сделала именно то, что предрекали сивиллы. Отрезала нам путь к спасению, - тем же спокойным тоном закончила Атропос.

Гнев ударил в голову, и я бросилась на мойру, готовая удавить богиню голыми руками. Мне удалось сделать два шага, как Микель перехватил меня, не позволяя приблизиться к мойрам. Веста схватила мои ладони, не дав использовать иллюзию пистолета.

- Это ваша вина! - рявкнула я, дёргаясь в чужих руках. - Вас прикончит звезда, и, насколько всем известно, именно вы, мойры, привели даориев в тот мир! Вы его выбрали! Раз уж на то пошло, то именно вы привели своих подданных в заведомо гибнущий мир, но всё это время пытались повесить вину на меня!

Мой гневный крик оборвался, когда Микелю пришлось сильнее сжать мою талию, чтобы удержать на месте. На мгновение он даже оторвал меня от земли. Лёгкие сдавило от его захвата, и я захлебнулась последующими проклятиями.

- Мои друзья погибли из-за того, что вы не хотели сразу признать ошибку! Сколько палагейцев и даориев погибло из-за этого! - рявкнула я, когда мне удалось набрать в лёгкие воздуха.

Я заехала Микелю локтем в живот, он закричал, но лишь немного ослабил хватку. Остальные не вмешивались, вероятно, поддерживая брата в желании меня остановить. Силы начали покидать, и Микель поставил меня на землю, но рук не убрал, не веря, что я не попытаюсь броситься на богиню.

Те заметно побледнели. Атропос ещё пыталась держать лицо, но младшая Клото пристыженно опустила взгляд, нервно теребя юбку платья. Она изредка с беспокойством поглядывала на Атропос.

- Единый царь, - презрительно выплюнула я, понимая всю абсурдность их попыток. - Ради этого вы создали Микеля?! Думали так вернуть себе Палагеду! Вы хотели спасти своих, но при этом сохранить полную власть, хотя могли начать с переговоров, как и предлагал Микель!

- План шёл верно. По всем видениям Единый царь удачно бы объединил Палагеду и Даорию, и мы вернулись бы в знакомый нам мир, - устало признала Клото. - Но неожиданно родилась ты, и Илира изменила своё желание, а Гипнос его выполнил, и план... развалился на глазах.

Она умолкла, когда я бросила на неё раздражённый взгляд.

- Кассия, я понимаю твой гнев. Мои друзья тоже пострадали, но сейчас судьба Даории важнее мести. Пожалуйста, будь выше этого. Если ты не

пойдёшь мне навстречу, то миллионы будут обречены, – заговорил Микель у меня над ухом.

Всё кончено.

Я отцепила Микеля от себя. Веста рядом успокаивающе положила руку мне на плечо. Я обернулась на Кая, Гипноса и Мороса, чтобы понять их точку зрения, но боги выглядели задумчивыми, пока Кай ответил мне коротким кивком.

Похоже, они все ждут какого-то треклятого решения, но у меня его нет.

– Вам осталось десять лет? – хрипло уточнила я у брата.

– Да.

После крика и приступа гнева горло саднило, а тупая боль снова запульсировала в голове. Придётся что-то решить. Можно, конечно, вышвырнуть их в Даорию, попросить Гипноса закрыть проход и попытаться забыть о них навсегда, потому что мойры своими манипуляциями заслужили свой конец. Теперь я лучше понимала Гипноса и Мороса, которые не выдержали и убили одну из них.

Я бы хотела именно так и поступить, но не могла бросить бесчисленное количество невинных жизней просто из-за желания отомстить, да и Микель не заслужил такого конца. Всё это время он был игрушкой то в руках отца, то богинь и всё же нашёл в себе силы и сострадание, чтобы закрыть на предательство глаза и попытаться найти решение проблемы. Он хотел поговорить со мной.

– Какой у вас план? Переселить всех даориев в мир людей?

– Это запасной план, потому что родным миром для нас всё-таки является Палагеда, – поправил Микель. – Жить среди людей нам опасно, если не из-за огнестрельного оружия, то из-за окружающих металлов. Санкт-Данам единственный надлежаще оборудованный для палагейцев и даориев город.

Я потёрла переносицу, догадываясь, как отреагируют главы остальных Домов.

– Архонты не позволят, – призналась я. – Даже сомневаюсь, что в Палагеде достаточно места. Даория небольшой мир, наставники говорили, что у вас буквально всего один масштабный континент и несколько длинных цепочек островов, когда остальную территорию занимает океан и моря. И всё же...

– Поэтому я и пытался начать обсуждения как можно раньше, но у нас нет выбора, Кассия. Палагеда единственный шанс на нормальную жизнь. Может, действительно пришло время попытаться стать единым народом вновь?

Я не смогла сдержать горький смешок, уверенная, что он и сам понимает, насколько мала вероятность. Мы обречём оба наших народа на постоянные столкновения.

– Начнётся борьба за власть, и ты это знаешь. Мы все знаем, – ответила я.

Брат промолчал, не став лгать.

Мы в тупике.

Я должна защищать интересы Палагеды, но и оставить миллионы погибнуть тоже не вариант.

- Новый мир.

Мы все обернулись к Весте. Та облизнула губы и откашлялась, смущённая внезапным вниманием. Даже мойры глядели на дочь Гипноса с недоумением.

- Мир людей не подходит, Палагеда тоже, а значит, нужен новый мир, - бесхитростно объяснила она и повернулась к Гипносу. Мы все повторили за ней. - Именно отец соединил два мира при помощи Переправы. Если кто и понимает, как открыть новый проход, то это Гипнос.

Я с детства жила, зная о существовании трёх объединённых миров, и всё равно идея о ещё одном поразила и была за пределами моего понимания.

- Это не так легко. Чтобы открыть путь, нужно для начала найти подходящий для жизни мир, схожий по климату и составу тех же металлов, а это может занять годы, - остудил зарождающееся воодушевление помрачневший Гипнос. - К тому же у меня уже недостаточно сил для соединения миров в одиночку. Раньше в этом могли помочь сыновья.

- Может, это знак, что все три способности твоих детей нашли воплощение в нас, - неожиданно добавила Веста.

- Морфей, Фобетор и Фантас были рождены от бога и хариты, вы же полукровки, - напомнил Гипнос. Его слова прозвучали резко, и Веста поджала нижнюю губу. Пытаясь сгладить ситуацию, он понимающе ей улыбнулся и добавил мягким тоном: - Попытка может вам сильно навредить, а я не хочу этого.

- Но ты не уверен, а мы можем хотя бы попробовать, - воспротивилась Веста, похоже, переживая за судьбу Даории не меньше меня. Я сжала её ладонь, и Веста мне улыбнулась. - Попытка ничего не стоит, если мы сможем спасти миллионы.

Взгляд Микеля засиял, он с небывалой благодарностью и восхищением смотрел на Весту. Она сейчас предлагала не просто решение, но идеальный исход, при котором мы все можем остаться в живых и избежать проблем.

- Возможно, но у нас будет лишь одна попытка. Открытие мира отнимет у меня очень много сил на долгие годы, - искренне поделился Гипнос. - Мы можем попытаться открыть мир наугад, но, если ошибёмся, не только потеряем шанс на этот план, но можем умереть сами. Я не стану ничего открывать без уверенности, что мир по ту сторону безопасен.

Гипнос закрыл тему не терпящим возражения тоном, и даже Веста не нашла ответа, присмирив. Мойры выглядели не менее опечаленными, и мне захотелось дать себе пощёчину при мыслях о жалости к ним. Всё дело в их божественном очаровании и красоте, было тяжело видеть в них чудовищ,

потому что все их попытки направлены на спасение собственного народа. Но я заставила себя вспомнить, что они ведомы эгоизмом и не желали признавать собственных ошибок, хотя это спасло бы множество жизней и мы сейчас не оказались бы в такой ситуации.

- Такой мир есть. Я его знаю, - прервал тишину Морос.

- Откуда? - первым пришёл в себя Гипнос.

- После смерти Танатоса и твоей семьи я надолго ушёл. Было время, когда я не хотел никого видеть. Тогда искал новые миры и нашёл несколько. Не знаю зачем, но у трёх я даже изучил почву, гадая, почему там нет цивилизаций. В одном мире я обнаружил признаки жизни, следы существ, похожих на людей, но от их городов остались руины. Они вымерли. Третий мир был наиболее близок к Палагеде, думаю, он может подойти. Размеры чуть больше нынешней Даории, - рассказал он, глядя на брата.

Бог сна недовольно поморщился, идея ему не нравилась.

- Гипнос не может открыть проход в мир, который не видел. Я могу брату его показать, но с условием. Это будет ваша сделка со мной лично, - поставил перед выбором Морос своих сестёр. Он протянул руку для рукопожатия, не давая мойрам права на отказ. - У меня пока нет желания, но вы будете мне должны и сделаете всё, что бы я ни попросил.

Мойры переглянулись, сбитые с толку, но пожали руку Мороса, принимая условие сделки. На их тыльных сторонах ладони остались отпечатки от большого пальца, подтверждающие согласие.

Морос прижал руку к своему виску и вытянул воспоминания серым туманом, тот завертелся у него в ладони и обрёл знакомую форму стеклянной сферы. Он передал её Гипносу. Бог сна нехотя принял воспоминание, сжал шар до хруста и втянул носом туман. Моё сердце забило быстрее, когда он пришёл в себя и посмотрел на Мороса. Его озадаченный взгляд определённо был хорошим знаком. Морос потёр свои запястья, его кожа вновь стала чистой: он выполнил условие сделки с мойрами.

- Какой он? Подходит? - не выдержала Клото, подходя к Гипносу.

Она взяла его за руку и казалась не старше восемнадцати лет рядом со своими братьями. Гипнос посмотрел на свою ладонь в её пальцах с изумлением и каплей испуга, будто они не прикасались друг к другу тысячелетиями и уже забыли, каково истинное родство между ними.

- Мир.. неплох, - согласился Гипнос, глядя на Клото.

Её лицо озарила надежда, нижняя губа богини затряслась, глаза заблестели, но она шумно стлотнула и сдержала слёзы. Она сжала ладонь Гипноса обеими руками и потянула, прикладывая к своему лбу. Морос и Гипнос опешили.

- Умоляю, брат. Не д-дай нашим детям умереть. Т-ты не видел, что п-п-произошло с их нитями. Они обрываются все разом. М-м-миллионы, и все почти в один миг, - взмолилась Клото, продолжая прижиматься лбом к руке Гипноса.

Она не плакала, но её хрупкое тело сотрясала дрожь, а жест выдавал отчаяние. На лице Гипноса отразилась смесь эмоций: от отвращения и злости до тревоги и даже испуга. Он, как и я, не хотел помогать, но и отвернуться от невинных даориев не мог. Он оцепенел, не вырывая ладони из рук сестры, но весь напрягся, готовый к неожиданностям.

Под стать словам Клото в руках Атропос появились десятки светящихся нитей, и все с одной стороны были опалены. Спина покрылась мурашками, это чужие жизни, и лишь десятки. Гипнос отступил на шаг, всё-таки забирая свою ладонь и избегая прикосновений Клото.

– Открытие мира опасно для моих собственных детей. Вы просите помочь, ставя под угрозу Переправу и тех, кто мне дорог. После всего произошедшего вы снова ждёте, что я исправлю ваши ошибки! – Гипнос начал речь напряжённо, под конец в гневе повысив голос.

У Клото в глазах собрались слёзы, Атропос опустила руки, и нити исчезли. Морос потребовал сделку, но Гипносу ничего не нужно от сестёр, а им нечего предложить своему брату.

– Отец, ты так не поступишь, – вступилась Веста, уперев руки в бока. – Ты строишь из себя эгоиста, но не выдержишь свою бессмертную жизнь, зная, что обрѣк миллионы на смерть.

Гипнос открыл рот, чтобы возразить, но Веста взмахом руки приказала ему умолкнуть.

– И даже если ты согласен жить с этим грехом, то я нет. Не хочу мучиться угрызениями совести и фактом, что мы не попытались. Если не попробуем, то у нас не останется выбора, кроме как впустить даориев в Палагеду, а там моя мама, там Иво, Мейв и Аника. Там дедушка Кассии. Может, при нашей жизни мы сумеем сдерживать конфликты, но после смерти Микеля и Кассии кто будет идти на компромиссы?

Веста буквально топила Гипноса под разумными аргументами, а тот всё больше мрачнел, лицо приобрело оскорблённое выражение, как это всегда бывало, когда Веста отчитывала своего отца.

– Знаю, что ты любишь меня, Камаэля и Кассию, но мы взрослые и готовы решать сами. Я за то, чтобы открыть новый мир, потому что это будет лучшим вариантом. А если у нас не получится, то хотя бы будем знать, что пытались.

– Не старайся, из нас никто никогда не мог переспорить Весту, – с улыбкой заговорил Кай, когда Гипнос не сумел промямлить и одного связного возражения. – Я согласен с сестрой. Попробуем открыть новый мир.

Все повернулись ко мне, а улыбка Кая была тёплая, подбадривающая, словно он предлагал проверить очередную авантюру вместе. Они с Вестой поддержали мою идею с закрытием проходов, поэтому я не задумываясь поддержу их. Мне стало спокойно, ветер утих, и на секунды Переправа погрузилась в умиротворяющую тишину, окрашенную в цвета летнего заката.

– Мы сделаем это вместе, – ответила я, беря Микеля за руку. Благодарность в его взгляде смутила, и я торопливо отвела глаза.

Гипнос недовольно подвигал челюстью, но, ворча себе под нос, сперва закрыл проход в Даорию, возвратил трещине вид шрама.

– Это на случай, если вы ошибаетесь, тот мир опасен и мы все погибнем, – язвительным тоном ответил бог сна на многочисленные вопросительные взгляды. – Мы откроем проход здесь же, чтобы при переселении процесс перехода был как можно более коротким.

Раздражённым взмахом руки он приказал мойрам и Микелю отойти подальше, а сам поднялся на невысокий холм. Я с Вестой и Каем встали рядом с ним, ожидая дальнейших инструкций.

– Вы юны и тщеславны, думая, что открытие проходов лёгкое дело. Упрямы совсем как мои сыновья, – проворчал Гипнос. – Это болезненно и отберёт у вас так много сил, что вы будете истощены следующие сутки. Так было с Морфеем, Фобетором и Фантасом. Ваше состояние может быть хуже, – предупредил Гипнос серьёзным тоном.

– Морос нам поможет? – спросила Веста, пока её дядя остался неподалёку.

– Он может, но от него мало толку, так как брат связан с Переправой лишь через кровное родство со мной. Если всё будет совсем плохо, он станет нашим решающим помощником, но вначале ему нет смысла вмешиваться.

– На что это похоже? – спросила я, не зная, чего ждать.

– Открытие прохода? – уточнил Гипнос. – Я сделаю трещину, а вы поможете мне её расширить. Нам придётся раскрыть саму материю, а это будто поднимать глыбу непосильной тяжести. Самое главное, что попытка у нас одна, поэтому если вам кажется, что вы больше не выдержите, не пытайтесь поднять выше, но, главное, не роняйте.

Меня затрясло от волнения и возложенной ответственности, однако мы не могли отказаться. Другого выбора не было.

– Когда мы расширим её достаточно, давление уйдёт, и проход откроется сам. Ощувив, что вес стал легче, – не сдавайтесь и оставайтесь сосредоточенными, в тот момент мы будем близки к завершению.

Я сняла наручи Фантаса и отдала их Весте, та с удивлением взглянула на меня.

– Они увеличивают физическую силу, – объяснила я, заставляя её принять атрибут. – Ты сильнее меня связана с Переправой и кровная дочь Гипноса. Думаю, ты принесёшь больше пользы, чем я.

– Они сработают, если надеты на Весту? – уточнил Кай у отца.

– Да, физическую силу они увеличивают любому из вас, но вот сделать иллюзии реальными способен только Фантас. Надень, Веста. Может, Кассия права. Она действительно не моя кровная дочь.

Веста благодарно кивнула мне и надела наручи, Гипнос рядом одобрительно потрепал меня по волосам. Я закатала рукава, наконец ощущая какую-то правильность в происходящем. Чувство триумфа, которое ждала от взрыва монолитов, накатило, подбадривая в верности решения. На душе стало совсем легко, и я улыбнулась Каю и Весте, готовая сделать всё, что потребуется, чтобы у нас получилось.

- Приготовьтесь, - велел Гипнос. - Вы мои дети, и опять именно нам разбираться с чужими проблемами, но клянусь, это в последний раз. В следующий я сам их сожгу, - с напускным раздражением предупредил бог сна, Кай тихо засмеялся, к нему невольно присоединилась Веста, а затем они заразили смехом меня и самого Гипноса.

Когда внезапное веселье чуть поутихло, Гипнос повернулся к нам с улыбкой.

- Но кто, как не мои дети, способны на чудеса? Люблю вас, и давайте с этим покончим, я хочу маковый пирог Весты.

- Я тоже, - отозвался Кай.

Веста пихнула стоящего рядом брата локтем в бок.

- Вот сами и будете готовить.

Я не могла перестать улыбаться, глядя, как Кай в шутку пихнул её в ответ. Гипнос немного наклонился и резко выбросил кулак вперёд. Я ожидала свиста воздуха, но его рука не распрямилась до конца, а врезалась в какое-то невидимое препятствие как в стену. Завороженно проследила за длинной горизонтальной трещиной, поползшей в нашу сторону. Та была на уровне моей талии.

Раскол засветился, словно лучи солнца с той стороны пробивались в наш мир. Сердце болезненно забило в груди от тревоги и восторженного предвкушения. Ещё один новый мир. В начале этого года я и подумать не могла, что когда-либо удостоюсь чести побывать на Переправе, а теперь одной из первых увижу мир, который мне предстоит открыть вместе с богом сна и его детьми. Мне хотелось ущипнуть себя и проверить, не является ли всё произошедшее фантастическим сном.

- Хватайтесь вот так. - Гипнос продемонстрировал, как просунуть пальцы в щель. Мы все покорно повторили. На ощупь действительно напоминало камень, будто нам предстоит гольями руками раздвинуть трещину в стене. - Мы потянем вверх, только таким способом создаётся новая дверь. Главное - поднять, а с нижней частью я разберусь.

Мы кивнули и в последний раз переглянулись. Твёрдо настроенные, готовые. Меня переполняла любовь к ним и гордость, казалось, рядом с Гипносом, Вестой и Каем нет ничего невозможного.

Новый мир.

Я обернулась на Микеля. Тот одними губами беззвучно прошептал благодарность, пока на лице читались изумление и восторг. Я коротко

кивнула, представив, что, если всё получится, мы с ним наконец сможем подружиться. Даория будет у нас в долгу, а мы с Микелем получим долгожданный мир.

– Начали! – приказал Гипнос.

Мы одновременно потянули вверх. Я приложила все силы, уверенная, что мы вместе расширим трещину за пару минут, но после первого мощного рывка разлом расширился лишь на толщину пальцев, позволяя протолкнуть их дальше и уцепиться прочнее. У меня заныла каждая мышца от плеч до кистей, вес удерживаемого, казалось, увеличивался. Веста слева закричала от натуги, когда мы расширили трещину на несколько сантиметров. Вокруг зашумело, воздух засасывало в разлом, как при разгерметизации. Гипнос громко подбадривал, уверяя, что мы хорошо держимся, но даже Кай более не выглядел таким уверенным. Я почти ничего не слышала за свистом ветра и пульсацией крови в ушах. Гипнос считал, приказывая на каждый третий счёт делать рывок вверх, мы подчинялись, и нам удалось расширить разлом сантиметров на двадцать.

У меня ныли зубы, настолько сильно я их стиснула. У Весты потекли слёзы, а всё лицо покрылось красными пятнами от натуги, я точно выглядела не лучше и засомневалась, что подобный вес вообще хоть кто-то может поднять. У меня тряслось всё тело, пальцы стали неуклюжими, и мне хотелось плакать от страха, что я не смогу больше держать. Ужас сковал сознание, так как Гипнос предупреждал, что это наш единственный шанс. На новом рывке мы закричали все вместе, расширив трещину примерно на полметра. Нас слепил свет с той стороны, было тяжело стоять из-за напряжения, а поток всасываемого воздуха стал мощнее, и меня начало втягивать вместе с ним. Я упиралась ногами в землю, но поток был столь силен, что медленно тянул вперёд, несмотря на сопротивление.

– Осталось недолго! Не отпускайте! – подбодрил Гипнос, я в ужасе уставилась на него, на секунды позабыв о боли.

Гипнос постарел лет на пять, ранее едва заметные морщины стали глубже, голубые глаза светились, пока по белкам расползалась кровь из-за лопнувших капилляров.

– Всё будет хорошо. Ты молодец, Кассия, – я еле разобрала его слова из-за шума, когда он попытался подбодрить меня натянутой улыбкой, напоминающей болезненную гримасу.

Искренность в его голосе придала сил, и, несмотря на невыносимую боль во всём теле, я с криком потянула вверх ещё и ещё. А потом завопила, испытывая настоящую агонию. Всасываемый в щель воздух принялся резать, словно лезвия. На руках из ниоткуда образовались тонкие раны, выступила кровь, которую тут же подхватили порывы ветра и тянули в расщелину. Следом отрывались целые куски кожи. Меня на глазах разрывало на части. Лихорадка от ужаса и боли окутала всё тело, но я продолжала держать, не зная, что делать и насколько это нормально. Не могла даже спросить, язык еле ворочался, издавая лишь невнятное мычание.

– Что происходит?! Отец! – закричал Кай, заметив мои окровавленные руки.

– Нет! Проклятье, нет! Она не может. Я говорил, что вы не можете! – в гневе закричал Гипнос и ахнул: на его руке загорелась метка от сделки. – Отпусти, Кассия! Отпускай!

– Не... могу, – хрипя выдала я, не в силах разогнуть пальцы, превратившиеся в окровавленные кости с мышцами, кожа с предплечий была почти полностью сорвана, и я вопила то ли от ужаса, то ли от боли, когда оторвалась ткань рукава, а следом и кожа выше локтя.

Рядом со мной громко заплакала Веста, с ней начало происходить то же самое. Наручи Фантаса немного защищали, но обнажённые кончики пальцев и выше локтя... Её разрывало на куски. На побледневшем лице Кая отразился ужас. Я потянула вверх из последних сил, ощущая свой близкий конец. Гул боли отошёл куда-то на задний план, и я тянула изо всех сил, что у меня были. Необходимо открыть проход раньше, чем этот разлом убьёт Весту.

– Это оно, отец! – закричал Кай Гипносу. – Ты обещал! Убери их обеих!

– Если я это сделаю, то...

– Ты обещал! – рявкнул на него Кай, он отвёл одну руку назад, в ней появился его щит Фобетора. С натужным криком Кай воткнул его в раскрытую щель, создав хоть какую-то опору, чтобы нам было легче держать.

Чёрный металл заскрежетал по разлому, но застрял, держа расщелину раскрытой. Я хотела что-то сказать, но вместо слов полилась кровь изо рта. Глаза Кая расширились, Веста рядом плакала, глядя то на свои руки, то на меня. Мне показалось, что стало в два раза тише.

– Это оно! Умрёт Пасифея, умру и я... так она говорила! Не Пасифея! Кассия! Они ведь внешне похожи. Речь о Кассии, отец! – как сквозь толщу воды кричал Кай. – Сделка! Ты мне должен! Ты обещал!

Я издала булькающий звук, ощутив, как кусок кожи с шеи отрывается. Кровь полилась на ключицы и грудь, а в голове у меня зазвенело. Теперь я оставалась стоять только потому, что не была способна оторвать окровавленные руки от материи мира, которую мы пытались расширить.

Гипнос в немом ужасе замотал головой, отказываясь верить увиденному.

– Морос! – зарычал Кай. – Убери их обеих!

– Нет, – окровавленными губами пробормотала я, замечая, как на руках Кая появляются такие же царапины, а кровь с ветром уносится в образовавшийся проём. – Оста...лось немно...го.

Я была готова поклясться, что видела зелень на той стороне, цветы и небо. Уже в полубреду, но приготовилась к ещё одному рывку вверх, как на плечо легла чья-то рука. Я закричала, потеряв опору под ногами. Меня резко рвануло назад, прочь от разлома. Боль ослепила, было ощущение, что мне оторвало руки. Последующее заполнилось агонией и моими воплями, казалось, что это длилось минуты, но я резко пришла в себя при ударе о землю. Тело сгруппировалось, и я перекатилась, защищая голову и шею.

Движение замедлилось, я рухнула на траву спиной и замерла, рассеянно глядела в алое небо, не понимая, что произошло. Сердце билось с невыносимой скоростью, пульс в ушах заглушал свист ветра и далёкие крики. Слышала вопли ужаса, но не могла сесть из-за головокружения. Всё тело вибрировало от стремительно бегущей крови. Рядом рухнула Веста и застонала от боли.

Я повернула голову, боясь шевелить телом или тем, что от него осталось. Мне чудилось, что я по-прежнему чувствую свои руки, но также помнила о понятии фантомных болей, и меня ужасала мысль взглянуть и узнать, во что на самом деле превратилось моё тело.

- Ка...ссия, - захрипела Веста, приподнимаясь на трясущихся руках.

Я недоумённо уставилась на неё. Руки были все в крови, но кожа... цела и на месте. Своими глазами видела, как с её плеч отрывались лоскуты кожи, но сейчас Веста села и сама с удивлением потёрла ладони, размазывая кровь. Кожа под красными разводами была чистой.

- Кассия, - сипло повторила Веста, трясясь всем телом.

Я резко села и осмотрела свои руки. Они были на месте. Кожа, мышцы, ногти... лишь обилие крови напоминало, что произошедшее не было галлюцинацией. Торопливо ощупала шею и лицо, помня, как кусок кожи оторвался от щеки.

Веста разглядывала меня лихорадочным, диким от испуга взглядом, словно боялась, что я вновь распадусь на части. К нам подбежал Микель, он что-то говорил, но я не могла разобрать слов, звуки путались у меня в сознании, но его бледное лицо и лихорадочный взгляд убеждали, что он тоже всё видел. Он ощупал мои руки, потом Весты, проверяя, всё ли хорошо.

Земля вздрогнула, я ощущала себя какой-то заторможенной, запоздало реагируя на тряску. Посмотрела на холм, где ещё недавно стояла. Похоже, Морос оторвал нас от разлома, отбросил назад на метры и сам занял наше место. Два бога и Кай из последних сил рванули вверх. Расщелина с оглушающим треском поддалась и раскрылась сама, открывая новый проход. Гипнос с рёвом ударил ногой по нижней части невидимой стены, та покрылась трещинами и рассыпалась на куски.

Давление восстановилось, ветер умолк, и в полной тишине мы все уставились на открывшуюся картину нового мира. Зелёные поля с синим морем где-то вдалеке, небо казалось более лазурного оттенка, чем в Палагеде или мире людей. Похоже, там был день, а в небе висела одна звезда, согревая своими лучами.

Я думала, что все молчат, но поняла, что временно оглохла, когда в крике искривились черты Гипноса. Кай упал. Он не завалился, а просто рухнул неподалёку от своего измятого щита. У меня продолжало звенеть в голове, Веста шатаясь побежала к холму.

Я попыталась сделать то же самое, но двигалась нерасторопно. Земля под ногами качалась, я несколько раз упала и только затем приняла помощь Микеля. Брат поддержал, помогая встать на нетвёрдых ногах.

Я распрямилась, и многочисленные звуки: пение птиц, шелест травы, крики и плач ударили меня наотмашь. Я оцепенела, глядя, как Веста пытается привести Кая в чувства. Гипнос глядел на лежащего окровавленного сына с широко распахнутыми глазами, словно не узнавал. Даже с лица Мороса сошла вся краска.

Братья-боги изменились. Руки обоих были изрезаны и окровавлены, лица постарели лет на десять, а часть каштановых волос Гипноса и вовсе поседела. Меня и Весту едва не разорвало на куски, а у них будто отобрали силы.

- Нет, - пробормотал парализованный ужасом Гипнос.

Он сказал это тихо, но слово заставило все остальные звуки исчезнуть. Я задыхалась чаще, не в силах оторвать взгляд от Кая, над которым плакала Веста. Она время от времени его трясла, но тот не двигался.

Я побежала. Ноги заплетались и меня качало, но я добралась до Кая и опустилась рядом на колени. Он не дышал, его руки были изрезаны и не зажили, как у нас с Вестой. У меня застучали зубы как от нестерпимого холода. Я ощупывала Кая, ища пульс, приложила ухо к сердцу, но услышала тишину. Хотела бы заплакать или закричать, но горло парализовало так же, как и Гипноса, который невидящим взглядом смотрел на мои тщетные попытки найти признаки, что Кай ещё жив, но их не было.

Набранный в лёгкие воздух душил вместе с криком и рыданиями, не способными вырваться наружу. Я продолжала прикасаться к лицу Кая, сжимала его пальцы, будто существовало что-то, что я упустила.

Он не может...

Кай не может умереть.

Так не бывает.

- Он не мёртв, он не мёртв, - как заведённая забормотала я, шаря глазами по пейзажу в поисках ответа или подсказки, а когда осенило, резко повернулась к Гипносу. - Верни его! Вырви часть Переправы! Ты ведь можешь! Его тело в порядке!

Гипнос сосредоточил своё внимание на мне, приоткрыл рот, но не выдал и звука. Я вся похолодела, он не мог произнести то, что должен.

- Вырви кусок Переправы, как ты сделал со мной!!

- Я не могу, - глухо признался он. - Для этого нужна не только Переправа, но и жизнь за жизнь.

- Возьми мою! - рявкнула я, не понимая, что тут вообще думать.

- Нет, - отрезал Гипнос после мимолётного колебания. - Этого он мне не простит. И я сам себе не прощу.

- Тогда возьми мою, - вытерев оставшиеся слёзы, заявила Веста.

- А твою и вовсе взять не смогу. Такова была наша с ним сделка.

- Какая к хаосу сделка? - ошарашенно пробормотала Веста, укладывая голову Кая к себе на колени.

- Сохранение твоей жизни в обмен на его. Камаэль заставил меня заключить с ним сделку. Твой кошмар в детстве про твою смерть так его напугал, что он потребовал обещание. Я думал, это лишь... глупости... его паранойя, поэтому согласился. Он потребовал, что я спасу твою жизнь ценой его, если потребуется, - словно в бреду пролепетал Гипнос.

- Обмен на мою жизнь? Как ты это позволил?! - закричала Веста, и бог сна вздрогнул, как от удара.

Небо заволочло тучами, Веста вначале оскалилась на отца, а потом гримаса гнева превратилась в отчаяние, и она зарыдала, обнимая своего брата.

- Как ты это п-п-позволил? Как ты м-мог... - обвинила она, пряча заплаканное лицо.

Она выла от горя, а я молчала, потрясённая.

В голове я вопила без остановки, пока голосовые связки безмолвствовали. Ужас сковал, а нарастающая боль в груди казалась невыносимой. Меня будто насадили на копьё, но я никак не могла умереть, раз за разом мучаясь от повторяющегося кошмара. Жмурила глаза, силясь проснуться, а открывая, опять оказывалась в самом жутком сне.

Кай не мог умереть.

Так не бывает.

«Я один, моя любовь и желание уберечь тебя не спасут! Даже стараясь изо всех сил, я не смогу защитить тебя от всего. Я не Гипнос, Кассия, и не вечен! Обязательно настанет время, когда меня не будет рядом в нужный момент!»

От воспоминаний замутило. Кай уверял, что не сможет защищать меня вечно. Но это были не пустые слова. Он знал, говорил, что у нас нет будущего... но не у нас. У него.

- Нам очень жаль, - раздался виноватый голос Клото.

Мы обернулись к подошедшим богиням. В руках Атропос была одна нить, и она обрывалась рваным краем. Она не была обрезана, как по легендам должна заканчиваться жизнь. Эта нить расплелась под конец и была грубо оборвана.

- Ещё несколько минут назад она была длиннее... намного длиннее, - с вытянувшимся от удивленного лицом пробормотала Атропос. Мойры были шокированы не меньше нас и с искренним сожалением взглянули на своих братьев. - Гипнос, нам правда очень жаль. Мы имеем нити твоих детей, но

не можем прочитать их судьбу из-за твоей крови, поэтому не знали... Нити твоего сына и дочери были длинными, а потом укоротилась одна, затем...

Трава вокруг меня начала чернеть, вянуть и обугливаться, опалённая без видимого огня. Я пыталась дышать, сдерживая ощущение отчаяния, но не могла подавить панику. Я захлёбывалась воздухом как водой.

Воздух завибрировал и зазвенел, но уже не из-за меня, а вокруг Гипноса. Белки бога сна гневно засветились, мышцы лица напряглись в гримасе ярости.

- Ни-ка-ко-го ми-ра, - угрожающе, с трудом выговаривая слоги, Гипнос взмахнул рукой, проводя по только что созданному проходу.

Тот захлопнулся.

Раздался гул, словно рухнул железный занавес. Незнакомый пейзаж пропал, оставляя первоначальную трещину, как напоминание о том, что мы открыли. Теперь Гипнос может открывать и закрывать его сколько пожелает.

Но захочет ли?

Нить в руках Атропос пропала.

Угроза не напугала сестёр, их лица выражали скорбь и сочувствие. Обе мойры смиренно сложили руки на груди и пробормотали какие-то молитвы, глядя на Кая. Этот жест вывел Гипноса из себя. Он весь ошетинился, глаза засветились ярче, становясь белыми, когда он оскалился.

- Нет! Вы не поняли. Никакого больше мира. Никаких проходов и никакой Переправы. Имея - теряешь. Лучше не иметь, - эхо голоса Гипноса отдавалось со всех сторон, будто мы в огромном замкнутом пространстве.

Кожа бога сна посветлела почти до неестественной серости, глаза не просто засветились, а стали дымиться. Знакомые черты исказились, превращая Руфуса в кого-то чужого. Дикого, одинокого, мрачного. Лишённого присущих нам эмоций.

- Лучше не иметь, - себе под нос повторил Гипнос глубоким, чужим голосом.

Он смотрел на нас, не узнавая. Переправа чернела. Трава, цветы, деревья, небо, закат и дом вдалеке. Всё сохраняло свои формы, но теряло цвет, становясь серым и чёрным, как если бы пейзаж забыли раскрасить.

Пролетающая мимо стайка птиц испуганно чирикнула, а следом мёртвые тушки попадали на чёрную траву и рассыпались пеплом. Веста с ужасом смотрела, как дом вдалеке идёт трещинами и разваливается на куски. Деревья трещали, стора изнутри без видимого огня за мгновения, а затем рассыпались углями.

Потери. Новые потери лишат Гипноса души.

- Гипнос! Остановись! - хрипло закричал Морос на брата, но тот напоминал гневную статую бога, и я бы не удивилась, начни он превращаться в камень.

Гипнос даже не дышал, его грудь не поднималась и не опадала, он перестал притворяться одним из нас. Воздух никогда не был ему жизненно необходим.

«Никакого больше мира. Никаких проходов и никакой Переправы».

Я заплакала, ощущая боль Гипноса и его гнев. Рядом со мной скрутило Весту. Мы – связанные с Переправой – слышали, как она вопит. Это походило на горе, испытанное на территории Фантаса, но там с каждой выплаканной слезой становилось легче, сейчас же давление нарастало, а отчаяние накрывало волной.

Горло сдавило от страха, но вместе с тем я ощутила облегчение, что мне не придётся решать, как жить дальше без Кая. Потому что жизни дальше не будет.

Мы все оцепенели, когда заходящее солнце взорвалось. Я приготовилась к удару и боли, которая должна была привести к концу. Морос закричал, вскинув руку, и яркий взрыв застыл на середине, замедлился, будто ему удалось задержать время. Микель схватил покорёженный щит Кая, вогнал его в землю, закрывая меня, Весту и Кая.

Микель закричал, но выдержал ударную волну воздуха. Я зажмурилась от попавшего в глаза песка. Мойры упали, не устояв под порывом ветра. Остались стоять только братья-боги. Морос не успел задержать первую волну, но ему удалось притормозить губительный взрыв. Звезда у нас на глазах медленно распадалась на осколки, те плавно разлетались, направляясь к нам.

– Пророчество Морфея и Весты! – закричала я. – Что там было?! Танатос говорил о спасении! Значит, есть способ!

– Есть, – сквозь зубы прохрипел Морос и ударил Гипноса кулаком в челюсть.

Тот пошатнулся, и напряжение, гудящее в воздухе, немного спало, но взрыв продолжал медленно шириться.

– Верни солнце, Гипнос! Нам рано умирать, – властно потребовал Морос. Глаза его брата по-прежнему светились каким-то мёртвым, бледным светом, но на лице на мгновение появилось недоумение.

– Гипнос! – позвала я.

Он повернул ко мне лицо, но наклонил голову, словно не понимал услышанного.

– Сделка, – хрипло напомнил Морос мойрам, а его рука, напряжённо направленная в сторону распадающейся на куски звезды, задрожала от напряжения. Он схватился за живот, по лицу время от времени проходила волна болезненного спазма. – Верните его сына!

– Мы не можем вернуть мёртвого... – начала Клото.

– Не можете вернуть смертного! – перебил Морос. – Камаэль полубог! Я знаю, что вы способны сплести новую нить. Вы делали это для тебя, Атропос, и для Эфира! Он был вашим любимым братом, и вы сплели ему нить жизни из своих волос!

Атропос распрямила плечи, Клото бросила затравленный взгляд на Гипноса.

– Волосы той, что плетёт. Волосы той, что режет. Волосы той, что судьбу ведёт! – упрямо повторил Морос знакомое пророчество, поглядывая на ширящийся взрыв.

Я нахмурилась.

Нет, не так..

Морос натянуто прохрипел, на его губах появилась кровь. Струйкой стекала изо рта по подбородку, но Морос не обращал внимания, продолжая смотреть на мойр.

– Приди в себя, Гипнос! Они вернут твоего сына, обещаю, – заверил он.

Бог сна несколько раз моргнул, как если бы расслышал что-то знакомое. Мир вокруг исчезал, я разглядела знакомые пятна, там, где ещё недавно были облака или цветы. Они походили на открывающуюся изнанку, но было ощущение, что это нечто хуже. Полное исчезновение, стирание самой Переправы.

– Атропос и Эфир – боги с чистой кровью! У них не было нитей с рождения, поэтому сплетённую нить они проглатывали и оживали. Нить растворялась, возвращая им жизнь, – торопливо объяснила Клото, нервно потирая пальцы. – У Камаэля уже есть нить, и мы не можем сплести новую.

– Так доплетите старую! – непреклонно рявкнул Морос.

– Мы не можем. Это вмешательство, – сдавленно ответила Клото.

– Да плевать я хотел! Вы не откажете мне! Это будет наша сделка. Свою часть я выполнил.

– Мы не можем, потому что вы убили Лакесис, – не реагируя на угрозы, ответила Атропос. – Нить плетётся из волос трёх сестёр. Нельзя взять только наши. Ничего не получится.

На лице Мороса отразилась неуверенность. Мойры ответили ему искренним сочувствием.

Нет.

Было что-то ещё.

– Раз ты требуешь это в качестве платы за сделку, то мы не откажем и попробуем доплести нить, однако мы просто не можем этого сделать без Лакесис, – совсем тихо повторила Клото.

Это стало приговором, лицо Мороса отражало потрясение и растерянность, как и бегающий взгляд.

- Кошмар Весты! - я вскочила на ноги, подходя ближе к богам. - У неё было что-то другое про волосы! Что там было?

- Не помню. Мы с Гипносом посмотрели её кошмары лишь раз, остальные я уничтожил, - ответил Морос, а небо стало ярче от приближающегося взрыва.

Я подошла к Гипносу и отвесила ему пощёчину. Его лицо едва дёрнулось от слабого удара, моя же ладонь заныла от боли. Я будто ударила камень. Светящиеся глаза обезумевшего бога опустились к моему лицу, и на мгновение я подумала, что сейчас он сожжёт меня в своём чёрном огне, и я распадусь на пепел за свою дерзость. Но мне было плевать: судя по всему, до смерти нам всем и так недолго осталось.

- Ты нам нужен! - напомнила я, дрожа от подкатывающих слёз и отчаяния. - Ты нужен Весте и Каю! Соберись и скажи её пророчество! Что там было про волосы?

Гипнос промолчал, даже не пытаясь моргнуть.

Я отвесила ему вторую пощёчину. Запястье прострелила боль, и я зашипела. Бог сна один раз лениво моргнул.

- Напряги память. Пожалуйста, - я не могла больше кричать. Меня знобило от боли во всём теле и мыслей о Кае. - Что Веста говорила про волосы?

Бог сна ещё раз моргнул и мучительно медленно открыл рот, будто его лицо и челюсть окаменели.

- Волосы той, что плетёт. Волосы.. той, что режет. Волосы той, что не существует.

Медленно с пугающим эхом проговорил он, и мы обернулись к мойрам.

Волосы той, что плетёт. Волосы той, что режет. Волосы той, что не существует.

- Кто это?

- Это может быть кто угодно, - ответила растерянная Атропос.

- Это можешь быть ты, - неожиданно заявила Клото, подняв на меня глаза.

КАССИЯ

– Это можешь быть ты, – увереннее повторила Клото, хватая Атропос за руку, чтобы та взглянула на неё. – У Кассии нет нити жизни. Её не существует.

– Да, но...

– Плетите! – приказал Морос, прервав сомнения Атропос.

– Ты не понимаешь! – порывисто возразила старшая мойра. – Может, он и оживёт, но мы не знаем последствий. Мы никогда не использовали чужие волосы. Что-то может пойти не так.

– Разберёмся, когда Камаэль вернётся! Это моё условие сделки. Плетите, или умрём мы все.

Я создала кинжал в руке, не раздумывая скрутила свои волосы и срезала одним движением, едва не задев кожу на затылке. Шею обдало прохладой. Мойры срезали свои локоны аккуратнее. Мне было приказано держать наши волосы на вытянутых руках, что я покорно и сделала. Младшая из мойр встала напротив сестры, пока старшая держала оборванную нить Кая в руках.

Клото взмахнула руками и принялась стремительно перебирать пальцами в воздухе, напряжённо глядя на нить в руках Атропос. Я не отрываясь следила за происходящим, даже позабыв о взорвавшемся солнце, свет которого становился всё ярче, замедленно приближаясь. На очаровательном лице Клото выступили бисеринки пота, но она продолжала трудиться, а наши волосы по одной волосинке сплетались вместе. Они начинали светиться и опоясывать нить Кая. Сперва ничего не происходило, сколько бы Клото ни плела, нить самого Кая не становилась длиннее. Наши соединённые вместе волосы просто исчезали в ней, а затем что-то изменилось, и нить Кая начала удлиняться. Я позволила себе моргнуть, а потом заплакать.

Веста позади вскрикнула и разрыдалась в голос.

– Он дышит. Кай дышит! – заверил Микель.

Мойры не обратили внимания, трудясь. Кай по-прежнему лежал, поддерживаемый Вестой, но я видела, как дёрнулась его рука, и мне пришлось закусить губы, чтобы не рассмеяться от облегчения.

Волос в моих руках становилось всё меньше, взрыв всё ближе, хотя Морос продолжал уговаривать Гипноса, что всё в порядке, но никак не мог до него достучаться. Я лишилась дара речи, когда Клото закончила. Она уверенно кивнула, но на меня смотрела не та молодая девушка, а женщина средних лет. На месте Атропос, сторбившись, стояла старуха.

– Подобное требует жертв, но это временно. Постепенно мы начнём молодеть и, может, лет через сто вернёмся к прошлым образам, – старческим голосом объяснила Атропос, заметив мой шокированный взгляд. После она осмотрела

свои руки и, к моему недоумению, облегчённо вздохнула. – Хоть конечностей не лишились за вмешательство. Благо кровь брата в нём течёт.

Я невольно посмотрела на руки Клото, у той всё так же мизинец и безымянный палец на одной руке состояли из света, но новых последствий, помимо изменившейся внешности, я не заметила.

Клото поддержала сестру, которая, немного усохнув, стала ниже ростом. Морщинистые руки Атропос бесконтрольно тряслись, она недовольно цокнула языком, показывая мне нить Кая, тыча ей буквально под нос. На месте сращения с нашими волосами образовался узел.

– Что-то не так, – проворчала Атропос, ткнув мне в плечо крючковатым пальцем. – Я предупреждала. Что-то точно будет не так.

– Отец, что за дерьмо ты творишь?

Все умолкли от вопроса Кая. Его голос прозвучал слабо и сипло, как у человека, очнувшегося после длительного сна. Гнев Гипноса сошёл, он часто заморгал своими светящимися глазами, лицо приобрело более живое выражение, и он повернулся к сыну.

Кай, поддерживаемый Вестой, с трудом принял сидячее положение. Губы бледные, как и остальная кожа, но он был жив, и я задержала дыхание, боясь, что это всё иллюзия.

– Скажи своему отцу, чтобы вернул солнце и Переправу к первоначальному виду, ещё пара минут – и я перестану всё удерживать, – прохрипел Морос, кровь опять закапала с губ, его вытянутая рука вибрировала не переставая, словно удерживаемое давление вот-вот готово смести его и всех нас.

Кай растерянно осмотрел взорванное солнце. Серо-чёрный пейзаж, сожжённый дотла, разрушенный дом.

– Что ты сотворил? – строже выдал Кай в сторону отца, аккуратно поднимаясь на ноги. Его руки по-прежнему были в крови, хотя раны наконец зажили. – Какого хаоса ты довёл Весту до слёз?! Верни всё как было, отец! – приказным тоном родителя потребовал Кай.

Гипнос снова моргнул, и его глаза потухли, становясь привычно голубыми.

– Камаэль? Ты..

– Исправляй! – хлёстко бросил Кай, взмахом указав на взорванное солнце.

Гипнос обернулся, с откровенным недоумением уставился на происходящее. Он поднял обе руки вверх, и время пошло вспять. Вначале медленно, будто нехотя, но потом быстрее и быстрее. Шумно выдохнув, Морос опустил руку и рухнул на колени, устало утыкаясь лбом в чёрную траву.

Гипнос собрал закатное солнце в единое целое, деревья вновь поднялись из трухи, обросли листьями и раскинули ветви. Дом вдалеке собрался из развалин в обратном порядке, а в самом конце мир медленно приобрёл знакомые краски. Цвет красных маков показался мне таким насыщенным, что

заслезились глаза. Только выжженная моим отчаянием трава осталась тёмной, но после взрыва звезды на это никто не обратил внимания.

– Что здесь происходит? – раздался вопрос Кая. Он продолжал озираться вокруг, прижимая к себе рыдающую Весту.

Выругавшись, он хмуро осмотрел её руки и стёр кровавые разводы. Оцепеневшая, я не сходила с места. Никто из нас не шевелился, кроме Кая, который явно не понимал, что произошло. Затем его взгляд остановился на мне.

Он разглядывал так пристально, как если бы видел впервые. Он осмотрел меня с ног до головы несколько раз, а его выражение лица становилось всё более изумлённым. Кай даже не заметил, как Веста перестала плакать.

– Кассиопея?

Я не нашлась с ответом, тогда Кай повернулся к отцу.

– Это же она. Это Кассиопея! Что произошло? Ты сказал, что она умерла.

Я умерла?

Теперь уже дар речи потеряли все остальные, а Морос поднял голову.

– Говорила я, что что-то не так. Узел там! Хотя не должен, – ворча напомнила Атропос. – Мы своё выполнили. Сына тебе вернули, Гипнос. Ты пропустишь наш народ в новый мир?

– Пропущу, – после длительной заминки ответил Гипнос. – У вас будет новый дом.

– Что значит «вернули»? – встрял Кай.

– Ты умер, – не пытаясь сгладить новость, отозвался Морос, он выглядел довольным, но до смерти усталым. – Твоя треклятая сделка с отцом. Ты добился своего и умер.

Эта новость не огорчила Кая и даже не особо удивила. С лица сошла тревога, он потрепал Весту по волосам, внимательно её разглядывая, и потёр своё запястье, с которого пропала старая метка.

– Что ты наделал, Камаэль? – спросила Веста, от слёз у неё охрип голос. – Какую сделку ты заключил с отцом?

Она смотрела на брата со смесью проходящего испуга и усталого облегчения.

– Мне было восемь, когда ты впервые увидела свой кошмар, – начал рассказывать Кай. В основном он говорил всё Весте, изредка поднимая взгляд на нас, а при виде меня на его лице каждый раз появлялось недоумение, и я стояла на месте, не в силах избавиться от отвратительного предчувствия. – Ты кричала и плакала, повторяя, что умрёшь следом за Пасифеей. И меня напугали твои слова, потому что Пасифея умерла много

сотен лет назад. Ты бродила во сне, а я никак не мог тебя разбудить. Отца в то время рядом не было.

«Однажды в детстве я нашёл её такую спустя часы. Она к тому моменту ноги в кровь стоптала, шаркая по жёсткому ковру».

– Потом кошмары мучили тебя почти каждую ночь. Тогда ты уже повелевала территориями Морфея, и отец проверил тебя на способность к видениям, но пришёл к выводу, что ты не способна видеть их во снах. Для прорицания тебе самой надо испить из кубка Морфея. Он решил, что увиденное – последствие жизни на Переправе и не более чем кошмары. Морос забрал воспоминания, и тебе стало легче, – объяснил Кай, сжимая трясущиеся руки Весты. – Но спустя время кошмар вернулся, и Морос опять его забрал. Так из года в год. Когда мне было двенадцать, была одна из худших ночей. Ты вопила, не просыпаясь и повторяя то же самое про себя и Пасифею. Отец вновь оправдал всё кошмарами, но я не поверил. Ни одно из его объяснений меня не удовлетворило, и я потребовал сделку, что он спасёт тебя или обменяет мою жизнь на твою, если не сумеет уберечь.

«Камаэль с детства такой, помешанный на защите. Не знаю, что его травмировало, но он буквально вынудил меня научиться обращению с мечом. Я оружие не люблю, а он годами не отставал, шантажируя всем подряд, лишь бы заставить заниматься. Может, напугало его что?»

Он таким стал лет в двенадцать. Неожиданно принялся опекать меня...»

– Как ты мог на такое согласиться? – ошарашенно обратилась Веста к Гипносу.

Тот был всё так же бледен, седые пряди никуда не исчезли. Тревоги высосали из него ещё несколько лет жизни.

– Камаэль был напуган и упрям даже в том возрасте, – оправдался Гипнос. – Я сопротивлялся этой сделке неделями, но он никак не успокаивался, твердя, что это не кошмар, а прорицание. Я согласился на сделку, уверенный, что это никогда не произойдёт. Просто хотел его успокоить.

Гипнос шатаясь подошёл ближе и порывисто обнял Весту и Кая, жадно прижимая своих детей к себе, как самое драгоценное, что у него есть. Обескураженное выражение лица Кая сменилось обеспокоенным. Я сама никогда не видела, чтобы Гипнос в открытую проявлял столько чувств. Веста уткнулась отцу в плечо, что-то недовольно бормоча. Кай немного расслабился и устало выдохнул, похлопывая Гипноса по спине, словно из них двоих ребёнок именно он.

Морос говорил правду, Гипнос безмерно любит своих детей, и потеря одного едва не свела его с ума. Если бы не Морос, нас бы не стало.

Я смотрела на них, ощущая себя чужой, на самом деле не принадлежащей их семье. У меня были отрывки воспоминаний с ними из детства, но я не имела тех крепких нитей связи, что образовалась у них. Я годами не делила тревоги, которые их мучили, не знала секретов, что они скрывали. Не была кровной частью их семьи и ощутила это как никогда отчётливо.

Взгляд Кая снова замер на мне, и он первый отстранился от объятий отца и сестры.

– А теперь расскажите, что произошло с Кассиопеей и какого хаоса ты, отец, наврал, что она умерла? – недовольно напомнил Кай, а на меня смотрел обвиняюще, будто я скрывала от него правду, будучи в стоворе с Гипносом.

Кассиопея.

– Какой сейчас месяц, Камаэль? – спросил Морос, когда все остальные умолкли.

– Май.

Неверно.

– Какой сейчас год? – подхватив сомнения Мороса, уточнила Атропос.

Кай перевёл на неё вопросительный взгляд, не узнавая.

– Вы кто?

– Мы мойры. Я Атропос, а это моя сестра Клото. Мы те, кто вернули тебе жизнь, доплетя твою нить, – не смутившись, ответила старшая мойра. – Так какой сейчас год?

– 2031 год после объединения.

Неверно.

Веста тихо ахнула, прижав ладонь ко рту. Клото расстроено качнула головой, пока Атропос разочарованно цокнула языком. Я же никак не отреагировала, парализованная его ответом. Микель посмотрел на меня с сочувствием.

Май 2031 года. Больше года своей жизни Кай не помнит.

Наша встреча, когда я ещё была человеком. Раскрытие моей личности. Смерть Сирши. Травма Иво. Мои с Каем отношения. Смерь Элиона...

Ничего из этого для него не произошло.

– Какой год сейчас на самом деле? – голос Кая дрогнул, хотя он старался выглядеть спокойным.

– 2032 год после объединения, – хмуро ответил Морос.

– А я говорила. Узел, – напомнила Атропос, вновь болезненно ткнув меня пальцем в плечо.

КАССИЯ

Понимая, что решение проблемы потребует времени, Гипнос выпустил мойр и Микеля обратно в Даорию. Брат попытался напоследок меня утешить или обсудить произошедшее, но я почти не слышала слов и отвечала сбивчиво, забывая о сказанном через мгновения.

Тяжесть произошедшего давила, лишая возможности думать. Я могла сосредоточиться только на позитивной мысли, что Кай жив. Продолжала себе напоминать о необходимости дышать, когда лёгкие замирали в неконтролируемом спазме. В чувство приводило болезненное жжение в груди, и я торопливо выпускала задержанный воздух.

- Всё будет хорошо, - заверил меня Морос, подойдя ближе. - Вполне возможно, что последствия временные.

Я осталась одна в стороне, в то время как Гипнос и Веста пытались выяснить детали последних воспоминаний Кая. Старалась не глазеть на него в ужасе, но ловила каждый удивлённый взгляд, пока Кай слушал отца и сестру.

Я подавила желание подойти ближе и обнять его. Прикоснуться и удостовериться, что он действительно живой и настоящий. Сжала пальцы в кулак, спрятав его за спиной. Сдавила до боли, напомнив себе, какие отношения у нас были в детстве, и объятия лишь собьют Кая с толку.

- Да, - на выдохе протянула я. - Он жив, и это самое главное.

Морос удовлетворённо кивнул и приобнял меня за плечи. Оказавшись прижатой к тёплому боку, я ощутила, что моё тело трясётся то ли от холода, то ли от пережитого шока.

- Пойдёмте в дом, - громко предложил Гипнос. - Думаю, мы все проголодались и нужно о многом поговорить.

Неожиданно Кай закашлял, прикрывая рот рукой, на губах остались кровавые разводы после того, как он сплюнул красную слюну.

- Ты был отравлен металлом, - торопливо объяснила Веста в ответ на изумлённый взгляд Кая.

Его брови поднялись выше, а на лице отчётливо читался вопрос: «Какое ещё дерьмо вы забыли упомянуть?»

- Тебе было лучше. Настойка из асфоделуса помогла, но, похоже, состояние немного ухудшилось. Пойдём в дом, там лекарства. Тебе стоит отдохнуть. -

Веста заботливо обняла Кая, в приглашающем жесте махнула нам с Моросом и повела брата в дом.

Кай растерянно обернулся на меня, но отвлекся на вопрос Гипноса, который шёл с другой стороны.

Я не двинулась с места, забыв, как ходить. Какие мышцы тела задействовать, чтобы заставить ноги шевелиться. Кажется, парализовало даже моё лицо в какой-то неясной смеси растерянности и шока. Я медленно моргнула, Морос дёрнул меня вперёд, продолжая прижимать к себе, и на деревянных ногах я всё-таки пошла с ним.

Солнце полностью скрылось, трава привычно засияла, освещая ночь, но я озиралась вокруг, не способная узнать местность и унять испуганное сердце. Мне казалось, что я заблудилась.

В доме Веста повела Кая в его спальню ради лекарства, а мы расселись на кухне на высоких стульях вокруг кухонного островка, на котором Веста обычно готовила. Гипнос молча создал бутылку с янтарным алкоголем, разлил на три стакана. Кажется, виски. Бог сна достаточно прожил, чтобы знать, как создать качественный алкоголь с отменным вкусом, но, залпом проглотив свою порцию, я не ощутила ничего. Судя по усталым лицам богов-братьев, они тоже. Им пришлось выпить трижды, чтобы взгляды стали чуть более живыми и они перестали слепо тарашиться в столешницу. Я выпила две порции и отказалась от третьей, чувствуя лишь тошноту.

– Я оставила Камаэля помыться, – сказала Веста, заходя на кухню. – Настойка из асфоделуса поможет. Он не пропил весь курс, вот и появилось ухудшение из-за перенапряжения.

Она отчиталась, не дожидаясь наших расспросов, хотя могла убеждать скорее себя, чем нас. Веста подошла к полкам и принялась доставать тарелки. Она сама выглядела не лучше: подранное чёрное платье, спутанные волосы, не до конца смытая с рук кровь, распухшее лицо и покрасневшие глаза. Однако Веста с упрямством начала готовиться к ужину. Самое привычное и обыденное занятие, помогающее ей удержаться в реальности.

Я налила ей виски и передала Гипносу, который отдал напиток дочери. Она замешкалась, с недоверием глядя на предложенное, а следом опустошила за один глоток.

– Мать мрака, какая же дрянь! – выругалась Веста, кривясь от привкуса.

Реакция практически не пьющей Весты хоть немного развеяла гнетущую атмосферу. Гипнос и Морос вяло улыбнулись. Веста продолжила в одиночестве громыхать тарелками и столовыми приборами. Потом она всучила всё Гипносу, и тот безропотно принялся сервировать стол.

Процесс длился не меньше пяти минут. Только звон посуды, шаги и шуршание ткани. Когда всё было разложено, Веста создала маковый пирог и горячий чай, а сок и воду просто достала из холодильника.

– Что будем делать? – задал опасный вопрос Морос. Стол был готов, и Весте пришлось уgomониться, сев на своё место.

– Поможем Даории, придётся постоянно контролировать процесс перехода, – сказал Гипнос, и все повернулись к нему, хотя было ясно, что Морос спрашивал не об этом. Скорее всего, Гипнос это тоже знал, но намеренно увёл в другое русло. – Они не сумеют построить города и инфраструктуру в нужном объёме за десять лет. Я почти уверен, что они попытаются нанять людей для этой работы, а значит, Переправа будет принимать огромное количество как даориев, так и людей.

– Я могу помочь, – пробормотала я, с трудом разлепив пересохшие губы. – С помощью наручей Фантаса сделаю реальным то, что необходимо. Не дома. Вряд ли я смогу создать устойчивые и качественные жилые конструкции. Лучше не рисковать. Но проложить дороги и каналы.. что-то такое, наверное, мне по силам.

Братья одобрительно кивнули. Наручи принадлежат мне. Судя по всему, их сорвало с рук Весты, когда Морос отбросил нас от трещины подальше. Но они не пропали, а вернулись ко мне. Чтобы убедить остальных, я вытянула руку, и атрибуты Фантаса оказались прямо на руках. Сжав пальцы, заставила их вновь исчезнуть.

– Завтра мы с Моросом осмотрим открытый мир. Кас, ты вернёшься домой, чтобы рассказать Майрону и архонтам о Даории и о нашем новом плане. Стоит подготовить мирное соглашение, чтобы избежать конфликтов в будущем, – раздавал указания Гипнос. – А ты, Веста, продолжишь заботиться о Камаэле. Неизвестно, восстановится ли его память, и если нет, то нам необходимо подготовить его к дурным новостям.

Бог сна устало потёр лицо руками. Я с беспокойством разглядывала его состарившийся образ.

– Это пройдёт, – заверил Морос, заметив мою тревогу. – Открытие мира забрало у него много сил. Может, лет двадцать он будет немного дряхлым и потрёпанным, но это только внешне.

– Кто это дряхлый? – возмутился Гипнос.

– У тебя седина в волосах, брат. Я не видел тебя таким с момента рождения Фобетора. Помнишь, как Пасифея сообщила, что его утащили эринии? – хохотнул Морос. – Они забрали его младенцем, потому что чувствовали связь с кошмарами, но Гипнос тогда не знал этого и решил, что они собрались его сожрать. Вот именно такое у него лицо было, когда он прибежал спасать сына, а там керы с эриниями грызутся, как дикие кошки, между собой, чтобы понянчить младенца Фобетора.

Морос хохотнул громче и ударил себя ладонью по колену. Лицо Гипноса вначале вытянулось, но следом он фыркнул и натянуто рассмеялся. Мы с Вестой тоже улыбнулись, несмотря на груз предстоящих проблем. Никто не притронулся к румяному пирогу с маком, дожидаясь прихода Кая.

– Веста, не говори ему обо мне, – тихо попросила я, невольно обдумывая будущие планы. – Не говори, что мы встречались.

Все умолкли, повернувшись ко мне. Вопрос во взгляде Весты сменился грустью, но она понимающе кивнула.

– Как не встречались, вы же... – не понял Гипнос, и я остановила его взмахом руки.

– Я про наши отношения. Прошу не рассказывать Каю о том, что мы влюбились друг в друга за этот период.

Гипнос раскрыл рот, его взгляд заметался от меня к Весте и обратно. С губ сорвался смешок, когда на лице бога сна за мгновение сменился калейдоскоп эмоций.

– Прошу не говорить об этом лишь пока. Мне предстоит стать архонтом, а я по-прежнему сомневаюсь в прочности своего положения. Кай будет постоянно пытаться меня защитить, начнёт бездумно подставлять себя, а я не могу позволить этого, после того как мы его почти потеряли, – глядя в пустую тарелку перед собой, объяснила я. Голова как ватная, и я была не совсем уверена в том, что говорю. По крайней мере, знала, что слова и мысль были правильными, но и ненавистными моей душе.

«Лучшее, что я могу, – это дать тебе свободу, чтобы ты смогла выбрать путь, где кто-то другой обеспечит тебе необходимую защиту!»

Кай уже попытался меня отпустить, однако наступила моя очередь дать ему большую защиту, отпустив его. Сейчас все его воспоминания только обо мне маленькой. Может, тогда он правда испытывал привязанность и ношу ответственности. Потом, встретив человеком спустя годы, Кай меня не узнал, что помогло нам сблизиться без тяготившего прошлого. Там родились влечение и желание. А с открытием моей истинной личности все эти эмоции соединились в глубокую и разрывающую нас на части любовь.

Я достаточно узнала о его уровне самоотверженности. Он заключил сделку на свою жизнь с отцом, основываясь на неопределённом страхе, лишь бы спасти сестру. Я не собираюсь позволять ему так же рисковать ради меня.

– Теперь я для него не более чем потерянный ребёнок. Он не видит во мне Кассию, которую полюбил. Сейчас он меня даже не знает, – с горечью поделилась я. – Каю и так предстоит узнать слишком много, поэтому я расскажу ему всё сама. Может, через пару лет, когда буду готова, а моё положение архонта станет устойчивым.

– Если ты этого хочешь, – безрадостно отозвался Гипнос.

Не хочу.

Я не могла озвучить искренний ответ, поэтому сжала губы и отрывисто кивнула.

Никто из нас не желал врать Каю, поэтому из нашей с ним истории мы вырежем только взаимные чувства друг к другу. Остальное сохраним, даже то, что мы познакомились в Санкт-Данаме. Мы также условились временно не рассказывать ему про Элиона, хотя знали, что правду удастся отсрочить не более чем на пару дней.

Кай спустился, и на кухне повисла тишина. В отличие от нас он помылся, стёр всю грязь и кровь, переоделся в чистые одежды, а влажные волосы блестели, когда он убрал их назад в подобие знакомой причёски.

Пирог был разрезан, чай разлит по чашкам, и я с небывалым аппетитом набросилась на еду. Гипнос и Морос набивали желудки с не меньшим усердием, оставив Весте право рассказать Каю о произошедшем сегодня. Она решила начать с ситуации в Даории и с открытия нового мира, чтобы подробнее объяснить Каю его смерть.

Тот внимательно слушал, время от времени окидывая отца и Мороса недовольным взглядом. Те забивали рты если не пирогом, то виски или чаем, явно избегая любых вопросов или необходимости говорить. На меня же Кай смотрел с прежним недоумением, его внимание раз за разом возвращалось к моему лицу, а я стыдливо тарасилась в тарелку, не желая, чтобы он видел меня такой. Потерянной, уязвимой, с не смытой кровью и уродливо обрезанными волосами. Я старалась не трогать затылок, чтобы не вспоминать, насколько коротко и неровно там всё обрезано.

Я выскользнула из-за стола первой, говоря, что хотела бы помыться. Так сбежала от внимания Кая и ощущения собственной бесполезности, будучи не в силах ему чем-либо помочь.

Помылась я торопливо, нервно соскребая грязь и кровь. Плакать себе запрещала. У нас всё получилось. У Даории будет новый мир, а у Кая жизнь. Переправа в порядке, и, кажется, пророчества Танатоса про потерю души Гипноса тоже удалось избежать.

– У нас всё получилось, – упрямо напомнила я себе, злясь на собственное сердце, которое билось о рёбра в страхе.

Кай старался быть сильным ради меня. Теперь я хочу его защитить. Я стану архонтом, обрету достаточно влияния и знаний, чтобы остальные Дома со мной считались. Укреплю позиции Дома Раздора, а спустя годы передам венец архонта Хлое и стану свободной.

Моя жизнь уже не нужна ни царям, ни мойрам – они получили свой выход из ситуации, и дружба со мной, наоборот, поможет Даории. Передав правление Хлое, я перестану интересоваться других архонтов. Вновь начну распоряжаться своей жизнью и вернусь к Каю. К Весте и Гипносу. Смогу жить на Переправе и следить за землями Фантаса.

Переодевшись в чистое платье, я замерла перед зеркалом. На голове был кошмар. Передние пряди до подбородка, тогда как на затылке до неприличия короткие. Я увереннее взяла ножницы, повторяя в голове рождающийся план.

Через несколько месяцев Хлое исполнится семнадцать. Мне нужно продержаться три года до её двадцатилетия.

После смогу всё рассказать Каю.

Я принялась срезать длинные пряди, создавая короткую причёску. Сложнее, чем обрезать каре, но сейчас что ни сделай – всё будет неровным, поэтому я просто попыталась придать волосам не настолько безумную форму.

Три года. Как треклятая вечность.

Но я сумею.

Три года ничто по сравнению с ужасом потерять его навсегда. Это я уже испытала и больше ошибку не повторю. Я до боли стискивала зубы, пока трясущаяся рука отрезала пряди. Я злилась и боялась, но не позволяла себе отчаиваться.

«Твоя усиливающая эмоция – отчаяние. Это неплохо. Всё, что тебе нужно, это не отчаиваться».

Кай говорил об этом с улыбкой.

Значит, никакого отчаяния.

– Почему ты раньше не рассказала, что влюблена в моего сына?

Я не обернулась на голос Гипноса, продолжая сидеть на полу подвала, сложив ноги под себя и разглядывая найденный портрет Пасифеи. Красивая картина, но ей бы не помешала реставрация. К несчастью, художник плохо передал красоту хариты. Вживую она была грациознее, изящнее и очаровательнее. Ему только хорошо дались ярко-жёлтые глаза и развевающиеся белые волосы, которые из-за старости картины местами пожелтели.

– А ты почему раньше не рассказал, что Илира копия Пасифеи, и ты влюбился в неё, тоскуя по своей жене? – справедливо парировала я.

Гипнос не оскорбился, а сел рядом напротив портрета.

Веста была права, и в подвале Гипнос хранил многочисленные произведения искусства, а ещё какие-то памятные детские игрушки. Я побоялась в них рыться, не желая искушать себя гаданиями, что из этого принадлежало Как и есть ли здесь что-то, принадлежащее мне.

– Я – Гипнос. Бог безмолвного сна, бесчувственный Привратник и хранитель Переправы, – с безрадостным смешком перечислил он свои заслуги. – Я прожил тысячи лет, а тоска стала частью меня. Однако оказалось, кое-что я не способен отпустить, как бы ни пытался.

– Ты узнал, что это именно Мелай перестал принимать травы, из-за чего Илира забеременела, верно? Беременность и моё рождение лишили её шанса на жизнь, а вас – на возможность быть вместе в будущем.

Гипнос кивнул, но на лице не дрогнул ни один мускул, словно он наконец смирился с этой болью.

- Ты почувствовал себя лучше, отомстив мойрам и избавившись от Мелая?

- Ненадолго, - признался Гипнос. - А следом всё стало как раньше, потому что месть не вернула мне ни жену, ни Илиру.

- Ты действительно думал, что Веста видела кошмар, а не предвидение?

- Да, - коротко выдал Гипнос, напряжённо сжав челюсти. - Потому что Веста не может видеть пророчества в снах, я проверил. Только при помощи кубка.

- Мне кажется, у них с Морфеем было одно и то же видение. Может, Веста видела не собственное прорицание, а его, так как они связаны общей силой? - начала рассуждать я. Хотелось высказаться, чтобы закрыть все оставшиеся вопросы. - Скорее всего, в прорицании они видели мою смерть. Морфей спутал меня с Пасифеей из-за схожих лиц, Веста, вероятно, тоже, я к тому моменту даже не родилась или она просто повторяла мысли Морфея. Потом она говорила о своей смерти, а Морфей о своей, но по сути они одно целое.

Гипнос медленно кивал, изредка прикрывая глаза.

- Первая часть прорицания была схожая, а вторая разная. Наверное, из-за моего рождения оно изменилось у Весты, а Танатос хранил старую версию Морфея. Моё рождение привело к смерти Лахесис. Если бы я не родилась, а Илира выжила, вы с Моросом вряд ли бы дошли до убийства одной из мойр.

- Мойрам мы мстили за смерть Танатоса и моей семьи, - поправил Гипнос, но затем пожал плечами. - Но, возможно, ты права. Ситуация с Илирой стала последней каплей. Мойры пытались манипулировать Палагедой и Домом Раздора, а это наши подданные.

Я не ответила, лишь наклонила голову, продолжая разглядывать нарисованную Пасифею. Стало немного легче, будто ещё одна загадка разрешилась.

- Завтра я возвращаюсь жить в Пелесе, - прервала я повисшую тишину.

- Но Переправа всегда будет твоим домом, Кас. Я, Веста, Камаэль и Морос - члены твоей семьи, а одна из спален всегда будет принадлежать тебе.

В носу защипало, но я торопливо заморгала, избавляясь от жжения. Решила больше не плакать, но невольно сторбилась, когда ладонь Гипноса прошла по моим коротким волосам. Он успокаивающе помассировал мою шею, и я судорожно выдохнула.

- Они отрастут.

- Я люблю тебя, Руфус.

Его рука замерла, и Гипнос улыбнулся. Из его глаз наконец пропали тени, и он стал больше похож на самого себя.

- А я тебя, мой маленький Фантас.

Я ощутила, как всё лицо и уши стали горячими, поэтому торопливо встала, боясь разрыдаться и передумать.

- Мне нужно попрощаться с Вестой и Каем.

Гипнос кивнул, провожая с той же довольной улыбкой. Я не стала выключать свет, оставляя бога сна перед портретом его умершей жены. Но, уходя, не тревожилась за него: Гипнос, как и я, готов к новому витку своей жизни. Нам всем предстоят годы работы, чтобы помочь даориям с переселением.

Поднявшись на второй этаж, я нашла Весту в её комнате. Она заверила, что Кай перенёс краткий рассказ произошедшего весьма сносно, хотя ничего действительно плохого ему ещё не раскрыли.

Я поделилась с Вестой своим планом на ближайшие три года. Она его не особо одобрила, высказав очевидное предположение о том, что мне будет плохо, но согласилась поддержать. Перевалило за полночь, Веста уснула на середине нашего разговора. Она была морально измотана и истощена пережитым, поэтому я накрыла её одеялом, выключила свет и поплелась в свою комнату.

У двери в спальню Кая я замерла. Там было темно и тихо, поэтому не стала пытаться войти, помня слова Весты, что она дала брату маковый отвар. Ему необходим отдых. Я развернулась и направилась к себе, хотя стоило приоткрыть дверь, как ощутила чужое присутствие.

- Надо поговорить, Кассиопея.

Выпил он маковый отвар.

Ну конечно.

Скрыв улыбку, я зашла и закрыла дверь. Кай зажёт светильник и встал из кресла в углу. Его волосы высохли, и чёлка упала на лоб. Под моим застывшим взглядом он неуверенно запустил руку в пряди и убрал их назад, выдав своё смятение.

- Извини, что вошёл к тебе без спроса.

Он обвёл взглядом убранство, словно никогда его не видел, хотя моя спальня, по их же рассказам, почти не изменилась. Было заметно, что ему неловко со мной наедине, и это осознание позабавило. Ещё недавно мы спали в одной кровати без одежды, а сейчас нам странно смотреть друг другу в глаза.

- Кассия, - наконец поправила я. - Теперь все зовут меня просто Кассия.

Кай кивнул, немного расслабляясь.

- Знаю, что может тебя волновать, - заговорила я, удерживая на губах понимающую улыбку. - Ты садись, а я расскажу, и если потом у тебя останутся вопросы, то отвечу и на них.

В серых глазах отразилась благодарность. У Кая всегда были ответы, план наперёд, казалось не было ситуации, способной застать его врасплох, но сейчас он единственный не в курсе происходящего вокруг.

Жестом пригласив его присесть на кресло поближе к кровати, я сама села напротив и принялась вспоминать всё, что могло Кая тревожить: начала со своего падения в расщелину и его причастности к этому. Кай умело скрывал эмоции, сохраняя беспристрастное выражение, разве что пальцы время от времени сильнее сжимали подлокотники, выдавая его состояние. Иногда он напрягался всем телом, но я говорила расслабленно, почаще натягивая улыбку и приправляя всё забавными моментами, например как я врезала Элиону между ног.

Кай не перебивал, с интересом впитывая каждую историю, несколько раз он невольно улыбнулся. Я старалась не обращать внимания, как изредка он тербил подаренный мной браслет на запястье, кажется, прикосновение к нему Кая успокаивало.

Рассказывала даже о том, как он поймал меня с книгой Фареса, которую я хотела взять из его кабинета. Но учтиво промолчала, что до этого пряталась в шкафу, а Кай чуть не переспал с Мейв на моих глазах. В рассказе про перестрелку с распространителями наркотика всё плохое попыталась сгладить. Когда я охрипла от разговора и, не сдержавшись, зевнула, Кай улыбнулся. Искренне, той самой светлой улыбкой, которую почти никому не показывал. Я едва не прикусила язык, засмотревшись. Было сложно находиться так близко и знать, что я не могу к нему прикоснуться.

Его улыбка померкла.

– У тебя опять это выражение, – пробормотал он.

– Какое?

– Будто ты храбришься, – сказал Кай. – Но стоит мне только дёрнуться, и ты напрягаешься. Ты меня боишься?

Я часто заморгала, услышав знакомое предположение.

– Почему ты улыбаешься? – пришёл в недоумение Кай, в ответ я тихо рассмеялась.

– Извини, – сдерживая смехи, ответила я. – Просто ты говорил то же самое после знакомства в Санкт-Данаме.

– И что ты ответила тогда?

– Что ты палатеец, который носит огнестрельное оружие и стреляет из него, несмотря на боль, – припомнила я.

– В умении преодолевать боль нет...

– ...ничего необычного. Это практика и выдержка, – перебила я. Кай полностью расслабился. В его взгляде появилось больше теплоты. – Я запомнила урок, он мне пригодился.

И пригодится, чтобы перетерпеть три года.

- Ты красивая.

Я раскрыла рот от удивления, лицо вспыхнуло от прилившего жара. Неловко пригладила короткие, торчащие волосы. Кай снисходительно улыбнулся, заметив жест.

- Ты выросла красивой и сильной. Мне жаль, что я не помню, но чувствую, что... горжусь тобой, - тон звучал неловко, когда он подобрал слова. - Не знаю, как объяснить, я не помню картинок, как всё было, но остались ощущения... или нечто такое... не знаю. Я чувствую так много разного, но не могу разобраться, из-за каких событий то или иное.

Сбивчивое признание не походило на всегда уверенного Кая, но я кивнула.

- У меня было схожее с детскими воспоминаниями. Я не помнила лиц, образов или событий, будто была лишена зрения, но оставались... глухие ощущения, призрачные догадки.

Кай шумно выдохнул, как если бы моя поддержка была ему важна, а слова немного успокоили.

- Я попросил Мороса показать хоть часть чужих воспоминаний. Знаю, что он может взять их на время и передать мне. Веста позволила посмотреть несколько, но этого мало, а дядя не способен собрать мою жизнь по кускам. Вероятно, прошедший год потерян для меня навсегда, - досадливо потерев переносицу, признался Кай.

- Всё хорошо. Ты жив, и пока всё перемешано, но через какое-то время станет понятнее. Не сразу, но обязательно станет, - заверила я, едва не встав с кровати, чтобы его обнять.

Я сжала руки на коленях, заставляя себя сидеть на месте. Кая мои слова мало убедили, но он всё же выдавил полуулыбку.

- Завтра я вернусь в Пелес и перед уходом хочу попробовать показать тебе кое-что, - сменила я тему, желая улучшить его настроение.

Встала с кровати и направилась в коридор, а затем к нему в спальню. Кай не стал возражать, последовал за мной, прикрыл дверь и включил торшер. Как и ожидалось, на прикроватном столике стоял нетронутый маковый отвар.

- Ложись, - приказала я, указывая на кровать.

Брови Кая взлетели вверх. Он и так был в домашней одежде, но я знала, что он спит без рубашек или футболок.

- Понимаю, ты стесняешься, поэтому я не стану подглядывать, - с наигранным безразличием ответила я на заминку и отвернулась.

Сзади раздался бархатистый смех Кая, у меня спина покрылась мурашками, и сердце затрепетало в груди. Понадобилась вся выдержка, чтобы остаться на месте, слушая шорох одежды. За прикрытыми веками замелькали картинки наших ночей вместе, воспоминания захлестнули. Знакомый запах спальни Кая

окутал, напоминая о приятных мгновениях, о его губах на моей коже, неприличных движениях пальцев внутри, горячем шёпоте и весе его тела...

- Что дальше?

Я тяжело сплотнула, пришла в себя и торопливо выкинула все образы из головы, надеясь, что в слабом освещении не будет заметно, что моё лицо покраснело.

Кай сидел на кровати, лишь по пояс прикрывшись одеялом. Я всеми силами проигнорировала его обнажённую грудь, крепкие мышцы, обтянутые кожей, и жилистые руки. Кая моя демонстративно отстранённая реакция позабавила, я видела знакомую снисходительную улыбку краем глаза, присела на край кровати и взяла его маковый отвар в руки.

- Сегодня ты будешь видеть фантастические сны. Какие-нибудь красивые, потому что во мне сила Фантаса, а ты сам говорил, что на Переправе многое зависит от того, кто подаёт маковый отвар.

Я не знала, нужно ли что-то сделать, поэтому зажмурилась, пальцами сжимая стакан и мысленно приказывая маковому отвару подарить Каю красивые сны. Продолжала стараться, даже услышав тихий смех хозяина спальни.

- Не обязательно напрягаться, просто представь, что ты хочешь, чтобы я увидел, а дальше сны сделают всё за тебя, - посоветовал он, и я начала вспоминать магические пейзажи, пляж с космосом, восточный дворец с ароматом благовоний и стеклянных птиц, увиденных на землях Фантаса. - Раньше ты звала меня Камаэлем. Ну или карамелью на худой конец.

У меня вырвался смешок, и я открыла глаза.

- На это ты мне уже жаловался, - пробубнила я.

Кай взял маковый отвар, я была искренне счастлива видеть улыбку на его лице.

- Если хочешь знать, то теперь я люблю тебя больше, чем карамель.

Кай фыркнул, не заметив дрожи под моим наигранно беззаботным тоном. Я проглотила вставший в горле ком, зная, что он не воспринял мои слова с должной серьёзностью.

- Как думаешь, что ты мне ответил?

Кай поднял взгляд, неторопливо глотая отвар. Он медлил, не сводя с меня серьёзных глаз. Но маковый напиток закончился, и Кай отставил пустой стакан.

- Скорее всего, сказал, что не верю тебе.

- Именно.

- А потом, что я тоже тебя люблю.

Его ответ заставил меня замереть. Кай добавил это без единого намёка на шутку. На лице ни капли веселья, наоборот, он нахмурился и не моргая следил за моей реакцией. Моя улыбка вышла натянутой, я попыталась скрыть испуг, отвернувшись.

Я вся вытянулась, почувствовав руку на волосах. Они были слишком короткими, и пальцы Кая быстро переместились на обнажённую шею и плечи. Платье на мне было на узких лямках. Я задержала дыхание, боясь поворачиваться.

Кай прижал меня к себе, позволив ощутить его встревоженное сердцебиение. Его напряжение и неловкость были осязаемы, но он продолжал обнимать, уткнувшись носом мне в волосы. Я до боли закусил губу, пока непрошенные слёзы собирались в глазах.

– Прости за расщелину. Ты говоришь, что мы это уладили, но я чувствую вину. Обещаю, что больше никогда не причиню тебе боль. Или за этот год я успел что-то ещё натворить? – неожиданно добавил он.

Я скованно помотала головой, обвила его руками в ответ, и объятия стали чуть менее неловкими. Кай пару раз успокаивающе провёл ладонью по моей спине, хотелось сделать то же самое, но он был без рубашки, и я старалась удержаться от соблазнов, иначе весь мой план полетит к чертям.

Кай отпустил, и я нехотя отстранилась. Он сонно заморгал, тяжело откинувшись на подушки, и его беззащитный вид был очаровательным.

– Засыпай, я пойду к себе, – заверила я, поправив его одеяло.

– Спасибо за фантазии, Кассиопея, – с опьянённой улыбкой прошептал он, закрывая глаза.

Я не стала его поправлять.

– Сладких снов, Камаэль.

16

Четыре месяца спустя

КАССИЯ

– Как всё продвигается? По вашим расчётам, мы успеваем? – спросила я у Микеля, рукавом устало вытирая взмокший лоб.

Я сильно вспотела, отросшие до середины шеи волосы липли к лицу. Часть одежды была в пыли и каменной крошке, не говоря уже об абсолютно грязных руках и наручах Фантаса. Шумно вдохнув запахи нового мира, я в очередной раз поймала себя на мысли, что воздух здесь кажется сладковатым, хотя к этому быстро привыкаешь.

По словам Мороса, местный климат сменяется, как и положено, по сезонам, схожим с нашими, но, по сложившимся ощущениям, мы открыли проход весной, а сейчас заканчивается лето, хотя в Палагеде, Даории и мире людей наступила зима.

Буквально в шаговой доступности от прохода начали строить новый город, он будет основным мегаполисом. За последние четыре месяца сюда привели тысячи людей и даориев, перегнали сотни лошадей и нужную технику из мира людей, чтобы максимально ускорить строительство. Весь упор идёт на жилые дома и необходимые для инфраструктуры здания. Библиотеки, театры, храмы и шикарные дворцы начнут строить позже, когда появится уверенность в том, что у всех даориев будет дом для переселения. По рассказу Микеля, металлы изучили, и все вздохнули с облегчением: они способны проводить зарево.

Я прихожу сюда редко, но на весь день и работаю до тех пор, пока не начинаю валиться с ног. Я прокладываю дороги, а Микель протягивает подземные трубы с проводом зарева. У него есть целая команда из Клана Металлов, они подменяют царя, если он устаёт, или выполняют его поручения. Я же одна, но не жалею. В моих интересах им помочь. В качестве платы цари подпишут выгодный Палагеде мирный договор.

Пару раз со мной приходил Гипнос – мастер настоящих иллюзий. Обладая огромным количеством знаний, он за один раз воссоздал здание знаменитой библиотеки в Даории. А я попыталась эту иллюзию сделать реальной. Получилось, однако подобное применение силы вытянуло из меня всё, и я отключилась. В чувство привели целители какими-то сильно пахнущими мазями и решили, что мне стоит растрачивать силы потихоньку. Так я принесу больше пользы.

– Тяжело сказать, – нахмурив лоб, ответил Микель и протянул мне флягу с водой. – Некоторые влиятельные семьи недовольны переселением. У нас нет времени возводить им роскошные особняки, а споры тормозят процесс строительства.

Я показала ему грязные руки, и Микель подошёл, чтобы напоить меня самому. Сперва близость была неловкой, мгновения растягивались, пока мы оба были напряжены, но месяцы работы бок о бок сблизили, и я даже не дернулась, когда он убрал прилипшую прядь волос с щеки.

Я отказывалась работать с кем-либо из даориев, кроме Микеля. Троя видеть не могла, а новый огненный телохранитель – Тион – был молчалив и благоразумно наблюдал за нами издали. Иногда он прятался так хорошо, что я и не замечала его присутствия.

Микель выглядел лишь немногим чище. Он за сегодня уже успел проложить участок металлических труб и пришёл проведать меня. Местная звезда, служащая главным светилом, вокруг которого вращаются планеты, казалась больше, чем в Палагеде, и сейчас медленно клонилась к закату. Лазурное небо окрасилось в розово-оранжевые цвета, но чуть позже оно станет фиолетовым, а затем сапфирово-синим.

Остальные работники завершили сегодняшнюю смену и разошлись. Обычно видевшие меня за работой люди и даории замирали, разинув рты, никто из них не пытался со мной заговорить, подружиться и тем более заигрывать. Мне это на руку. Я не искала общения, а приходила, чтобы полностью погрузиться в работу и забыться.

– Не получается послать упрямых ослов куда подальше? – понимающе ответила я, утолив жажду.

– Все Кланы зависят от своих состоятельных семей, так как они вносят свою финансовую лепту в благосостояние, – расслабленно ответил Микель.

Я понимающе кивнула. В Палагеде было то же самое. Я думала, что, уладив проблемы с главами других Домов, легко надену венец архонта, но не тут-то было. Разобравшись с ними и с проблемами Даории, дедушка познакомил меня с поддерживающими благосостояние нашего Дома семьями. Большинство оказались благоразумными и снисходительно приняли пробелы в моём понимании нужд наших подданных, но не все были столь стоворчивыми. То ли из-за всего пережитого, то ли из-за крови Дома Гнева в моём организме, но моё терпение стало очень коротким при разговорах с узколобыми самовлюблёнными палагейцами.

– Как Октавия?

Не знаю, зачем я вообще спросила.

Пока не решила, как относиться к тому, что у нас будет брат или сестра.

Микель рассказал, что жена Мелая и наша мачеха беременна, а после поделился домыслами, что все её прошлые выкидыши могли быть несчастными. Брат в целом многое поведал про отца. Иногда мне казалось, что он его оправдывает, иногда – обвиняет. Хотя, услышав всю историю с Алейкос от начала и до конца, сама уже не могла решить, злодей ли Мелай.

– Хорошо, – заверил Микель. – Целители говорят, что она абсолютно здорова.

– А другого неизвестного брата нашёл?

Микель поделился и угрозой отца, что у него есть ещё сын, которого он специально прятал от двора. Вот такой наследник, тем более выращенный наставниками с определёнными идеями, мог стать серьёзной угрозой для Микеля и перемирия Палагеде и Даории.

– Нет. Переселение стало хорошим поводом провести перепись жителей Эридана, но я никого похожего не нашёл. Похоже, отец всё-таки солгал. Погоди! Здесь нужна плитка, – остановил меня Микель, когда я опустила

на колени и принялась создавать иллюзию асфальта, чтобы следом сделать её реальной.

- Плитка? - язвительно переспросила я, теряя концентрацию. Асфальт пропал.

- Да, здесь будет площадь. Сделаем её пешеходной, поэтому плитка будет смотреться лучше. - Потёр подбородок с отросшей щетиной Микель, не замечая моего оскорблённого выражения лица.

- Может, тебе ещё фонтан в центре сделать? - взмахнула я руками.

- А ты можешь?

Я громко фыркнула, и Микель рассмеялся.

- Фонтан необязателен, но буду благодарен, если создашь плитку с красивым узором, - брат одарил меня улыбкой, и я потеряла дар речи от его наглой просьбы.

- Я в одиночку дороги укладываю, а тебе плитку с узором?! - обвиняюще прикрикнула я, и несколько местных птиц слетели с ближайших деревьев.

- Буду очень благодарен, - с неприкрытой лестью заверил Микель.

- Будет он благодарен... - проворчала я себе под нос, но вновь прижала руки к земле.

- Вон видишь на той стороне? Размеры площади уже разметили, есть выложенные фундаменты домов.

- Плитка с узором, - продолжала мямлить я, передразнивая его голос, но взгляделась в указанном направлении.

- Что? - не расслышал Микель.

- Что? - я скопировала его удивлённое выражение.

- Ты поняла, о каком месте я говорю?

- Да, кирий! Сейчас сделаю плитку с узором.

- Хорошо, когда ты такая, - тихо обронил он, пока я зажмурилась, представляя подходящую иллюзию в голове.

- Какая?

Под ладонями разровненная земля стала плоской и каменной. Я невольно улыбнулась, представляя нужный узор. Наручи Фантаса потеплели, даже прикрытые веки едва спасали от слепящего света. Кажется, брат ещё что-то сказал, но нарастающее давление в голове и звон заглушили окружающие звуки. На мгновения почудилось, что меня придавила глыба, не позволяющая дышать, но ощущение спало раньше, чем успело стать болезненным, а я - поддаться страху.

Послышался вздох Микеля, я открыла глаза, чтобы убедиться в верности созданного. Увиденное меня удовлетворило, я отняла ладони от плитки. Всё созданное осталось на месте.

- Разговорчивая. Живая, - запоздало ответил Микель, а меня сильно качнуло вперёд при попытке встать, вместо этого чуть не рухнула лицом на камень.

Микель в последний момент успел подхватить, но я всё равно ободрала ладони.

- Проклятье, - тихо пробормотала я, мир беспрерывно кружился перед глазами.

Брат помог сесть и осмотрел моё лицо, я же не могла сфокусировать на нём взгляд.

- Ты истощена. На сегодня всё, Кассия.

- Надо проверить, везде ли ровно уложено, - напомнила я, взмахом руки указывая на созданное.

- Святые мойры, Кассия, ты за один раз выложила целую площадь. Здесь семьдесят метров на сто с чем-то! Я думал, что ты будешь выкладывать её кусками, как и дорогу! - голос Микеля был искренне взволнованным, он снова дал мне воды.

Я не знала своих пределов и как подобные иллюзии истощают, пока однажды не свалилась в обморок, а следом отсыпалась около суток, не в силах встать с кровати. Вначале думали, что единовременное создание больших иллюзий сказывается не лучшим образом, но медленная растрата сил оказалась даже опаснее, потому что я часто пересекаю грань и продолжаю работать, не замечая пределов.

Гипнос и Веста провели с Микелем воспитательную беседу, приказывая лучше следить за моим состоянием.

- Тогда бы не получилось то, что задумала, - хрипло отозвалась я, когда мир прекратил раскачиваться. - Этот узор можно было создать только целиком, иначе напутала бы. Я тебе не художник и не архитектор, в конце концов, - надувшись, добавила я, следя, как брат разглядывал воплощённую мной мозаику. Я использовала несколько оттенков серых камней, чтобы создать единую картину.

- Это что? Яблоневое дерево? - стараясь охватить рисунок взглядом, уточнил Микель.

- Ага, - с самодовольной улыбкой ответила я.

- Даже на каждой плитке резное яблоко? - Он ощупал пальцами узор под ногами.

- А-а-га.

- Это символ твоего Дома, - буркнул Микель. - Символ Дома Раздора Палагеда в Новой Даории прямо под ногами у царей.

Моя ухмылка стала до боли широкой. Его недовольное выражение лица смешило. Уверена, плевать Микелю, какую плитку я выложу. Лишь бы была. Руками людей и даориев выкладка этой площади заняла бы сутки, а я сделала всё за пару минут и без затрат со стороны материалов.

- Ладно, - выдавив страдальческую улыбку, ответил Микель. - Я это заслужил.

- Ещё как заслужил, - согласилась я и встала на ноги, но брату пришлось меня поддержать, чтобы я вновь не рухнула. - Это ведь и твой Дом.

- Что?

- Дом Раздора. Это и твой Дом, Микель, а значит, и твоя символика.

Он продолжал на меня тарашиться, словно ни слова не понял из сказанного, хотя я уже бегло говорила на палагейском, а наши языки мало чем отличались. Разве что определённой терминологией. Мы никогда не обсуждали с ним Майрона - нашего дедушку. Микель не спрашивал, а я не поднимала тему, не уверенная, что он вообще воспринимает семью Илиры как свою. Однако глядя, как сперва побледнело, а следом покраснело его лицо, я подумала, что зря мы эту тему замалчивали. Микель в последние месяцы научился удерживать маску спокойствия, скрывая истинные эмоции, но сейчас он был как открытая книга, а его восторг и надежда заметны любому.

- Хочешь прийти в субботу? - спросила я. - В прошлом месяце мы пропустили наш двадцать третий день рождения. У тебя прошла коронация. Ты приглашал, но я не могла себя заставить... - призналась я и запнулась, не в состоянии объяснить свои эмоции.

Расставшись с Каем, вообще не могла заставить себя говорить о чувствах. Планы, проблемы, политика, занятия с наставниками, шутки, ссоры. Могла говорить о чём угодно, только не о Кае и своих эмоциях. У меня их нет. Я ощущаю себя замёрзшей глыбой льда.

- Понимаю. После всего, что мойры и цари сделали... понимаю, почему ты не пришла, Кассия. А твоя помощь неопенима, - серьёзно ответил Микель.

Я благодарно кивнула, осматривая созданную плитку.

- Может, дотянем ту дорогу? - предложила я, но Микель резко мотнул головой.

- Нет. Никаких больше иллюзий, мы вместе обойдём площадь один раз, проверяя, насколько ровно, но на этом всё.

Я не стала спорить, зная, что действительно достигла своего предела на сегодня, а скорее всего, и на ближайшие пару дней. Микель взял меня под локоть и повёл вперёд. Под алыми лучами уходящей звезды мы обошли площадь. Удовлетворённые результатом, вымыли руки, умыли лица и направились к проходу на Переправу. Отсюда он не менее чем в получасе

ходьбы, но прогулка мне действительно не повредит. К тому же нужно добраться до усадьбы дедушки.

– В субботу твоя церемония принятия венца, верно? – заговорил Микель после пятнадцати минут в тишине. Мы прошли границы стройки и зашагали по полям. – Ты станешь архонтом Дома Раздора?

– Стану.

Главенство – бремя, но я всё равно воспринимала его как победу. Мне удалось расположить к себе всех. Я усиленно продумала план: получить венец архонта, укрепить власть, через год тайно привезти Хлою с её мамой к нам в усадьбу и начать её обучение. Мы сменим ей цвет волос, чтобы убрать яркую схожесть, и она будет учиться управлять Домом Раздора прямо рядом со мной. Хочу быть уверена, что, отказавшись от титула через несколько лет, не совершу ошибку. Иногда я задумывалась: не понадобится ли Хлое больше времени для накопления необходимых знаний? Если да, то мне придётся дать ей его, а значит, возвращение к Каю будет откладываться.

Мысль об этом чётком плане и о том, что однажды я смогу рассказать Каю всю правду, удерживала моё внимание как единственный свет в конце туннеля, и я не представляла, что делать, если что-то пойдёт не так и он потухнет. У меня нет запасного варианта развития событий. Только этот.

– Утром состоится официальная церемония в храме, – пояснила я, ощутив заминку брата. – Там будет Совет архонтов и представители самых влиятельных семей, но приходи после заката. Как мне сказали, мероприятие в конце дня напоминает вечеринку. Соберутся представители нашего Дома и друзья, а в тебе течёт кровь Раздора, Микель. Думаю, ты понравишься дедушке.

Он вскинул взгляд, рассматривая вспыхивающие на небе звёзды. Стущающиеся сумерки не мешали передвигаться, так как всю дорогу до Переправы освещали установленные фонари с заревом.

– Тебе придётся прийти одному, но обещаю, что не позволю кому-либо тебе навредить, – заверила я в ответ на его заминку.

Вначале предложила ему просто так, будто случайно слетело с языка, но теперь мне всё больше хотелось, чтобы он согласился.

– Кай тоже придёт?

Ожидаемый вопрос, но всё равно ощущение было таким, словно мне дали под дых.

– Не знаю, – призналась я, глядя перед собой. – В последний раз мы виделись два месяца назад. Да и то лишь случайно пересекались на Переправе на считанные минуты.

– Вы рассказали ему про Элиона?

– Да, Веста рассказала всё, что могла, в первый же месяц. Про травму Иво и про смерть Элиона. Часть показала с помощью Мороса, поделившись своими

воспоминаниями. Меня не было рядом, но, по рассказу Гипноса, Кай был в ярости.

Веста пересказала мне всё в красках, и «в ярости» едва ли отражало реальность. Судя по всему, он воспринял это даже хуже, чем в прошлый раз. Тогда он устроил кровавую баню при помощи кер и эриний и смог хоть немного выплеснуть гнев, в этот же раз ему не на ком было отыграться. Кай буквально сбежал в Санкт-Данам, чтобы максимально ограничить свои контакты с даориями, которые постоянно проходили по Переправе.

Иво и Мейв ушли с ним, чтобы поддержать и продолжить свою работу в мире людей. У меня болело сердце за Кая, но я не могла набраться храбрости и проведать его. Я невольно провела пальцами по голому предплечью правой руки, где был ахакор. Мне пришлось вновь избавиться от иллюзии, чтобы вести переговоры с влиятельными домами, которые должны чувствовать гул, доказывающий кровное родство с Майроном. Веста говорила правду: после снятия иллюзии я заметила заживающие шрамы, но Гипнос профессионально нанёс узор, и выглядело не так уж плохо. Сейчас бывшие шрамы и ахакор остались бледным узором на руке.

Без татуировки мне не стоит ходить в Санкт-Данам. И нет смысла пытаться встретиться с Каем. Я не смогла утешить его и облегчить потерю Элиона в первый раз, а нынче мои слова для Кая значат ещё меньше. Посещая Пелес, Иво или Мейв всегда заходят в гости, чтобы хоть вкратце рассказать, как дела, но в последний раз я видела их месяц назад.

Усталый вздох Микеля помог мне отвлечься от дурных воспоминаний.

– Подумай. Если решишься прийти, то Веста и Гипнос тебя проведут, – заверила я, хотя уже сомневалась, что Микель находит подобную встречу безопасной для себя.

Брат кивнул и благодарно мне улыбнулся, но радость не коснулась глаз, и улыбка вышла сухой.

Я протяжно выдохнула и замоталась в более тёплую накидку, которую протянул один из гоплитов Дома Раздора. Четверо стражей дожидались моего возвращения у администрации. Мне бы хотелось провести немного времени в одиночестве, но с приближающимся принятием венца дедушка усилил охрану. Майрон вообще предложил на время воздержаться от посещения нового мира, чтобы не подвергать себя опасности, но десять лет не настолько уж большой срок, когда надо переселить миллионы.

Из рта вырвалось облачко пара. Зима только началась, с наступлением вечера температура резко опускалась. Похоже, сегодня я всё-таки перешла грань своих возможностей, потому что весьма позорно не с первого раза сумела сесть в седло. Поблажки с каретами закончены. К счастью, от усталости в голове сохранялась полнейшая пустота, и мне было плевать, что подумают стражи. Я накинула на голову меховой капюшон и взмахом руки разрешила сопровождающим вести меня домой. Мне никогда не позволяли ехать первой. Только посередине. Поэтому и в этот раз двое поехали впереди и ещё двое сзади. Из-за снятого ахакора мои сопровождающие выбирали

обходные пути, чтобы не привлекать внимания прохожих моим гулом, да и более пологий путь легче для лошадей.

Холодный ветер был сильным, и я плотнее закуталась в принесённую накидку. Днём стояла тёплая погода, и я не стала брать ничего мехового, но была благодарна предусмотрительности гоплитов. Пахло от одежды приятно, чем-то сладким, а мерный шаг лошади и тепло убаюкивали. Когда я подняла взгляд, то вокруг было темно, а свет фонарей расплывался, я потёрла глаза, надеясь вернуть зрению чёткость, но усталость брала верх. Хотела окликнуть капитана сегодняшнего эскорта, но запоздало вспомнила, что не знаю его имени. Гоплиты сменялись раз в несколько дней, и лишь некоторые лица я начала узнавать, сегодняшние же сопровождающие были у меня впервые.

Вслед за сонливостью пришла головная боль в виске, я ненадолго зажмурила глаза, но стало только хуже. Присоединилось головокружение. Я открыла рот, чтобы попросить сопровождающих остановиться, но не успела издать и звука, как желудок взбунтовался, и пришлось зажать рот рукой. Я дёрнула поводья, вынуждая коня замереть, чем привлекла внимание гоплитов.

- Она сейчас упадёт, - раздался один из голосов, когда меня накрыло.

Я продолжала зажимать рот одной рукой, сдерживая приступ рвотных позывов, пока при помощи второй намеревалась слезть с коня, но головокружение только усиливалось. Мне никак не удавалось перекинуть ногу. Несколько рук схватили меня за талию и буквально стащили на землю, нога подвернулась на неровной дороге, боль прострелила лодыжку. Мой конь нервно заржал, толкнул боком, и я сразу рухнула, едва не свалив одного из гоплитов. К счастью, меня не вырвало, я торопливо схватилась за края застёгнутой накидки, чтобы освободить лицо от густого меха. Глубокий хриплый вдох напомнил ушат ледяной воды: разум моментально прояснился.

- Нет, не давайте ей снимать накидку! - приказал другой голос.

Я с удвоенной силой дёрнула завязки, но пальцы едва слушались. Всё тело казалось неуклюжим, не получалось даже встать. Уже заподозрив неладное, я пнула одного из стражей в лицо, когда он наклонился. Послышалась ругань. Мозг совсем не соображал, а вымотанная после создания сегодняшних иллюзий в Новой Даории, я никак не могла сотворить пистолет, едва сделала какой-то тупой кинжал, но удара одному из гоплитов по рёбрам хватило, чтобы он ослабил хватку. Я надрывно закричала, когда они попытались поднять меня. Сладковатый запах меха теперь душил, пока один из гоплитов пытался зажать мне нос тканью. После на голову надели мешок и затянули. Весь мир закружился, сердце забило где-то в горле, когда меня оторвали от холодной земли с явным намерением куда-то отнести. Большую часть разговоров я перестала разбирать из-за навязчивого дурмана, голову прострелила резкая боль, но она ушла на задний план, когда меня уронили. Удар о твёрдые камни привёл в чувство. Чей-то крик был коротким, другой голос издал хрип и тоже умолк. Почувствовав, что больше никто не держит, я в панике стянула мешок с головы, вскочила на ноги и остервенело содрала с себя меховую накидку.

Холодный воздух остудил разгорячённое лицо, я жадно вдыхала и выдыхала, мысли стали чётче, но головокружение заставило пошатнуться и прислониться

к стене одного из домов. Я огляделась, не понимая, где нахожусь, место напоминало переулок. Желчь вновь подкатила к горлу, когда взгляд упал на мужчину, который сдавил удавку на шее последнего ещё находившегося в сознании гоплита и безжалостно душил. Гоплит болтал ногами в воздухе, потому что был мужчине лишь по плечо. Сцена ужаснула, я попыталась убежать, но ноги заплетались. Сзади раздались шаги, меня опять повело в сторону, и я налетела на угол дома, не рассчитав поворот.

- Кириа, погодите. Пойдите, я не причину..

Я рухнула из-за боли в лодыжке, тело тряслось, но мозг достаточно прояснился, чтобы создать пистолет. К несчастью, противник оказался профессионалом, он не попытался бежать, наоборот, стремительно сократил расстояние, схватил руку с пистолетом и вывернул, заставив меня охнуть. Пальцы свело судорогой, и пистолет исчез.

- Вам нельзя стрелять, кириа. Свидетели вряд ли осознают, что у вас в руках иллюзии, а запрет на огнестрельное оружие строг даже для аристократов. Репутация наследницы должна оставаться безупречной во благо вашего Дома, тем более перед принятием венца, - незнакомец говорил ровно и нравоучительно, мало обращая внимания на мои попытки вырваться и жалкие удары. Я смогла пнуть его в бедро, но он едва поморщился, продолжая удерживать мои руки от создания оружия. - Пожалуйста, успокойтесь. Я здесь не для того, чтобы вам навредить.

- Кто ты? - хрипло выдавила я, обмякнув. Сил бороться не осталось, тело ныло, а подвёрнутая лодыжка продолжала пульсировать. Хотя бы головокружение и боль в виске унялись.

- Меня зовут Оникс, кириа. Я из Дома Гнева и один из доверенных помощников Гелиона.

Я во все глаза уставилась на Оникса, стараясь повнимательнее в полумраке рассмотреть его лицо. Крепкое телосложение, высокий рост, чёрные волосы и карие глаза. Я точно не встречала его раньше, но, желай он моей смерти, уже убил бы, однако он, наоборот, медленно отпустил мои запястья и осторожно помог мне подняться.

- Можете идти? Насколько понимаю, лодыжка не в порядке, - заботливо осведомился он.

- Что... что происходит? - Я по-прежнему была слишком ошарашена. Холодный воздух перестал приносить облегчение, меня начало знобить: одежда без накидки была недостаточно тёплой.

- Думаю, вас хотели припугнуть. Сомневаюсь, что это покушение, хотя и этот вариант я бы не стал исключать, - сказал он, предложив мне руку в качестве опоры, когда я сделала пару неуверенных шагов.

- А кто ты? Наёмник? - я бросила это просто так, в качестве слабого предположения, но Оникс неловко повёл плечами.

- Вроде того.

- И ты работаешь на Гелиона?

- Если нужно, но сейчас меня нанял Камаэль. Я не первый год на него работаю, хотя впервые в мои обязанности входит непрерывная слежка.

- Кай нанял тебя, чтобы следить за мной?

- Да.

- Как давно?

- Четыре месяца назад. Если честно, не думал, что мои услуги всё же пригодятся.

Я хватала ртом воздух, пока Оникс неторопливо вёл меня обратно к лошадям. Все четверо гоплитов лежали в переулке. Я замерла, не решаясь уточнить, убил ли он их, хотя один точно дышал.

- Не говори ему.

Оникс нахмурился, явно не сразу поняв, о чём я прошу.

- Не могу, кириа. На вас напали, и я обязан..

- Я заплачу. Заплачу в три раза больше, чем он тебе дал, - испуганно пообещала я, сжав руку Оникса, словно он прямо сейчас мог уйти, чтобы рассказать всё Каю. Мой план даже не начал действовать, а уже мог развалиться на части.

Мысль об этом пугала сильнее, чем четыре тела поблизости. Я догадалась, что эти гоплиты не из моего Дома. Скорее всего, от настоящих они избавились. Нужно отправить людей на поиски, чтобы выяснить, живы ли те. И у меня не больше часа, прежде чем дедушка поднимет тревогу из-за моего отсутствия.

Оникс ответил мне вымученной улыбкой, которую было немного странно видеть на лице наёмника, хотя обходился он со мной вежливо и почтительно. Не назови он свою профессию, я бы и не подумала, что его род деятельности связан с криминалом.

- Репутация и преданность, кириа. Это стоит больше любых денег, - возразил Оникс.

- Иво. Доложи только Иво. Он же секретарь Кая. Так ты выполнишь работу. Прошу. - Я с уважением отнеслась к его долгу, но не могла себе позволить, чтобы Кай узнал о случившемся. Иво же наверняка скроет секрет. По крайней мере, был шанс.

Оникс нахмурился, но после всё-таки согласно кивнул. У меня с губ сорвался вздох облегчения. Мужчина наклонился, чтобы поднять сброшенную мной меховую накидку. Он поднёс её к своему лицу и вдохнул, а после с отвращением отбросил в сторону.

– Похоже, ткань пропитана раствором белигора, – заключил он. Мне название ничего не сказало, и Оникс это понял: – Вызывает сонливость и галлюцинации.

Я перевела взгляд на гоплитов. Сердце перестало биться в страхе, на место паники пришёл медленно разгорающийся гнев.

– Оникс.

– Да, кириа?

– Я всё-таки вынуждена попросить тебя о помощи, но щедро заплачу за работу.

– Что требуется?

– Если хоть один из них жив, пожалуйста, выясни, кто их нанял.

Я с такой силой толкнула дверь, что та распахнулась настежь и ударилась о стену. Мне было плевать, повредилось ли убранство, то, что я уговорила себя не поджигать усадьбу Ойзис ночью, уже было достаточной милостью с моей стороны.

Архонт Зависти лишь наигранно округлила глаза, будто моё появление её удивило, хотя сама спускалась по роскошной лестнице навстречу. Слуги наверняка доложили ей о моём прибытии, стоило мне спешиться с коня у ворот.

Вчера Оникс благополучно сопровождал меня до дома, после того как выпытал из подонков всю нужную информацию. Это заняло не так много времени, и всё же дедушка уже переживал. Пришлось ему рассказать, а наших гоплитов, к счастью, нашли живыми, но усыпленными и брошенными на холоде. Только факт, что никто из Дома Раздора не погиб, притушило мой гнев ночью, но сразу после завтрака я не выдержала и отправилась разбираться.

– Какой приятный визит от наследницы Раздора. Я чувствую себя польщённой за такое внимание со стороны будущего главы нашего многоуважаемого Совета, – сладким голосом лепетала Ойзис, пока я, прихрамывая на больную лодыжку, стремительно пересекла разделяющее нас расстояние.

Гнев на своём лице я даже не пыталась скрыть, но Ойзис, похоже, это и не тревожило.

– Как насчёт чая с пиро...

– Где она? – оборвала я, замерев буквально в шаге от архонта Зависти.

Та вновь прикинулась изумлённой, словно не понимала причин моих резких слов и движений, хотя я могла поставить собственную голову на кон, что кто-кто, а Ойзис всё прекрасно понимала. Она не ответила, задумчиво взмахнув кружевным веером.

– Так ты пришла не ко мне? – с нотками оскорблённой благородной девицы выдала архонт.

– Не прикидывайся тупой овцой, Ойзис, – не ведясь, осадила я, будучи не в настроении для словесных игр. – Где твоя сестра?

Я прекрасно помнила, что из-за Дафны умер мой первый дегустатор. Кай предупреждал, что его выбор на вечеринке Дома Зависти ещё аукнется мне, но эта дрянь начала переходить все границы.

– К несчастью, Дафна занята обдумыванием своих неуместных поступков, наследница, – тем же милейшим голосом отшила меня Ойзис.

Я дёрнулась в сторону, чтобы обогнуть архонта и самой найти стерву, но та опять преградила мне путь, недвусмысленно намекая, что сестру так просто она не отдаст. Я и не рассчитывала, что Ойзис преподнесёт мне Дафну на блюде, но всё же не ожидала, что она встанет у меня на пути. Ещё одна попытка обойти архонта закончилась тем же.

– Так ты знаешь, что сделала твоя сестра, – я не спрашивала. Вдохнула полную грудь воздуха, внезапно поймав себя на неприятной мысли. – Ты с ней заодно?

– Боги спасите, – закатила глаза Ойзис. – В отличие от неё я родилась с мозгами.

Ответ немного, но успокоил. Меня раздражала театральность архонта Зависти, и всё же она была первой, кто предложил мне свою поддержку. Хоть и через шантаж. Вероятно, поэтому я не особо стремилась выбирать выражения, зная, что Ойзис поймёт и так.

– Но видишь ли в чём дело... – заговорщически зашептала архонт, прикрыв лицо с одной стороны веером, будто в пустом холле кто-то мог подслушать. – Кровь не водица. Хотелось бы иметь хорошую родню, да приходится иметь дело с тем, что имеем.

Я мимолётным взглядом обвела помещение, только теперь сообразив, что у входа нет даже гоплитов, хотя там должны стоять двое. Зуд неприятного предчувствия волной прошёл по шее до затылка. Складывалось впечатление, что Ойзис не просто знала о моём прибытии, но подготовилась заранее.

– Она тебе рассказала, – помрачнев, поняла я.

– Прибежала ночью, поджав хвост, просить помощи у старшей сестры, – очаровательная улыбка стала мстительной, словно происходящее было для Ойзис слаще любого пирога. – Теперь сестрёнка передо мной как шёлковая, в неоплатном долгу. Ах сколько лет я пыталась держать её в узде, да она сама себе яму вырыла, а всё из-за мужчины. Знала бы, что всё так просто, давно бы..

Не сдержав раздражённый порыв, я вырвала веер из руки архонта, когда та вновь принялась им обмахиваться. Теперь мне хотелось засунуть его в зад сперва ей, а потом уже её сестре. И всё же я не могла позволить себе открытую вражду с Ойзис, но и Дафне спускать с рук произошедшее не

намеревалась. Архонт не обиделась, лишь одарила меня жалостливой улыбкой, прекрасно зная расстановку сил. Она приструнила Дафну и не собиралась отдавать полученный на неё рычаг давления.

– Не в моих правилах отступать, – предупредила я тихо. – Но твоя сестра не сможет всю оставшуюся жизнь провести в четырёх стенах.

Архонт разве что наклонила голову набок, снисхождение в её взгляде лишь усилило желание ей врезать.

– Пока маловато времени ты плаваешь среди акул, ягнёночек.

Я только открыла рот, но не сумела издать и звука, расслышав шаги. Взгляд метнулся в сторону коридора в надежде, что это Дафна, но на свет вышел Кай и настороженно замер, переведя взгляд с Ойзис на меня. Он был в хорошо знакомом чёрном костюме, вероятно, прибыл из Санкт-Данама. Первое удивление прошло, брови нахмурились, когда он ощутил стоящее напряжение. В моём же горле моментально пересохло. Несмотря на жадное желание продолжать на него смотреть, я едва удерживала себя от позорного и мгновенного бегства. Мысль о Дафне практически выветрилась из головы перед накатившим волнением от неожиданной встречи.

– Что происходит? – осведомился Кай.

– Ничего важного, Камаэль, просто наследница забыла, что на чай мы с ней собираемся по средам, а не вторникам, – проворковала Ойзис, и я перевела остекленевший взгляд на неё.

Время, казалось, застыло, пока я пыталась осознать услышанное. Она знала. Прекрасно знала о моих чувствах к нему и его ко мне, но если всех друзей и знакомых я попросила помалкивать, то Ойзис в этот список не входила. Зная, насколько Кай не любит встречаться с архонтами, я упустила мысль, что Ойзис вообще может стать проблемой. Особо ничего достоверного она ему не расскажет, но даже несколько фактов могут заставить Кая начать копать.

– Ты проверил документы? – спросила архонт у Кая.

На лице сына Гипноса проскользнула тень раздражения, но он умело её скрыл.

– Да, посредственные данные, которые не требовали моей проверки, – сухо бросил он, застегнув пуговицу пиджака. – Я говорил, чтобы всю нужную информацию передавали через Мейв.

– Мне показались они важными, – наигранно сникла Ойзис, придав лицу виноватое выражение. – Но я безмерно благодарна тебе, Камаэль, за чуткость и за твоё драгоценное время.

Кай никак не отреагировал на лесть, скорее всего видя её игру насквозь. У меня заплескали белые пятна перед глазами, я изо всех сил сдерживала себя, чтобы не отхлестать архонта её же веером. Тяжело сглотнула, почувствовав внимательный взгляд Кая, голосок внутри предупреждал, что надо убираться как можно скорее. К счастью, Кай не успел ничего спросить, как отвлекла появившаяся с его пальто служанка.

- Сучий ты потрох, Ойзис. Однажды я оторву тебе башку, - сделав шаг вплотную к архонту, тихо прошептала я.

- Обожаю тебя. С первой встречи знала, что мы подружимся, - с улыбкой ответила Ойзис.

- Мы не друзья.

- Уверена? - снова притворно изумилась она. - А вот мне кажется, что только друзья не раскрывают информацию о слабостях друг друга. - Ойзис скосила глаза в сторону Кая. Посыл был ясен.

У меня заныли зубы от того, как сильно я стиснула челюсти.

- Скорее тебе нравится оставлять все козыри у себя, но они не вечны, - чуть спокойнее предупредила я, зная, что сегодня расправа с Дафной отменяется.

- Поживём - увидим.

- Кассиопея, я провожу тебя домой, - встрял Кай. Он не спрашивал и не предлагал, а в своей привычной манере ставил перед фактом, вероятно, недовольный нашим с Ойзис препирательством.

Он не мог слышать диалога, находясь слишком далеко, но опять же, стоит Каю что-то заподозрить, как он начнёт копать. Я отступила от архонта и швырнула ей обратно веер. Поймала Ойзис его неловко, но это не сбilo с её лица победную улыбку.

- Что произошло? - повторил свой вопрос Кай, стоило нам выйти за двери.

- Ничего особенного. Я перепутала дни и время нашего чаепития, - вспомнив отговорку Ойзис, повторила я, хотя вышло настолько скупое и глупое, что Кай ответил скептически приподнятой бровью. - Мы с архонтом Зависти теперь лучшие подружки. - Это вышло ещё отвратительнее. Я буквально выплюнула фразу.

От дальнейшего расспроса спасла лестница. Точнее, моя повреждённая лодыжка. Я оступилась на краю ступеньки и едва не рухнула. Кай тихо выругался и подхватил меня на руки. Это было выше моих сил, сердце ускорило ритм до болезненного. Я сжалась в его руках, закрыла лицо ладонями, боясь, что даже такая малейшая близость сломает всю мою выдержку.

- Пожалуйста, поставь меня, - я старалась сохранить голос ровным, но он всё равно дрожал.

Кай напрягся, но не отпустил.

- Поставь, я могу сама. Пожалуйста, - продолжила молить я, при моей попытке шевельнуться Кай лишь сильнее сжал пальцы.

- Перестань дёргаться.

- Нет. Просто поставь. Я сама.

- Хватит, Кассиопея. Здесь пара метров.

Я судорожно вздохнула, когда он наконец остановился у одной из мраморных скамеек недалеко от главных ворот. Кай аккуратно поставил меня на землю, но попытка ступить на больную ногу отозвалась судорогой до самого колена. Кай снял своё пальто, бросил на скамью и буквально вынудил меня сесть на тёплую ткань.

- Не нужно, ты испачкаешь костюм, - воспротивилась я, когда он опустился на одно колено, схватил мой сапог и потянул на себя.

Пришлось прикусить язык, чтобы не издать стон боли, но Кай, похоже, заметил, бросив на меня недовольный взгляд. Не спрашивая разрешения, он снял и тёплый носок. Холодный воздух ужалил тёплую кожу, а прикосновение пальцев Кая к стопе послали волну мурашек.

- У тебя растяжение. Небольшое, но есть отёк, - подытожил он, ощупав мою лодыжку. - Когда это произошло?

- Вчера. Неудачно упала на пробежке, - соврала я. Благо тренировками можно было объяснить любую травму.

Кай тяжело вздохнул, похоже, хотел что-то сказать, но передумал.

- Нужно было забинтовать. В таком случае пройдёт через пару дней.

В его руке появился моток эластичного бинта. Не успела я ничего сказать, как он начал заматывать мою лодыжку, проверяя, чтобы не было перетянута.

- Это иллюзия. Пропадёт, как снимешь, но дома позови целителей, чтобы обработали мазями и зафиксировали ногу, - инструктировал Кай, возвращая мне на ногу носок, а затем сапог.

Он почти сразу отступил на расстояние в два шага. Я неловко поднялась и протянула ему его пальто. Оно испачкалось, как и его колено, но Кай отряхнул одежду, едва на меня взглянув. Его отстранённость чувствовалась физически, и я сама лишний раз не поднимала глаз, не зная, что сказать, но сын Гипноса решил эту проблему в присущей ему безжалостной манере. Взмахом руки приказал подвести коней, а дожидавшимся гоплитам из моего же Дома велел немедленно сопроводить меня к дедушке. Сам Кай с нами не поехал. С одной стороны, я испытала облегчение, увидев, что он удаляется от усадьбы Ойзис, но с другой - его уход сопровождала уже знакомая боль. Каждая наша встреча начинала беречь мою незажившую рану, и та вновь могла воспалиться.

КАССИЯ

– Волнуетесь, кириа? – понимающе спросила Лесса – моя новая постоянная служанка.

Она была старше меня на сорок лет, хотя внешне оставалась достаточно молодой женщиной. Она начала работать в усадьбе главы Раздора ещё при жизни Илиры, хотя застала ту в последние годы. Я специально выбрала служанку постарше, чтобы избежать соблазна сблизиться с ней и стать подругами, как это произошло с Элин. Мне нельзя ни с кем сблизиться, нельзя иметь друзей, нельзя привязываться. У меня более нет напряжённых конфликтов с архонтами и их наследниками, но урок Иолая я запомнила на всю жизнь: мой титул ставит близких под угрозу.

Мне нравится Лесса, она умна, добра и обходительна, но сдружиться я с ней не могу просто из-за разницы во взглядах наших поколений. Между нами будто пропасть непонимания, тем более что я росла в отрыве от палагейцев на Переправе, а потом среди людей.

– Немного, – призналась я в десятый раз за несколько минут, проводя рукой по платью, чтобы разгладить несуществующие складки.

Я бросила тоскливый взгляд на рабочий стол, заваленный документами, расчётами и заявлениями, которые нужно рассмотреть, но сегодня к ним даже не притронулась, занятая другими делами.

Я подошла к зеркалу во весь рост, чтобы проверить надетое платье. Изысканный чёрный шёлк с богатой золотой вышивкой. Глубокое декольте, узкие лямки, туго задрапированная ткань, чтобы подчеркнуть талию. Спереди платье было коротким, но сзади слои чёрного и золотого шёлка едва касались пола. Туфли на высоком каблуке с золотыми завязками на лодыжках. Из моего короткого каре мало какую причёску можно сделать, поэтому Лесса умело создала объём, но оставила пряди без украшений. Тёмный макияж подчёркивал жёлтые глаза, а на лбу красовался венец архонта с коричневым дымчатым камнем.

По словам дедушки, это и есть один из семи камней, подаренных архонтам богами-братьями. Эти камни защищали от нападения даориев с их материальными силами. Я не была уверена, действительно ли он способен защитить от того же огня Баала или воды Хела. Ныне живущие не видели их в действии, поэтому защитные свойства могут быть лишь легендой, но все архонты верят в дарованные обереги, поэтому я не стала выказывать скепсиса, когда дедушка рассказывал о значении венца. Я приняла изысканное украшение и тяжёлую ношу ответственности рано утром в храме с гордо поднятой головой.

Я чувствовала себя не готовой, однако и раньше не была готова к смертям друзей, к своей истинной родословной, фантазиям Переправы, открытию нового мира и к боли от всего пережитого.

И всё же я здесь.

Я собрала себя по кускам, поэтому выдержу и титул архонта на несколько лет.

– Вы прекрасно выглядите, кириа, – заверила Лесса, и я заморгала, приходя в себя.

Похоже, она заметила смятение на моём лице, хотя я даже не видела своего отражения, глядя куда-то сквозь зеркало. Платье роскошное и соблазнительное, сильно обнажает ноги, ключицы и руки. К тонким лямкам Лесса пристегнула полупрозрачный шёлк, немного прикрывший мои плечи и полуобнажённую спину. Я задумчиво наклонила голову, оценивая оглядывая себя с ног до головы. Как это платье понравилось бы, особенно тот факт, как легко его можно снять.

Губы изогнулись в безрадостной улыбке от этой бесполезной мысли. Я невыносимо скучала по Каю. Недавняя короткая встреча лишь усилила тоску по его голосу, смеху, советам, прикосновениям. Даже по его невыносимой самоотверженности, гневу и кошмарам. Я скучала по нему самому. Но упрямо училась терпению.

Отбросив лишние мысли, я проверила наличие перстня с печатью архонта. Больше не было смысла чем-либо украшать руки. У меня и так был бледный узор после ахакора и чёрная двойная спираль.

Моё внимание привлёк далёкий фейерверк где-то на берегу. Дедушка говорил, что в честь нового архонта в городе уже неделю длится фестиваль, но я не успела его посетить, полностью закопавшись в работу. Если бы мне не напоминали о датах, то я бы и не заметила наступления зимы.

Как рассказали наставники, снега в Пелесе мы не увидим до середины зимы, но ветер может быть ледяным из-за близости с морем. Благо в самой усадьбе существуют многочисленные обогреватели с заревом, поэтому внутри комфортная температура, и мне не будет холодно в этом платье.

Я отпустила Лессу, поблагодарив за помощь, и сама спустилась в праздничный зал на первом этаже. Это было самое просторное помещение в усадьбе дедушки. Его украсили жёлтыми лентами и цветами, музыканты играли расслабляющие мелодии. Имелось место для танцев, но кружащихся пар были единицы. В основном присутствующие разбились на группы. Они ели, пили и обговаривали перспективы. Как и всегда, это мероприятие, возможно, станет похоже на праздник, только когда все напьются и обсуждать дела станет бесполезно.

При моём появлении все головы повернулись. На долгие секунды зал погрузился в тишину, музыка и разговоры смолкли, пока я беглым взглядом искала знакомых, но никого не нашла. Не позволила разочарованию отразиться на лице: это лишь начало, и они могут подойти позже, хотя отсутствие Иво отозвалось краткосрочной болью в груди. В его присутствии я не сомневалась.

Я ответила собравшимся вежливой улыбкой, заученно поблагодарила всех за присутствие и, взяв ближайший бокал с искрящимся алкоголем, подняла отрепетированный тост за будущее Дома Раздора.

После аплодисментов и согласных возгласов вновь заиграла музыка, я воспользовалась возобновившимися разговорами, отвернулась и за пару глотков опустошила бокал. Я хорошо поужинала и не притрагивалась к алкоголю до этого момента.

С выдержанной улыбкой подошла к дедушке, и он начал водить меня от одной компании к другой, знакомя с теми, кого я ещё не знала. Как и требовалось, я вызубрила все имена и потратила несколько суток, чтобы разобраться, какая семья чем занимается. Среди гостей, разодетых в бежевые, жёлтые и медные наряды, очень много молодых людей. Я удержалась от гримасы.

Это не просто вечеринка, а смотрины.

Дедушка намекал, но, увлечённая политикой, я пропустила неприятный нюанс мимо ушей. Теперь же при виде многочисленных оценивающих взглядов память услужливо напомнила.

Я новый архонт, и, несмотря на юный для деторождения возраст, молодые люди уже будут пытаться занять место рядом со мной. Я подготовилась к каверзным вопросам о взаимоотношении с Даорией, знала, как возразить, если кому-то приспичит напомнить о моей смешанной крови или молодом возрасте, привыкла и к претензиям о моей неопытности, но я абсолютно не подготовилась к десяткам палагейцев, которые намеревались завоевать моё сердце или, что ещё хуже, соблазнить.

Спустя полтора часа постоянных знакомств и коротких бесед я выпила три бокала искрящегося напитка с яблочным привкусом. Он немного ударил в голову, и держать приклеенную улыбку стало легче, а прикосновение чужих губ к кисти перестало приносить неловкость.

Это было частью церемонии, так они выказывали своё обещание быть верными мне как главе Дома. Всем нужно было прикоснуться губами к печати архонта на моём пальце, но молодые люди часто и вроде бы случайно промазывали, касаясь губами кожи.

– Кассия?

– Да? – я очнулась, сообразив, что пропустила часть диалога. Я смеялась или улыбалась, копируя выражение лиц собеседников, но абсолютно не слушала.

– Пришли Гипнос и Морос, – повторил дедушка, и я сразу ощутила тишину, в которую погрузился зал.

Гости поприветствовали богов поклонами, учтиво прикрывая глаза ладонями. Прошёл шёпот благоговения. Боги-братья приделались для праздника, у Гипноса преобладали чёрный и золотой цвета в наряде, Морос же носил серое и терракотовое. Подпоясанные туники, штаны и сапоги из кожи, а поверх мантии. Я улыбнулась тому, что они подчеркнули миролюбивое настроение,

предпочли их вместо воинственных хламисов. Особенно при учёте того, что между богами-братьями стоял Микель. Моя улыбка из дежурной стала искренней. В своём белом наряде он бросался в глаза, скорее всего на брата тарاشились даже больше, чем на богов.

- Похоже, пришло время твоего первого заявления, - шепнул дедушка.

Я предупредила его о возможном прибытии Микеля, но тот не разозлился. Наоборот, высказал искреннее желание познакомиться с внуком. Присутствующие расступились, давая дорогу, когда я направилась к прибывшим.

- Архонт, - со смешком поприветствовал меня Морос.

Гипнос покровительственно положил руку мне на плечо. Я едва не рассмеялась от облегчения, когда из-за его спины вышла Веста в роскошном чёрном платье и с тёмными волосами, собранными в высокую причёску. Она с неменьшим восторгом оглядела мой наряд и одобрительно кивнула.

- Спасибо, что позаботились о нём, - шепнула я и встала рядом с Микелем.

Его лицо хоть и казалось расслабленным, но тело заметно напряжено. При брате не было оружия, на одежде ни единой металлической нити. Он чувствовал себя беззащитным.

- В Санкт-Данаме ты неплохо ладил с палагейцами, - насмешливо поприветствовала я.

- Там мне не приходилось пить с верхушкой самого влиятельного Дома Палагеда, - едва шевеля губами, пробормотал он.

- Дорогие гости! - чинно объявила я, взмахом руки подзывая слуг с бокалами. - Этот день мы запоем не только как мой первый в качестве архонта, но сегодня вы также познакомитесь с моим братом. Микель - сын Илиры, дочери Калисто и Майрона, мой брат и носитель крови Раздора. Гордитесь им! - твёрдо потребовала я, выдержав нужную громкость, чтобы голос властно разносился по залу. Никакого страха. Мои подданные будут уважать моего до тошноты миролюбивого брата. - Гордитесь, ибо представитель нашего Дома в столь юном возрасте стал царём Металлов. Главой пяти царей.

Микель оцепенел, не ожидав подобного представления. Благо у него в руках был бокал, иначе его тревога стала бы заметной. Я положила правую ладонь Микелю на плечо, на руке появился наруч Фантаса. Зрители ахнули, когда белая мантия Микеля окрасилась в жёлтый с оранжевым узором. Сам Микель одним из последних заметил перемены и с недоумением осмотрел новый наряд. Надень он эти цвета сразу, это могли бы расценить как самоуверенное заявление, но я намеренно при всех дарю ему их, чтобы ни у кого не возникло вопросов касательно наших взаимоотношений.

Закончив с изменением одежд, я тряхнула рукой, и наруч исчез. Во взгляде Микеля читалась искренняя благодарность, граничащая с испугом. Я ободряюще улыбнулась и подняла свой бокал. Следующим его поднял дедушка, и глаза Микеля округлились.

– За Микеля. Сына Илиры и моего внука, – гордо повторил он. – За царя Металлов с кровью Раздора!

– За царя Металлов с кровью Раздора! – подхватили лозунг гости.

Зал наполнился аплодисментами и восторженными голосами: до всех стало доходить, что во главе их бывшего врага в лице Даории сидит царь с кровью их Дома. Гордость отразилась на лицах. К счастью, многие были подвыпившими и не стали вдаваться в сомнительные рассуждения, позволив сохранить хорошее настроение.

Я лишь сделала маленький глоток, помня о том, сколько уже в себя опрокинула, но Микель, как я вначале, осушил весь бокал. Майрон взмахом руки позвал его к себе.

– Иди, – подбодрила я, когда брат с сомнением взглянул на меня.

– У меня ещё остались дела. Присмотрите за ним, хорошо? – попросила я Мороса, Гипноса и Весту.

Братья заверили, что глаз с него не спустят, а Веста отправилась оценить закуски. Я с трудом проглотила вопрос про Кая, боясь услышать, что он точно не придёт. Хотя половина вечера прошла, а опоздания были не характерны для сына Гипноса.

Микель ушёл с бабушкой, у меня же загудело в голове от постоянных разговоров, и я вышла на закрытый балкон. Освещение казалось приглушённым после ярких ламп главного зала, а чарующий вид далёкого моря успокаивал. Одно из окон оставили распахнутым, чтобы впустить холодный воздух и не создавать духоты в зале. Я по-прежнему слышала шум разговоров и музыку, но они более не давили. Прикрыла глаза, вдохнула прохладу, наслаждаясь свежим воздухом и прочищая сознание от выпитого.

– Архонт? – позвал незнакомый голос.

Я обернулась, и из глубины балкона ко мне подошёл молодой палагеец. Выше меня на голову, широкоплечий, с обаятельным лицом, каштановыми волосами и светлыми, почти янтарными глазами. Я напрягла память, не в силах вспомнить имя.

Это плохо. Мы определённо знакомились, но, похоже, в момент нашего общения я уже едва слушала.

– Никон, – с очаровательной улыбкой напомнил он, поняв мою заминку.

Я расслабилась, ощутив, что это его не смутило.

– Сколько вам лет, Никон?

Он тихо рассмеялся моей прямоте. Было достаточно светло, чтобы я могла оценить его красоту, но мне по-прежнему было сложно определять истинный возраст палагеецев. Внешне он был как Кай. Лет двадцать семь или двадцать восемь.

– Тридцать пять, – отсмеявшись, ответил он. – Я слышал, что вы прожили большую часть жизни среди людей. Не волнуйтесь, даже нам не сразу удаётся определить точный возраст собеседника.

– Как вы это делаете? – искренне заинтересовалась я.

– Обычно по глазам. Они хорошо выдают. Ещё стиль речи. У разных поколений словарный запас и привычные выражения немного отличаются, – продолжил перечислять он, не отрывая взгляда от моего лица. Чтобы не показаться слабой, мне пришлось отвечать ему тем же. – Или по гулу. Чем старше собеседник, тем мощнее он кажется. Даже не знаю, как описать. Легче всего на практике. Прислушивайтесь к чужому гулу и анализируйте.

Я улыбнулась его совету и прислушалась к силе Никона. Давно этого не делала и перестала замечать, научившись воспринимать чужой гул как фон, звуки окружающей среды.

То ли приглушённая обстановка, то ли выпитый мной алкоголь, но, прислушиваясь к гулу Никона, я разобрала его размеренное дыхание. Происходящее показалось мне слишком интимным, словно я слушала его сердце, поэтому торопливо абстрагировалась от чужой силы и выдавила скованную улыбку.

– Благодарю за совет, я им обязательно воспользуюсь.

Никон кивнул, почувствовав мою отстранённость, но обиженным не выглядел, а его спокойствие мне понравилось. Он взял мою руку и не попытался притвориться, что хочет поцеловать мой перстень, он на долгие секунды прикоснулся губами к коже кисти, оставляя явный намёк.

– Я всегда к вашим услугам, если потребуется помощь.

Он выпрямился, а я не успела ответить, как взгляд Никона переместился мне за спину. Палагеец не выглядел испуганным, но его маска былой уверенности треснула у меня на глазах.

– Кириа, прошу прощения за опоздание.

Сердце подпрыгнуло к горлу, а следом рухнуло куда-то вниз от голоса Кая.

Я приказывала себе дышать ровно и не сметь выдавать смесь восторга и надежды, от которой завибрировало всё тело. Никон что-то сказал, кажется попрощался. Я смогла только кивнуть, натянув доброжелательную улыбку, и повернулась к новому собеседнику. Кай ни на мгновение не отвёл от меня внимания, игнорируя прошедшего мимо Никона, который вернулся в зал, оставив нас одних.

Эта встреча отличалась от неожиданного сюрприза в усадьбе Ойзис. Тогда я была застигнута врасплох, нынешнего же мгновения я ждала с нетерпением, готовая, намеренная выдержать и даже немного пообщаться.

Между нами оставалось три шага, и я беспрепятственно окинула Кая взглядом. Кожаные сапоги, штаны и шёлковая подпоясанная туника. Всё

абсолютно чёрное и простое, без излишеств и украшений, но ему это было и не нужно. Шёлк богато отражал свет зарева, а сдержанность в наряде выделяла сына Гипноса на фоне остальных гостей, не говоря уже о мрачном цвете одежд. Волосы были убраны назад, вновь делая его чуть старше и серьезнее.

Он также оценивающе осмотрел меня, и я боялась шелохнуться, почти физически ощущая, как его взгляд поднялся по моим голым ногам, прошёлся по бедрам к талии и груди. Мне казалось, он видит, как сердцебиение сотрясает моё тело, а кожа покрывается мурашками. Кай задержал внимание на губах и только затем посмотрел мне в глаза.

Одного его бесстыдно исследующего взгляда хватило, чтобы тело начало гореть от желания. Кажется, он оценил платье, а мне хотелось, чтобы он его снял. На миг почудилось, что в потемневших глазах Кая есть схожая мысль, но он моргнул, и лицо приобрело знакомое отчуждённо-сдержанное выражение. Кай подошёл ближе и взял мою правую руку с печатью.

- Кириа, поздравляю с новым титулом, - его глубокий голос завораживал, а повторное обращение «госпожа» выбило остатки здравого смысла из головы.

- Ты из Дома Кошмаров, и я не твоя госпожа, - севшим голосом возразила я.

Кай одарил меня снисходительной улыбкой и наклонился для поцелуя. Но вместо того, чтобы прикоснуться губами к печати или кисти, он развернул мою руку и приник с поцелуем к запястью, там, где стремительно бился пульс.

Я проглотила стон, ощутив, как отзывается тело на его присутствие. Я истосковалась по прикосновениям Кая, но при этом каждое обжигало, принося ноющую боль. Он выпрямился, но напоследок задумчиво провёл пальцами вверх по моему предплечью, ощупывая паутину следов от ахакора. Я задержала дыхание.

Мне просто щекотно.

Волна мурашек по спине - лишь реакция на щекотку.

- Я верен не твоему Дому и не архонту, - тихо объяснил Кай, отпуская мою руку. - Я верен тебе и хочу, чтобы ты помнила, что с любой проблемой можешь прийти ко мне, Кассиопея.

Он был серьёзен, возможно, даже намекал на недавний инцидент с лодыжкой, не веря в моё оправдание, но я не ощутила давления и улыбнулась свободнее.

- Кассия, - тихо поправила я, сделав глоток яблочного напитка.

- Сколько ты выпила, Кассия? - уточнил он, его взгляд красноречиво замер на моих ключицах, и я чуть не подавилась глотком.

- Три? Наверное, четыре.

- Ты краснеешь, поэтому это допью я. - Он забрал мой бокал и осушил его.

Я не стала возражать, краснея ещё больше. Мне было тяжело контролировать ускорившийся пульс и отяжелевшее дыхание. Пусть лучше Кай думает, что это из-за спиртного, чем поймёт, что всё из-за его присутствия.

Жестом он пригласил сесть на ближайший диван, и я подчинилась. Кай расположился рядом. Не впритык, но и третий между нами не поместится. Он повернулся ко мне корпусом и расслабленно уложил руку вдоль спинки.

– Твои волосы отрасли, – зачем-то озвучил он очевидное, а я приказала себе сидеть смиренно, пока его пальцы погладили прядь у моего лица, задевая щёку.

Сердце колотилось как сумасшедшее от мысли, что мы впервые за долгие месяцы наедине. В последний раз на отстранённые темы мы говорили с глазу на глаз сразу после трагедии, когда я подала ему маковый напиток. Затем виделись на краткие мгновения, перекидываясь лишь парой фраз. Его внезапное появление у Ойзис я и вовсе хотела забыть, чтобы не раздражаться.

– У меня нет воспоминаний, но Веста при помощи Мороса показала множество своих, и я видел, как ты изменилась, как многому научилась. Ты будешь прекрасным архонтом, – серьёзно заверил он, а пальцы коснулись моего лба с венцом.

– Спасибо, – на выдохе поблагодарила я.

Возможно, своими прикосновениями Кай пытался меня успокоить, но производил абсолютно обратный эффект, и выпитый алкоголь с новой силой ударил в голову, когда он погладил мою щёку, скулу и тёплые пальцы замерли на моём пульсе на шее.

Я не стала воображать лишнее, потому что Кай обеспокоенно нахмурился.

– Ты боишься?

– Нервничаю, – полуправдиво ответила я и облизала пересохшие губы. Невольно расслабилась, заметив, что он пристально на них уставился. – Мне обещали вечеринку, а оказалась очередная деловая встреча или смотрины.

Кай улыбнулся моему наигранно ворчливому тону. Мы вновь смотрели друг другу в глаза, а пальцы Кая скользнули ниже, до моих ключиц. Кажется, он даже не отдавал себе отчёта, когда поправил цепочку на моей груди. Украшение было слишком длинным, чтобы прикосновение можно была посчитать приличным.

Он замер, на лице отразилось мимолётное недоумение, может, даже испуг. Рука торопливо вернулась на спинку дивана. Я снова смогла дышать, но жар во всём теле и боль в животе уже стали слишком ощутимыми. Чтобы хоть немного скрыть напряжение, я медленно сменила положение ног, уложив одну на другую. И без того короткое платье задралось, и я провела рукой по бедру, расправляя ткань. Кай проследил за каждым моим движением и не смутился, будучи пойманным за разглядыванием моих голых ног.

– Тебе нравится моё платье? – с беззаботной улыбкой спросила я, не в силах понять перемену в его поведении.

– Ты красива и без него, – словно заметив каверзность вопроса, с намеренной двусмысленностью ответил Кай.

Его улыбка была провокационной, хотя веселье не достигло глаз, воздух между нами стал вязким. Весь разговор от начала и до конца был неправильным, обрывочным и, казалось бы, сухим, с короткими репликами, но мне было тяжело дышать, будучи рядом с ним, а взгляд Кая оставался тёмным, часто блуждающим по моему телу.

Он что-то чувствовал, но всё чаще себя одёргивал, хмурился, будто заставлял себя быть воспитанным. Кай определённо не мог понять, что сбивает его с толку. Я же знала, что испытываю, но умоляла себя помалкивать и не пытаться к нему прикоснуться.

– Думаю, всем присутствующим понравилось твоё платье. Многие пришли сюда, желая власти, а теперь желают твоё тело не меньше. – Всё веселье сошло с лица Кая, он смотрел мне в глаза, следя, чтобы я серьёзно отнеслась к его словам.

– Думаю, Веста показала тебе мой поединок с Иолаем. Вряд ли кто-то из присутствующих рискнёт ко мне пристать.

– Не сомневаюсь в твоём уме и способности за себя постоять, но эти люди умеют играть свои роли ради выгоды. Эмоции и чувства тяжело контролировать. Не хочу, чтобы они тебя подвели и однажды ты оказалась в опасности.

– Ты переживаешь, что я влюблюсь в того, кто этим воспользуется?

– Да.

Его отрывистое согласие едва не вырвало у меня смешок, но я проглотила его и ответила благодарной улыбкой. Он не осознавал, что ни у одного из присутствующих нет и шанса.

– Не могут же все гости быть надменными подонками. Никон, с которым я до этого говорила, был весьма вежлив. – Стоило сразу закрыть тему, но я почему-то не удержалась от того, чтобы узнать, как далеко Кай готов зайти в своей опеке. Не понимала, на каких эмоциях она основана. Намерен ли он играть роль старшего брата или это просто заботливое предупреждение?

– Никон плохой вариант? – меня не интересовал тот палагеец, но я хотела знать, что скажет Кай.

Он призадумался, обведя взглядом пейзаж за окном.

– Я знаю его семью, и в целом Никон... неплохой вариант. По крайней мере, дурных слухов о нём не слышно, – сухо признал Кай, а я торопливо скрыла гримасу, стараясь сделать улыбку более дружелюбной.

Это не тот ответ, который я хотела слышать, хотя и откровенный запрет мне бы не понравился. Кай не стал врать и дал мне выбор. Захотелось скривиться от мысли, что он сам составит список достойных претендентов на место мужа, если я попрошу. Однако Кай даже не подумает включить своё имя в список.

Может, его и привлекает моё тело в этом платье. Но мимолётное желание сын Гипноса загнал куда-то глубоко, а его взгляд снова стал расчётливым. Я для него не более чем ребёнок во взрослом теле.

- Не стоит переживать об этом. Тот, кого я любила, мёртв, - с трудом выдавила я и отвернулась, ища хоть какой-то алкоголь, но на всех ближайших столиках было пусто.

Мне не хотелось поднимать неприятную тему. Это как балансировать над обрывом.

- Элион?

Имя отозвалось болью в груди. О нём мне тоже не хотелось говорить. Кай взял мою руку и сжал пальцы, заставив посмотреть на него. Я не хотела, но пришлось.

- Веста рассказала мне о намеченной помолвке. Ответ ты собиралась дать после той встречи с Микелем.

- Я сожалею.

Брови Кая поднялись вверх, на лице отразилась растерянность, будто он ожидал чего угодно, кроме подобной реакции. Я сжала его пальцы в ответ, вкладывая как можно больше искренности в последующие слова.

- Сожалею, что меня не было рядом, когда ты узнал. Сожалею о твоей потере, Камаэль, потому что знаю, что ты любил Элиона. Любил как члена своей семьи, и его потеря ранит тебя до сих пор.

Каю не сразу удалось справиться с калейдоскопом эмоций. Тоска, гнев и даже отвращение к испытываемой им боли. Он всё ещё не мог пройти нужные стадии к принятию. Он ненавидел то, что не мог исправить, и я понимала всё, что он чувствует, так как долгое время испытывала то же самое. До сих пор временами гнев из-за всего произошедшего накатывал гигантской волной, топил, душил своей неизбежностью, а в последнее мгновение откатывался обратно, оставляя меня опустошённой и разбитой.

Я продолжила, как только все эмоции Кая скрылись за знакомой маской уравновешенности:

- Я действительно любила Элиона, - призналась я. - Любила сильнее, чем друга, но не как мужчину. Я собиралась согласиться на помолвку, чтобы защитить Камиллу - их с Вестой маму. Также была готова согласиться, потому что тот, кого я любила, отказался от меня, заверив, что у нас нет шансов.

Я слишком поздно прикусила язык, осознав, что сболтнула лишнего. Серые глаза стали задумчивыми, словно он что-то вспомнил. Я задержала дыхание, боясь его реакции. Если он начнёт задавать слишком правильные вопросы, мне придётся лгать, а я не хочу лгать Каю. Намного проще недоговаривать или просто уклоняться от темы.

– Иво?

Я шумно выдохнула, решив, что ослышалась.

– По словам Мейв, вы с Иво очень сблизились ещё в Санкт-Данаме.

В голосе Кая не было недовольства, но ожидание ответа его явно напрягало. Я лишилась дара речи, изумлённая, что Кай готов приписать мою влюблённость к кому угодно, но только не к себе.

– Вы говорили обо мне?

Я вздрогнула и подняла взгляд на стоящего у нашего дивана Иво. Даже не заметила, как он подошёл. Иво одарил Кая улыбкой, а потом сел рядом и беззастенчиво притянул меня к себе, целуя в щёку.

Я расслабилась в объятиях друга. Он почти всё время проводил в Санкт-Данаме, из-за этого мы редко виделись. Мейв и то заглядывает регулярно, постоянно передавая послания между Каем и Советом архонтов.

– Кассия любит меня точно так же, как и Элиона. Как члена семьи и не более, – заверил Иво Кая в ответ на его гробовое молчание. – Хотя я уже не откажусь взять её в жёны, лишь бы защитить от сброда в зале. Тоже мне светская аристократия, – закатив глаз, пробубнил он. – Думаю, тебе стоит вернуться и послушать, как они обсуждают Кассию между собой. Благо Микель попридержал желание высказаться. Он царь, но лучезарный, а ты можешь сказать им всё, что думаешь.

Иво говорил всё исключительно Каю, будто я не сидела между ними. Лицо сына Гипноса помрачнело, челюсти сжались.

– Ты прав, я проголодался. Пойду посмотрю на закуски, – ледяным тоном ответил он и поднялся с дивана.

– Камаэль, – позвала я, и Кай замер, успев отойти всего на два шага. – Я буду рада, если мы сможем видеться чаще.

Взгляд Кая немного потеплел, но улыбка вышла отстранённой.

– Я тоже, – ответил он, кажется хотел сказать что-то ещё, но промолчал и вернулся в главный зал.

Я обмякла в руках Иво, тот невесело хмыкнул.

– Всё прошло не так плохо. Вначале боялся, что вы оба не выдержите, поэтому стоял в дверях, не пуская никого на балкон.

Я повернула лицо к другу, и его улыбка стала насмешливой. Повязка на глазу никак не умаляла его красоту, с ней и с убранными назад волосами Иво казался внушительнее и опаснее.

- Не выдержим? - переспросила я.

- От вас несло желанием за несколько метров. К твоей удаче, это вечеринка Дома Раздора, и вы подобное не ощущаете.

Я вся покраснела, пряча лицо в ладонях.

- Прости. Я выпила лишнего, и мы давно не оставались наедине. Не хотела так реагировать. Просто...

- ...не могла сдержаться, - закончил Иво, понимающе кивнув. Он успокаивающе потрепал меня по волосам. - Всё хорошо. Это абсолютно нормальная реакция на того, кого любишь. Я скорее говорю о Кае. Похоже, собственная реакция на тебя его шокировала, так что я нутром чуял его страх.

Улыбка Иво стала мрачной и довольной. Я подняла вопросительный взгляд, сомневаясь, правильно ли поняла.

- Он всегда такой уверенный, готов к любым поворотам событий, что увидеть Кая сбитым с толку сродни определённом наслаждению, - с тихим смешком поделился Иво, но веселье быстро сошло на нет. - Поразительно, насколько он слеп в нынешней ситуации и не понимает, что нравится тебе. Я ещё ни разу не видел, чтобы Кай не мог разглядеть ответа прямо перед собственным носом.

Руки покрылись мурашками, и я с трудом сдержала улыбку, проводя рукой по своей талии.

- Хорошее платье?

- Не то слово.

- Я его сохраню, - тихо рассмеялась я, благодарно обнимая Иво.

Он всегда мог снять невидимый давящий груз. В этом у него настоящий талант. Иногда Иво не нужно было ничего говорить, он понимал без лишних слов и умело менял тему разговора, чтобы облегчить напряжённую тишину.

- Не хочешь рассказать мне про недавнее нападение? - мягко, но категорично напомнил Иво.

- Разве Оникс тебе не всё рассказал? - расслабленно возразила я, всё ещё не решив, как реагировать на то, что они приставили ко мне непрерывную слезку.

Иво скрыл улыбку, прочищая горло для ответа:

- Справедливо. И хороший ход попросить его рассказать только мне. Как ты понимаешь, Оникс продолжит свою работу, но я договорился с ним, чтобы все

доклады он приносил исключительно мне, а там уже я решу, что передать Каю, но ты взваливаешь на меня непосильное бремя вранья, Кас.

Я благодарно сжала ладонь друга, зная, что ему, будучи каждый день рядом с Каем, действительно тяжело скрывать всё, о чём я попросила.

– Хочешь прикончить Дафну? – с поразительным спокойствием уточнил Иво.

Нехотя я качнула головой, наверняка Оникс справится, но Ойзис прекрасно знает, к кому приходить за ответом, если с её сестрой что-либо случится.

– Может, года через три-четыре? – предложила я, на что Иво издал смешок.

– Как твой глаз? – Я аккуратно погладила его по щеке, друг приник к моей ладони, словно ощущение его успокаивало.

Прошли месяцы, но при мне он ни разу не снимал повязку.

– Пока ничего им не вижу. Гипнос провёл некоторые тесты, сказал, что глаз реагирует и двигается как настоящий. Заверил, что зажило всё отлично, а об отсутствии зрения ещё рано волноваться.

Я пожевала нижнюю губу, не разделяя его отстранённого спокойствия. Иво настолько умело сохранял равнодушный вид, что я почти верила, что ему плевать, два глаза у него или один.

– Как дела в Санкт-Данаме?

– Неплохо, но пришлось потрудиться, чтобы люди не паниковали из-за закрытия проходов в Даорию. Их бы всё равно пришлось закрыть, чтобы губительная радиация не попала в мир людей, но сколько им ни объясняй – достучаться сложно.

– Уже все знают, что Даории не станет?

– Ещё нет. Обсуждения ведутся только с правительством. Кай решил, что нет смысла рассказывать общественности. Такие новости породят бесполезные слухи и страхи. До сих пор существуют фанатики. Если они примутся разносить слухи о конце света, то кто знает, как люди отреагируют.

– Конец света наступит, но не для их мира.

– Мы это знаем, но фанатики способны посеять панику, переиначивая правду как им заблагорассудится. Неизвестно, какой сейчас уровень доверия общественности к правительству в мире людей, они могут больше поверить выдуманному байкам, чем официальным заявлениям их президента. – Иво оборвал речь, шумно выдохнул и откинулся на спинку дивана. – В любом случае это не наше дело. Главное – сохранить спокойствие во всех трёх мирах, а это проще, если предотвратим трагедию тихо, чем мы и занимаемся. Все люди, работающие в новом мире, подписали бумаги о неразглашении. За труд им выплатят огромные деньги, поэтому они помалкивают.

– У нас всё получится? – тихо спросила я, слыша, как за стеной музыканты заиграли новую мелодию.

- Получится, - заверил Иво. - Даории переселятся, твой Дом вновь станет силён, ты выполнишь свой план и расскажешь Каю правду, а я наконец выйду в треклятый отпуск, потому что в Тартар такую работу. Начав работать на Кая, я на подобные приключения не подписывался.

Я ответила тихим смехом на его недовольное ворчание. Если Иво говорит, что всё получится, то я соберу волю в кулак и буду держаться.

18

Почти четыре года спустя

МИКЕЛЬ

- Всё идёт по плану. Я оставил в вашей квартире четыре картины, их стоимости должно хватить, чтобы закрыть нынешнюю сделку, - попытожил я, вставая с кресла в кабинете Кая.

Я полгода не был в Санкт-Данаме, занятый в Новой Даории. Закончено строительство главного мегаполиса, который мы назвали Эридан - так же, как и нашу нынешнюю столицу. Завершены ещё четыре крупных города, и активно возводятся поселения поменьше. Почва, климат, флора и фауна - почти всё изучено, сельское хозяйство прекрасно развивается, и мы получаем стабильный урожай. В чём-то пришлось приспособиться, но в целом Морос действительно смог найти максимально подходящий и близкий нам мир.

- Как население воспринимает вынужденный переезд? Отец сообщил, что уже больше половины Даории вы переселили в новый мир, - скорее из вежливости поинтересовался Кай, не отрывая глаз от подписываемых бумаг.

Я сжал челюсти. Меня немного раздражало его спокойствие. Он всегда сдержан, со знакомой мне-на-всё-насрать маской, словно ничего и не произошло. Я бросил взгляд на Иво, но тот категорично дёрнул головой, молча приказывая мне даже не думать ляпнуть что-то не то.

- Есть часть населения, которая либо отказывается верить в катастрофу, либо не хочет переезжать, оправдываясь нежеланием покинуть земли своих предков, - ровным тоном ответил я, нехотя внимая желанию Иво. - Первых удаётся переубедить выступлениями богинь, но вторые часто стары и упрямы. Предпочтут умереть на родной земле.

Кай дважды кивнул головой, оставил несколько подписей и лишь потом поднял на меня безжизненный взгляд. Последние годы я не видел у него другого выражения лица. Он казался абсолютно ни в чём не заинтересованным, а любые новости – плохие или хорошие – встречал со скучающей гримасой. Кажется, я начал тосковать по его действующему на нервы сарказму.

– Похоже, всё под контролем, – выдал он бессмысленную, часто повторяемую фразу, из-за которой я сомневался, что он вообще слушал. Хотя в целом это была правда: всё под контролем. – Иво отвезёт картины Аяксу, и он оценит их стоимость. Думаю, на этом можем закончить сегодняшнюю встречу.

Я бросил взгляд в окно за спиной Кая. Оно было во всю стену, позволяя любоваться панорамой города, я заморгал, не припоминая, когда успело стемнеть. Приехал ещё за час до заката и не ощутил, что встреча затянулась.

Я взял свою куртку. Нужно было надеть пальто, совсем позабыл, что в середине осени в Санкт-Данаме холодно для кожаной куртки, но поздно жаловаться. Я похлопал себя по карманам в поисках телефона, там не было ни одного пропущенного звонка, что порадовало. Тион уже спокойнее воспринимал мои отказы брать его на встречи с Каем. К тому же в этот раз я оставил его приглядывать за Лексой и Троем в ближайшем кафе. Лексе надо было проветриться, а с Троем наши отношения хоть не сразу, но наладились. Узнав о скором взрыве звезды, он сам ко мне пришёл, осознав, что я не шутил по поводу необходимой помощи. На фоне подобной катастрофы, угрожающей нам полным вымиранием, прошлые недомолвки стали не такими серьёзными. Однако Троя я держал от Кая и Иво как можно дальше: их встреча ничем хорошим не закончится.

Сын Гипноса изменился после потери целого года воспоминаний. У меня невольно заняла левая сторона лица при мыслях о нашей первой встрече после того, как Кай выяснил обстоятельства гибели Элиона. Тогда вместо проклятий, угроз или каких-либо слов я сразу получил кулаком в лицо. Несколько раз. Он сломал мне скулу, боль была адская, но пришлось стерпеть, зная, что он пожертвовал жизнью ради открытия прохода для даориев. Старый Кай получил возможность выплеснуть гнев на Лисандра и позже на армию, во второй же раз перед ним не было никого, кроме меня. Лучше уж так. Я знал, что меня он не убьёт, а вот увидь Троя, снёс бы ему башку не раздумывая.

Скула зажила за пару недель, Кай смог перебороть себя и начать со мной разговаривать спустя год. Он никогда не был мне другом, и всё же я был рад, что мы сумели вернуться к знакомым отношениям.

Я убрал телефон в карман куртки, но не успел её надеть, как двери кабинета распахнулись и вошла Мейв. Она кивнула мне, Иво и остановила свой взгляд на Кае.

– Хорошо, что вы здесь, – торопливо выдала она, её щёки покраснелись, дыхание было тяжёлым, а причёска растрёпанной, будто она бежала. – Сюда идёт Морос, и он в дурном настроении, потому что ему доложили о вчерашних проблемах, которые...

– Благодарю за то, что сообщила о моём прибытии, Мейв, – сухо прервал Морос, бесцеремонно отодвигая девушку в сторону. – Дальше я расскажу всё сам.

Ей ничего не осталось, кроме как пропустить его и прикрыть дверь, чтобы беседа не покидала пределов комнаты. Морос выглядел как Дардан Хилл, предпочитая этот образ в мире людей. Одним движением пальцев он расстегнул свой чёрный пиджак и подошёл к столу Кая. Никто не сказал ни слова, пока мужчина достал из пиджака флешку и воткнул её в работающий ноутбук Кая. Несколько секунд клацающих клавиш – и Морос развернул компьютер обратно Каю, буквально пихнув его племяннику под нос.

Повисла напряжённая тишина. Глаза Кая изредка двигались по экрану, но выражение лица не менялось.

– Собираешься хоть как-то оправдать это видео? – с жёсткой улыбкой, напоминающей раздражённый оскал, обратился Морос к Каю.

Мейв и Иво испуганно переглянулись. Похоже, только я не понимал, в чём дело. Без смущения обойдя стол Кая, я заглянул ему через плечо. На экране ноутбука проигрывалось одно и то же заикленное видео, просто с разных камер. Изображение было чёрно-белым, похоже, снятым в тёмное время суток камерами на улицах.

Там был онир, нападающий на тёмную машину на узкой парковке. Со стороны водительского сиденья, судя по росту и светлым волосам, вышел Кай. Он без колебаний из-под полы чёрного плаща достал длинное оружие. Похоже, дробовик. Вскинул его к плечу и выстрелил в онира. Существо было слишком близко. Я поморщился, когда часть его головы разорвало на куски. Видео было беззвучным, но у ближайшего автомобиля, очевидно, сработала сигнализация. Кай повернулся, перезаряжая оружие, и без каких-либо колебаний выстрелил в машину. Мигающие фары потухли. После Кай схватил мёртвого онира за ногу и потащил к своему автомобилю, не обращая внимания на остающийся от него кровавый след с кусками плоти.

– Что не так? Я убрал тело, – с безразличием ответил Кай, закрывая крышку ноутбука.

Я поёжился, представив, как он хладнокровно запихивает онира в багажник. Часто сын Гипноса одновременно восхищал и ужасал поразительной обыденностью в своей внезапной жестокости.

– Оставив его ошметки на асфальте! – отрезал Морос, и я отошёл в сторону, ощущая назревающие проблемы. – Рано утром жители вызвали полицию, они провели экспертизу, чтобы выяснить, чьи же куски разбросаны на парковке. Разумеется, одновременно они проверили камеры видеонаблюдения. Ладно, онир и плевать на чужое имущество, которое ты повадился портить! Ты палагеец, а у тебя в руках дробовик! – рявкнул Морос. – Благо эту запись видели немногие, но мне пришлось отвалить крупные суммы и задействовать связи, чтобы переубедить их это где-либо опубликовать. Журналисты бы сожрали за такие новости. Палагеец, способный держать их огнестрельное оружие! Людей успокаивает убеждённости, что у них есть пушки против нас, а ты демонстрируешь, что сам способен ими пользоваться.

Кай выдержал гневную тираду Мороса не моргнув и глазом. Он продолжал сидеть за столом, сцепив руки в замок перед собой.

- С какой стати ты начал носить дробовик?! - воскликнул Морос, не получив от Кая хоть какой-то реакции.

- В последние годы ониры больше обычного лезут в город.

- И?!

- Они быстрые, умеют уворачиваться от пуль. Я устал за ними бегать и одолжил у отца часть арсенала.

Морос лишился дара речи. Бесхитростная причина выбила его из колеи.

- Разве ты не можешь контролировать кошмарных тварей? - как бы между делом вклинился я.

Кай повернул голову в мою сторону.

- Не в мире людей. Возможно, дело в радиоволнах, но здесь они мне не подчиняются, только боятся и пытаются удрать.

- А чужая машина тебе чем не угодила?

- Она шумела.

Я умолк под пустым взглядом Кая, понимая, что с его железобетонной логикой бороться тяжело.

- Ониры и прочие твари лезут в Санкт-Данам, потому что ты постоянно зол! Переправа это чувствует, - обвинил Морос племянника, беря себя в руки.

- Я не зол. Всего лишь не в духе.

Морос наградил Кая тяжёлым взглядом. Он так долго на него смотрел, что тот сдался, шумно выдохнул и сухо пояснил:

- Я плохо сплю.

- Как давно?

- Не помню, - моментально отрезал Кай, но нехотя добавил под давящим молчанием дяди: - Давно. После открытия нового мира.

- Кассия с тобой говорила?

На лице Кая отразилось недоумение, впервые хоть какие-то эмоции.

- О чём она должна со мной говорить? - вопросом на вопрос ответил Кай.

- Сколько лет прошло? - резко обратился Морос к Иво, а затем посмотрел на Мейв и меня.

Я знал о плане Кассии. Она попросила ничего не рассказывать Каю. Не поддерживая, но уважая её решение, я молчал. Похоже, остальные сделали то же самое.

– С принятия венца архонта почти четыре года, – ответил я, прекрасно помня день, когда познакомился с дедушкой.

Именно он стал переломным, Майрон принял меня с понимаем и теплом, которого я не ощущал от кровного отца. Мы по-прежнему общаемся, хоть и реже, чем хотелось бы, но я не испытываю судьбу и не посещаю Палагеду без их официального приглашения, поэтому мы пересекаемся на Переправе в доме Гипноса.

– И она так ничего и не рассказала?! – недовольно отрезал бог.

– Морос, – предупреждающе позвал Иво.

– Нет. Думаю, пора с этим разобраться, потому что его спокойствие меня пугает. Даже мне и Гипносу не удалось быть столь хладнокровными, а опыта в безразличии у нас больше, чем у вас.

– Морос, – уже с мольбой позвал Иво, но бог взмахом руки приказал ему заткнуться.

– Происходящее сейчас – проблема! И ситуация будет ухудшаться, – заверил его Морос и обернулся к Каю. – Раньше в Санкт-Данаме ты помогал мне справляться с проблемами, а теперь сам отчасти их создаёшь. Я молчал, подтирая подобные улики за тобой, молча приплачивал и запугивал местные власти и СМИ, чтобы не светили информацией, – перечислил Морос, ткнув в закрытый ноутбук.

Кай ответил ему скупой приподнятой бровью.

– Если за эти годы ты так и не понял причин своего неуравновешенного состояния, то я дам тебе долбаную подсказку, – скорее с угрозой закончил Морос и появился передо мной.

Я не успел и слова сказать, как его руки оказались на моих висках. Я в испуге распахнул глаза и напрягся всем телом в ожидании боли, помня, как жутко было смотреть видения сивилл, но ничего не ощутил, помимо шершавых пальцев на своём лбу и висках.

– Расслабься, Микель, – велел Морос. – Я одолжу часть твоих самых невинных воспоминаний. Будешь дёргаться, и случайно перепотрошу всю твою память. Могу где-то ошибиться, и ты начнёшь считать себя девочкой. Уяснил?

– Понял, – недовольно выдавил я, но замер, не уверенный, насколько его предупреждение лживо. – Не двигаюсь.

– Всем бы быть такими послушными, – проворчал себе под нос Морос, а дальше у меня перед глазами пронеслось множество эпизодов из моей жизни.

Они слились в цветные пятна, будто фильм, промотанный на сумасшедшей скорости. Не знаю, сколько времени ему потребовалось, но мне показалось, что прошло всего секунд десять, и Морос уже меня отпустил. Я покачулся от внезапной слабости, но устоял на ногах.

В голове продолжало назойливо гудеть, когда Морос положил два стеклянных шара перед Каем. Шары напоминали те, которые Гипнос дал Мелаю. Я слышал, что таким способом Морос может передавать другим чужие воспоминания. Кай не притронулся к ним, лишь опустил взгляд. Я был готов поклясться, что он не желает их видеть, и я призадумался: сколько таких чужих воспоминаний ему пришлось просмотреть, чтобы иметь хоть малейшее представление о забытом периоде? Сомневаюсь, что приятно видеть свою жизнь отрывочными кусками и через призму чужих глаз.

Морос обошёл Иво и Мейв. Те не сопротивлялись, смиренно делясь воспоминаниями. Так перед Каем на столе появилось около десяти шаров с серым клубящимся туманом.

– Что это? – медленно уточнил Кай, а его губы изогнулись в отвращении. – Я сыт по горло подобными отрезками.

– Я пообещал Кассии помалкивать. Это же обещали абсолютно все, – сдал мою сестру Морос. – Она просила три года, но прошло почти четыре, и она до сих пор не выполнила своего обещания, поэтому и я не стану молчать.

– Что там? – с большей настороженностью уточнил Кай.

– Там ты. Себя ты знаешь достаточно хорошо, чтобы понять, о чём я говорю.

Кай ещё раз холодным взглядом посмотрел на лежащие перед ним шары. Он с явной неохотой взял первый, поднёс поближе к лицу и сдвинул пальцами. По стеклянной поверхности пошла трещина, дым потёк наружу, и Кай лениво его вдохнул.

Я напряжённо подался вперёд. Только Морос казался уверенным и по-прежнему хмурым, а Иво и Мейв пристально следили за выражением лица Кая. Его глаза остекленели на мгновение, следом он торопливо заморгал, возвращаясь к нам.

– И? – сухо бросил он Моросу. – О чём мне должен сказать этот кусок? Что я разговаривал с Кассиопеей, когда она выглядела как человек?

Морос одарил племянника раздражённым оскалом, лишь отдалённо напоминающим улыбку.

– Следующий, – приказал он.

Кай скорчил гримасу, но подчинился. Следующий шар он сдвинул сильнее, и тот раскололся на три части. Кай был в прострации чуть дольше, но стоило прийти в себя, как он вновь одарил дядю взглядом, полным скепсиса.

– Отлично. Теперь я знаю, что у Кассии есть больше красивых платьев. Очаровательно.

- Дальше, - хладнокровно отрезал Морос.

Обстановка начала накаляться, и только тревога за Кассию заставила меня стоять на месте. Я предчувствовал, что происходящее может всё повернуть, и проблема, с которой не смог справиться даже Гипнос, будет решена.

Следующий шар Кай схватил уже раздражённо и демонстративно сильно сдвинул на глазах у дяди. У меня спина покрылась мурашками, когда лицо Кая немного вытянулось, а выражение изменилось. Он никак не прокомментировал увиденное, но посмотрел на дядю с неодобрением. Морос самодовольно сложил руки на груди.

Следующий шар Кай расколол быстрее, до мелкого хруста. Острые края порезали ему пальцы. Несколько капель крови упали на документы, а дым втянулся в порезы. Лицо Кая побледнело, от вида его растерянности мы с Иво переглянулись. Не знаю, как насчёт Иво, но в моих воспоминаниях не было ничего важного. Я видел совместное общение Кая с Кассией, максимум их объятия. Вряд ли Иво был свидетелем какой-либо откровенной любви между ними.

Следующий шар Кай разбил с треском, опустив на него руку. Мы все вздрогнули, потому что почти сразу он так же разбил следующий и ещё один за ним. Он разбивал кулаком, всё время сидя со стеклянным взглядом, направленным в прошлое. Осколки впивались ему в пальцы и ладонь, всё больше крови появлялось на столе, но он не обращал на это внимания. Каждый последующий шар он разбивал быстрее, с гневом в резких движениях и смятением на лице.

Какие же воспоминания достал Морос?

Что он ему показал?

Разбив последний шар, Кай резко встал, его кожаный стул на колёсиках откатился.

- Я ни керы не понял, - зло ответил он Моросу, по-прежнему оставаясь бледным как полотно.

- Если ты хорошо на себя смотрел, то догадался, - с довольной улыбкой возразил тот.

Кай покачнулся, а заметив окровавленную ладонь, вытащил платок и обернул вокруг порезов. Челюсти напряглись, он плотно и недовольно сжал губы. Я абсолютно не мог понять настроение Кая. Слово его метало из стороны в сторону: от гнева и раздражения до испуга и недоумения.

- Мне нужно поговорить с Кассией, - наконец пришёл к выводу Кай, и я шумно выдохнул. - Иво, подгони машину. Мы едем в Пелес.

- Зачем тебе в Пелес? - переспросил Морос.

- Встретиться с Кассией.

- Её нет в Пелесе.

Кай замер, едва успев выйти из-за стола. Повисла неловкая тишина, было видно, что эта новость буквально оглушила его.

- Что значит её нет в Пелесе? Она архонт Раздора и должна быть в столице.

Его уверенность вышибла почву у нас из-под ног, я не знал, на кого из присутствующих смотреть, у кого из них есть ответ.

- Архонтом Раздора уже как полгода является Хлоя. Кассия сложила свои полномочия, передав венец и главенство, - отчеканил Морос, а Кай будто получил пощёчину и невольно отступил на шаг.

- Как ты можешь вести дела с Палагедой, но не знать, что архонт Раздора сменился? - удивился я, будучи в курсе о смене власти, хотя дела в Палагедке меня особо не касаются.

- Я не был в Пелесе больше года за ненадобностью. Все послания доставляют Мейв и Иво, - пробормотал Кай, и мы все повернулись к Иво.

Тот не выглядел испуганным или сожалеющим. Наоборот, Иво встретил неодобрительные взгляды с ледяным спокойствием и ответным осуждением.

- Я ему не сказал, - подтвердил он. - Вы не находились рядом с Каем сутками эти годы и не понимаете.

- Проклятье, так всё это время ты не знал?! - ошарашенно выдал Морос, во все глаза глядя на племянника. - Мы с Гипносом не могли понять, как ты мог оставаться таким хладнокровным. Решили, что разговор с Кассией прошёл плохо, и не стали тебя вмешивать.

- Что произошло? - отозвался Кай, напрягшись.

- Кассия сложила с себя обязанности архонта ещё весной этого года и скрылась под собственной иллюзией так, что её даже Гипнос не в состоянии найти, - вклинилась Мейв.

- Время от времени она отправляет послания Весте для нас всех, но мы не можем её найти, Камаэль. Ты это осознаёшь? Мы не видели её около полугода! - вывалил абсолютно всё Морос, и мне стало стыдно за свою злость на Кая.

Я тоже считал, что он просто бездействует из-за безразличия, но, оказывается, он не знал.

- Иво, - угрожающе протянул Кай в сторону своего помощника. - Сейчас же найди мне Кассию.

- Уже, - ровным тоном ответил Иво, присаживаясь на подлокотник дивана. - Я нашёл её три месяца назад.

- Ты что? - Морос выглядел не менее ошарашенным, чем его племянник.

Иво достал из-за пазухи телефон, демонстрируя нам.

– Может, Кассии и удалось скрыть свой гул вместе с внешностью, но за всё это время она не додумалась регулярно менять номер и сам телефон, – бесхитростно поделился он. – Вначале Кассия действительно скрылась, вероятно, даже уехала из Санкт-Данама в другой город, но потом вернулась и не смогла удержаться от посещения Элин у Аякса. Кстати, твой дедушка, Мейв, прекрасно знает, что мы её ищем, но расколоть его мне не удалось.

Послышалась тихая ругань Мейв.

Я, Морос и Кай смотрели на них в немом недоумении.

– Пришлось пойти на хитрости с Элин, но я раздобыл номер Кассии и с тех пор отслеживаю её местоположение. Делаю это редко, чтобы она не заметила включённую геолокацию. Я не стал никому говорить, потому что выдал бы способ. В следующий раз Кассия могла скрыться так, что мы бы действительно её не нашли.

– Чего ты ждал? – спросил я.

Иво перевёл внимание на меня.

– Пока Кай или Кассия будут готовы поговорить. Моё терпение было близко к концу, но Морос сдался быстрее.

– Тогда ты дождался. Я хочу поговорить, – раздражённо сдёргивая чёрное пальто с вешалки, ответил Кай. – Я поведу сам.

– Мать мрака, а вот теперь это проблема, – побледнев, отреагировал Иво, бросаясь за Каем, который уже вышел из кабинета.

19

КАССИЯ

– К керам эту обувь, – тихо выругалась я, поскользнувшись на промёрзшей луже и чуть не упав.

Пришлось остановиться и, опершись рукой о кирпичную стену, проверить сапог. Почти решила, что молния разошлась, но, к счастью, просто почудилось. Середина осени, но ночью уже заморозки. Я одевалась утром с мыслью, что днём всё растает, но кое-где тонкий лёд продержался весь день. Сапоги на высоком каблуке явно были ошибкой.

Сегодня я уволилась с работы. Была помощником в архиве одного из музеев. Прикидываясь специалистом в истории Палагеды и Даории, я помогала расшифровывать тексты или объяснять какие-то сюжеты картин, легенд или скульптур. Работа мне нравилась, но она не помогала забыть. Я передала титул и скрылась, надеясь полностью абстрагироваться от любых мыслей о Палагедде, а в итоге снова погрузилась в её историю.

Приняв венец архонта, все три года работала без отпусков и практически без выходных, я заваливала себя делами и трудностями, которые надо было решить, с маниакальным рвением, думая, что занятость поможет мне преодолеть годы как можно скорее. Я хотела, чтобы время проскочило за один миг. На деле годы показались вечностью, и под конец я была выжата как лимон. Мои нервные привычки вернулись, а бесконечный круговорот мыслей не давал спать по ночам. Моё тело уставало меньше моих измученных мозгов, и по ночам мне требовались часы, чтобы провалиться в сон. В какой-то момент сознание начало напоминать полнейшую кашу, а эмоции исчезли, лишив меня как страха, так и надежды, как боли, так и предвкушения.

Временно помог маковый нектар с Переправы от Весты. Я стала чуть лучше спать, но это не избавило от трудоголизма, ставшего частью меня. Работой я заменила абсолютно всё, а завершённые проекты – удачно выложенная улица в Новой Даории, разрешения конфликтов между Домами – стали единственной доступной мне эйфорией. Мне нравилось ставить точку и видеть, что проблема решена.

Но удовольствие от завершённости длилось не дольше пары часов, а потом я шла искать новую требующую решения проблему.

Никакого отдыха и никаких пауз.

Когда Хлое исполнилось двадцать и дедушка сказал, что она в состоянии взять венец архонта, я даже не поверила, что моё ожидание подошло к концу. Шок был так силён, что меня окатило страхом. Я пришла к событию, которого так ждала, но вместо восторга ужаснулась тому, в какую бездну упала.

Я не могла вернуться к Каю такой. Мне требовалось стать собой. Той Кассией, которую он полюбил, а от неё осталась только оболочка, потому что все силы и эмоции я вычерпала из себя, как из колодца. Спустя три года я осталась абсолютно пустой. Поэтому ещё несколько месяцев помогала Хлое улаживать все дела, а только после наконец разрешила себе отпустить ситуацию. Я могла пойти к Весте, к Каю, к Иво, даже к Микелю, а в итоге испугалась, создала себе новый ахакор, немного изменила внешность при помощи наручей Фантаса и крови, хорошо запомнив уроки Гипноса, и сбежала как можно дальше на два месяца. Уехала в маленький город на берегу моря, подальше от Санкт-Данама. Мне не нужно было работать, я заранее обменяла некоторые украшения из артемзии на деньги людей, и их с лихвой хватило бы на десятилетие.

Я буквально заставляла себя полюбить спокойную жизнь, училась не думать о Палагедде и Даории, старалась забыть о проблемах и делах. Силилась прекратить вечно куда-то бежать. Мне потребовалось два месяца, чтобы научиться засыпать без шума мыслей в голове. И когда немного пришла в

себя, а колотивший тело страх при мысли о встрече с Каем ушёл, позволив мне ощутить предвкушение и радость, поняла, что все годы бежала к финишу, но испуганно замерла в шаге от победной черты.

Я вернулась в Санкт-Данам, чтобы узнать, что опоздала.

Почувствовав холод, я отдернула руку от кирпичной стены и потрясла ладонью, смахивая ледяную влагу. Затем сжала и разжала пальцы, возвращая кровообращение озябшим рукам.

Ноги в колготках покрылись мурашками, и я недовольно заворчала себе под нос. Почему после увольнения не переделалась во что-то более тёплое? Работа в музее требовала определённого внешнего вида, бежевая шёлковая блузка и юбка-карандаш плохо сочетались с нынешней погодой. Драповое пальто почти не спасало.

Я взглянула на экран телефона – до захода солнца меньше получаса. Я заторопилась по знакомым улицам и уверенно свернула в переулок, помня дорогу наизусть.

Дверной колокольчик возвестил хозяина о моём прибытии.

– Добро пожаловать, – на правильном языке людей выкрикнула Элин откуда-то из глубины антикварной лавки.

Я не ответила, слыша, как несколько предметов глухо упали, а следом рухнули, кажется, пара пустых коробок. Элин в голос выругалась, удивляя своим словарным запасом, и я невольно улыбнулась.

– Извините, но мы закрываемся через пятнад... кириа! – радостно взвизгнула Элин, наконец заметив меня. Ни наряд, ни солнечные очки, ни даже изменённый цвет волос на чёрный не сбили её с толку.

И сколько бы я ни просила её называть меня по имени, старую привычку выбить из Элин так и не удалось. Она захныкала и перешла на какие-то невнятные недовольные бормотания, пока душила меня в объятиях.

– Этот цвет немного лучше, но мне всё равно не нравится, – выдала она, трогая мои волосы.

– Не знаю, чем тебе так не угодил рыжий, но рада, что в этот раз ты довольна, – хмыкнула я, снимая солнечные очки. Благо сегодня солнце светило ярко, и я не выглядела в них полной идиоткой.

В обычной жизни я ношу карие линзы или капаю свою кровь, второй способ самый надёжный, но более болезненный. Однако старый Аякс с особым недовольством относится к переменам в моей внешности, называя это кощунством и оскорблением образа богини Эриды. Сколько бы ему ни напоминала, что это мои глаза и волосы, он каждый раз устраивает мне раздражающе длинные лекции, поэтому, направляясь к дедушке Мейв, я не возвращаю цвет волос, но линзы снимаю. Это помогает немного усмирить его ворчание.

Изначально у меня были мысли полностью переделать облик, чтобы точно скрыться от Гипноса и Мороса, но не хватило духу резать себе лицо ради этого. И так вырезать ахакор на руке пришлось самой, и я множество раз вспомнила о Гипносе, который справился с узором в два раза быстрее и сделал процесс минимально болезненным.

Созданный ахакор идеально скрывал мой гул, и, похоже, моё двухмесячное отсутствие за пределами города лучше всего остального сбило богов со следа, а затем я поселилась в Санкт-Данаме на другом берегу реки, в районе людей. Так далеко от Переправы и дома Кая, насколько это было возможно.

Я поправила растрёпанную причёску, глядя в маленькое зеркало, и потёрла покрасневшие глаза. В последние недели плохо спала, поэтому сегодня решила уволиться, почувствовав, что вновь закапываюсь в работу, прячась от реального мира. И хуже всего, что работа постоянно напоминала обо всём, что я оставила.

– Кириа, я не видела тебя целый месяц! Я писала неделю назад, но ты не ответила, – недовольно пожаловалась Элин и потащила меня в глубь лавки.

Её светлые волосы, собранные в высокий хвост, раскачивались при каждом шаге. Прошли годы с её переезда в мир людей, но она мало изменилась. Словно ощутив мой взгляд, Элин смущённо поправила свой бежевый свитер. Он ей очень шёл, как и голубые джинсы.

Я прошла в знакомую гостиную. Ту самую, где мы общались с Аяксом в первый раз. Меня окутал запах восковых свечей в роскошных канделябрах. Я осмотрела интерьер в привычном для этой комнаты полумраке. Тёмно-красные обои, массивная мебель с большим количеством позолоченных украшений. Ничего не изменилось, кажется даже кресла и столик не сдвинулись ни на сантиметр. Аякс ненавидит перемены.

Я шумно втянула запахи и уловила аромат крепкого чая. Улыбнулась, зная, что в напитке маковое снотворное, которое на меня не подействовало в первый визит, что ввело Аякса в заблуждение. Элин засуетилась над чаем и закусками для меня. Я сбросила пальто на диван и села рядом.

– Как учёба? – спросила я, наблюдая за ней.

Не сразу, но Элин влилась в жизнь в Санкт-Данаме, а два года назад наконец поступила в тот же университет, в котором я сама училась раньше. По её рассказам, работать с Аяксом первое время было непросто, но её покладистость и жизнерадостный характер растопили лёд в сердце ворчливого старика, и теперь он заботится об Элин, как о своей внучке. Мейв хоть и приревновала сперва, но всё-таки вздохнула с облегчением, осознав, что теперь со старым Аяксом всегда рядом кто-то есть. Два года назад он сломал руку, споткнувшись о ковёр, и тяжёлых последствий удалось избежать благодаря присутствию Элин.

– Хорошо. Кажется, я выбрала идеальный набор предметов. Иво мне с этим очень помог. – Она покраснела при упоминании Иво и торопливо отвернулась. Я не удержалась от улыбки: он на многих так влияет.

Я видела, как он сменил мешковатые балахоны на дорогие костюмы. Растрёпанные причёски на убранные назад волосы. Я не стала говорить ему, что он начал напоминать Кая, но со стороны было очевидно, что сын Гипноса его вдохновляет. И, к сожалению, не только на внешний вид, но и на поведение. Иво стал более расчётливым.

- Как Рой? - спросила я о её парне.

Палагеец из Дома Зависти.

- Мы расстались. - Недовольно поморщив нос, Элин поставила передо мной чашку с чаем и ягодные тарталетки. - Он был придурком. Найду лучше.

Я тихо рассмеялась, гордясь её новообретённой уверенностью.

- Определённо найдёшь. Ты чудесная, - заверила я, грея руки о чашку.

Она поставила вторую напротив, а свою взяла в руки и отошла в сторону, не собираясь садиться. Я не успела задать возникший вопрос, как раздались шаркающие шаги. Вероятно, поэтому Элин идеальная помощница, она будто предчувствует.

- Обманщица, - недовольно поприветствовал меня Аякс.

- И тебе здравствуй, - не смутившись, улыбнулась я.

Я испытала искреннее облегчение, увидев его здоровым. Хотя Аякс определённо постарел. Его каштановые волосы окрасились сединой, и морщины стали глубже. Теперь я бы дала ему не меньше пятидесяти, возраст словно понял, что припозднился, и решил нагнать палагейца сейчас. Его шаг стал заметно медленнее, и на свою трость он опирался тяжелее.

- Хоть глаза раздора, а то позоришь свой Дом и звание архонта, - беззлобно добавил Аякс, сел на диван напротив и сделал глоток чая.

После горячего напитка его лицо немного просветлело.

- Я более не архонт, - со сдержанной улыбкой напомнила я, не уверенная, притворяется он или память его начала подводить.

- Однажды архонт - всегда архонт.

- Я была главой лишь номинально, Майрон продолжал хранить Дом, лучше зная его нужды. В мою же задачу входило не потерять голову раньше времени, - напомнила я.

Аякс не раз помогал информацией или советом, а сумев раздобыть пистолет перед кругом с Иолаем, и вовсе спас мне жизнь. Поэтому эту часть своей роли я от него никогда не скрывала.

- Ты недооцениваешь своё влияние, нагнанный тобой страх вернул стабильность в Совет, - ворча, возразил он.

Скорее его вернуло присутствие Гипноса и Мороса. Кровь Дома Гнева и моё умение внезапно слетать с катушек, конечно, тоже сыграли свою роль, но место третье по лестнице влияния. Не выше.

И всё же я умолкла, ответив Аяксу благодарным кивком. Чем он старше, тем упрямее. Его попытки отстоять мои заслуги трогали сильнее, чем мне хотелось признавать. Аякс говорил обо мне с не меньшей теплотой, чем о своём архонте Дома Гордыни.

– Как Хлоя? – перешла я к делу. Может, и сложила полномочия архонта, но по-прежнему чувствовала ответственность за свой Дом и была готова вернуться к бабушке, если им потребуется моя помощь.

Передав венец, я оставила нескольких доверенных слуг шпионить за происходящим и докладывать всё Аяксу, если ситуация в Совете или в самом Доме будет накаляться. Эта договорённость обмениваться новостями – строго между мной и Аяксом. Даже Мейв о ней не знает.

– Ты не приходила месяц.

Я шумно выдохнула и достала из сумочки пузырёк с маковым молоком. Это не просто снотворное. Это фантазии, и Аякс в восторге от нереальности снов.

– В качестве извинения, – сказала я и поставила на стол ещё две такие же баночки. – А это плата.

Как и стоило ожидать, Аякс повеселел. Иногда я беспокоилась, не является ли это для него своего рода наркотиком, но Элин заверила, что с данным маковым молоком он хорошо спит, использует мало – всего несколько капель в чай перед сном, и встаёт в потрясающем настроении.

Однажды Аякс признался, что вследствие травмы головы в середине своей жизни он потерял способность видеть сны. Потом у него начались проблемы с памятью и перепады настроения. Данный же мной мак вернул ему сновидения и сработал как лекарство.

Элин следит за его состоянием и регулярно приглашает врачей для осмотра. Судя по проведённым анализам, фантазии действительно улучшили его нервную систему.

– Новый архонт Раздора хорошо справляется. Едва не возникло недопонимание с Домом Чревоугодия. Те высказали недовольство твоим внезапным исчезновением, но Хлоя заверила, что твой договор с ними остаётся в силе, – поделился Аякс, внимательно разглядывая меня чёрными глазами. Его выражение лица смягчилось, губы растянулись в понимающей улыбке. – Ей не хватает твоей резкости и гнева. Она больше похожа на Майрона. Спокойная.

«– Разве миролюбивый глава не лучший выбор для процветания Дома?»

– В этом случае – разумеется. Своей терпимостью Илира пошла в меня. Я умею вести переговоры, искать компромиссы и контролировать свой гнев. Но сейчас речь не о процветании, Кассия. Мы в самом разгаре борьбы за власть».

Я прикрыла глаза, вспомнив один из первых разговоров с дедушкой. Тогда им нужен был архонт как я, но теперь настало время для процветания.

– Рада слышать, что Хлоя справляется. Как дела у Мейв? – сменила я тему, заранее зная, что Аякс продолжит убеждать меня вернуться на место главы Дома.

– Хорошо. Она заходила сегодня днём.

Моё сердце пропустило удар от мысли, что я могла с ней случайно пересечься. Волна холода в теле резко сменилась жаром, стоило сделать глоток чая.

– Как твоя работа? Нашла что-то интересное в человеческих архивах?

Я уцепилась за смысл заданного вопроса, возвращая собранное выражение лица. Всё хорошо. Мы не пересеклись. Раз Мейв ушла, то сегодня она вряд ли вернётся. Раньше я всегда писала Элин перед приходом, но сегодня решила прийти спонтанно. Внезапное решение уйти из архива повлияло на тоскливое настроение, и встреча с близкими могла это исправить.

– Ничего, что могло бы тебя заинтересовать. И я уволилась, – сообщила я.

– Значит, ты наконец встретишься с Камаэлем? – встряла Элин.

Она тихо ойкнула, когда мы с Аяксом повернулись к ней. Я вся похолодела от этой мысли и не сразу смогла вернуть расслабленное выражение лица.

– Так нельзя, кириа! Ты должна с ним поговорить! То, что ты видела, было лишь мимолётным увлечением. Я говорила с Иво, он переживает о Камаэле, которого явно мучают то ли воспоминания, то ли какие-то чувства. Не надо прятаться. Пожалуйста, поговори с ним. – Элин буквально прорвало, её пальцы побелели от того, как сильно она сдавила чашку, а затем сделала несколько шагов, как бы невзначай закрывая собой выход из комнаты, будто я могла в любой момент сорваться и удрать.

Я вся напряглась, мне захотелось сжаться и отчасти правда захотелось сбегать, но я заставила себя выдавить улыбку. Кривую, слабую, но хоть какую-то. Я видела её искреннюю тревогу, и мне хотелось успокоить Элин.

После двух месяцев в отдалении и наедине с самой собой я вернулась в Санкт-Данам. Мне казалось, приехала обновлённой и готовой завоевать сердце Кая снова. Моя самоуверенность вспыхнула и сторела дотла, когда я увидела его с девушкой, которой это уже удалось.

Почти четыре года.

Я помнила о нас, а он нет.

Сосредоточившись на финишной прямой, я не взяла в расчёт, что Кай не будет меня ждать около неё. Эта встреча с реальностью оказалась решающей. Как мощное столкновение со стеной.

Я могла бы ему напомнить о нас и разбить его отношения с миловидной девушкой, что весело смеялась, повиснув у него на руке, но, увидев его ответную улыбку, вспомнила, что наша любовь не была счастливой. Вместе с собой я принесу ему множество болезненных воспоминаний.

Долгое время он справлялся с потерями и строил новую жизнь, чтобы спустя годы я пришла и всё разрушила. Даже если попрошу Мороса показать Как мои воспоминания, сложно быть уверенной, что это вернёт его любовь ко мне. Показанное будет лишь картинками прошлой жизни, которой он не помнит.

Увидев Кая с другой, понаблюдав за его расслабленным выражением лица, я не смогла выдержать поток сомнений. Те снесли всю с трудом приобретённую решимость. В тот момент мне были жизненно необходимы Сирша с бутылкой чего-нибудь крепкого или Элион с его дурацким кафе-мороженым и раздражающим «Ты ревела?»

Мысль о Сирше и Элионе словно заморозили лёгкие, выдыхаемый воздух обжигал язык и нёбо, а вдох, казалось, царапал горло.

Я ревела. Ещё как ревела. И, струсив, вновь сбежала.

Поэтому мне было стыдно встретиться даже с Иво.

Я провалила свой план. Пришла к финишной прямой, где никого уже не было.

– Мы обязательно встретимся, но не сегодня, – заверила я с приклеенной улыбкой.

Я рассказала Элин правду, почему отступила, и она постоянно приносила мне новости, что с той девушкой он расстался. Честно рассказывала, что узнавала, и Кай ни с кем долго не встречался за эти годы, но я задумалась о последствиях и способна ли вообще в своём нынешнем состоянии влюбить в себя Кая.

Той Кассии, что он знал, больше нет, да я и не совсем понимала, что именно ему во мне понравилось, чтобы снова вызвать в его сердце нужные чувства. Я во всей полноте представила, что новую меня он может и не полюбить вовсе. Это показалось мне страшнее, чем хранимая иллюзия вероятности, что однажды.. когда-нибудь.. стоит только всем трудностям остаться позади..

Хотя глупо было обманываться, что проблемы когда-либо закончатся.

– Ты сказала, что уволилась. Пообещай, что не сбежишь из Санкт-Данама! – заупрямилась Элин.

Я смиренно вздохнула и похлопала по дивану рядом с собой. Элин присела с опаской, на самый край, продолжая глядеть на меня недоверчиво.

– Обещаю, если расскажешь, как идёт твоя подготовка к сессии.

– Кириа! Ты уходишь от темы.

– Не ухожу, а просто меняю, – ласково поправила я.

Элин возмущённо засопела и взглянула на Аякса в поисках поддержки, но тот расслабленно пожал плечами, хватая клубничную тарталетку со стола.

Я аккуратно спустилась по ступенькам перед входом, как только Элин заперла за мной дверь антикварной лавки. Солнце село несколько часов назад. Элин хотела вызвать мне такси, но я отказалась, желая немного прогуляться. Нужно проветрить голову. Мысли путались после длительного разговора и крепкого чая. У меня начало складываться впечатление, что Аякс подливает туда что-то ещё. Или же я просто устала.

Запахнув пальто, я медленно зашагала вперёд, выбрав более короткий путь через проулки к основной улице, чтобы там поймать такси. Я невольно замедлила шаг, ощутив неприятный зуд в затылке. В горле пересохло, а сердце забилось чуть чаще от предчувствия. Я поёжилась и, обернувшись, осмотрела тёмный переулок. Узкое расстояние между двумя линиями домов без тротуара, для проезда только одной машины. Малочисленные фонари с заревом оставляли слишком много неосвещённых участков, а солнечные очки делали картинку более сумрачной, но я не решалась их снимать, боясь столкнуться с палагейцами. По жёлтым глазам меня узнает любой, а следом не пройдёт и суток, как обо мне станет известно Иво и Каю или Гипносу и Весте.

Через Элин я отправляю Весте и дедушке бумажные письма с новостями, что у меня всё хорошо. Моя бывшая служанка упрямо врёт, что письма я подбрасываю в лавку, не встречаясь с ней лично, но терпение Элин на исходе. Уверена, что у Иво и остальных оно иссякло. Интересно, как Кай воспринял новости о моём исчезновении? Шпионы в усадьбе дедушки доложили, что Кай там не появлялся. Новости о смене архонта его не заинтересовали.

Я отбросила длинные чёрные волосы назад, удобнее повесила сумочку на плечо и зашагала дальше, но уже медленнее, прислушиваясь к звукам. За прошлый месяц мне дважды встречалась эмпуса. Аякс подтвердил новости, что и ониры в последнее время сбегают с Переправы будто встревоженные.

Обойдя замёрзшую лужу, заметила тень впереди и остановилась. Я не испугалась увиденного и даже не поморщилась, услышав неприятное стрекотание онира. В расслабленной руке появился пистолет, я не двигалась, выжидая, когда ночной кошмар бросится на меня. Не хотелось шуметь, уложу тварь с одного выстрела. Потом позвоню Элин и попрошу её сообщить о теле, которое нужно убраться.

Онир пригнулся, вставая на четвереньки, издал очередной отвратительный звук и рванул ко мне. Несмотря на оружие в руке, сердце забилось тревожнее, ладони вспотели. Неожиданно другой онир спрыгнул откуда-то сверху, я не успела вскинуть руку, как он ударил в грудь, откинув меня к кирпичной стене. Я застонала от боли в подвёрнутой лодыжке, и с трудом устояла на ногах. Онир напал, я пригнулась, избегая лап твари.

Неожиданно за спиной стало намного светлее, тени резко удлинились, сердце подскочило к горлу. Услышав шум двигателя, я напрочь позабыла о противниках и отскочила в сторону, к противоположной стене. Я убралась с

дороги вовремя, в ужасе глядя, как чёрный автомобиль промчался мимо, сбил обоих ониров и только затем, визжа тормозами, остановился.

Пистолет пропал, когда я потеряла концентрацию и во все глаза уставилась на двух тварей, которые отлетели дальше по переулку. Один ударился о мусорный контейнер и рухнул на асфальт с переломанным плечом и рукой. Другой едва поднялся на сломанных ногах. Я прекрасно видела кровь, торчащие обломки костей и раны в свете фар.

Водительская дверь распахнулась, и я обомлела, узнав Кая даже со спины. Он бросил взгляд на ониров, а те, заметив сына Гипноса, издали жалобный вой. Тот онир, что ещё мог ходить, начал удирать, но выстрел в ногу притормозил его попытки.

– Иво, разберись, – властно приказал Кай, убирая пистолет в кобуру под мышкой. Он захлопнул дверь и обернулся ко мне.

Я глупо хватала ртом воздух, мысли спутались, когда машина качнулась, как если бы Иво перебрался на водительское сиденье с соседнего. Машина рванула с места, быстро нагоняя удирающего онира. Иво проехался по первому созданию и снова сбил второго, а заметив, что они ещё двигаются, затормозил, переключился на задний ход, и машина поехала в обратном направлении. Послышались хруст и вопли под колёсами.

Я была в таком шоке от откровенного гнева, с которым Иво разделался с кошмарными созданиями, что не сразу заметила, как стремительно приблизился Кай. Его чёрное пальто развевалось от раздражённого шага. Я в испуге отступила назад, пока не упёрлась спиной в холодную стену. Кай буквально загнал меня в ловушку, оставив между нами жалкие сантиметры. Было страшно пошевелиться, поэтому он беспрепятственно снял мои солнечные очки, неторопливо сложил и убрал в карман своего пальто. Сын Гипноса едва ли изменился, может цвет кожи стал бледнее, словно он мало бывал на солнце.

Кай приподнял мой подбородок, крепко держа его двумя пальцами, и внимательно осмотрел лицо. Его взгляд ожесточился, придвинься он чуть ближе, и я смогу ощутить его сердцебиение. Однако уверена, что оно в разы спокойнее моего. Меня окатывала дрожь вместе с каждым ударом.

– Кассия, – позвал Кай, чётко выговаривая каждую букву. – Верни настоящий цвет своим волосам.

Я облизала пересохшие губы, многочисленные вопросы о том, как он меня нашёл, заполнили разум.

– Не понимаю, о чём ты говоришь и какая...

Наверное, не стоило включать идиотку, потому что взгляд Кая стал раздражённым, и все слова буквально рассыпались у меня во рту, превратившись в бессвязные звуки.

– Волосы, Кассия, – доходчиво повторил Кай.

Глупо отнекиваться. Он видел мои глаза, да и лицо практически не изменилось. Я медленно подняла руки, на них появились наручи Фантаса, и я запустила пальцы себе в волосы, возвращая им реальный цвет.

Мне не требовалось зеркало, чтобы понять, что всё получилось. Я меняла цвет волос много раз, и в глазах Кая появилось чуть больше сдержанности. Я сокрушённо опустила руки, ожидая реакции. Что теперь скажет Кай? Отправит на Переправу к Гипносу? Выскажет своё недовольство? Накричит? Может, что-то случилось и мне необходимо вернуться в Пелес?

– Что с твоей рукой? – с трудом выдавила я, когда его правая замотанная бинтом ладонь коснулась моей щеки.

– Извини, но... но мне нужно понять, – сбивчиво сказал Кай, и мои брови взлетели вверх при звуках несвойственного ему смтения.

Он подался вперёд, полностью прижав меня к стене, его губы накрыли мои, и я задохнулась от неожиданности, не успев даже закрыть глаза. Прикосновения были ласковыми, изучающими и настороженными. Я ощущала только его губы, он не давил и не настаивал на большем. Осознав, что происходит, я схватила лацканы его пальто и потянула на себя, нуждаясь в этой ласке. В голове зашумело, мир завертелся, а я, опьянённая, наслаждалась его пальцами в моих волосах и голодом в движениях, ставших требовательными.

Кай резко прервал поцелуй и отступил на спасительный шаг, оставив меня без поддержки. Я покачнулась, но устояла. Глаза Кая лихорадочно блестели, как и его покрасневшие губы. Он тяжело дышал, раз за разом рассматривая меня, будто впервые по-настоящему увидел. Моё сознание всё ещё плыло, как если бы все эти годы я жила без кислорода, а Кай дал мне больше, чем нужно жаждущему в первый раз.

– Это ты. Всё это... время. Это была ты, – бессвязно пролепетал Кай, не в силах восстановить дыхание.

– Я... просто... не хотела, чтобы... – Все заранее подготовленные оправдания показались жалкими, и я умолкла, не зная, с чего именно начать.

Кай не дал мне времени на объяснения, новый жадный поцелуй был порывистым и глубоким. Его руки забрались под моё пальто и обвили талию, я ощутила его холодные пальцы сквозь ткань блузки. Он злился, прикусывая мою губу, но следом извинялся ласковыми прикосновениями языка и губ. Меня трясло от предвкушения и осознания, что я получила то, что так давно ждала. Я обнимала Кая, жадно отвечая на каждую ласку, движение языка и поворот головы.

Поцелуй прервался, Кай вновь отступил, словно не мог совладать с нахлынувшими мыслями. На его лице эмоции сменялись так быстро, что я едва успевала анализировать перемены. Он будто не мог решить, рад, испуган или же злится. А может, его раздирало всё вместе.

– Я ничего не помнил, Кассия! – он определённо злился, но боль в глазах сделали крик скорее отчаянным. – А ты не дала мне ни единой треклятой подсказки! Почти четыре года! Ты!!

Он запыхался, повысив голос, а я прикусила губу, ожидая продолжения. Теперь боялась что-либо сказать, не выяснив, как много ему стало известно.

– Вот здесь у меня пустота! – Он постучал пальцами себе по виску, угрожающе подходя вплотную. Его заметная боль эхом отразилась в груди, как моя собственная. – Но здесь всё осталось!

Ладонь Кая легла на его грудь напротив сердца.

– Гнев, тоска, любовь, желание! Всё это осталось здесь перемешанным и, самое главное, непонятным! Четыре года я должен был по кускам собирать, на кого же я зол, а кто мне нравится, кто меня удивил, а кто стал моим врагом! Ты оставила меня одного разбираться в этой мешанине! – под конец он рывкнул, разозлённый или обиженный.

Я протяжно выдохнула, осознав, что заставила его почувствовать себя брошенным.

Он не понимал, почему и как, но помнил эмоции.

Я задохнулась от мысли, что он отразил мою собственную растерянность в те времена, когда Морос забрал мои воспоминания, а Гипнос оторвал меня от Весты и Кая и бросил в мире людей. Я тоже чувствовала себя брошенной, но я была ребёнком и, может, была чуть более эмоционально гибкой, но Кай...

Он во всём ищет структуру, причину и следствие, последовательность и смысл.

– Ты не дала мне ни единой долбаной подсказки... или намёка, а остальных попросила молчать! И все годы я гадал, какого хаоса испытываю бесконтрольное влечение к тебе. К той, которая по моим последним воспоминаниям была лишь ребёнком. Ты хоть представляешь, насколько это пугало? – он заметался передо мной, сделав два шага в одну сторону, потом в другую, будто не мог устоять на месте.

Кай изредка повышал голос, но не был зол, а скорее ошарашен, растерян и открыт, как книга. Впервые его душа была распахнута настежь, обнажена, выставлена напоказ. Впервые он был эмоционален настолько, что сбивался с мысли, запинаясь на простых словах.

Кай судорожно вдохнул, силясь успокоиться. Подошёл ближе, уперев руку рядом с моей головой, и продолжил чуть сдержаннее и тише:

– Ты стала архонтом. При взгляде на тебя моё сознание помнило раздражающего ребёнка, пока глаза видели взрослую девушку, от желания к которой у меня темнел рассудок, а в груди болело так, словно в лёгких что-то застряло. И ни в чём из этого ни один из вас не помог мне разобраться! Мне было противно от себя и своих мыслей при наших встречах! От моих прикосновений ты сжималась и бледнела! Ты была напугана, а я не понимал, что натворил?! Я начал избегать наших встреч, потому что годы шли, а при твоём присутствии я не переставая думал о тебе в моей постели. И, поверь, это самые пристойные из моих мыслей.

Голос Кая захрипел, он выдохся и устало уложил лоб мне на плечо. Выслушав поток его мыслей, я оцепенела. Никогда ещё он не говорил так много и так откровенно о своих чувствах, и я не представляла, как сложно ему было с этим коктейлем эмоций.

- Прости, - со всей искренностью ответила я и обняла его за шею, крепко прижимая к себе.

Кай заметно расслабился. Побыл в моих объятиях несколько долгих секунд, а потом выпрямился. Он бережно взял меня за руку. Черты его лица смягчились, Каю наконец удалось избавиться хотя бы от части гнева, и он может позволить себе ощутить другие эмоции.

- Поехали домой, - он потянул меня к машине, и я увидела, что Иво наблюдал за разворачивающейся картиной.

Он изменился больше, чем я ожидала. Стал крепче, будто вырос. Отросшие волосы были наполовину собраны в пучок, а длинная чёлка скрывала часть повязки на глазу, хотя я по-прежнему считала, что она не портила его облик. На лице друга отражалось холодное недовольство, и определённо всё оно направлено на меня.

- Привет, Иво, - я выдавила неловкую улыбку, но у него не дрогнул и мускул.

- Не так просто, Кас. Я невероятно зол на тебя.

- Похоже, я заслужила.

- Ты даже не представляешь, как много дерьма я сохранил в тайне ради тебя, а пока мы ехали, еле пересказал половину.

- Я тоже скучала по тебе, Иво.

- Не пытайся заболтать меня этим!

- Люблю тебя.

- Я тебя тоже, Кас, но не думай, что я не расскажу остальную половину! - отрезал Иво, одарив меня мстительной улыбкой, и забрался обратно в машину.

Мы ехали домой в тишине, никто ничего не говорил. Иво смотрел на дорогу, изредка поглядывая в зеркало заднего вида. Кай рассматривал пейзаж за окном, сидя со мной на заднем сиденье. Он не проронил ни слова, но прижимал меня к себе, и я расслабленно уткнулась лицом ему в плечо, вдыхая знакомые запахи терпкого парфюма и кофе. Тишина в салоне была умиротворяющей, и я задремала, убаюканная теплом объятий и спокойной ездой. Я резко проснулась, когда мы подъехали к знакомому зданию. Завертела головой, выискивая любые изменения, вдыхала запахи и старалась не расплакаться от мысли, что я снова здесь и Кай держит меня за руку.

– Ты хорошо скрывалась, – поприветствовал меня Морос, когда мы вышли из лифта.

– Училась у мастеров.

Морос ответил мне хищной улыбкой, вроде и доволен мной, а вроде и зол. Выходка с исчезновением мне ещё точно аукнется. В гостиной нас встретили он и Мейв. Я была рада видеть обоих, но Мейв и Иво предусмотрительно покинули квартиру, понимая, что Морос ради Кая вытрясет из меня если не душу, то многочисленные воспоминания точно.

Так и вышло. Больше часа Кай смотрел вытащенные из моей головы воспоминания. Морос позволил мне самой решить, какие показать. Я выбрала все, которые имели хоть какое-то значение для наших отношений, избегая показывать любые интимные подробности, зная, что Морос их тоже увидит.

Иногда Кай улыбался, иногда хмурился или бледнел. Иногда он был зол, а временами опечален увиденным, но определённо с каждым моим воспоминанием ему становилось чуть легче. Он наконец смог собрать головоломку, которая мучила его прошедшие годы. А мне пришлось признаться, почему я к нему не пришла, хотя собиралась. Кай горько рассмеялся и рассказал, что действительно пытался заводить отношения, но ни одни из них не длились дольше месяца, ему хватало нескольких поцелуев, чтобы понять, что это не то, что он ищет. Следом интерес моментально пропал.

– Меня мучил призрак какой-то идеальной любви и правильных ощущений, когда все остальные напоминали фальшивки, – объяснил он, после того как Морос ушёл, оставив нас вдвоём в квартире.

Кай заказал еду, и мы поужинали, делясь друг с другом произошедшим за годы порознь. Мне не удалось умолчать худшую часть, потому что Иво, как и пообещал, сдал меня с потрохами, и я не винила его. С одной стороны, была даже благодарна за то, что он лишил меня возможности хранить секреты.

– Два вооружённых нападения на тебя как на архонта после принятия венца. При этих нападениях погибло семеро твоих охранников, а тебе сломали руку и ребро. Восстановление заняло больше двух месяцев, – сухо зачитывал Кай за ужином, держа в руке телефон с сообщением от Иво. – Три попытки отравления: два дегустатора погибли, а в третий раз ты съела что-то отравленное, но повезло, что целители быстро сообразили с противоядием. И ещё один раз ты чуть не угробила сама себя, рухнув с лошади на конной прогулке.

Я невольно поморщилась на последнем пункте. Если первые я могла как-то объяснить, то падение с лошади действительно моя самоуверенная глупость. Я думала, что уже хорошо держусь в седле.

– Ты ещё и Оникса подкупила, чтобы он передавал всё только Иво, – почти шокированно дочитал Кай, а после поднял на меня оскорблённый взгляд. Последнее было слишком уж забавным, и я скрыла смех за кашлем. – Как давно ты о нём знаешь?

– Все четыре года.

– Все четыре.. – Кай не договорил, не найдя сил даже для передразнивания. Он отложил телефон, вероятно, ожидая пояснений. Несмотря на непроницаемое выражение лица, пальцы нетерпеливо постучали по корпусу телефона.

– Конфликты были, – подтвердила я. – Главам других Домов стало известно, что на вечеринке я признала Микеля своим братом. Некоторые из них посчитали мою речь слишком напыщенной. Будто я превозносила свой Дом над другими, демонстрируя царя с кровью Раздора. В целом так и было, но это всего лишь для того, чтобы к Микелю лучше отнеслись представители нашего же Дома. Не думала, что другие будут настолько чувствительными. Мне помогли уроки Весты, я создала свою копию и обманула наёмников, заставших нашу делегацию врасплох, – я попыталась смягчить правдивый рассказ, но Кай не повёлся, оставшись недовольным.

– Я же сказал, чтобы ты приходила ко мне с любыми проблемами.

– Именно чтобы тебя не втягивать, я и не стала рассказывать о наших отношениях, – напомнила я. – При последнем нападении я перестреляла всех нападавших, а потом отправила их тела зачинщикам из Дома Гордыни и Соблазна. Архонты заверили, что они ни при чём и не поддерживают агрессию в мою сторону. Им пришлось постараться, чтобы уладить этот конфликт, а я вытрясла из них несколько выгодных моему Дому договоров.

Кай сокрушённо вздохнул, откидываясь на спинку стула. Он вновь отглядел меня, но уже со смесью недовольства и гордости. Я невольно зарделась.

– Ненавижу твоё упрямство, хотя именно из-за него и полюбил.

Моё сердце подскочило к горлу и рухнуло куда-то вниз. Всё тело растаяло словно воск, а пальцы стали неуклюжими, и я отложила вилку, с трудом проглатывая кусок стейка, который Кай заказал.

Он наблюдал за переменной в моём поведении с насмешливой улыбкой, определённо заметив, как его слова повлияли. У меня загорелись щёки, но я встретила его взгляд.

– Когда ты это понял? Что любишь меня не как назойливого ребёнка?

Кай потёр переносицу, улыбка стала мягче. Я не торопила, понимая, что вопрос для него сложный. Своих воспоминаний у него нет, и он может лишь гадать, опираясь на чужие.

– Давно. Точнее, нужное воспоминание увидел давно, – ответил он. – Но до сегодняшнего для сомневался в правильности, ведь ты всё скрывала. Я говорю про твой поединок, Кассия. У тебя почти что не было шансов, но ты отказалась передать право на круг мне или Весте. Мне было сложно смотреть, но и не передать, как я гордился тобой. Ты не просто победила, но и показала всем архонтам свой характер. Они думали, что заперли кролика с волком, а кролик оказался ночным кошмаром.

Всё ещё не привыкнув к его откровенности, я смущённо улыбнулась, зная, что только Кай может под «ночным кошмаром» иметь в виду комплимент.

– Кассия, у меня остался вопрос и хочу, чтобы ты ответила честно, – серьёзно попросил Кай к концу ужина. Я отставила свой сок, обращая всё внимание на него. – Мы спали вместе?

Я вскинула брови, удивлённая смущением в его голосе. У Кая даже щёки едва заметно порозовели. Он никогда не стеснялся меня дразнить прикосновениями и поцелуями, не смущался заниматься сексом буквально на любой поверхности в моей спальне в Пелесе, но сейчас по-прежнему был сбит с толку.

Я не удержалась от снисходительной улыбки и задумчиво обвела взглядом кухню. Кая, вероятно, не порадовала моя заминка, он торопливо отпил воды и заговорил:

– В некоторых воспоминаниях рядом со мной ты выглядела смущённой или недовольной.. и я не уверен.. – Его голос стал хриплым, и Кай вновь сделал глоток, внимательно глядя на меня.

– Кажется, что в этой квартире мы не занимались сексом только на этом столе, – расслабленно ответила я.

Кай подавился водой и закашлялся. Он торопливо схватил салфетку и прижал её к носу и рту, продолжая откашливаться. Я не ожидала подобной реакции на безобидную шутку и похлопала его по спине. Кай глядел на меня округлившимися глазами, и я не удержалась от смеха.

– Прости, правда прости. Не думала... что ты так отреагируешь. Это шутка, – между сдавленными смешками завершила я и села обратно на своё место, убедившись, что он в порядке.

Кай вытер рот и отложил салфетку.

– Конечно, мы спали с тобой, и нам обоим это очень нравилось. В этой квартире мы почти не были вместе, но в Пелесе в моих покоях между нами не раз была близость, – деловито призналась я, желая его успокоить.

Кай сдержанно кивнул, и я улыбнулась, когда его напряжённые под светлой рубашкой плечи расслабились. Я старалась не пялиться, ощущая, что сегодня не время для романтического настроения. Мы измотаны долгими откровениями. Не хотелось создавать ещё большую кашу в голове Кая, на него и так свалилось много информации.

Заметив усталость на его лице, я отправила Кая в душ, а сама обследовала свою спальню и позвонила Иво, вкратце описав ситуацию. Иво отказался возвращаться в квартиру, говоря, что переночует в соседнем отеле. Я наспех приняла душ, оценивая ссадины на спине от удара о стену. Лодыжка немного побаливала, но я решила осмотреть её внимательнее завтра. Переоделась в найденное в своей спальне ночное платье и, не спрашивая позволения, зашла в комнату Кая. Тот мылся долго, вероятно, пытаясь привести мысли в порядок, а при виде меня в своей комнате застыл с полотенцем на влажных волосах. Благо он уже надел домашние штаны, но мой взгляд всё равно скользнул по его обнажённой груди и рельефному торсу. Я проглотила вздох и пальцами сильнее сдавила кружку.

- Ты в моей спальне – плохая идея, Кассия. Вряд ли смогу... сдержаться, – откровенно признал он.

- Ты ведь понимаешь, что этим не пугаешь, а создаёшь полностью противоположный эффект, – поддразнила я, видя, что ему по-прежнему неловко из-за влечения ко мне.

Кай тихо усмехнулся, но ему не удалось скрыть не до конца исчезнувшее смятение. Я примирительно протянула ему кружку.

- Иво сказал, что ты плохо спишь. Это правда?

Он посерьёзней, вытер волосы и отложил полотенце.

- Да. Я не могу справиться с собственными кошмарами и сплю урывками.

- Тогда выпей.

- Что там? Мак? – насмешливо уточнил он, заметив, что мой взгляд сам собой то и дело спускался по его телу, но я упрямо возвращала внимание к лицу.

Кая определённо забавляли мои трудности.

- Фантазии, – ответила я, вспомнив о вопросе. – Иво прислал мне видео, чтобы показать, насколько тебя раздражает плохой сон. Ты пристрелил... чужую машину.

Кай поморщился, и уже мои губы растянулись в довольной улыбке.

- Я выписал чек за порчу имущества, – обиженно сообщил он.

- Но пора прекратить стрелять по чужим машинам из дробовика, – миролюбиво добавила я, наклонив голову.

Кай фыркнул, но принял маковый нектар, выпил всё за несколько глотков и послушно забрался под одеяло, стоило мне указать на кровать. Я выключила свет и собиралась уйти, чтобы оставить Кая одного, как он заговорил:

- Остайся. Обещаю вести себя прилично.

- Такие обещания не мотивируют, – проворчала я, не скрывая улыбки.

Кай издал страдальческий смешок, вероятно, намекая, что я не помогаю ему держать себя в рамках приличия. Я различила звук поднятого одеяла, он приглашал присоединиться. Мне не нужно было и секунды на раздумья, я тут же забралась к нему, прижимаясь всем телом к тёплой груди. Кай закутал нас в одеяло и обхватил меня руками.

- Не бойся, у тебя ничего сегодня и не получится. Маковый нектар был крепким, чтобы точно тебя свалить, – пробормотала я, растворяясь в позабытом счастье.

Кай усмехнулся, одна его рука забралась в мои волосы. Следом я почувствовала его дыхание, он уткнулся носом мне в макушку, продолжая с трепетным благоговением перебирать пряди. Волосы выскользали из его рук, но Кай вновь пропускал пряди сквозь пальцы, то ли привыкая, то ли успокаивая себя этими замедляющимися прикосновениями.

- Это всё сон, да? - едва слышно прошептал он словно даже не мне, а себе.
- Мне кажется, я видел такой... и не раз. Ты была, а наутро тебя не стало.

Я сжала его в объятиях, стараясь изгнать сожаление и отстранённость из его голоса. Может, он действительно видел такие сны, по крайней мере я точно, но в этот раз я и правда здесь. Не стала его убеждать, зная, что моё присутствие утром станет лучшим доказательством. Рука в моих волосах застыла. Кай уснул, как я и ожидала.

- Кассия.

Я подскочила от голоса Кая за спиной и обернулась, едва не уронив разрезанные пополам вишни.

Несмотря на осеннее затянутое облаками небо, свет мягко освещал кухню сквозь панорамное окно во всю стену. Кай всё в тех же чёрных домашних штанах стоял, сложив руки на голой груди и прислонившись бедром к высокому кухонному столу.

Я сделала шаг в сторону, прикрывая собой совсем не кулинарный шедевр.

- Ты встал, - обрадовалась я. - Ты проспал шестнадцать часов. Это доказывает, что давно хорошо не отдыхал.

Кай улыбнулся. Несмотря на растрёпанные после сна волосы, он выглядел отдохнувшим. Синяки под глазами пропали, взгляд прояснился, а лукавая улыбка стала живой.

- Я поговорила с Иво. Предложила выходной, но он заявил, что с сегодняшнего дня у тебя отпуск, а если попытаешься работать, он пригрозил, что уволится.

Кай недовольно поморщился, но улыбка с лица не сошла.

- Что там? - кивнул он на то, что я спрятала за спиной.

Я раскрыла рот, но так и замерла, не придумав ничего правдоподобного. Кай осмотрел моё ночное платье и голые ноги. Я тоже не переоделась. Только собрала волосы в пучок, чтобы не мешали. Под откровенным вниманием Кая сердце забилось чаще, в горле пересохло, и я торопливо облизала сухие губы.

- Готовлю, - выдала я, и Кай бросил понимающий взгляд на забитую грязной посудой раковину. - У тебя полный холодильник продуктов, но ничего готового. Ты спал, и я решила занять руки.

А ещё я нарезала нервные круги по квартире, не желая будить Кая раньше времени и абсолютно не зная, чем себя занять. Я отвернулась, возвращаясь к прерванному занятию. Кай подошёл сзади, его руки обвили мою талию, и он прижался грудью к моей спине. Я почувствовала его размеренное сердцебиение, а затем моё собственное ускорилось, когда он легко коснулся моего плеча губами.

- Что это? - насмешливо уточнил он.

- Торт со сливочным кремом и вишней.

- Он не рухнет?

- Я не сильна в кулинарии, поэтому будешь есть какой получится, - проворчала я, но губы растянулись в улыбке от приятных ощущений из-за его близости.

Торт действительно вышел кривоватый, но я устала пытаться его исправлять и продолжила украшать верхушку разрезанными вишнями. Одну половинку я не глядя отдала Каю, который наблюдал из-за моего плеча.

Он принял ягоду, облизав мои пальцы, и я с трудом подавила дрожь. Всё тело окатило жаром, а внизу живота сладко заньло. Я задохнулась, когда он теснее прижался бедрами, позволяя ощутить его желание.

- Что празднуем? - словно специально уточнил он, лаская губами мою шею.

Я выкладывала вишню на крем, сохраняя остатки силы воли.

- Твой отпуск, - с трудом ответила я. - Три дня. Иво сказал, что ты больше не выдержишь.

- В этот раз вряд ли, - севшим от возбуждения голосом прошептал он. - С тобой в одной квартире мне понадобится минимум неделя, а лучше месяц.

Проклятье. У меня затряслись руки, и Кай забрал последнюю половинку вишни и закинул себе в рот.

- Я вспомнила кое-что, - цепляясь за остатки самообладания, заговорила я. - Когда-то угадала, что ты любишь вишню, но ты не рассказал почему. Есть особенная причина?

Поглаживающие мою талию и бедро руки замерли. Кай призадумался и отступил. Перемена была неожиданной и заставила меня обернуться.

- Есть, - усмехнулся он. - Ты.

- Я?

- Ты буквально не оставила мне выбора.

Под моим изумлённым взглядом Кай взял торт и понёс его к холодильнику.

– Ты была маленькой и пыталась добиться от меня любви и внимания. Делала это разными способами, а однажды разозлилась и вырастила вишнёвое дерево, – поделился он, одновременно пытаясь найти место для десерта в холодильнике. – Веста тогда уже многому тебя научила, а Гипнос, похоже, именно после этого случая начал подозревать, что в тебе есть нечто от Фантаса, потому что ты создала не просто иллюзию, а настоящую фантазию. Но это был единственный случай в твоём детстве, поэтому твёрдо удостовериться в твоих способностях к фантазиям удалось лишь четыре года назад.

– И что было не так с этим деревом?

– Оно было живым и реагировало на меня, – недовольно буркнул Кай. – Оно выросло рядом и обвивало меня ветками. Однажды едва не переломало рёбра. Ты, будучи мелкой, заявила, что это дерево любит меня и отпустит, если я скажу, что люблю его в ответ.

– И ты сказал? – воодушевилась я, с трудом припоминая что-то в своём прошлом. Кажется, путешествуя по землям Фантаса, я видела, как, будучи маленькой, что-то закапывала. Тогда я подумала о семени.

Кай повернул в мою сторону недовольное лицо.

– Я его спалил. Сжёг в чёрном пламени, как только ты об этом заявила.

Я разинула рот, шокированная и почти обиженная таким поворотом.

– Но, – продолжил Кай раньше, чем я успела высказать своё недовольство, – оно вновь выросло на следующий день как ни в чём не бывало. Появилось рядом со мной и снова едва не придушило ветвями.

– И тогда ты сказал? – в нетерпении воскликнула я, но получила ещё один тяжёлый взгляд.

– Нет. Я его выкорчевал и опять сжёг.

Я неодобрительно сложила руки на груди, качнув головой.

– И какова мораль? Получается, ты ненавидишь вишню?

– Я рубил, вырывал с корнями и сжигал это дерево десятки раз, но оно снова и снова ловило меня на Переправе, вырастая буквально из ниоткуда, – принялся объяснять Кай, всё-таки запихав моё кулинарное чудовище и закрыв холодильник. – И однажды я сдался. Сказал, что люблю это треклятое вишнёвое дерево. Я сын бога сна и владею кошмарами. Всё произошло без свидетелей, но ты хоть догадываешься, насколько позорно было мне признаваться в любви... дереву?

Я сжала губы, проглатывая смехок. Кай определённо это заметил и одарил меня натянутой улыбкой.

– Стоило сказать, и дерево отпустило, а все его розовые цветы превратились в сочные ягоды. Ветки тянули их ко мне, предлагая целые килограммы сладких даров в благодарность. Увидев это в первый раз, я

рассмеялся. Мне стало легко. Я смог произнести, казалось бы, запретные после трагедии на Переправе слова. И мне стало ясно одно.

Кай подошёл ближе, подхватил меня за талию и усадил перед собой на высокий стол, вставая между моих разведённых колен.

- Я понял, что моя любовь к тебе, Кассия, неизбежна. Я не знал, когда и как, но уже тогда понял, что проиграю твоему упрямству. Просто не хотел признавать. Сперва меня победило твоё дерево, а потом ты выросла... и стала моей желанной фантазией. - Мёд в его словах, расслабленность и окружающая сына Гипноса власть окутала, заставив сердце радостно трепетать.

- Мне понадобилось множество ухищрений и более двадцати лет, чтобы тебя добиться, Камаэль. Подумать только, но ты оказался недотрогой, - с наигранной задумчивостью поддела я, но вся спесь сошла, стоило его горячей ладони скользнуть по бедру под ночное платье.

Дыхание сбилось, а Кай ответил на мою очевидную перемену соблазнительной улыбкой. Он придирчиво оглядел стол, на который меня усадил, и за бёдра подтянул к себе ближе.

- Ты говорила, что на этом столе мы ещё ничего не делали. Думаю, самое время это исправить.

Его улыбка стала дерзкой и пьянящей, когда я запустила пальцы ему в волосы и потянула к себе, поддерживая озвученную идею, но Кай не позволил себя поцеловать. Он удержал меня на расстоянии, вытащил одну руку из своих волос, переплёл наши пальцы и поцеловал тыльную сторону ладони.

Я наслаждалась, глядя на него, и жадно ждала продолжения.

- Но сперва у нас будет свидание, как и должно быть у всех нормальных пар. Иди к себе и переоденься. - Тон его голоса был пронизан весельем, пока на моём лице отразилось разочарование.

- Свидание? Переодеться?

Он наклонился, оставил короткий поцелуй на моих губах и отступил, чтобы я могла слезть со стола.

- Всё верно. Свидание, а после обещанный десерт с тобой на этом столе.

Послесловие и благодарности

Вот и добрались до конца истории, но прежде чем я перейду к благодарностям, хотела бы сразу рассказать приятные новости и кое-что пояснить.

Первое: про пасхалки. В этой части есть пасхалки к «Невесте Ноября», «Маре и Мороку» и к циклу «Потомки Первых». Именно персонажей или места из этих книг Кассия встречает, проходя земли Фантаса, наполненные фантазиями. И я знаю, что у кого-то из читателей останутся вопросы про возможность мультивселенной, но здесь ответ остаётся прежним. Нет, мультивселенную я делать не буду. Герои встретились на Переправе, которая состоит из снов и иллюзий, но в первой части я также рассказывала, что сознания особенно чутких людей во снах были способны попадать на Переправу.

Так что же произошло?

Были ли персонажи других историй лишь фантазиями в мире Кассии или же они оказались чуткими натурами и попали на Переправу, продолжая жить в своих мирах?

Ответ на этот вопрос я оставляю на ваше усмотрение:)

Точно поясню лишь фразу Даяна про то, что он почувствовал присутствие «кого-то знакомого», речь не о Кассии, а о вас. О каждом читателе, который в момент чтения истории проходил все испытания вместе с главной героиней, потому что наверняка многие уже прочитали цикл «Потомки Первых», и для Даяна каждый читатель знаком, потому что вы уже прошли испытания, выпавшие его семье.

Что же касается Ильи, маленького мальчика, который появился вместе с Агатой, то прочитавшие бонусные рассказы из коллекционного издания «Мары и Морока» понимают, кто он. И это пасхалка на будущую дилогию «Мораны и Тени». Большого рассказывать не буду, уже скоро вы всё узнаете.

Но создание мультивселенной, где персонажи разных историй встретятся лицом к лицу в реальности, будут попадать в миры друг друга и начнут что-то делать вместе... нет, этого я никогда не планировала и не буду.

Второе: мы завершили основную трилогию в цикле «Нити судьбы», но мир получился настолько обширным, что я не сумела его отпустить и написала четвёртую, бонусную, часть. События в ней начнут разворачиваться спустя неделю после воссоединения Кая и Кассии. Они по-прежнему будут много участвовать в сюжете четвёртой части, но главным героем всё-таки станет Иво. Главного женского персонажа я пока нигде не упоминала, с ней вам только предстоит познакомиться, но намёки на её семью и Дом уже были разбросаны во второй части «Во главе кошмаров».

Работа над этим циклом была очень длительной и изнуряющей из-за мироустройства и объёма информации, но «Нити судьбы» вышли именно такими, какими я хотела их видеть, и это потрясающе. Огромное спасибо всем, кто дочитал историю, кто полюбил героев и прошёл с ними нелёгкий путь. Надеюсь, трилогия подарила вам как можно больше положительных эмоций! И буду рада встрече со всеми вами в четвёртой части.

Спасибо семье, команде «Эксмо», друзьям и знакомым блогерам, которые поддерживали меня на каждом шагу. Вы самые лучшие! Люблю вас!

Справочник

Даория

Название мира: Даория.

Раса: даории (лучезарные).

Главный город: Эридан.

Боги-покровители: мойры.

Старшая сестра – Атропос. Неотвратимый конец. Перерезающая нити.

Средняя сестра – Лахесис. #Определяющая участь.

Младшая сестра – Клото. #Прядущая нить.

Главный орган власти: Совет пяти царей.

Влияют на материальное, а именно на пять элементов: металлы, огонь, земля, вода, воздух.

ИЕРАРХИЧЕСКАЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ КЛАНОВ

1. Клан Металлов. Во главе царь Мелай.

Герб: символ орихалка.

Фамильный цвет: белый с серебряным.

2. Клан Земли. Во главе царь Илиос.

Герб: символ земли.

Фамильный цвет: белый с зелёным.

3. Клан Воды. Во главе царь Хел.

Герб: символ воды.

Фамильный цвет: белый с лазурным.

4. Клан Воздуха. Во главе царь Пелий.

Герб: символ воздуха.

Фамильный цвет: белый с голубым.

5. Клан Огня. Во главе царь Баал.

Герб: символ огня.

Фамильный цвет: белый с красным.

Палагеда

Название мира: Палагеда.

Раса: палагейцы (тневые).

Главный город: Пелес.

Боги-покровители: Танатос, Гипнос, Морос.

Старший брат – Танатос. Мирная смерть.

Средний брат и близнец Танатоса – Гипнос. #Безмолвный сон.

Младший брат – Морос. Подводящий к гибели.

Главный орган власти: Совет архонтов.

Влияют на нематериальное, #на эмоции.

ИЕРАРХИЧЕСКАЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ДОМОВ

1. Дом Раздора. Сила от Эриды – богини раздора.

Нынешний архонт – Майрон.

Фамильный цвет: жёлтый.

Символика: яблоко раздора.

2. Дом Кошмаров. Сила от Гипноса – бога сна.

Нынешний архонт – Неолай.

Фамильный цвет: красный.

Символика: гипнотический круг.

3. Дом Чревоугодия. Сила от Мома – бога насмешки.

Нынешний архонт – Тобиас.

Фамильный цвет: зелёный.

Символика: руна с двойным значением # (лживость/чрезмерность).

4. Дом Соблазна. Сила от Эрота – бога любви и желания.

Нынешний архонт – Аспид.

Фамильный цвет: бежевый.

Символика: горящее пламя.

5. Дом Гнева. Сила от Лиссы – богини безумия, гнева.

Нынешний архонт – Ареста.

Фамильный цвет: оранжевый.

Символика: молнии.

6. Дом Гордыни. Сила от Гибрис – богини гордыни.

Нынешний архонт – Меган.

Фамильный цвет: бордовый

Символика: три меча лезвием вниз.

7. Дом Зависти. Сила от Ойзис – богини страданий, беспокойства. Нынешний архонт – Ойзис.

Фамильный цвет: пурпурный.

Символика: чёрная змея с серебряными глазами

